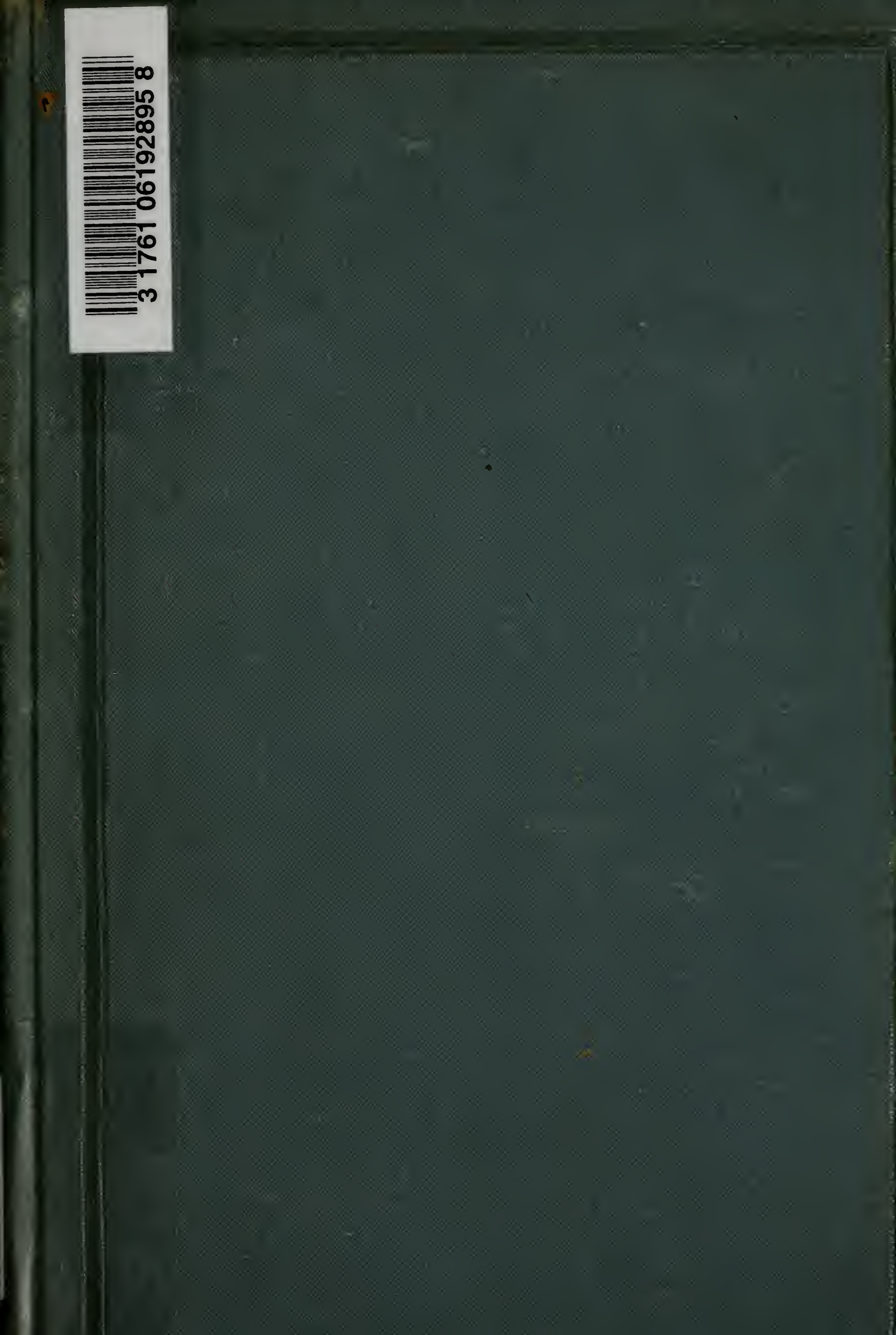

СОЧИНЕНІЯ
Н. В. ГОГОЛЯ.

ТОМЪ V.

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ

Н. С. Тихонравова.

Съ біографіею Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками Гоголя.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА

изъ

ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я былъ тяжело боленъ; смерть уже была близко. Собравши остатокъ силъ своихъ и воспользовавшись первою минутой полной трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на друзей моихъ издать, послѣ моей смерти, нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя симъ искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія отвела отъ меня руку смерти. Я почти выздоровѣлъ; мнѣ стало легче. Но чувствую, однако, слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ и, приготовляясь къ отдаленному путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разставаньи что-нибудь отъ себя моимъ соотечественникамъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что̀ болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранивши все, что̀ можетъ получить смыслъ только послѣ моей смерти, съ исключеніемъ всего, что̀ могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ-три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю самое завѣщаніе, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, если бы она застигла меня на пути моемъ, возымѣло оно тотчасъ свою законную силу, какъ засвидѣтельствованное всѣми моими читателями.

Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна и что она можетъ быть полезна. Я думаю такъ не потому, чтобы имѣлъ высокое о себѣ понятіе и надѣялся на умѣнье свое быть полезнымъ, но потому, что никогда еще доселѣ не питалъ такого сильнаго желанія быть полезнымъ. Отъ насъ уже довольно бываетъ протянуть руку съ тѣмъ, чтобы помочь; помогаемъ же не мы, помогаетъ Богъ, ниспосылая силу слову безсильному. Итакъ, сколь бы ни была моя книга незначительна и ничтожна, но я позволяю себѣ издать ее въ свѣтъ и прошу моихъ соотечественниковъ прочитать ее нѣсколько разъ; въ то же время прошу тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ достатокъ, купить нѣсколько ея экземпляровъ и раздать тѣмъ, которые сами купить не могутъ, увѣдомляя ихъ при этомъ случаѣ, что всѣ деньги, какія перевысятъ издержки на предстоящее мнѣ путешествіе, будутъ обращены, съ одной стороны, въ подкрѣпленіе тѣмъ, которые, подобно мнѣ, почувствуютъ потребность внутреннюю отправиться къ наступающему Великому посту во Святую Землю и не будутъ имѣть возможности совершить это одними собственными средствами; съ другой стороны — въ пособіе тѣмъ, которыхъ я встрѣчу на пути уже туда идущихъ и которые всѣ помолятся у Гроба Господня за моихъ читателей, своихъ благотворителей.

Путешествіе мое хотѣлъ бы я совершить, какъ добрый христіанинъ, и потому испрашиваю здѣсь прощенія у всѣхъ моихъ соотечественниковъ во всемъ, чѣмъ ни случилось мнѣ оскорбить ихъ. Знаю, что моими необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ, а другихъ даже вооружилъ противъ себя, вообще же во многихъ произвелъ неудовольствіе. Въ оправданіе могу сказать только то, что намѣреніе мое было доброе и что я никого не хотѣлъ ни огорчать, ни вооружать противъ себя; но одно мое собственное неразуміе, одна моя поспѣшность и торопливость были причиной тому, что сочиненія мои предстали въ такомъ несовершенномъ видѣ и почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла; за все же,

что ни встрѣчается въ нихъ умышленно-оскорбляющаго, прошу простить меня съ тѣмъ великодушіемъ, съ какимъ только одна русская душа прощать способна. Прошу прощенья также у всѣхъ тѣхъ, съ которыми надолго или на короткое время случилось мнѣ встрѣтиться на дорогѣ жизни. Знаю, что мнѣ случилось многимъ наносить непріятности, инымъ, быть-можетъ, и умышленно. Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди и считаютъ себя въ правѣ глядѣть спѣсиво на другихъ. Какъ бы то ни было, но я прошу прощенія во всѣхъ личныхъ оскорбленіяхъ, которыя мнѣ случилось нанести кому-либо, начиная отъ временъ моего дѣтства до настоящей минуты. Прошу также прощенія у моихъ собратьевъ-литераторовъ за всякое съ моей стороны пренебреженіе или неуваженіе къ нимъ, оказанное умышленно или неумышленно; кому же изъ нихъ почему-либо трудно простить меня, тому напомню, что онъ христіанинъ. Какъ говѣющій передъ исповѣдью, которую готовится отдать Богу, проситъ прощенія у своего брата, такъ я прошу у него прощенія; и такъ, какъ никто въ такую минуту не посмѣетъ не простить своего брата, такъ и онъ не долженъ посмѣть не простить меня. Наконецъ, прошу прощенія у моихъ читателей, если и въ этой самой книгѣ встрѣтится что-нибудь непріятное и кого-нибудь изъ нихъ оскорбляющее. Прошу ихъ не питать противъ меня гнѣва сокровеннаго, но вмѣсто того выставить благородно всѣ недостатки, какіе могутъ быть найдены ими въ этой книгѣ,—какъ не-

достатки писателя, такъ и недостатки человѣка: мое неразуміе, недомысліе, самонадѣянность, пустую увѣренность въ себѣ, словомъ—все, что̀ бываетъ у всѣхъ людей, хотя они того и не видятъ, и что̀, вѣроятно, еще въ бо̀льшей мѣрѣ находится во мнѣ.

Въ заключеніе прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ святителей, которыхъ уже вся жизнь есть одна молитва. Прошу молитвы, какъ у тѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ въ силу молитвъ своихъ, такъ и у тѣхъ, которые не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною; но какъ бы ни была безсильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самой безсильною и черствою ихъ молитвой. Я же у Гроба Господня буду молиться о всѣхъ моихъ соотечественникахъ, не исключая изъ нихъ ни единаго; моя молитва будетъ такъ же безсильна и черства, если святая небесная милость не превратитъ ее въ то, чѣмъ должна быть наша молитва.

1846, іюль.

I.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Находясь въ полномъ присутствіи памяти и здраваго разсудка, излагаю здѣсь мою послѣднюю волю.

I. Завѣщаю тѣла моего не погребать по тѣхъ поръ, пока не покажутся явные признаки разложенія. Упоминаю объ этомъ потому, что уже во время самой болѣзни находили на меня минуты жизненнаго онѣмѣнія, сердце и пульсъ переставали биться... Будучи въ жизни своей свидѣтелемъ многихъ печальныхъ событій отъ нашей неразумной торопливости во всѣхъ дѣлахъ, даже и въ такомъ, какъ погребеніе, я возвѣщаю это здѣсь въ самомъ началѣ моего завѣщанія, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, посмертный голосъ мой напомнитъ вообще объ осмотрительности. Предать же тѣло мое землѣ, не разбирая мѣста, гдѣ лежать ему; ни-

чего не связывать съ оставшимся прахомъ. Стыдно тому, кто привлечется какимъ-нибудь вниманіемъ къ гніющей персти, которая уже не моя: онъ поклонится червямъ, ее грызущимъ. Прошу лучше помолиться покрѣпче о душѣ моей, а вмѣсто всякихъ погребальныхъ почестей, угостить отъ меня простымъ обѣдомъ нѣсколькихъ не имущихъ насущнаго хлѣба.

II. Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ. Кому же изъ близкихъ моихъ я былъ дѣйствительно дорогъ, тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе: воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ своею неколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреньемъ и освѣженьемъ всѣхъ вокругъ себя. Кто послѣ моей смерти выростетъ выше духомъ, нежели какъ былъ при жизни моей, тотъ покажетъ, что онъ, точно, любилъ меня и былъ мнѣ другомъ, и симъ только воздвигнетъ мнѣ памятникъ; потому что и я, какъ ни былъ самъ по себѣ слабъ и ничтоженъ, всегда ободрялъ друзей моихъ, и никто изъ тѣхъ, кто сходился поближе со мною въ послѣднее время,— никто изъ нихъ, въ минуту своей тоски и печали, не видалъ на мнѣ унылаго вида, хотя и тяжки бывали мои собственныя минуты, и тосковалъ я не меньше другихъ: пускай же объ этомъ вспомнитъ всякъ изъ нихъ послѣ моей смерти, сообразя всѣ слова, мной ему сказанныя, и перечтя всѣ письма, къ нему писанныя за годъ передъ симъ.

III. Завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возьметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или всеобщею утратой. Если бы даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго и началъ бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго не на удовольствіе нѣкоторымъ, но надобнаго всѣмъ,—то и тогда не слѣдуетъ предаваться безплодному сокрушенію. Если бы даже вмѣсто меня умеръ въ Россіи мужъ, дѣйствительно ей нужный въ теперешнихъ

ея обстоятельствахъ, то и отъ того не слѣдуетъ приходить въ уныніе никому изъ живущихъ, хотя и справедливо то, что если рановременно похищаются люди всѣмъ нужные, то это знакъ гнѣва небеснаго, отъемлющаго симъ орудія и средства, которыя помогли бы инымъ подвигнуться ближе къ цѣли, насъ зовущей. Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ предъ глазами!

IV. Завѣщаю всѣмъ моимъ соотечественникамъ (основываясь единственно на томъ, что всякій писатель долженъ оставить послѣ себя какую-нибудь благую мысль въ наслѣдство читателямъ), завѣщаю имъ лучшее изъ всего, что̀ произвело перо мое,—завѣщаю имъ мое сочиненіе, подъ названіемъ: *Прощальная повѣсть*. Оно, какъ увидятъ, относится къ нимъ. Его носилъ я долго въ своемъ сердцѣ, какъ лучшее свое сокровище, какъ знакъ небесной милости ко мнѣ Бога. Оно было источникомъ слезъ, никому не зримыхъ, еще отъ временъ дѣтства моего. Его оставляю имъ въ наслѣдство. Но умоляю, да не оскорбится никто изъ моихъ соотечественниковъ, если услышитъ въ немъ что-нибудь похожее на поученіе. Я писатель, а долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ. Да вспомнятъ также мои соотечественники, что, и не бывши писателемъ, всякій отходящій отъ міра братъ нашъ имѣетъ право оставить намъ что-нибудь въ видѣ братскаго поученія, и въ этомъ случаѣ нечего глядѣть ни на малость его званія, ни на безсиліе, ни на самое неразуміе его: нужно помнить только то, что человѣкъ, лежащій на смертномъ одрѣ, можетъ иное видѣть лучше тѣхъ, которые кружатся среди міра. Несмотря, однако, на всѣ таковыя права мои, я бы все не дерзнулъ загово-

рить о томъ, о чемъ вы услышите въ *Прощальной повѣсти*; но не мнѣ, худшему всѣхъ душою, страждущему тяжкими болѣзнями собственнаго несовершенства, произносить такія рѣчи. Но меня побуждаетъ къ тому другая, важнѣйшая причина. Соотечественники! страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не прозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся... Можетъ-быть, *Прощальная повѣсть* моя подѣйствуетъ сколько-нибудь на тѣхъ, которые до сихъ поръ еще считаютъ жизнь игрушкою, и сердце ихъ услышитъ хотя отчасти строгую тайну ея и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны. Соотечественники!—не знаю и не умѣю, какъ васъ назвать въ эту минуту,—прочь пустое приличіе! Соотечественники, я васъ любилъ,—любилъ тою любовью, которую не высказываютъ, которую мнѣ далъ Богъ, за которую благодарю Его, какъ за лучшее благодѣяніе, потому что любовь эта была мнѣ въ радость и утѣшеніе среди наитягчайшихъ моихъ страданій. Во имя этой любви прошу васъ выслушать сердцемъ мою *Прощальную повѣсть*. Клянусь, я не сочинялъ и не выдумывалъ ея: она выпѣлась сама собою изъ души, которую воспиталъ Самъ Богъ испытаніями и горемъ, а звуки ея взялись изъ сокровенныхъ силъ нашей русской породы, намъ общей, по которой я близкій родственникъ вамъ всѣмъ *).

V. Завѣщаю по смерти моей не спѣшить ни хвалой, ни осужденіемъ моихъ произведеній въ публичныхъ листахъ и журналахъ: все будетъ такъ же пристрастно, какъ и при жизни. Въ сочиненіяхъ моихъ гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу. Все

*) *Прощальная повѣсть* не можетъ явиться въ свѣтъ: что можетъ имѣть значеніе по смерти, то не имѣетъ смысла при жизни.

нападенія на нихъ были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы. Передо мною никто не виноватъ; неблагороденъ и несправедливъ будетъ тотъ, кто попрекнетъ мною кого-либо въ какомъ бы то ни было отношеніи. Объявляю также во всеуслышаніе, что, кромѣ доселѣ напечатаннаго, ничего не существуетъ изъ моихъ произведеній: все, что было въ рукописяхъ, мною сожжено, какъ безсильное и мертвое, писанное въ болѣзненномъ и принужденномъ состояніи. А потому, если бы кто-нибудь сталъ выдавать что-либо подъ моимъ именемъ, прошу считать это презрѣннымъ подлогомъ. Но возлагаю вмѣсто того обязанность на друзей моихъ собрать всѣ мои письма, писанныя къ кому-либо, начиная съ конца 1844 года, и,—сдѣлавши изъ нихъ строгій выборъ только того, что можетъ доставить какую-нибудь пользу душѣ, а все прочее, служащее для пустого развлеченія, отвергнувши,—издать отдѣльною книгою. Въ этихъ письмахъ было кое-что послужившее въ пользу тѣмъ, къ которымъ онѣ были писаны. Богъ милостивъ; можетъ-быть, послужатъ они въ пользу и другимъ, и снимется чрезъ то съ души моей хотя часть суровой отвѣтственности за безполезность прежде написаннаго.

VI. [По кончинѣ моей, никто изъ моихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но—всѣмъ тоскующимъ, страдающимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь жизненное горе. Чтобы домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостиницу и страннопріимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика; чтобы всякій, кто ни пріѣхалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и близкій сердцу человѣкъ; чтобы радушно и родственно разспросили они его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь, или же, по крайней мѣрѣ, дабы умѣть ободрить и освѣжить его, чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія, привыкнулъ къ нищенской жизни и ему неловко, почему-либо, помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину

по деревнѣ, который былъ бы, притомъ, жизни примѣрной и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ; чтобы онъ разспросилъ своего гостя такъ же радушно обо всѣхъ обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ напутствіемъ, донеся потомъ обо всемъ владѣльцамъ, дабы и они могли, съ своей стороны, прибавить къ тому свой совѣтъ или вспомоществованіе, какъ и что̀ найдутъ приличнымъ, чтобъ такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ].

VII. Завѣщаю... но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, если бы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его. Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего, — труда убійственнаго, пожирающаго и годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не мо-

жетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хотя бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что̀ ни пользуется извѣстностью, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ же, по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: *Гравировалъ Іордановъ.* Симъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣе, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ, вмѣсто портрета моего, покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей должно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ и тѣмъ бы не нанесъ упрека на свою душу.

1845.

II.

ЖЕНЩИНА ВЪ СВѢТѢ.

ПИСЬМО КЪ ....ОЙ.

Вы думаете, что никакого вліянія на общество имѣть не можете; я думаю напротивъ. Вліяніе женщины можетъ быть очень велико, именно теперь, въ нынѣшнемъ порядкѣ

или безпорядкѣ общества, въ которомъ съ одной стороны представляется утомленная образованность гражданская, а съ другой какое-то охлажденіе душевное, какая-то нравственная усталость, требующая оживотворенія. Чтобы произвести это оживотвореніе, необходимо содѣйствіе женщины. Эта истина въ видѣ какого-то темнаго предчувствія пронеслась вдругъ по всѣмъ угламъ міра, и все чего-то теперь ждетъ отъ женщины. Оставивши все прочее въ сторону, посмотримъ на нашу Россію, и въ особенности на то, что̀ у насъ такъ часто передъ глазами—на множество всякаго рода злоупотребленій. Окажется, что бо̀льшая часть взятокъ, [несправедливостей по службѣ] и тому подобнаго, въ чемъ обвиняютъ нашихъ чиновниковъ и нечиновниковъ всѣхъ классовъ, произошла или отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ большомъ и маломъ и требуютъ на то денегъ отъ мужей, или же отъ пустоты ихъ домашней жизни, преданной какимъ-то идеальнымъ мечтамъ, а не существу ихъ обязанностей, которыя въ нѣсколько разъ прекраснѣе и возвышеннѣе всякихъ мечтаній. Мужья не позволили бы себѣ и десятой доли произведенныхъ ими безпорядковъ, если бы ихъ жены хотя сколько-нибудь исполнили свой долгъ. Душа жены—хранительный талисманъ для мужа, оберегающій его отъ нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дорогѣ, и проводникъ, возвращающій его съ кривой на прямую; и наоборотъ, душа жены можетъ быть его зломъ и погубить его навѣки. Вы сами это почувствовали и выразились объ этомъ такъ хорошо, какъ до сихъ поръ еще никогда не выражались никакія женскія строки. Но вы говорите, что всѣмъ другимъ женщинамъ предстоятъ поприща, а вамъ нѣтъ. Вы имъ видите работу повсюду: или исправлять и поправлять уже испорченное, или заводить вновь что-нибудь нужное, словомъ—всячески помогать, а себѣ одной только не видите ничего и грустно повторяете: «Зачѣмъ я не на ихъ мѣстѣ!» Знайте, что это общее ослѣпленіе. Всякому теперь кажется, что онъ могъ бы надѣлать много добра на мѣстѣ и въ долж-

ности другого, и только не можетъ сдѣлать его въ своей должности. Это причина всѣхъ золъ. Нужно подумать теперь о томъ всѣмъ намъ, какъ на своемъ собственномъ мѣстѣ сдѣлать добро. Повѣрьте, что Богъ не даромъ повелѣлъ каждому быть на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь стоитъ. Нужно только хорошо осмотрѣться вокругъ себя. Вы говорите: зачѣмъ вы не мать семейства, чтобы исполнять обязанности матери, которыя вамъ представляются теперь такъ ясно; зачѣмъ не разстроено ваше имѣніе, чтобы заставить васъ ѣхать въ деревню, быть помѣщицей и заняться хозяйствомъ; зачѣмъ вашъ мужъ не занятъ какою-нибудь общеполезною трудною должностью, чтобы вамъ хоть здѣсь ему помогать и быть силою, его освѣжающею, и зачѣмъ, вмѣсто всего этого, предстоятъ вамъ одни пустые выѣзды въ свѣтъ и пустое, выдохшееся свѣтское общество, которое теперь вамъ кажется безлюднѣе самого безлюдья! Но тѣмъ не менѣе свѣтъ все же населенъ; въ немъ люди, и притомъ такіе же, какъ и вездѣ. Они и болѣютъ, и страждутъ, и нуждаются, и безъ словъ вопіютъ о помощи, — и, увы! даже не знаютъ, какъ попросить о ней. Какому же нищему слѣдуетъ прежде помогать: тому ли, кто еще можетъ выходить на улицу и просить, или тому, который не въ силахъ уже и руки протянуть? Вы говорите, что даже не знаете и не можете придумать, чѣмъ вы можете быть кому-нибудь полезны въ свѣтѣ; что для этого нужно имѣть столько всякаго рода орудій, нужно быть такою и умной, и всезнающей женщиной, что у васъ уже кружится голова при одномъ помышленіи обо всемъ этомъ. А если для этого нужно быть только тѣмъ, что̀ вы уже есть? А если у васъ уже есть именно такія орудія, которыя теперь нужны? Все, что̀ вы ни говорите о самой себѣ, совершенная правда: вы, точно, слишкомъ молоды, не пріобрѣли ни познанія людей, ни познанія жизни, словомъ — ничего того, что̀ необходимо, дабы оказывать помощь душевную другимъ; можетъ-быть даже, вы и никогда этого не пріобрѣтете; но у васъ есть другія орудія, съ ко-

торыми вамъ все возможно. Во-первыхъ, вы имѣете уже красоту, во-вторыхъ — неопозоренное, неоклеветанное имя, въ-третьихъ — власть, которой сами въ себѣ не подозрѣваете, — власть чистоты душевной. Красота женщины еще тайна. Богъ не даромъ повелѣлъ инымъ изъ женщинъ быть красавицами; не даромъ опредѣлено, чтобы всѣхъ равно поражала красота, — даже и такихъ, которые ко всему безчувственны и ни къ чему неспособны. Если уже одинъ безсмысленный капризъ красавицы бывалъ причиною переворотовъ всемірныхъ и заставлялъ дѣлать глупости наиумнѣйшихъ людей, что́ же было бы тогда, если бы этотъ капризъ былъ осмысленъ и направленъ къ добру? Сколько бы добра тогда могла произвести красавица сравнительно съ другими женщинами! Стало-быть, это орудіе сильное. Но вы имѣете еще высшую красоту—чистую прелесть какой-то особенной, одной вамъ свойственной невинности, которую я не умѣю опредѣлить словомъ, но въ которой такъ и свѣтится всѣмъ ваша голубиная душа. Знаете ли, что мнѣ признавались наиразвратнѣйшіе изъ нашей молодежи, что передъ вами ничто дурное не приходило имъ въ голову, что они не отваживаются сказать въ вашемъ присутствіи не только двусмысленнаго слова, которымъ потчиваютъ другихъ избранницъ, но даже просто никакого слова, чувствуя, что все будетъ передъ вами какъ-то грубо и отзовется чѣмъ-то ухарскимъ и неприличнымъ? Вотъ уже одно вліяніе, которое совершается безъ вашего вѣдома отъ одного вашего присутствія! Кто не смѣетъ себѣ позволить при васъ дурной мысли, тотъ уже ея стыдится; а такое обращеніе на самого себя, хотя бы даже и мгновенное, есть уже первый шагъ человѣка къ тому, чтобы быть лучше. Стало-быть, это орудіе также сильное. Въ прибавленіе ко всему, вы имѣете уже Самимъ Богомъ водворенное вамъ въ душу стремленіе, или, какъ называете вы, жажду добра. Неужели вы думаете, что даромъ внушена вамъ эта жажда, отъ которой вы не спокойны ни на минуту? Едва вышли вы замужъ за человѣка благороднаго, умнаго, имѣющаго всѣ качества, чтобы сдѣлать счастливою

жену свою, какъ уже, намѣсто того, чтобы сокрыться въ глубину вашего домашняго счастія, мучитесь мыслію, что вы недостойны такого счастія, что не имѣете права имъ пользоваться въ то время, когда вокругъ васъ такъ много страданій, когда ежеминутно раздаются вѣсти о бѣдствіяхъ всякаго рода: о голодѣ, пожарахъ, тяжелыхъ горестяхъ душевныхъ и страшныхъ болѣзняхъ ума, которыми заражено текущее поколѣніе. Повѣрьте, это не даромъ. Кто заключилъ въ душѣ своей такое небесное безпокойство о людяхъ, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много, много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди. Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть; не спорьте съ Провидѣніемъ. Въ васъ живетъ та невѣдомая сила, которая нужна теперь для свѣта: самый вашъ голосъ, отъ постояннаго устремленія вашей мысли летѣть на помощь человѣку, пріобрѣлъ уже какіе-то родные звуки всѣмъ, такъ что, если вы заговорите въ сопровожденіи чистаго взора вашего и этой улыбки, никогда не оставляющей устъ вашихъ, которая однимъ только вамъ свойственна, то каждому кажется, будто бы заговорила съ нимъ какая-то небесная родная сестра. Вашъ голосъ сталъ всемогущъ; вы можете повелѣвать и быть такимъ деспотомъ, какъ никто изъ насъ. Повелѣвайте же безъ словъ, однимъ присутствіемъ вашимъ; повелѣвайте самымъ безсиліемъ своимъ, на которое вы такъ негодуете; повелѣвайте именно тою женскою прелестью вашей, которую, увы! уже утратила женщина нынѣшняго свѣта. Съ вашей робкой неопытностію, вы теперь въ нѣсколько разъ больше сдѣлаете, нежели женщина умная и все испытавшая съ своей гордой самонадѣянностію: ея наиумнѣйшія убѣжденія, съ которыми она бы захотѣла обратить на путь нынѣшній свѣтъ, въ видѣ злыхъ эпиграммъ посыплются обратно на ея же голову; но ни у кого не посмѣетъ пошевелиться на губахъ эпиграмма, когда однимъ умоляющимъ взоромъ, безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы онъ сдѣлался лучшимъ. Отчего вы

такъ испугались разсказовъ о свѣтскомъ развратѣ? Онъ, точно, есть, и еще даже въ бо́льшей мѣрѣ, нежели вы думаете; но вамъ и знать объ этомъ не должно. Вамъ ли бояться жалкихъ соблазновъ свѣта? Влетайте въ него смѣло, съ тою же сіяющею вашей улыбкою; входите въ него, какъ въ больницу, наполненную страждущими, но не въ качествѣ доктора, приносящаго строгія предписанія и горькія лѣкарства: вамъ не слѣдуетъ и разсматривать, какими болѣзнями кто боленъ. У васъ нѣтъ способности распознавать и исцѣлять болѣзни, и я вамъ не дамъ такого совѣта, какой бы мнѣ слѣдовало дать всякой другой женщинѣ, къ тому способной. Ваше дѣло только приносить страждущему вашу улыбку, да тотъ голосъ, въ которомъ слышится человѣку прилетѣвшая съ небесъ его сестра,—ничего больше. Не останавливайтесь долго надъ одними и спѣшите къ другимъ, потому что вы повсюду нужны. Увы! на всѣхъ углахъ міра ждутъ и не дождутся ничего другого, какъ только тѣхъ родныхъ звуковъ, того самаго голоса, который у васъ уже есть. Не болтайте со свѣтомъ о томъ, о чемъ онъ болтаетъ; заставьте его говорить о томъ, о чемъ вы говорите. Храни васъ Богъ отъ всякаго педантства и отъ всѣхъ тѣхъ разговоровъ, которые исходятъ изъ устъ какой-нибудь нынѣшней львицы. Вносите въ свѣтъ тѣ же самые простодушные ваши разсказы, которые такъ говорливо у васъ изливаются, когда вы бываете въ кругу домашнихъ и близкихъ вамъ людей, когда такъ и сіяетъ всякое простое слово вашей рѣчи, а душѣ всякаго, кто васъ ни слушаетъ, кажется, какъ будто бы она лепечетъ съ ангелами о какомъ-то небесномъ младенчествѣ человѣка. Эти-то именно рѣчи вносите и въ свѣтъ.

1846.

III.

ЗНАЧЕНІЕ БОЛѢЗНЕЙ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

....Силы мои слабѣютъ ежеминутно, но не духъ. Никогда еще тѣлесные недуги не были такъ изнурительны. Часто бываетъ такъ тяжело, такъ тяжело, такая страшная усталость чувствуется во всемъ составѣ тѣла, что радъ бываешь, какъ Богъ знаетъ чему, когда, наконецъ, оканчивается день и доберешься до постели. Часто, въ душевномъ безсиліи, восклицаешь: «Боже! гдѣ же наконецъ берегъ всего?» Но потомъ, когда оглянешься на самого себя и посмотришь глубже себѣ внутрь — ничего уже не издастъ душа, кромѣ однѣхъ слезъ и благодаренія. О, какъ нужны намъ недуги! Изъ множества пользъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: нынѣ каковъ я ни есть, но я все же сталъ лучше, нежели былъ прежде; не будь этихъ недуговъ, я бы задумалъ, что сталъ уже такимъ, какимъ слѣдуетъ мнѣ быть. Не говорю уже о томъ, что самое здоровье, которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими, заставило бы меня надѣлать уже тысячу глупостей. Притомъ нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя дастъ мнѣ милость небесная и среди самыхъ страданій, иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, и я вижу самъ, что теперь все, что̀ ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительнѣе прежняго. Не будь тяжкихъ болѣзненныхъ страданій, куда-бъ я теперь не занесся! какимъ бы значительнымъ человѣкомъ вообразилъ себя! Но, слыша ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, что недугъ можетъ остановить вдругъ тотъ трудъ мой, на которомъ основана вся моя значительность, и та польза, которую такъ желаетъ принесть душа моя, останется въ одномъ безсильномъ желаніи, а не

въ исполненіи, и не дамъ я никакихъ процентовъ на данные мнѣ Богомъ таланты, и буду осужденъ, какъ послѣдній изъ преступниковъ,—слыша все это, смиряюсь я всякую минуту и не нахожу словъ, какъ благодарить небеснаго Промыслителя за мою болѣзнь. Принимайте же и вы покорно всякій недугъ, вѣря впередъ, что онъ нуженъ. Молитесь Богу только о томъ, чтобы открылось передъ вами его чудное значеніе и вся глубина его высокаго смысла.

1846.

IV.

О ТОМЪ, ЧТО ТАКОЕ СЛОВО.

Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ—

сказалъ такъ: «Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла». Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что взялъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, словомъ — мало ли на что можно сослаться! У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку: близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго

положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. «Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ, выгоднѣйшимъ должностямъ и сдѣлалъ это не вслѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что̀ нужно для мужа?» Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ по крайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно, какъ бы онъ силился здѣсь намалевать карикатуру на самого себя: все, что̀ въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что̀ хуже всего—здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которые имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ и которые тутъ про́сто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произноситъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ! Сколько усомнилось въ искренности его чувствъ потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно! Какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ! И все потому, что не сожжено то, что̀ должно быть предано огню. Пріятель нашъ П*** имѣетъ обыкновеніе, отрывши, какія ни попало, строки извѣстнаго

писателя, тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это, или къ безчестію его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ: «Надѣемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоцѣнныхъ строкъ; въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства», и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ; но потомство плюнетъ на эти драгоцѣнныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что̀ уже извѣстно, и если не дышитъ отъ нихъ святыня того, что̀ должно быть свято. Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними: иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже, просто, неприготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады, или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ — въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ; и тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло. Тотъ же нашъ пріятель П*** тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ съ своими читателями, сообщать имъ все́, чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ, словомъ—выказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествѣ. И что̀-жъ? Замѣтили ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? приняли ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ, они замѣтили въ немъ одно только неряшество и неопрятность, которыя прежде всего замѣчаетъ человѣкъ,

и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ, какъ муравей, этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣе въ руки всѣмъ все, что ни находилось, на пользу просвѣщенія и образованія русскаго, — и ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо; ни одного признательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ или прекраснымъ стремленіемъ къ добру, которое бы внушило его слово. Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самыхъ намѣреній и за искренность словъ его предъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было трудно даже убѣдить кого-либо, потому что онъ сумѣлъ такъ замаскировать себя предъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. [Заговоритъ ли онъ о патріотизмѣ, онъ заговоритъ о немъ такъ, что патріотизмъ его кажется подкупной; о любви къ царю, которую питаетъ онъ искренно и свято въ душѣ своей, изъяснится онъ такъ, что это походитъ на одно раболѣпство и какое-то корыстное угожденіе. Его искренній, непритворный гнѣвъ противу всякаго направленія, вреднаго Россіи, выразится у него такъ, какъ бы онъ подавалъ доносъ на какихъ-то нѣкоторыхъ, ему одному извѣстныхъ людей. Словомъ, на всякомъ шагу онъ самъ свой клеветникъ]. Опасно шутить писателю со словомъ. «Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!» Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъ изъятія, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнено къ тѣмъ, у которыхъ поприще—слово, и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ. Бѣда, если о предметахъ святыхъ и возвышенныхъ станетъ раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилыхъ предметахъ. Всѣ великіе воспитатели людей налагали долгое молчаніе именно на тѣхъ, которые владѣли даромъ слова, именно въ тѣ поры и въ то время, когда больше всего хотѣлось имъ пощеголять словомъ и рвалась

душа сказать даже много полезнаго людямъ: они слышали, какъ можно опозорить то. что̀ стремишься возвысить, и какъ на всякомъ шагу языкъ нашъ есть нашъ предатель. «Наложи дверь и замки на уста твои», говоритъ Іисусъ Сирахъ: «растопи золото и серебро, какое имѣешь, дабы сдѣлать изъ нихъ вѣсы, которые взвѣшивали бы твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста».

1844.

V.

ЧТЕНІЯ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ ПЕРЕДЪ ПУБЛИКОЮ.

ПИСЬМО КЪ Л**.

Я радъ, что наконецъ начались у насъ публичныя чтенія произведеній нашихъ писателей. Мнѣ уже писали объ этомъ кое-что изъ Москвы: тамъ читали разныя литературныя современности, а въ томъ числѣ и мои повѣсти. Я думалъ всегда, что публичное чтеніе у насъ необходимо. Мы какъ-то охотнѣе готовы дѣйствовать сообща, даже и читать; поодиночкѣ изъ насъ всякъ лѣнивъ и, пока видитъ, что другіе не тронулись, самъ не тронется. Искусные чтецы должны создаться у насъ: среди насъ мало рѣчистыхъ говоруновъ, способныхъ щеголять въ палатахъ и парламентахъ, но много есть людей, способныхъ всякому *сочувствовать*. Передать, подѣлиться ощущеніемъ у многихъ обращается даже въ страсть, которая становится еще сильнѣе по мѣрѣ того, какъ живѣе начинаютъ замѣчать они, что не умѣютъ изъясниться словомъ (признакъ природы эстетической). Къ образованію чтецовъ способствуетъ также и языкъ нашъ, который какъ бы созданъ для искуснаго чтенія, заключая въ себѣ всѣ оттѣнки звуковъ и самые смѣлые переходы отъ возвышеннаго до простого въ одной и той же рѣчи. Я даже думаю, что публичныя чтенія со временемъ замѣнятъ у насъ спектакли. Но я бы желалъ,

чтобы въ нынѣшнія наши чтенія избиралось что-нибудь истинно стоящее публичнаго чтенія, чтобы и самому чтецу не жаль было потрудиться надъ нимъ предварительно. Въ нашей современной литературѣ нѣтъ ничего такого, да и нѣтъ надобности читать современное: публика его прочтетъ и безъ того, благодаря страсти въ новизнѣ. Всѣ эти новыя повѣсти (въ томъ числѣ и мои) не такъ важны, чтобы сдѣлать изъ нихъ публичное чтеніе. Намъ нужно обратиться къ нашимъ поэтамъ, къ тѣмъ высокимъ произведеніямъ стихотворнымъ, которыя у нихъ долго обдумывались и обработывались въ головѣ, надъ которыми и чтецъ долженъ поработать долго. Наши поэты до сихъ поръ почти неизвѣстны публикѣ. Въ журналахъ о нихъ говорили много, разбирали ихъ даже весьма многословно, но высказывали больше самихъ себя, нежели разбираемыхъ поэтовъ. Журналы достигнули только того, что сбили и спутали понятія публики о нашихъ поэтахъ, такъ что въ глазахъ ея личность каждаго поэта теперь двоится, и никто не можетъ представить себѣ опредѣлительно, что̀ такое изъ нихъ всякъ въ существѣ своемъ. Одно только искусное чтеніе можетъ установить о нихъ ясное понятіе. Но, разумѣется, нужно, чтобы самое чтеніе произведено было такимъ чтецомъ, который способенъ передать всякую неуловимую черту того, что̀ читаетъ. Для этого не нужно быть пламеннымъ юношей, который готовъ сгоряча и не переводя духа прочесть въ одинъ вечеръ и трагедію, и комедію, и оду, и все, что̀ ни попало. Прочесть, какъ слѣдуетъ, произведеніе лирическое—вовсе не бездѣлица: для этого нужно долго его изучать. Нужно раздѣлить искренно съ поэтомъ высокое ощущеніе, наполнявшее его душу; нужно и душою и сердцемъ почувствовать всякое слово его—и тогда уже выступать на публичное его чтеніе. Чтеніе это будетъ вовсе не крикливое, не въ жару и горячкѣ. Напротивъ, оно можетъ быть даже очень спокойное, но въ голосѣ чтеца послышится невѣдомая сила, свидѣтель истинно-растроганнаго внутренняго состоянія. Сила эта сообщится всѣмъ и произведетъ

чудо: потрясутся и тѣ, которые не потрясались никогда отъ звуковъ поэзіи. Чтеніе нашихъ поэтовъ можетъ принести много публичнаго добра. У нихъ есть много прекраснаго, которое не только совсѣмъ позабыто, но даже оклеветано, очернено, представлено публикѣ въ какомъ-то низкомъ смыслѣ, о которомъ и не помышляли благородные сердцемъ наши поэты. Не знаю, кому принадлежитъ мысль—обратить публичныя чтенія въ пользу бѣднымъ, но мысль эта прекрасна. Особенно это кстати теперь, когда такъ много страждущихъ внутри Россіи отъ голода, пожаровъ, болѣзней и всякаго рода несчастій. Какъ бы утѣшились души отъ насъ удалившихся поэтовъ такимъ употребленіемъ ихъ произведеній!

1843.

VI.
О ПОМОЩИ БѢДНЫМЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ А. О. СМ—РН—ВОЙ.

...Обращаюсь къ нападеніямъ вашимъ на глупость [петербургской] молодежи, которая затѣяла подносить золотые вѣнки и кубки чужеземнымъ пѣвцамъ и актрисамъ въ то самое время, когда въ Россіи голодаютъ цѣлыя губерніи. Это происходитъ не отъ глупости и не отъ ожесточенія сердецъ, даже и не отъ легкомыслія,—это происходитъ отъ человѣческой, всѣмъ намъ общей безпечности. Эти несчастія и ужасы, производимые голодомъ, далеки отъ насъ; они совершаются внутри провинцій, они не передъ нашими глазами,—вотъ разгадка и объясненіе всего! Тотъ же самый, кто заплатилъ, дабы насладиться пѣніемъ Рубини, сто рублей за кресла въ театрѣ, продалъ бы свое послѣднее имущество, если бы довелось ему быть свидѣтелемъ на дѣлѣ хотя одной изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода, передъ которыми ничто всякіе страхи и ужасы, выставляемые въ мелодрамахъ. За пожертвованіемъ у насъ не станетъ дѣло: мы всѣ готовы жертвовать. Но пожертвованія собственно

въ пользу бѣдныхъ у насъ дѣлаются теперь не весьма охотно, отчасти потому, что не всякій увѣренъ, дойдетъ ли, какъ слѣдуетъ, до мѣста назначенія его пожертвованіе, попадетъ ли оно именно въ тѣ руки, въ которыя должно попасть. Бо̀льшею частію случается такъ, что помощь, точно какая-то жидкость, несомая въ рукѣ, вся расхлещется по дорогѣ, прежде, нежели донесется,—и нуждающемуся приходится посмотрѣть только на одну сухую руку, въ которой нѣтъ ничего. Вотъ о какомъ предметѣ слѣдуетъ подумать прежде, нежели начнутъ собирать пожертвованія. Объ этомъ мы съ вами послѣ потолкуемъ, потому что это дѣло ничуть не маловажное и сто̀итъ того, чтобы о немъ толково потолковать. А теперь поговоримъ о томъ, гдѣ скорѣе нужно помогать. Помогать нужно прежде всего тому, съ которымъ случилось несчастіе внезапное, которое вдругъ, въ одну минуту, лишило его всего за однимъ разомъ: или пожаръ, сжегшій все до тла, или падежъ, выморившій весь скотъ, или смерть, похитившая единственную подпору, словомъ — всякое лишеніе внезапное, гдѣ вдругъ является человѣку бѣдность, къ которой онъ еще не успѣлъ привыкнуть. Туда несите помощь. Но нужно, чтобы помощь эта произведена была истинно-христіанскимъ образомъ; если же она будетъ состоять въ одной только выдачѣ денегъ, она ровно ничего не будетъ значить и не обратится въ добро. Если вы не обдумали прежде въ собственной головѣ всего положенія того человѣка, которому хотите помочь, и не принесли съ собою ему наученія, какъ отнынѣ слѣдуетъ вести ему жизнь, онъ не получитъ большого добра отъ вашей помощи. Цѣна поданной помощи рѣдко равняется цѣнѣ утраты; вообще, она едва составляетъ половину того, что̀ человѣкъ потерялъ, часто одну четверть, а иногда и того меньше. Русскій человѣкъ способенъ на всѣ крайности: увидя, что съ полученными небольшими деньгами онъ не можетъ вести жизнь, какъ прежде, онъ съ горя можетъ прокутить вдругъ то, что̀ ему дано на долговременное содержаніе. А потому наставьте его, какъ ему

изворотиться именно съ тою самою помощію, которую вы принесли ему; объясните ему истинное значеніе несчастія, чтобы онъ видѣлъ, что оно послано ему затѣмъ, дабы онъ измѣнилъ прежнее житіе свое, дабы отнынѣ онъ сталъ уже не прежній, но какъ бы другой человѣкъ и вещественно, и нравственно. Вы сумѣете это сказать умно, если только вникнете хорошенько въ его природу и въ его обстоятельства. Онъ васъ пойметъ: несчастіе умягчаетъ человѣка; природа его становится тогда болѣе чуткой и доступной къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и вседневномъ положеніи; онъ какъ бы весь обращается тогда въ разогрѣтый воскъ, изъ котораго можно лѣпить все, что̀ ни захотите. Всего лучше, однакожъ, если бы всякая помощь производилась черезъ руки опытныхъ и умныхъ священниковъ. Они одни въ силахъ истолковать человѣку святой и глубокій смыслъ несчастія, которое, въ какихъ бы ни являлось образахъ и видахъ кому бы то ни было на землѣ, обитаетъ ли онъ въ избѣ, или палатахъ, есть тотъ же крикъ небесный, вопіющій человѣку о перемѣнѣ всей его прежней жизни.

1844.

VII.

ОБЪ ОДИССЕѢ, ПЕРЕВОДИМОЙ ЖУКОВСКИМЪ.

ПИСЬМО КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Появленіе Одиссеи произведетъ эпоху. Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее произведеніе всѣхъ вѣковъ. Объемъ ея великъ; Иліада предъ нею эпизодъ. Одиссея захватываетъ весь древній міръ, публичную и домашнюю жизнь, всѣ поприща тогдашнихъ людей, съ ихъ ремеслами, знаніями, вѣрованіями... словомъ, трудно даже сказать, чего бы не обняла Одиссея, или что̀ бы въ ней было пропущено. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ служила она

неизсякаемымъ колодцемъ для древнихъ, а потомъ и для всѣхъ поэтовъ. Изъ нея черпались предметы для безчисленнаго множества трагедій, комедій; все это разнеслось по всему свѣту, сдѣлалось достояніемъ всѣхъ, а сама Одиссея позабыта. Участь Одиссеи странна: въ Европѣ ея не оцѣнили. Виною этого отчасти недостатокъ перевода, который бы передавалъ художественно великолѣпнѣйшее произведеніе древности, отчасти недостатокъ языка, въ такой степени богатаго и полнаго, на которомъ отразились бы всѣ безчисленныя, неуловимыя красоты какъ самого Гомера, такъ и вообще эллинской рѣчи; отчасти же недостатокъ, наконецъ, и самаго народа, въ такой степени одареннаго чистотою дѣвственнаго вкуса, какая потребна для того, чтобы почувствовать Гомера.

Теперь переводъ первѣйшаго поэтическаго творенія производится на языкѣ, полнѣйшемъ и богатѣйшемъ всѣхъ европейскихъ языковъ.

Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу. Нужно было его стиху выработаться на сочиненіяхъ и переводахъ изъ поэтовъ всѣхъ націй и языковъ, чтобы сдѣлаться потомъ способнымъ передать вѣчный стихъ Гомера,—уху его наслушаться всѣхъ лиръ, дабы сдѣлаться до того чуткимъ, чтобы и оттѣнокъ эллинскаго звука не пропалъ; нужно было, мало того, что влюбиться ему самому въ Гомера, получить еще страстное желаніе заставить всѣхъ соотечественниковъ своихъ влюбиться въ Гомера, на эстетическую пользу души каждаго изъ нихъ; нужно было совершиться внутри самого переводчика многимъ такимъ событіямъ, которыя привели въ большую стройность и спокойствіе его собственную душу, необходимыя для передачи произведенія, замышленнаго въ такой стройности и спокойствіи; нужно было, наконецъ, сдѣлаться глубже христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, уже постигнувшаго значеніе жизни. Вотъ сколькимъ условіямъ нужно было

выполниться, чтобы переводъ Одиссеи вышелъ не рабская передача, но послышалось бы въ немъ *слово живо,* и вся Россія приняла бы Гомера, какъ родного!

Зато вышло что-то чудное. Это не переводъ, но скорѣе возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе Гомера. Переводъ какъ бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, нежели самъ оригиналъ. Переводчикъ незримо сталъ какъ бы истолкователемъ Гомера, сталъ какъ бы какимъ-то зрительнымъ, выясняющимъ стекломъ передъ читателемъ, сквозь которое еще опредѣлительнѣе и яснѣе выказываются всѣ безчисленныя его сокровища.

По моему, всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы нарочно обстановились такъ, чтобы сдѣлать появленіе Одиссеи почти необходимымъ въ настоящее время: въ литературѣ, какъ и во всемъ,—охлажденіе. Какъ очаровываться, такъ и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожныя больныя произведенія вѣка, съ примѣсью всякихъ непереварившихся идей, нанесенныхъ политическими и прочими броженіями, стали значительно упадать; только одни задніе чтецы, привыкшіе держаться за хвосты журнальныхъ вождей, еще кое-что перечитываютъ, не замѣчая въ простодушіи, что козлы, ихъ предводившіе, давно уже остановились въ раздумьѣ, не зная сами, куда повести заблудшія стада свои. Словомъ, именно то время, когда слишкомъ важно появленіе произведенія стройнаго во всѣхъ частяхъ своихъ, которое изображало бы жизнь съ отчетливостію изумительной и отъ котораго повѣвало бы спокойствіемъ и простотой, почти младенческой.

Одиссея произведетъ у насъ вліяніе, какъ *вообще на всѣхъ,* такъ и *отдѣльно на каждаго.*

Разсмотримъ то вліяніе, которое она можетъ у насъ произвести *вообще на всѣхъ.* Одиссея есть именно то произведеніе, въ которомъ заключились всѣ нужныя условія, дабы сдѣлать ее чтеніемъ всеобщимъ и народнымъ. Она соединяетъ всю увлекательность сказки и всю простую правду человѣческаго похожденія, имѣющаго равную заманчивость

для всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ. Дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ, грамотей и неграмотей, рядовой солдатъ, лакей, дѣти обоего пола, начиная съ того возраста, когда ребенокъ начинаетъ любить сказку,—ее прочитаютъ и выслушаютъ безъ скуки—обстоятельство слишкомъ важное, особенно если примемъ въ соображеніе то, что Одиссея есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое нравственное произведеніе и что единственно затѣмъ и предпринята древнимъ поэтомъ, чтобы въ живыхъ образахъ начертать законы дѣйствій тогдашнему человѣку.

Греческое многобожіе не соблазнитъ нашего народа. Народъ нашъ уменъ: онъ растолкуетъ, не ломая головы, даже то, что̀ приводитъ втупикъ умниковъ. Онъ здѣсь увидитъ только доказательство того, какъ трудно человѣку самому, безъ пророковъ и безъ откровенія свыше, дойти до того, чтобы узнать Бога въ истинномъ видѣ, и въ какихъ нелѣпыхъ видахъ станетъ онъ представлять себѣ ликъ Его, раздробивши единство и единосиліе на множество образовъ и силъ. Онъ даже не посмѣется надъ тогдашними язычниками, признавъ ихъ ни въ чемъ невиноватыми: пророки имъ не говорили, Христосъ тогда не родился, апостоловъ не было. Нѣтъ, народъ нашъ скорѣе почешетъ у себя въ затылкѣ, почувствовавъ то, что онъ, зная Бога въ Его истинномъ видѣ, имѣя въ рукахъ уже письменный законъ Его, имѣя даже истолкователей закона въ отцахъ духовныхъ, молится лѣнивѣе и выполняетъ долгъ свой хуже древняго язычника. Народъ смекнетъ, почему та же верховная сила помогала и язычнику за его добрую жизнь и усердную молитву, несмотря на то, что онъ, по невѣжеству, взывалъ къ ней въ образѣ Посейдоновъ, Кроніоновъ, Гефестовъ, Геліосовъ, Кипридъ и всей вереницы, которую наплело играющее воображеніе ѓрековъ. Словомъ, многобожіе отложитъ онъ въ сторону, а извлечетъ изъ Одиссеи то, что̀ ему слѣдуетъ изъ нея извлечь, — то, что̀ ощутительно въ ней видимо всѣмъ, что̀ легло въ духъ ея содержанія и для чего написана сама Одиссея, то-есть, что человѣку вездѣ, на всякомъ поприщѣ,

предстоитъ много бѣдъ, что нужно съ ними бороться,—для того и жизнь дана человѣку, — что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Одиссей, который во всякую трудную и тяжелую минуту обращался къ своему сердцу, не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву Богу, которую въ минуты бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ. Вотъ то *общее,* тотъ живой духъ ея содержанія, которымъ произведетъ на всѣхъ впечатлѣніе Одиссея, прежде, нежели одни восхитятся ея поэтическими достоинствами, вѣрностью картинъ и живостью описаній; прежде, нежели другіе поразятся раскрытіемъ сокровищъ древности въ такихъ подробностяхъ, въ какихъ не сохранили ее ни ваяніе, ни живопись, ни вообще всѣ древніе памятники; прежде, нежели третьи останутся изумлены необыкновеннымъ познаніемъ всѣхъ изгибовъ души человѣческой, которые всѣ были вѣдомы всевидѣвшему слѣпцу; прежде, нежели четвертые будутъ поражены глубокимъ вѣдѣніемъ государственнымъ, знаніемъ трудной науки править людьми и властвовать ими, чѣмъ обладалъ также божественный старецъ, законодатель и своего, и грядущихъ поколѣній, словомъ — прежде, нежели кто-либо завлечется чѣмъ-нибудь отдѣльно въ Одиссеѣ сообразно своему ремеслу, занятіямъ, наклонностямъ и своей личной особенности. И все потому, что слишкомъ осязательно слышенъ этотъ духъ ея содержанія, эта внутренняя сущность его, что ни въ одномъ твореніи не проступаетъ она такъ сильно наружу, проникая все и преобладая надъ всѣмъ, особенно, когда разсмотримъ еще, какъ ярки всѣ эпизоды, изъ которыхъ каждый въ силахъ застѣнить главное.

Отчего-жъ такъ сильно это слышится всѣмъ? Оттого, что залегло это глубоко въ самую душу древняго поэта. Видишь на всякомъ шагу, какъ хотѣлъ онъ облечь во всю обворожительную красоту поэзіи то, что̀ хотѣлъ бы утвердить навѣки въ людяхъ, какъ стремился укрѣпить въ на-

родныхъ обычаяхъ то, что въ нихъ похвально, напомнить человѣку лучшее и святѣйшее, что есть въ немъ и что онъ способенъ позабыть всякую минуту,— оставить въ каждомъ лицѣ своемъ примѣръ каждому на его отдѣльномъ поприщѣ, а всѣмъ вообще оставить въ своемъ неутомимомъ Одиссеѣ примѣръ на общечеловѣческомъ поприщѣ.

Это строгое почитаніе обычаевъ, это благоговѣйное уваженіе власти и начальниковъ, несмотря на ограниченные предѣлы самой власти, эта дѣвственная стыдливость юношей, эта благость и благодушное безгнѣвіе старцевъ, это радушное гостепріимство, это уваженіе и почти благоговѣніе къ человѣку, какъ представителю образа Божія, это вѣрованіе, что ни одна благая мысль не зарождается въ головѣ его безъ верховной воли высшаго насъ Существа, и что ничего не можетъ онъ сдѣлать своими собственными силами, словомъ—все, всякая малѣйшая черта въ Одиссеѣ говоритъ о внутреннемъ желаніи поэта всѣхъ поэтовъ оставить древнему человѣку живую и полную книгу законодательства въ то время, когда еще не было ни законодателей, ни учредителей порядковъ, когда еще никакими гражданскими и письменными постановленіями не были опредѣлены отношенія людей, когда люди еще многаго не вѣдали и даже не предчувствовали, и когда одинъ только божественный старецъ все видѣлъ, слышалъ, соображалъ и предчувствовалъ,—слѣпецъ, лишенный зрѣнія, общаго всѣмъ людямъ, и вооруженный тѣмъ внутреннимъ окомъ, котораго не имѣютъ люди!

И какъ искусно сокрытъ весь трудъ многолѣтнихъ обдумываній подъ простотой самаго простодушнѣйшаго повѣствованія! Кажется, какъ бы, собравъ весь людъ въ одну семью и усѣвшись среди нихъ самъ, какъ дѣдъ среди внуковъ, готовый даже съ ними ребячиться, ведетъ онъ добродушный разсказъ свой и только заботится о томъ, чтобы не утомить никого, не запугать неумѣстною длиннотой поученія, но развѣять и разнести его невидимо по всему творенію, чтобы, играя, набрались всѣ того, что дано не на

игрушку человѣку, и незамѣтно бы надышались тѣмъ, что̀ зналъ онъ и видѣлъ лучшаго на своемъ вѣку и въ своемъ вѣкѣ. Можно бы почесть все за изливающуюся безъ приготовленія сказку, если бы по внимательномъ разсмотрѣніи уже потомъ не открывалась удивительная постройка всего цѣлаго и порознь каждой пѣсни. Какъ глупы нѣмецкіе умники, выдумавшие, будто Гомеръ — миѳъ, а всѣ творенія его — народныя пѣсни и рапсодіи!

Но разсмотримъ то вліяніе, которое можетъ произвесть у насъ Одиссея *отдѣльно на каждаго.* Во-первыхъ, она подѣйствуетъ на пишущую нашу братію, на сочинителей нашихъ. Она возвратитъ многихъ къ свѣту, проведя ихъ, какъ искусный лоцманъ, сквозь сумятицу и мглу, нанесенную неустроенными, неорганизовавшимися писателями. Она снова напомнитъ намъ всѣмъ, въ какой безхитростной простотѣ нужно возсоздавать природу, какъ уяснять всякую мысль до ясности почти ощутительной, въ какомъ уравновѣшенномъ спокойствіи должна изливаться рѣчь наша. Она вновь дастъ почувствовать всѣмъ нашимъ писателямъ ту старую истину, которую вѣкъ мы должны помнить и которую всегда позабываемъ, а именно: по тѣхъ поръ не приниматься за перо, пока все въ головѣ не установится въ такой ясности и порядкѣ, что даже ребенокъ въ силахъ будетъ понять и удержать все въ памяти. Еще болѣе, нежели на самихъ писателей, Одиссея подѣйствуетъ на тѣхъ, которые еще готовятся въ писатели, и, находясь въ гимназіяхъ и университетахъ, видятъ передъ собою еще туманно и неясно свое будущее поприще: ихъ она можетъ навести съ самаго начала на прямой путь, избавивъ отъ лишняго шатанія по кривымъ закоулкамъ, по которымъ натолкались изрядно ихъ предшественники.

Во-вторыхъ, Одиссея подѣйствуетъ на вкусъ и на развитіе эстетическаго чувства. Она освѣжитъ критику. Критика устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась въ сторону и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, по-

несла дичь. По поводу Одиссеи может появиться много истинно дѣльныхъ критикъ, тѣмъ болѣе, что врядъ ли есть на свѣтѣ другое произведеніе, на которое можно было бы взглянуть съ такихъ многихъ сторонъ, какъ на Одиссею. Я увѣренъ, что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею возбужденныя, будутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Читатели будутъ отъ этого не въ убыткѣ: критики не будутъ ничтожны. Для нихъ потребуется много перечесть, оглянуть вновь, перечувствовать и перемыслить; пустой верхоглядъ не найдется даже, что̀ и сказать объ Одиссеѣ.

Въ-третьихъ, Одиссея своею русскою одеждой, въ которую облекъ ее Жуковскій, можетъ подѣйствовать значительно на очищеніе языка. Еще ни у кого изъ нашихъ писателей, не только у Жуковскаго, во всемъ, что̀ ни писалъ онъ доселѣ, но даже у Пушкина и Крылова, которые часто точнѣе его на слова и выраженія, не достигала до такой полноты русская рѣчь. Тутъ заключились всѣ ея извороты и обороты во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Безконечно-огромные періоды, которые у всякаго другого были бы вялы, темны, и періоды сжатые, краткіе, которые у другого были бы черствы, обрублены, ожесточили бы рѣчь, у него такъ братски улегаются другъ возлѣ друга, всѣ переходы и встрѣчи противоположностей совершаются въ такомъ благозвучіи, все такъ и сливается въ одно, улетучивая тяжелый громоздъ всего цѣлаго, что, кажется, какъ бы пропалъ вовсе всякій слогъ и складъ рѣчи: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и самого переводчика. Намѣсто его стоитъ предъ глазами, во всемъ величіи, старецъ Гомеръ, и слышатся тѣ величавыя, вѣчныя рѣчи, которыя не принадлежатъ устамъ какого-нибудь человѣка, но которыхъ удѣлъ — вѣчно раздаваться въ мірѣ. Здѣсь-то увидятъ наши писатели, съ какой разумной осмотрительностью нужно употреблять слова и выраженія, какъ всякому простому слову можно возвратить его возвышенное достоинство умѣньемъ помѣстить его въ надлежащемъ мѣстѣ, и какъ много значитъ для такого сочи-

ненія, которое назначается на всеобщее употребленіе и есть сочиненіе геніальное, это наружное благоприличіе, эта внѣшняя обработка всего: тутъ малѣйшая соринка замѣтна и всѣмъ бросается въ глаза. Жуковскій сравниваетъ весьма справедливо эти соринки съ бумажками, которыя стали бы валяться въ великолѣпно убранной комнатѣ, гдѣ все сіяетъ ясностью зеркала, начиная отъ потолка до паркета: всякій вошедшій прежде всего увидитъ эти бумажки, именно по тому же самому, почему бы онъ ихъ вовсе не примѣтилъ въ неприбранной, нечистой комнатѣ.

Въ-четвертыхъ, Одиссея подѣйствуетъ въ любознательномъ отношеніи, какъ на занимающихся науками, такъ и на неучившихся никакой наукѣ, распространяя живое познаніе древняго міра. Ни въ какой исторіи не начитаешь того, что̀ отыщешь въ ней: отъ нея такъ и дышитъ временемъ минувшимъ; древній человѣкъ, какъ живой, такъ и стоитъ передъ глазами, какъ будто ты еще вчера его видѣлъ и говорилъ съ нимъ. Такъ его и видишь во всѣхъ его дѣйствіяхъ, во всѣ часы дня: какъ приготовляется онъ благоговѣйно къ жертвоприношенію, какъ бесѣдуетъ чинно съ гостемъ за пировою кратерой, какъ одѣвается, какъ выходитъ на площадь, какъ слушаетъ старца, какъ поучаетъ юношу; его домъ, его колесница, его спальня, малѣйшая мебель въ домѣ, отъ подвижныхъ столовъ до ременной закладки у дверей,—все передъ глазами, еще свѣжѣе, нежели въ отрытой изъ земли Помпеѣ.

Наконецъ, я даже думаю, что появленіе Одиссеи произведетъ впечатлѣніе на современный духъ нашего общества вообще. Именно въ нынѣшнее время, когда таинственною волей Провидѣнія сталъ слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что̀ ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя; когда всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, въ которое возвели насъ наша новѣйшая гражданственность и просвѣщеніе; когда слышна у всякаго какая-то безотчетная

жажда быть не тѣмъ, чѣмъ онъ есть, можетъ-быть, происшедшая отъ прекраснаго источника — быть лучше; когда сквозь нелѣпые крики и опрометчивыя проповѣдыванія новыхъ, еще темно услышанныхъ идей, слышно какое-то всеобщее стремленіе стать ближе къ какой-то желанной серединѣ, найти настоящій законъ дѣйствій, какъ въ массахъ, такъ и отдѣльно взятыхъ особахъ—словомъ, въ это именно время Одиссея поразитъ величавою патріархальностію древняго быта, простою несложностью общественныхъ пружинъ, свѣжестью жизни, непритупленною, младенческою ясностью человѣка. Въ Одиссеѣ услышитъ сильный упрекъ себѣ нашъ девятнадцатый вѣкъ, и упрекамъ не будетъ конца, по мѣрѣ того, какъ станетъ онъ поболѣе всматриваться въ нее и вчитываться.

Что̀ можетъ быть, напримѣръ, уже сильнѣе того упрека, который раздастся въ душѣ, когда разглядишь, какъ древній человѣкъ, съ своими небольшими орудіями, со всѣмъ несовершенствомъ своей религіи, дозволявшей даже обманывать, мстить и прибѣгать къ коварству для истребленія врага, съ своею непокорною, жесткою, несклонною къ повиновенію природою, съ своими ничтожными законами, умѣлъ, однакоже, однимъ только простымъ исполненіемъ обычаевъ старины и обрядовъ, — которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну, — однимъ только простымъ исполненіемъ этихъ обычаевъ дойти до того, что пріобрѣлъ какую-то стройность и даже красоту поступковъ, такъ что все въ немъ сдѣлалось величаво съ ногъ до головы, отъ рѣчи до простого движенія и даже до складки платья, и кажется, какъ бы дѣйствительно слышишь въ немъ богоподобное происхожденіе человѣка? А мы, со всѣми нашими огромными средствами и орудіями къ совершенствованію, съ опытами всѣхъ вѣковъ, съ гибкою, переимчивою нашею природою, съ религіею, которая именно дана намъ на то, чтобы сдѣлать изъ насъ святыхъ и небесныхъ людей,—со всѣми этими орудіями, умѣли дойти до

какого-то неряшества и неустройства, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, умѣли сдѣлаться лоскутными, мелкими, отъ головы до самаго платья нашего, и, ко всему еще въ прибавку, опротивѣли до того другъ другу, что не уважаетъ никто никого, даже не выключая и тѣхъ, которые толкуютъ объ уваженіи ко всѣмъ.

Словомъ, на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-прекраснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ свое законное наслѣдство. Многіе надъ многимъ призадумаются. А между тѣмъ многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. Благоухающими устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властію.

VIII.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НАШЕЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВѢ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

Напрасно смущаетесь вы нападеніями, которыя теперь раздаются на нашу Церковь въ Европѣ. Обвинять въ равнодушіи духовенство наше будетъ также несправедливость. Зачѣмъ хотите вы, чтобы наше духовенство, доселѣ отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры? Церковь наша дѣйствовала мудро. Чтобы защищать ее, нужно самому прежде узнать ее. А мы вообще знаемъ плохо нашу Церковь. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Я очень знаю, что въ глубинѣ монастырей и въ тишинѣ келій готовятся неопровержимыя сочиненія въ защиту Церкви на-

шей. Но дѣла свои они дѣлаютъ лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требуетъ такой предметъ, совершаютъ свой трудъ въ глубокомъ спокойствіи, молясь, воспитывая самихъ себя, изгоняя изъ души своей все страстное, похожее на неумѣстную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту безстрастія небеснаго, на которой ей слѣдуетъ пребывать, дабы быть въ силахъ заговорить о такомъ предметѣ. Но и эти защиты еще не послужатъ къ полному убѣжденію западныхъ католиковъ. Церковь наша должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ: мы трупы, а не Церковь наша, и по насъ они назвали и Церковь нашу трупомъ. Какъ намъ защищать нашу Церковь и какой отвѣтъ мы можемъ дать имъ, если они намъ зададутъ такіе запросы: «А сдѣлала ли ваша Церковь васъ лучшими? Исполняетъ ли всякъ у васъ, какъ слѣдуетъ, свой долгъ?» Чтò мы тогда станемъ отвѣчать имъ, почувствовавши вдругъ въ душѣ и совѣсти своей, что шли все время мимо нашей Церкви и едва знаемъ ее даже и теперь? Владѣемъ сокровищемъ, которому цѣны нѣтъ, и не только не заботимся о томъ, чтобы это почувствовать, но не знаемъ даже, гдѣ положили его. У хозяина спрашиваютъ показать лучшую вещь въ его домѣ, а самъ хозяинъ не знаетъ, гдѣ лежитъ она. Эта Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставивъ у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы и, не

измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала, — и эта Церковь нами незнаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ не ввели въ нашу жизнь!

Нѣтъ, храни насъ Богъ защищать теперь нашу Церковь! Это значитъ уронить ее. Только и есть для насъ возможна одна пропаганда—жизнь наша. Жизнью нашею мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть *жизнь;* благоуханіемъ душъ нашихъ должны мы возвѣстить ея истину. Пусть миссіонеръ католичества западнаго бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества восточнаго долженъ выступить такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвигнулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ бы самое дѣло и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: «Не произноси словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей Церкви!»

IX.

О ТОМЪ ЖЕ.

изъ письма къ гр. а. п. т.....му.

Замѣчаніе, будто власть Церкви оттого у насъ слаба, что наше духовенство мало имѣетъ свѣтскости и ловкости обращенія въ обществѣ, есть такая нелѣпость, какъ и утвержденіе, будто духовенство у насъ вовсе отстранено отъ всякаго прикосновенія съ жизнію уставами нашей Церкви и связано въ своихъ дѣйствіяхъ правительствомъ. Духовенству нашему указаны законныя и точныя границы въ его соприкосновеніяхъ со свѣтомъ и людьми. Повѣрьте, что если бы стали они встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ

нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо. Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ. Римско-католическіе попы именно оттого сдѣлались дурными, что черезчуръ сдѣлались свѣтскими. У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь. На этихъ двухъ поприщахъ, изъ которыхъ первое бываетъ только разъ или два въ годъ, а второе можетъ быть всякое воскресенье, можно сдѣлать очень много. И если только священникъ, видя многое дурное въ людяхъ, умѣлъ до времени молчать о немъ и долго соображать въ себѣ самомъ, какъ ему сказать такимъ образомъ, чтобы всякое слово дошло прямо до сердца; то онъ уже скажетъ объ этомъ такъ сильно на исповѣди и проповѣди, какъ никогда ему не сказать на ежедневныхъ съ нами бесѣдахъ. Нужно, чтобы онъ говорилъ стоящему среди свѣта человѣку съ какого-то возвышеннаго мѣста, чтобы не его присутствіе слышалъ въ это время человѣкъ, но присутствіе Самого Бога, внимающаго равно имъ обоимъ, и слышался бы обоюдный страхъ отъ Его незримаго присутствія. Нѣтъ, это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, они отдѣлились отъ насъ. Одежда ихъ прекрасна и величественна. Это не безсмысленное, оставшееся отъ осьмнадцатаго вѣка рококо и не лоскутная, ничего необъясняющая одежда римско-католическихъ священниковъ. Она имѣетъ смыслъ: она по образу и подобію той одежды, которую носилъ Самъ Спаситель. Нужно, чтобы и въ самой одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чей образъ они должны представлять намъ, чтобы и на одинъ мигъ не позабылись и не растерялись среди развлеченій и ничтожныхъ нуждъ свѣта; ибо съ нихъ тысячу кратъ болѣе взы-

щется, нежели съ каждаго изъ насъ; чтобы слышали безпрестанно, что они—какъ бы другіе и высшіе люди. Нѣтъ, покамѣстъ священникъ еще молодъ и жизнь ему неизвѣстна, онъ не долженъ даже и встрѣчаться съ людьми иначе, какъ на исповѣди и проповѣди. Если же и можно ему входить въ бесѣду, то развѣ только съ мудрѣйшими и опытнѣйшими изъ нихъ, которые могли бы познакомить его съ душою и сердцемъ человѣка, изобразить ему жизнь въ ея истинномъ видѣ и свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ она является неопытному человѣку. Священнику нужно время также и для себя: ему нужно поработать и надъ самимъ собою. Онъ долженъ со Спасителя брать примѣръ, Который долгое время провелъ въ пустынѣ и не прежде, какъ послѣ сорокадневнаго предуготовительнаго поста, вышелъ къ людямъ учить ихъ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Опроверженіемъ такого мнѣнія служатъ всѣ свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всѣхъ пустѣе. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но вдали отъ него, въ глубокомъ внутреннемъ созерцаніи, въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ къ своей собственной душѣ; когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключомъ отопрешь души всѣхъ.

X.

О ЛИРИЗМѢ НАШИХЪ ПОЭТОВЪ.

ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которою произнесенъ смертный приговоръ, т. е. о статьѣ подъ названіемъ: *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ.* Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о, мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хо-

тѣлъ послать Плетневу въ «Современникъ» мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько глупостей успѣлъ бы я уже надѣлать, если бы только послушался другихъ моихъ пріятелей! Итакъ, вотъ тебѣ прежде всего моя благодарственная пѣснь; а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда помыслю, какъ до сихъ поръ еще я глупъ и какъ не умѣю заговорить ни о чемъ, что̀ поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ. Тутъ какъ-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе. Вновь повторю то же самое: въ лиризмѣ нашихъ поэтовъ есть что-то такое, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй, именно—что-то близкое къ библейскому,—то высшее состояніе лиризма, которое чуждо увлеченій страстныхъ и есть твердый возлетъ въ свѣтѣ разума, верховное торжество духовной трезвости. Не говоря уже о Ломоносовѣ и Державинѣ, даже у Пушкина слышится этотъ строгій лиризмъ повсюду, гдѣ ни коснется онъ высокихъ предметовъ. Вспомни только стихотворенія его: къ пастырю церкви, «Пророкъ» и, наконецъ, этотъ таинственный побѣгъ изъ города, напечатанный уже послѣ его смерти. Переберп стихи Языкова, и увидишь, что онъ всякій разъ становится какъ-то неизмѣримо выше и страстей, и самого себя, когда прикоснется къ чему-нибудь высшему. Приведу одно изъ его даже молодыхъ стихотвореній, подъ названіемъ «Геній»; оно же не длинно:

Когда, гремя и пламенѣя,
Пророкъ на небо улеталъ,
Огонь могучій проникалъ

Живую душу Елисея.
Святыми чувствами полна,
Мужала, крѣпла, возвышалась
И вдохновеньемъ озарялась,
И Бога слышала она.
  Такъ геній радостно трепещетъ,
Свое величье познаетъ,
Когда предъ нимъ гремитъ и блещетъ
Иного генія полетъ;
Его воскреснувшая сила
Мгновенно зрѣетъ для чудесъ,
И міру новыя свѣтила—
Дѣла избранника небесъ.

Какой свѣтъ и какая строгость величія! Я изъяснялъ это тѣмъ, что наши поэты видѣли всякій высокій предметъ въ его законномъ соприкосновеніи съ верховнымъ источникомъ лиризма—Богомъ, одни сознательно, другіе безсознательно, потому что русская душа, вслѣдствіе своей русской природы, уже слышитъ это какъ-то сама собой, неизвѣстно почему. Я сказалъ, что два предмета вызывали у нашихъ поэтовъ этотъ лиризмъ, близкій къ библейскому. Первый изъ нихъ — *Россія.* При одномъ этомъ имени какъ-то вдругъ просвѣтляется взглядъ у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозоръ, все становится у него шире, и онъ самъ какъ бы облекается величіемъ, становясь превыше обыкновеннаго человѣка. Это что-то болѣе, нежели обыкновенная любовь къ отечеству. Любовь къ отечеству отозвалась бы приторнымъ хвастаньемъ. Доказательствомъ тому наши такъ-называемые квасные патріоты. [Послѣ ихъ похва́лъ, впрочемъ довольно чистосердечныхъ, только плюнешь на Россію]. Между тѣмъ заговоритъ Державинъ о Россіи—слышишь въ себѣ неестественную силу и какъ бы самъ дышишь величіемъ Россіи. Одна простая любовь къ отечеству не дала бы силъ не только Державину, но даже и Языкову, выражаться такъ широко и торжественно всякій разъ, гдѣ ни коснется онъ Россіи. Напримѣръ, хоть бы въ стихахъ, гдѣ онъ изображаетъ, какъ наступилъ было на нее Баторій:

. . . Повелительный Стефанъ
Въ одинъ могущественный станъ
Уже сбиралъ толпы густыя,
Да ниспровергнетъ псковитянъ,
Да уничтожится Россія!
Но ты, къ отечеству любовь,
Ты, чѣмъ гордились наши дѣды,
Ты ополчилась: кровь за кровь—
И онъ не праздновалъ побѣды!

Эта богатырски-трезвая сила, которая временами даже соединяется съ какимъ-то невольнымъ пророчествомъ о Россіи, рождается отъ невольнаго прикосновенія мысли къ верховному Промыслу, который такъ явно слышенъ въ судьбѣ нашего отечества. Сверхъ любви участвуетъ здѣсь сокровенный ужасъ при видѣ тѣхъ событій, которымъ повелѣлъ Богъ совершиться въ землѣ, назначенной быть нашимъ отечествомъ, прозрѣніе прекраснаго новаго зданія, которое покамѣстъ не для всѣхъ видимо зиждется и которое можетъ слышать всеслышащимъ ухомъ поэзіи поэтъ или же такой духовѣдецъ, который уже можетъ въ *зернѣ* прозрѣвать его *плодъ*. Теперь начинаютъ это слышать понемногу и другіе люди, но выражаются такъ неясно, что слова ихъ похожи на безуміе. Тебѣ напрасно кажется, что нынѣшняя молодежь, бредя славянскими началами и пророча о будущемъ Россіи, слѣдуетъ какому-то модному повѣтрію. Они не умѣютъ вынашивать въ головѣ мыслей, торопятся ихъ объявлять міру, не замѣчая того, что ихъ мысли еще—глупые ребята, вотъ и все. И въ еврейскомъ народѣ четыреста пророковъ пророчествовали вдругъ: изъ нихъ одинъ только бывалъ избранникъ Божій, котораго сказанія вносились въ святую книгу еврейскаго народа; всѣ же прочіе, вѣроятно, наговаривали много лишняго, но тѣмъ не менѣе они слышали неясно и темно то же самое, что избранники умѣли сказать здраво и ясно; иначе народъ побилъ бы ихъ камнями. Зачѣмъ же ни Франція, ни Англія, ни Германія не заражены этимъ повѣтріемъ и не пророчествуютъ о себѣ, а пророчествуетъ только одна Рос-

сія? Затѣмъ, что она сильнѣе другихъ слышитъ Божію руку на всемъ, что̀ ни сбывается въ ней, и чуетъ приближеніе иного царствія. Оттого и звуки становятся библейскими у нашихъ поэтовъ. И этого не можетъ быть у поэтовъ другихъ націй, какъ бы ни сильно они любили свою отчизну и какъ бы ни жарко умѣли выражать такую любовь свою. И въ этомъ не спорь со мною, прекрасный другъ мой!

Но перейдемъ къ другому предмету, гдѣ также слышится у нашихъ поэтовъ тотъ высокій лиризмъ, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть, *любви къ царю.* Отъ множества гимновъ и одъ царямъ, поэзія наша, уже со временъ Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выраженіе. Что чувства въ ней искренни—объ этомъ нечего и говорить. Только тотъ, кто надѣленъ мелочнымъ остроуміемъ, способнымъ на одни мгновенныя, легкія соображенія, увидитъ здѣсь лесть и желаніе получить что-нибудь, и такое соображеніе оснуетъ на какихъ-нибудь ничтожныхъ и плохихъ одахъ тѣхъ же поэтовъ. Но тотъ, кто болѣе, нежели остроуменъ, кто мудръ, тотъ остановится передъ тѣми одами Державина, гдѣ онъ очертываетъ властелину широкій кругъ его благотворныхъ дѣйствій, гдѣ самъ, со слезою на глазахъ, говоритъ ему о тѣхъ слезахъ, которыя готовы заструиться изъ глазъ, не только русскихъ, но даже безчувственныхъ дикарей, обитающихъ на концахъ его имперіи, отъ одного только прикосновенія той милости и той любви, какую можетъ показать народу одна полномощная власть. Тутъ многое такъ сказано сильно, что если бы даже и нашелся такой государь, который позабылъ бы на время долгъ свой, то, прочитавши сіи строки, вспомнитъ онъ вновь его и умилится самъ передъ святостью званія своего. Только холодные сердцемъ попрекнутъ Державина за излишнія похвалы Екатеринѣ; но кто сердцемъ не камень, тотъ не прочтетъ безъ умиленія тѣхъ замѣчательныхъ строфъ, гдѣ поэтъ говоритъ, если и перейдетъ его мраморный истуканъ въ потомство, такъ это потому только,

Что пѣлъ я россовъ ту царицу,
Какой другой намъ не найти
Ни здѣсь, ни впредь въ пространномъ мірѣ...
Хвались, хвались моя тѣмъ лира!

Не прочтетъ онъ также безъ непритворнаго душевнаго волненія сихъ уже почти предсмертныхъ стиховъ:

Холодна старость духъ, у лиры гласъ отъемлетъ:
Екатерины муза дремлетъ.
. . . . . Пѣть
Ужъ не могу. Другимъ пѣвцамъ гремѣть
Мои оставлю ветхи струны,
Да черплютъ вновь изъ нихъ перуны
Тѣхъ чистыхъ пламенныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

Старикъ у дверей гроба не будетъ лгать. При жизни своей носилъ онъ, какъ святыню, эту любовь, унесъ и за гробъ ее, какъ святыню. Но не объ этомъ рѣчь. Откуда взялась эта любовь? вотъ вопросъ. Что̀ весь народъ слышитъ ее какимъ-то сердечнымъ чутьемъ, а потому и поэтъ, какъ чистѣйшее отраженіе того же народа, долженъ былъ ее услышать въ высшей степени — это объяснитъ только одну половину дѣла. Полный и совершенный поэтъ ничему не предается безотчетливо, не провѣривъ его мудростію полнаго своего разума. Имѣя ухо слышать впередъ, заключа въ себѣ стремленіе возсоздавать въ полнотѣ ту же вещь, которую другіе видятъ отрывочно, съ одной или двухъ сторонъ, а не со всѣхъ четырехъ, онъ не могъ не прозрѣвать развитія полнѣйшаго этой власти. Какъ умно опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго монарха! и какъ онъ вообще былъ уменъ во всемъ, что̀ ни говорилъ въ послѣднее время своей жизни! «Зачѣмъ нужно», говорилъ онъ, «чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушить же, или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ; для этого-то и нужна высшая милость, умягчаю-

щая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти. Государство безъ полномощнаго монарха—автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что̀ такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не сто̀итъ. Государство безъ полномощнаго монарха то же, что̀ оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но, если нѣтъ среди нихъ одного такого, который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ. [А, кажется, онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка помахиваетъ палочкой, да поглядываетъ на всѣхъ, и уже одинъ взглядъ его достаточенъ на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой-нибудь шаршавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ или неуклюжій тулумбасъ]. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ: блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!» Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значеніе великихъ истинъ! [Это внутреннее существо — силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотвореніи, которое между прочимъ ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собраніи его сочиненій, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: *Къ Н****. Вотъ ея происхожденіе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось; но государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣлъ минутой, онъ развернулъ Иліаду и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка

и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ ея была слѣдующая величественная ода, которую повторю здѣсь всю, она же вся въ одной строфѣ:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ,
Тебя мы долго ожидали.
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что̀-жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ
Въ безумствѣ суетнаго пира—
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей;
Въ порывѣ гнѣва и печали,
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали.
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ. Ты любишь съ высоты
Сходить подъ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Оставимъ личность императора Николая, [и] разберемъ, что̀ такое монархъ вообще, какъ Божій помазанникъ, обязанный стремить ввѣренный ему народъ къ тому свѣту, въ которомъ обитаетъ Богъ, и въ правѣ ли былъ Пушкинъ уподобить его древнему Боговидцу Моисею? Тотъ изъ людей, на рамена котораго обрушилась судьба милліоновъ его собратій, кто страшною отвѣтственностію за нихъ предъ Богомъ освобожденъ уже отъ всякой отвѣтственности предъ людьми, кто болѣетъ ужасомъ этой отвѣтственности и льетъ, можетъ-быть, незримо такія слезы и страждетъ такими страданіями, о которыхъ и помыслить не умѣетъ стоящій внизу человѣкъ, кто среди самыхъ развлеченій слышитъ вѣчный, неумолкаемо раздающійся въ ушахъ кликъ Божій, неумолкаемо къ нему вопіющій,—тотъ можетъ быть уподобленъ древнему Боговидцу, можетъ, подобно ему, разбить

листы своей скрижали, проклявши вѣтрено-кружащееся племя, которое, намѣсто того, чтобы стремиться къ тому, къ чему все должно стремиться на землѣ, суетно скачетъ около своихъ же, отъ себя самихъ созданныхъ кумировъ. Но Пушкина остановило еще высшее значеніе той же власти, которую вымолило у Небесъ немощное безсиліе человѣчества, вымолило ее крикомъ не о правосудіи небесномъ, передъ которымъ не устоялъ бы ни одинъ человѣкъ на землѣ, но крикомъ о небесной любви Божіей, которая бы все умѣла простить намъ: и забвеніе долга нашего, и самый ропотъ нашъ,—все, что̀ не прощаетъ на землѣ человѣкъ, чтобы одинъ затѣмъ только собралъ всю власть въ себя самого и отдѣлился бы отъ всѣхъ насъ и сталъ выше всего на землѣ, чтобы чрезъ то стать ближе, равно ко всѣмъ, снисходить съ вышины ко всему и внимать всему, начиная отъ грома небесъ и лиры поэта до незамѣтныхъ увеселеній нашихъ.

Кажется, какъ бы въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, задавши вопросъ себѣ самому, что̀ такое эта власть, самъ же упалъ въ прахъ предъ величіемъ возникнувшаго въ душѣ его отвѣта. Не мѣшаетъ замѣтить, что̀ это былъ тотъ поэтъ, который былъ слишкомъ гордъ и независимостію своихъ мнѣній, и своимъ личнымъ достоинствомъ. Никто не сказалъ такъ о себѣ, какъ онъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не зарастетъ народная тропа:
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа.

Хотя въ *Наполеоновомъ столпѣ* виноватъ, конечно, ты; но положимъ, если бы даже стихъ остался въ своемъ прежнемъ видѣ, онъ все-таки послужилъ бы доказательствомъ, и даже еще бо̀льшимъ, какъ Пушкинъ, чувствуя свое личное преимущество, какъ человѣка, передъ многими изъ вѣнценосцевъ, слышалъ въ то же время всю малость званія своего передъ званіемъ вѣнценосца и умѣлъ благоговѣйно поклониться предъ тѣми изъ нихъ, которые показали міру величество своего званія.

Поэты наши прозрѣвали значеніе высшее монарха, слыша, что онъ неминуемо долженъ, наконецъ, сдѣлаться весь одна *любовь*, и такимъ образомъ станетъ видно всѣмъ, почему государь есть образъ Божій, какъ это признаетъ, покуда чутьемъ, вся земля наша. Значеніе государя въ Европѣ неминуемо приблизится къ тому же выраженію. Все къ тому ведетъ, чтобы вызвать въ государяхъ высшую, Божескую любовь къ народамъ. Уже раздаются вопли страданій душевныхъ всего человѣчества, которыми заболѣлъ почти каждый изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ, и мечется, бѣдный, не зная самъ, какъ и чѣмъ себѣ помочь: всякое постороннее прикосновеніе жестоко разболѣвшимся его ранамъ; всякое средство, всякая помощь, придуманная умомъ, ему груба и не приноситъ цѣленія. Эти крики усилятся, наконецъ, до того, что разорвется отъ жалости и безчувственное сердце, и сила еще доселѣ небывалаго состраданія вызоветъ силу другой, еще доселѣ небывалой любви. Загорится человѣкъ любовію ко всему человѣчеству,—такою, какою никогда еще не загорался. Изъ насъ, людей частныхъ, возымѣть такую любовь во всей силѣ никто не возможетъ; она останется въ идеяхъ и въ мысляхъ, а не въ дѣлѣ; могутъ проникнуться ею вполнѣ одни только тѣ, которымъ уже постановлено въ непремѣнный законъ полюбить всѣхъ, какъ одного человѣка. Все полюбивши въ своемъ государствѣ, до единаго человѣка всякаго сословія и званія, и обративши все, что ни есть въ немъ, какъ бы въ собственное тѣло свое, возболѣвъ духомъ о всѣхъ, скорбя, рыдая, молясь и день и ночь о страждущемъ народѣ своемъ, государь пріобрѣтетъ тотъ всемогущій голосъ любви, который одинъ только можетъ быть доступенъ разболѣвшемуся человѣчеству, и котораго прикосновеніе будетъ не жёстко его ранамъ, который одинъ можетъ только внести примиреніе во всѣ сословія и обратить въ стройный оркестръ государство. Тамъ только исцѣлится вполнѣ народъ, гдѣ постигнетъ монархъ высшее значеніе свое—быть образомъ Того на землѣ, Который Самъ

есть любовь. Въ Европѣ не приходило никому въ умъ опредѣлять высшее значеніе монарха. Государственные люди, законоискусники и правовѣдцы смотрѣли на одну его сторону, именно, какъ на высшаго чиновника въ государствѣ, [поставленнаго отъ людей], а потому не знаютъ даже, какъ быть съ этой властію, [какъ ей указать настоящія границы], когда, вслѣдствіе ежедневно измѣняющихся обстоятельствъ, бываетъ нужно то расширить ея предѣлы, то ограничить ее; а черезъ это и государь, и народъ поставлены тамъ между собою въ странное положеніе: они глядятъ другъ на друга чуть не такимъ же точно образомъ, какъ на противниковъ, желающихъ воспользоваться властію одинъ на счетъ другого. Высшее значеніе монархіи прозрѣли у насъ поэты, а не законовѣдцы — услышали съ трепетомъ волю Бога создать ее въ Россіи въ ея законномъ видѣ; оттого и звуки ихъ становятся библейскими *) всякій разъ, какъ только излетаетъ изъ устъ ихъ слово *царь*. Это слышатъ у насъ и не поэты, потому что страницы нашей исторіи слишкомъ явно говорятъ о волѣ Промысла: да образуется въ Россіи эта власть въ ея полномъ и совершенномъ видѣ. Всѣ событія въ нашемъ отечествѣ, начиная отъ порабощенія татарскаго, видимо клонятся къ тому, чтобы собрать могущество въ руки одного, дабы одинъ былъ въ силахъ произвесть этотъ знаменитый переворотъ всего въ государствѣ, все потрясти и, всѣхъ разбудивши, вооружить каждаго изъ насъ тѣмъ высшимъ взглядомъ на самого себя, безъ котораго невозможно человѣку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть въ себѣ самомъ ту же брань всему невѣжественному и темному, какую воздвигнулъ царь въ своемъ государствѣ; чтобы потомъ, когда загорится уже каждый этою святою бранью, и все придетъ въ сознаніе силъ своихъ, могъ бы также одинъ, всѣхъ впереди, съ свѣтильникомъ въ рукѣ, устремить, какъ одну душу, весь народъ свой къ тому верховному свѣту, къ которому проситъся Россія. Смотри также, какимъ чуднымъ средствомъ, еще прежде, нежели

*) Ср. примѣчанія. *Ред.*

могло объясниться полное значеніе этой власти какъ самому государю, такъ и его подданнымъ, уже брошены были сѣмена взаимной любви въ сердца! Ни одинъ царскій домъ не начинался такъ необыкновенно, какъ начался домъ Романовыхъ. Его начало было уже подвигъ любви. Послѣдній и низшій подданный въ государствѣ принесъ и положилъ свою жизнь, для того, чтобы дать намъ царя, и сею чистою жертвою связалъ уже неразрывно государя съ подданнымъ. Любовь вошла въ нашу кровь, и завязалось у насъ всѣхъ кровное родство съ царемъ. [И такъ слился и сталъ одно-едино съ подвластнымъ повелитель, что намъ всѣмъ теперь видится всеобщая бѣда — государь ли позабудетъ своего подданнаго и отрѣшится отъ него, или подданный позабудетъ своего государя и отъ него отрѣшится]. Какъ явно тоже оказывается воля Бога — избрать для этого фамилію Романовыхъ, а не другую! Какъ непостижимо это возведеніе на престолъ никому неизвѣстнаго отрока! Тутъ же рядомъ стояли древнѣйшіе родомъ, и притомъ мужи доблести, которые только-что спасли свое отечество: Пожарскій, Трубецкой, наконецъ князья, по прямой линіи происходившіе отъ Рюрика. Всѣхъ ихъ мимо произошло избраніе, и ни одного голоса не было противъ: никто не посмѣлъ предъявлять правъ своихъ! И случилось это въ то смутное время, когда всякій могъ вздорить и оспаривать, и набирать шайки приверженцевъ. И кого же выбрали? Того, кто приходился по женской линіи родственникомъ царю, отъ котораго недавній ужасъ ходилъ по всей землѣ, [такъ что не только имъ притѣсняемые и казнимые бояре, но даже и самый народъ, который почти ничего не потерпѣлъ отъ него, долго повторялъ поговорку: «добро была голова, да слава Богу, что земля прибрала»]. И при всемъ томъ все единогласно, отъ бояръ до послѣдняго бобыля, положило, чтобъ онъ былъ на престолѣ. Вотъ какія у насъ дѣлаются дѣла! Какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ, которые слышали полное опредѣленіе царя въ книгахъ Ветхаго Завѣта и которые въ то

же время такъ близко видѣли волю Бога на всѣхъ событіяхъ въ нашемъ отечествѣ,—какъ же ты хочешь, чтобы лиризмъ нашихъ поэтовъ не былъ исполненъ библейскихъ отголосковъ? Повторяю, простой любви не стало бы на то, чтобы облечь такою суровою трезвостью ихъ звуки; для этого потребно полное и твердое убѣжденіе разума, а не одно безотчетное чувство любви; иначе звуки ихъ вышли бы мягкими, какъ у тебя въ прежнихъ твоихъ молодыхъ сочиненіяхъ, когда ты предавался чувству одной только любящей души своей. Нѣтъ, есть что-то крѣпкое, слишкомъ крѣпкое у нашихъ поэтовъ, чего нѣтъ у поэтовъ другихъ націй. Если тебѣ этого не видится, то еще не доказываетъ, чтобы его вовсе не было. Вспомни самъ, что въ тебѣ не всѣ стороны русской природы; напротивъ, нѣкоторыя изъ нихъ взошли въ тебѣ на такую высокую степень и такъ развились просторно, что чрезъ это не дали мѣста другимъ, и ты уже сталъ исключеніемъ изъ обще-русскихъ характеровъ. Въ тебѣ заключились вполнѣ всѣ мягкія и нѣжныя струны нашей славянской природы; но тѣ густыя и крѣпкія ея струны, отъ которыхъ проходитъ тайный ужасъ и содроганіе по всему составу человѣка, тебѣ не такъ извѣстны. А онѣ-то и есть родники того лиризма, о которомъ идетъ рѣчь. Этотъ лиризмъ уже ни къ чему не можетъ возноситься, какъ только къ одному верховному источнику своему — Богу. Онъ суровъ, онъ пугливъ, онъ не любитъ многословія: ему приторно все, что̀ ни есть на землѣ, если только онъ не видитъ на немъ напечатлѣнія Божьяго. Въ комъ хотя одна крупица этого лиризма, тотъ, несмотря на всѣ несовершенства и недостатки, заключаетъ въ себѣ суровое, высшее благородство душевное, передъ которымъ дрожитъ самъ и которое заставляетъ его бѣжать отъ всего, похожаго на выраженіе признательности со стороны людской. Собственный лучшій его подвигъ ему вдругъ опротивѣетъ, если на него послѣдуетъ ему какая-нибудь награда: онъ слишкомъ чувствуетъ, что все высшее должно быть выше награды. [Только по смерти Пушкина обнаружились его

истинныя отношенія къ государю и тайны двухъ его лучшихъ сочиненій. Никому не говорилъ онъ при жизни о чувствахъ, его наполнявшихъ, и поступалъ умно. Послѣ того, какъ вслѣдствіе всякаго рода холодныхъ газетныхъ возгласовъ, писанныхъ слогомъ помадныхъ объявленій, и всякихъ сердитыхъ, неопрятно-запальчивыхъ выходокъ, производимыхъ всякими квасными и неквасными патріотами, перестали вѣрить у насъ на Руси искренности всѣхъ печатныхъ излiяній,—Пушкину было опасно выходить: его бы какъ разъ назвали подкупнымъ или чего-то ищущимъ человѣкомъ. Но теперь, когда появились только послѣ его смерти эти сочиненія, вѣрно, не отыщется во всей Россіи такой человѣкъ, который посмѣлъ бы назвать Пушкина льстецомъ или угодливымъ кому бы то ни было. Чрезъ то святыня высокаго чувства сохранена. И теперь всякъ, кто даже и не въ силахъ постигнуть дѣло собственнымъ умомъ, приметъ его на вѣру, сказавши: «если самъ Пушкинъ думалъ такъ, то уже, вѣрно, это сущая истина»]. Царственные гимны нашихъ поэтовъ изумляли самихъ чужеземцевъ своимъ величественнымъ складомъ и слогомъ. Еще недавно Мицкевичъ сказалъ объ этомъ на лекціяхъ Парижу, и сказалъ въ такое время, когда и самъ онъ былъ раздраженъ противъ насъ, и все въ Парижѣ на насъ негодовало. Несмотря, однакожъ, на то, онъ объявилъ торжественно, что въ одахъ и гимнахъ нашихъ поэтовъ ничего нѣтъ рабскаго или низкаго, но, напротивъ, что-то свободно-величественное; и тутъ же, хотя это не понравилось никому изъ земляковъ его, отдалъ честь благородству характеровъ нашихъ писателей. Мицкевичъ правъ. Наши писатели, точно, заключили въ себѣ черты какой-то высшей природы. Въ минуты сознанія своего они сами оставили свои душевные портреты, которые отозвались бы самохвальствомъ, если бы ихъ жизнь не была тому подкрѣпленіемъ. Вотъ что говоритъ о себѣ Пушкинъ, помышляя о будущей судьбѣ своей:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,

Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Стòитъ только вспомнить Пушкина, чтобы видѣть, какъ вѣренъ этотъ портретъ. [Какъ онъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ несчастномъ, упадшемъ! Черта истинно русская]. Вспомни только то умилительное зрѣлище, какое представляетъ посѣщеніе всѣмъ народомъ ссыльныхъ, отправляющихся въ Сибирь, когда всякъ несетъ отъ себя — кто пищу, кто деньги, кто христіански-утѣшительное слово. Ненависти нѣтъ къ преступнику, нѣтъ также донкишотскаго порыва сдѣлать изъ него героя, собирать его факсимиле, портреты, или смотрѣть на него изъ любопытства, какъ дѣлается въ просвѣщенной Европѣ. Здѣсь что-то болѣе: не желаніе оправдать его или вырвать изъ рукъ правосудія, но воздвигнуть упадшій духъ его, утѣшить, какъ братъ утѣшаетъ брата, какъ повелѣлъ Христосъ намъ утѣшать другъ друга. [Пушкинъ высоко слишкомъ цѣнилъ всякое стремленіе воздвигнуть падшаго. Вотъ отчего такъ гордо затрепетало его сердце, когда услышалъ онъ о пріѣздѣ государя въ Москву во время ужасовъ холеры,—черта, которую едва ли показалъ кто-либо изъ вѣнценосцевъ, и которая вызвала у него эти замѣчательные стихи:

Небесами
Клянусь, кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ,
Какой бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой.

Онъ умѣлъ также оцѣнить и другую черту въ жизни другого вѣнценосца, Петра. Вспомни стихотвореніе «Пиръ на Невѣ», въ которомъ онъ съ изумленіемъ спрашиваетъ о причинѣ необыкновеннаго торжества въ царскомъ домѣ,

раздающагося кликами по всему Петербургу и по Невѣ, потрясенной пальбой пушекъ. Онъ перебираетъ всѣ случаи радостные царю, которые могли быть причиною такого пированія: родился ли государю наслѣдникъ его престола, именинница-ль жена его, побѣжденъ ли непобѣдимый врагъ, прибылъ ли флотъ, составлявшій любимую страсть государя, и на все это отвѣчаетъ:

Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину
Забывая, веселится,
Чарку пѣнитъ съ нимъ одну.
Оттого-то пиръ веселый,
Рѣчь гостей хмельна, шумна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Только одинъ Пушкинъ могъ почувствовать всю красоту такого поступка. Умѣть не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощеніе, какъ побѣду надъ врагомъ,—это истинно божеская черта. Только на небесахъ умѣютъ поступать такъ. Тамъ только радуются обращенію грѣшника еще болѣе, нежели самому праведнику, и всѣ сонмы невидимыхъ силъ участвуютъ въ небесномъ пиршествѣ Бога. Пушкинъ былъ знатокъ и оцѣнщикъ вѣрный всего великаго въ человѣкѣ. Да и какъ могло быть иначе, если духовное благородство есть уже свойственность почти всѣхъ нашихъ писателей? Замѣчательно, что во всѣхъ другихъ земляхъ писатель находится въ какомъ-то неуваженіи отъ общества, относительно своего личнаго характера. У насъ напротивъ. У насъ даже и тотъ, кто просто кропатель, а не писатель, и не только не красавецъ душою, но даже временами и вовсе подленекъ, во глубинѣ Россіи отнюдь не почитается такимъ. Напротивъ, у всѣхъ вообще, даже и у тѣхъ, которые едва слышатъ о писателяхъ, живетъ уже какое-то убѣжденіе, что писатель есть что-то высшее, что онъ непремѣнно долженъ быть благороденъ, что ему многое неприлично, что онъ не долженъ и позволить себѣ того, что̀ прощается другимъ. Въ одной изъ нашихъ губерній, во

время дворянскихъ выборовъ, одинъ дворянинъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ былъ и литераторъ, подалъ было свой голосъ въ пользу человѣка, совѣсти нѣсколько запятнанной — всѣ дворяне обратились къ нему тутъ же и его попрекнули, сказавши съ укоризною: «А еще и писатель!»

1846.

XI.

СПОРЫ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Л**.

Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробираются уже въ гостиныя, показываютъ только то, что мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполнѣ проснулись; а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти славянисты и европисты, — или же староверы и нововѣры, или же восточники и западники, а что̀ они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому что покамѣстъ они мнѣ кажутся только карикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть,—всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что ничуть не спорятъ и не перечатъ другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ что видитъ одну часть его; другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ славянистовъ и восточниковъ, потому что они все-таки видятъ весь фасадъ и, стало-быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ европистовъ и западниковъ тоже есть правда, потому что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣнѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами; вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, вѣнчающаго эту стѣну, не видится имъ верхушка всего строенія, то-есть, глава, куполъ и все, что̀ ни есть въ вышинѣ. Можно бы посовѣ-

товать обоимъ — одному попробовать, хотя на время, подойти ближе, а другому отступиться немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому что духъ гордости обуялъ обоими. Всякій изъ нихъ увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что другой окончательно и положительно лжетъ. Кичливости больше на сторонѣ славянистовъ: они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу. Разумѣется, что такимъ строптивымъ хвастовствомъ вооружаютъ они еще болѣе противъ себя европистовъ, которые давно бы готовы были отъ многаго отступиться, потому что и сами начинаютъ слышать многое, прежде неслышанное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырявшемуся человѣку. [Всѣ эти споры еще ничего, если бы только они оставались въ гостиныхъ да въ журналахъ. Но дурно то, что два противоположныя мнѣнія, находясь въ такомъ незрѣломъ и неопредѣленномъ видѣ, переходятъ уже въ головы многихъ должностныхъ людей. Мнѣ сказывали, что случается (особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должность и власть раздѣлена въ рукахъ двухъ) такимъ образомъ, что въ одно и то же время одинъ дѣйствуетъ совершенно въ европейскомъ духѣ, а другой старается подвизаться рѣшительно въ древне-русскомъ, укрѣпляя всѣ прежніе порядки, противоположные тѣмъ, которые замышляетъ собратъ его. И оттого, какъ дѣламъ, такъ и самимъ подчиненнымъ чиновникамъ приходитъ бѣда: они не знаютъ, кого слушаться. А такъ какъ оба мнѣнія, несмотря на всю свою рѣзкость, окончательно всѣмъ не опредѣлились, то, говорятъ, этимъ пользуются всякаго рода пройдохи. И плуту оказалась теперь возможность, подъ маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить выгодное мѣсто и производить на немъ плутни въ качествѣ какъ поборника старины, такъ и поборника новизны]. Вообще, споры суть вещи такого рода, къ которымъ люди умные и пожилые покамѣстъ не должны приставать. Пусть прежде выкричится хорошенько

молодежь: это ея дѣло. Повѣрь, уже такъ заведено и нужно, чтобы передовые крикуны вдоволь выкричались, затѣмъ именно, дабы умные могли въ это время надуматься вдоволь. Къ спорамъ прислушивайся, но въ нихъ не вмѣшивайся. Мысль твоего сочиненія, которымъ хочешь заняться, очень умна, и я даже увѣренъ, что ты исполнишь это дѣло лучше всякаго литератора. Но объ одномъ тебя прошу: производи его въ минуты, сколько возможно, хладнокровныя и спокойныя. Храни тебя Богъ отъ запальчивости и горячки, хотя бы даже въ малѣйшемъ выраженіи. Гнѣвъ вездѣ неумѣстенъ, а больше всего въ дѣлѣ правомъ, потому что затемняетъ и мутитъ его. Вспомни, что ты человѣкъ не только немолодой, но даже и весьма въ лѣтахъ. Молодому человѣку еще какъ-нибудь присталъ гнѣвъ; по крайней мѣрѣ, въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ придаетъ ему какую-то картинную наружность. Но если старикъ начнетъ горячиться, онъ дѣлается, просто, гадокъ; молодежь какъ разъ подыметъ его на зубки и выставитъ смѣшнымъ. Смотри же, чтобъ не сказали о тебѣ: «Экъ, скверный старикашка! всю жизнь валялся на-боку, ничего не дѣлая, а теперь выступилъ укорять другихъ, зачѣмъ они не такъ дѣлаютъ!» Изъ устъ старика должно исходить слово благостное, а не шумное и спорное. Духъ чистѣйшаго незлобія и кротости долженъ проникать величавыя рѣчи старца, такъ, чтобы молодежь ничего не нашлась сказать ему въ возраженіе, почувствовавъ, что неприличны будутъ ея рѣчи, и что сѣдина есть уже святыня.

1844.

XII.

ХРИСТІАНИНЪ ИДЕТЪ ВПЕРЕДЪ.

ПИСЬМО КЪ Щ.....ВУ.

Другъ мой! считай себя не иначе, какъ школьникомъ и ученикомъ. Не думай, чтобы ты уже былъ старъ для того, чтобы учиться, чтобы силы твои достигнули настоящей зрѣ-

лости и развитія и что характеръ и душа твоя получили уже настоящую форму и не могутъ быть лучшими. Для христіанина нѣтъ оконченнаго курса: онъ вѣчно ученикъ и до самаго гроба ученикъ. По обыкновенному, естественному ходу, человѣкъ достигаетъ полнаго развитія ума своего въ тридцать лѣтъ. Отъ тридцати до сорока еще коекакъ идутъ впередъ его силы; дальше же этого срока въ немъ ничто не подвигается, и все имъ производимое не только не лучше прежняго, но даже слабѣе и холоднѣе прежняго. Но для христіанина этого не существуетъ, и, гдѣ для другихъ предѣлъ совершенства, тамъ для него оно только начинается. Самые способные и самые даровитые изъ людей, переваляcь за сорокалѣтній возрастъ, тупѣютъ, устаютъ и слабѣютъ. Перебери всѣхъ философовъ и первѣйшихъ всесвѣтныхъ геніевъ: лучшая пора ихъ была только во время ихъ полнаго мужества; потомъ они уже понемногу выживали изъ своего ума, а въ старости впадали даже въ младенчество. Вспомни о Кантѣ, который въ послѣдніе годы обезпамятѣлъ вовсе и умеръ, какъ ребенокъ. Но пересмотри жизнь всѣхъ святыхъ: ты увидишь, что они крѣпли въ разумѣ и силахъ духовныхъ по мѣрѣ того, какъ приближались къ дряхлости и смерти. Даже и тѣ изъ нихъ, которые отъ природы не получили никакихъ блестящихъ даровъ и считались всю жизнь простыми и глупыми, изумляли потомъ разумомъ рѣчей своихъ. Отчего-жъ это? Оттого, что у нихъ пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бываетъ у всякаго человѣка только въ лѣта его юности, когда онъ видитъ передъ собою подвиги, за которые наградою всеобщее рукоплесканіе, когда ему мерещится радужная даль, имѣющая такую заманку для юноши. Угаснула предъ нимъ даль и подвиги — угаснула и сила стремящая. Но передъ христіаниномъ сіяетъ вѣчно даль, и видятся вѣчные подвиги. Онъ, какъ юноша, алчетъ жизненной битвы; ему есть съ чѣмъ воевать и гдѣ подвизаться, потому что взглядъ его на самого себя, безпрестанно просвѣтляющійся, открываетъ ему новые недостатки въ себѣ

самомъ, съ которыми нужно производить новыя битвы. Оттого и всѣ его силы не только не могутъ въ немъ заснуть или ослабѣть, но еще возбуждаются безпрестанно; а желаніе быть лучшимъ и заслужить рукоплесканія на небесахъ придаетъ ему такія шпоры, какихъ не можетъ дать наисильнѣйшему честолюбцу его ненасытимѣйшее честолюбіе. Вотъ причина, почему христіанинъ тогда идетъ впередъ, когда другіе назадъ, и отчего становится онъ, чѣмъ дальше, умнѣе.

Умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что̀ у насъ уже есть. Онъ самъ не двигнется впередъ, покуда не двигнутся въ насъ двѣ другія способности, отъ которыхъ онъ умнѣетъ. Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями всѣхъ курсовъ наукъ его заставишь только слишкомъ немного уйти впередъ; иногда это даже подавляетъ его, мѣшая его самобытному развитію. Онъ несравненно въ бо̀льшей зависимости находится отъ душевныхъ состояній: какъ только забушуетъ страсть, онъ уже вдругъ поступаетъ слѣпо и глупо; если же покойна душа и не кипитъ никакая страсть, онъ и самъ проясняется и поступаетъ умно. Разумъ есть несравненно высшая способность; но она пріобрѣтается не иначе, какъ побѣдою надъ страстьми. Его имѣли въ себѣ только тѣ люди, которые не пренебрегли своимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Но и разумъ не даетъ полной возможности человѣку стремиться впередъ. Есть высшая еще способность; имя ей—мудрость, и ее можетъ дать намъ одинъ Христосъ. Она не надѣляется никому изъ насъ при рожденіи, никому изъ насъ не есть природная, но есть дѣло высшей благодати небесной. Тотъ, кто уже имѣетъ и умъ и разумъ, можетъ не иначе получить мудрость, какъ молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога, возводя душу свою до голубинаго незлобія и убирая все внутри себя до возможнѣйшей чистоты, чтобы принять эту небесную гостью, которая пугается жилищъ, гдѣ не пришло въ порядокъ душевное

хозяйство и нѣтъ полнаго согласія во всемъ. Если же она вступитъ въ домъ, тогда начинается для человѣка небесная жизнь, и онъ постигаетъ всю чудную сладость быть ученикомъ. Все становится для него учителемъ; весь міръ для него учитель: ничтожнѣйшій изъ людей можетъ быть для него учитель. Изъ совѣта самаго простого извлечетъ онъ мудрость совѣта; глупѣйшій предметъ станетъ къ нему своею мудрою стороною, и вся вселенная передъ нимъ станетъ, какъ одна открытая книга ученія: больше всѣхъ будетъ онъ черпать изъ нея сокровищъ, потому что больше всѣхъ будетъ слышать, что онъ ученикъ. Но если только возмнитъ онъ хотя на мигъ, что ученіе его кончено, и онъ уже не ученикъ, и оскорбится онъ чьимъ бы то ни было урокомъ или поученіемъ, мудрость вдругъ отъ него отнимается, и останется онъ впотьмахъ, какъ царь Соломонъ въ свои послѣдніе дни.

1846.

XIII.

КАРАМЗИНЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, написанное Погодинымъ. Это лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи къ благопристойности, какъ внутренней, такъ и внѣшней: въ немъ нѣтъ его обычныхъ грубо-неуклюжихъ замашекъ и топорнаго неряшества слога, такъ много ему вредящаго. Все здѣсь, напротивъ того, стройно, обдумано и расположено въ большомъ порядкѣ. Всѣ мѣста изъ Карамзина прибраны такъ умно, что Карамзинъ какъ бы весь очертывается самимъ собою и, своими же словами взвѣсивъ и оцѣнивъ самого себя, становится какъ живой передъ глазами читателя. Карамзинъ представляетъ, точно, явленіе необыкновенное. Вотъ о комъ изъ нашихъ писателей можно сказать, что онъ весь исполнилъ долгъ,

ничего не зарылъ въ землю и на данные ему пять талантовъ истинно принесъ другіе пять. Карамзинъ первый показалъ, что писатель можетъ быть у насъ независимъ и почтенъ всѣми равно, какъ именитѣйшій гражданинъ въ государствѣ. Онъ первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ исполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотію и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно. Онъ это сказалъ и доказалъ. Никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право. Какой урокъ нашему брату писателю! И какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды, и что она у насъ колетъ глаза! Самъ же выразится такъ нелѣпо и грубо, что болѣе, нежели самою правдою, уколетъ тѣми заносчивыми словами, которыми скажетъ свою правду, словами запальчивыми, выказывающими неряшество растрепанной души своей, и потомъ самъ и изумляется, и негодуетъ, что отъ него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовію, съ какою не выслушивается ни въ какой землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовію можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, [о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды].

1846.

XIV.

О ТЕАТРѢ, ОБЪ ОДНОСТОРОННЕМЪ ВЗГЛЯДѢ НА ТЕАТРЪ И ВООБЩЕ ОБЪ ОДНОСТОРОННОСТИ.

ПИСЬМО КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

Вы очень односторонни, и стали недавно такъ односторонни; и оттого стали односторонни, что, находясь на той точкѣ состоянія душевнаго, на которой теперь стоите вы, нельзя не сдѣлаться одностороннимъ всякому человѣку. Вы помышляете только объ одномъ душевномъ спасеніи вашемъ и, не найдя еще той именно дороги, которою вамъ предназначено достигнуть его, почитаете все, что̀ ни есть въ мірѣ, соблазномъ и препятствіемъ къ спасенію. Монахъ не строже васъ. Такъ и ваши нападенія на театръ односторонни и несправедливы. Вы подкрѣпляете себя тѣмъ, что нѣкоторыя вамъ извѣстныя духовныя лица возстаютъ противъ театра; но они правы, а вы неправы. Разберите лучше: точно ли они возстаютъ противъ театра, или только противу того вида, въ которомъ онъ намъ теперь является. Церковь начала возставать противъ театра въ первые вѣка всеобщаго водворенія христіанства, когда театры одни оставались прибѣжищемъ уже повсюду изгнаннаго язычества и притономъ безчинныхъ его вакханалій. Вотъ почему такъ сильно гремѣлъ противъ нихъ Златоустъ. Но времена измѣнились. Міръ весь перечистился сызнова поколѣніями свѣжихъ народовъ Европы, которыхъ образованіе началось уже на христіанскомъ грунтѣ, и тогда сами святители начали первые вводить театръ: театры завелись при духовныхъ академіяхъ. Нашъ Димитрій Ростовскій, справедливо поставляемый въ рядъ св. отцовъ Церкви, слагалъ у насъ пьесы для представленія въ лицахъ. Стало быть, не театръ виноватъ. Все можно извратить и всему можно дать дурной смыслъ, человѣкъ же на это способенъ. Но надобно смо-

трѣть на вещь въ ея основаніи и на то, чѣмъ она должна быть, а не судить о ней по карикатурѣ, которую на нее сдѣлали. Театръ ничуть не бездѣлица и вовсе не пустая вещь, если примешь въ соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти, шести тысячъ человѣкъ, и что вся эта толпа, ни въ чемъ не сходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать одними слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Это такая каѳедра, съ которой можно много сказать міру добра. Отдѣлите только собственно называемый высшій театръ отъ всякихъ балетныхъ скаканій, водевилей, мелодрамъ и тѣхъ мишурно-великолѣпныхъ зрѣлищъ для глазъ, угождающихъ разврату вкуса или разврату сердца, и тогда посмотрите на театръ. Театръ, на которомъ представляются высокая трагедія и комедіи, долженъ быть въ совершенной независимости отъ всего. Странно и соединить Шекспира съ плясуньями или плясунами въ лайковыхъ штанахъ. Что̀ за сближеніе? Ноги—ногами, а голова—головой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европы это поняли: театръ высшихъ драматическихъ представленій тамъ отдѣленъ и пользуется одинъ поддержкою правительствъ; но поняли это въ отношеніи порядка внѣшняго. Слѣдовало подумать не шутя о томъ, какъ поставить всѣ лучшія произведенія драматическихъ писателей такимъ образомъ, чтобы публика привлеклась къ нимъ вниманіемъ, и открылось бы ихъ нравственное благотворное вліяніе, которое есть у всѣхъ великихъ писателей. Шекспиръ, Шериданъ, Мольеръ, Гёте, Шиллеръ, Бомаршѐ, даже Лессингъ, Реньяръ и многіе другіе изъ второстепенныхъ писателей прошедшаго вѣка ничего не произвели такого, что̀ бы отвлекало отъ уваженія къ высокимъ предметамъ; къ нимъ даже не перешли и отголоски того, что̀ бурлило и кипѣло у тогдашнихъ писателей-фанатиковъ, занимавшихся вопросами политическими и разносившихъ неуваженіе къ святынѣ. У нихъ, если и попадаются насмѣшки, то надъ лицемѣріемъ, надъ кощунствомъ, надъ кривымъ

толкованіемъ праваго, а никогда надъ тѣмъ, что составляетъ корень человѣческихъ доблестей; напротивъ, чувство добра слышится строго даже и тамъ, гдѣ брызжутъ эпиграммы. Частое повтореніе высоко-драматическихъ сочиненій, то-есть, тѣхъ истинно-классическихъ пьесъ, гдѣ обращено вниманіе на природу и душу человѣка, станетъ необходимо укрѣплять общество въ правилахъ болѣе недвижныхъ, заставитъ нечувствительно характеры болѣе устоиваться въ самихъ себѣ, тогда какъ все это наводненіе пустыхъ и легкихъ пьесъ, начиная съ водевилей и недодуманныхъ драмъ до блестящихъ балетовъ и даже оперъ, ихъ только разбрасываетъ, разсѣеваетъ, становитъ общество легкимъ и вѣтренымъ. Развлеченный милліонами блестящихъ предметовъ, раскидывающихъ мысли на всѣ стороны, свѣтъ не въ силахъ встрѣтиться прямо со Христомъ. Ему далеко до небесныхъ истинъ христіанства. Онъ ихъ испугается, какъ мрачнаго монастыря, если не подставишь ему незримыя ступени къ христіанству, если не возведешь его на нѣкоторое высшее мѣсто, откуда ему станетъ виднѣе весь необъятный кругозоръ христіанства, и понятнѣе то же самое, что прежде было вовсе недоступно. Среди свѣта есть много такого, что для всѣхъ, отдалившихся отъ христіанства, служитъ незримою ступенью къ христіанству. Въ томъ числѣ можетъ быть и театръ, если будетъ обращенъ къ своему высшему назначенію. Нужно ввести на сцену во всемъ блескѣ всѣ совершеннѣйшія драматическія произведенія всѣхъ вѣковъ и народовъ. Нужно давать ихъ чаще, какъ можно чаще, повторяя безпрерывно одну и ту же пьесу. И это можно сдѣлать. Можно всѣ пьесы сдѣлать вновь свѣжими, новыми, любопытными для всѣхъ отъ мала до велика, если только сумѣешь ихъ поставить, какъ слѣдуетъ, на сцену. Это вздоръ, будто онѣ устарѣли и публика потеряла къ нимъ вкусъ. Публика не имѣетъ своего каприза; она пойдетъ, куда поведутъ ее. Не попотчивай ее сами же писатели своими гнилыми мелодрамами, она бы не почувствовала къ нимъ вкуса и не потребовала бы ихъ.

Возьми самую заиграннѣйшую пьесу и поставь ее, какъ нужно, та же публика повалитъ толпою. Мольеръ ей будетъ въ новость, Шекспиръ станетъ заманчивѣе наисовременнѣйшаго водевиля. Но нужно, чтобы такая постановка произведена была дѣйствительно и вполнѣ художественно, чтобы дѣло это поручено было не кому другому, какъ первому и лучшему актеру-художнику, какой отыщется въ труппѣ. И не мѣшать уже сюда никакого прикленна сбоку, секретаря-чиновника; пусть тотъ одинъ распоряжается во всемъ. Нужно даже особенно позаботиться о томъ, чтобы вся отвѣтственность легла на него одного, чтобы онъ рѣшился публично, передъ глазами всей публики сыграть самъ по порядку одну за другою всѣ второстепенныя роли, дабы оставить живые образцы второстепеннымъ актерамъ, которые заучиваютъ свои роли по мертвымъ образцамъ, дошедшимъ до нихъ по какому-то темному преданію, которые образовались книжнымъ наученіемъ и не видятъ себѣ никакого живого интереса въ своихъ роляхъ. Одно это исполненіе первымъ актеромъ второстепенныхъ ролей можетъ привлечь публику видѣть двадцать разъ сряду ту же пьесу. Кому не любопытно видѣть, какъ Щепкинъ или Каратыгянъ станутъ играть тѣ роли, которыхъ никогда дотолѣ не играли! Потомъ же, когда первоклассный актеръ, разыгравши всѣ роли, возвратится вновь на свою прежнюю, онъ получитъ взглядъ еще полнѣйшій, какъ на собственную свою роль, такъ и на всю пьесу; а пьеса получитъ вновь еще сильнѣйшую занимательность для зрителей этою полнотою своего исполненія,—вещью, доселѣ неслыханною! Нѣтъ выше того потрясенія, которое производитъ на человѣка совершенно согласованное согласіе всѣхъ частей между собою, которое доселѣ могъ только слышать онъ въ одномъ музыкальномъ оркестрѣ и которое въ силахъ сдѣлать то, что драматическое произведеніе можетъ быть дано болѣе разовъ сряду, нежели наилюбимѣйшая опера. Что ни говори, а звуки души и сердца, выражаемые словомъ, въ нѣсколько разъ разнообразнѣе музыкальныхъ звуковъ. Но,

повторяю, все это возможно только въ такомъ случаѣ, когда дѣло будетъ сдѣлано истинно такъ, какъ слѣдуетъ, и полная отвѣтственность всего, по части репертуарной, возляжетъ на первокласснаго актера, то-есть, трагедіею будетъ завѣдывать первый трагическій актеръ, а комедіею первый комическій актеръ, когда одни они будутъ исключительные хоровожди такого дѣла. [Говорю исключительно, потому что знаю, какъ много у насъ есть охотниковъ прикомандироваться сбоку во всякомъ дѣлѣ. Чуть только явится какое мѣсто и при немъ какія-нибудь денежныя выгоды, какъ уже вмигъ пристегнется сбоку секретарь. Откуда онъ возьмется, Богъ вѣсть: точно какъ изъ воды выйдетъ; докажетъ тутъ же свою необходимость ясно, какъ дважды два; заведетъ вначалѣ бумажную кропотню только по экономическимъ дѣламъ, потомъ станетъ понемногу впутываться во все, и дѣло пойдетъ изъ рукъ вонъ. Секретари эти, точно какая-то незримая моль, подточили всѣ должности, сбили и спутали отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ и обратно начальниковъ къ подчиненнымъ. Мы съ вами еще не такъ давно разсуждали о всѣхъ должностяхъ, какія ни есть въ нашемъ государствѣ. Разсматривая каждую въ ея законныхъ предѣлахъ, мы находили, что онѣ именно то, что̀ имъ слѣдуетъ быть, всѣ до единой какъ бы свыше созданы для насъ съ тѣмъ, чтобы отвѣчать на всѣ потребности нашего государственнаго быта, а всѣ сдѣлались не тѣмъ оттого, что всякъ, какъ бы наперерывъ, старался или разрушить предѣлы своей должности, или даже вовсе выступить изъ ея предѣловъ. Всякій, даже честный и умный человѣкъ, старался хотя на одинъ вершокъ быть полномочнѣй и выше своего мѣста, полагая, что онъ этимъ-то именно облагородитъ и себя, и свою должность. Мы перебрали тогда всѣхъ чиновниковъ отъ верху до низу, но секретарей позабыли, а они-то именно больше всѣхъ стремятся выступить изъ предѣловъ своей должности. Гдѣ секретарь заведенъ только въ качествѣ писца, тамъ онъ хочетъ сыграть роль посредника между начальникомъ и под-

ченнымъ. Гдѣ же онъ поставленъ дѣйствительно какъ нужный посредникъ между начальникомъ и подчиненнымъ, тамъ онъ начинаетъ важничать: корчитъ передъ этимъ подчиненнымъ роль его начальника, заведетъ у себя переднюю, заставитъ ждать себя по цѣлымъ часамъ, словомъ, вмѣсто того, чтобы облегчить доступъ подчиненнаго къ начальнику, только затруднитъ его. И все это иногда дѣлается не съ другимъ какимъ умысломъ, какъ только затѣмъ, чтобы облагородить свое секретарское мѣсто. Я зналъ даже нѣкоторыхъ совсѣмъ недурныхъ и неглупыхъ людей, которые передъ моими же глазами такъ поступали съ подчиненными своего начальника, что я краснѣлъ за нихъ же. Мой Хлестаковъ былъ въ эту минуту ничто передъ ними. Все это, конечно, еще бы ничего, если бы отъ этого не происходило слишкомъ много печальныхъ слѣдствій. Много истинно-полезныхъ и нужныхъ людей иногда бросали службу единственно изъ-за скотинства секретаря, требовавшаго къ себѣ того же самаго уваженія, которымъ они были обязаны только одному начальнику, и за неисполненіе того мстившаго имъ оговорами, внушеніями о нихъ дурного мнѣнія, словомъ — всѣми тѣми мерзостями, на которыя способенъ только безчестный человѣкъ. Конечно, въ управленіяхъ по части искусствъ, художествъ и тому подобнаго, правитъ или комитетъ, или одинъ непосредственный начальникъ, и не бываетъ мѣста секретарю-посреднику: тамъ онъ опредѣленъ только записывать опредѣленія другихъ или вести хозяйственную часть; но иногда случается и тамъ, отъ лѣности членовъ или чего другого, что онъ, мало-по-малу втираясь, становится посредникомъ и даже вершителемъ въ дѣлѣ искусства. И тогда выходитъ просто чортъ знаетъ что̀: пирожникъ принимается за сапоги, а къ сапожнику поступаетъ печенье пироговъ. Выходитъ инструкція для художника, писанная вовсе не художникомъ; является предписаніе, котораго даже и понять нельзя, зачѣмъ оно предписано. Часто удивляются, какъ такой-то человѣкъ, будучи всегда умнымъ человѣкомъ, могъ выпу-

стить преглупую бумагу, а въ ней онъ и душой не виноватъ: бумага вышла изъ такого угла, откуда и подозрѣвать никто не могъ, по пословицѣ: «писалъ писачка, а имя ему собачка»].

Нужно, чтобы въ дѣлѣ какого бы то ни было мастерства полное его производство упиралось на главномъ мастерѣ того мастерства, [а отнюдь не на какомъ-нибудь пристегнувшемся сбоку чиновникѣ, который можетъ быть только употребленъ для однихъ хозяйственныхъ расчетовъ, да для письменнаго дѣла]. Только самъ мастеръ можетъ учить своей наукѣ, слыша вполнѣ ея потребности, и никто другой. Одинъ только первоклассный актеръ-художникъ можетъ сдѣлать хорошій выборъ пьесъ, дать имъ строгую сортировку; одинъ онъ знаетъ тайну, какъ производить репетиціи, понимаетъ, какъ важны частыя считовки и полныя предуготовительныя повторенія пьесы. Онъ даже не позволитъ актеру выучить роль на дому, но сдѣлаетъ такъ, чтобы все выучилось ими сообща, и роль вошла сама собою въ голову каждаго во время репетицій, такъ чтобы всякій, окруженный тутъ же обстанавливающими его обстоятельствами, уже невольно отъ одного соприкосновенія съ ними слышалъ вѣрный тонъ своей роли. Тогда и дурной актеръ можетъ нечувствительно набраться хорошаго: покуда актеры еще не заучили наизусть своихъ ролей, имъ возможно перенять многое у лучшаго актера. Тутъ всякій, не зная даже самъ какимъ образомъ, набирается правды и естественности, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ тѣлодвиженіяхъ. Тонъ вопроса даетъ тонъ отвѣту. Сдѣлай вопросъ напыщенный, получишь и отвѣтъ напыщенный; сдѣлай простой вопросъ, простой и отвѣтъ получишь. Всякій наипростѣйшій человѣкъ уже способенъ отвѣчать въ тактъ. Но если только актеръ заучилъ у себя на дому свою роль, отъ него изойдетъ напыщенный, заученный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ уже останется въ немъ навѣкъ: его ничѣмъ не переломишь; ни одного слова не перейметъ онъ тогда отъ лучшаго актера; для него станетъ глухо все окруженіе обстоятельствъ и характеровъ, обступающихъ его

роль, такъ же, какъ и вся пьеса станетъ ему глуха и чужда, и онъ, какъ мертвецъ, будетъ двигаться среди мертвецовъ. Только одинъ истинный актеръ-художникъ можетъ слышать жизнь, заключенную въ пьесѣ, и сдѣлать такъ, что жизнь эта сдѣлается видною и живою для всѣхъ актеровъ; одинъ онъ можетъ слышать законную мѣру репетицій—какъ ихъ производить, когда прекратить и сколько ихъ достаточно для того, дабы возмогла пьеса явиться въ полномъ совершенствѣ своемъ передъ публикою. Умѣй только заставить актера-художника взяться за это дѣло, какъ за его собственное, родное дѣло, докажи ему, что это его долгъ и что честь его же искусства того требуетъ отъ него—и онъ это сдѣлаетъ, онъ это исполнитъ, потому что любитъ свое искусство. Онъ сдѣлаетъ даже больше, позаботясь, чтобы и послѣдній изъ актеровъ сыгралъ хорошо, сдѣлавъ строгое исполненіе всего цѣлаго какъ бы своею собственною ролью. Онъ не допуститъ на сцену никакой пошлой и ничтожной пьесы, [какую допустилъ бы иной чиновникъ, заботящійся только о приращеніи сборной денежной кассы],—потому не допуститъ, что уже его внутреннее эстетическое чувство оттолкнетъ ее. Ему невозможно также, если бы онъ даже и вздумалъ оказать какіе-нибудь притѣснительные поступки или прижимки относительно ввѣренныхъ ему актеровъ, [какія дѣлаются людьми чиновными]: его не допуститъ къ тому его собственная извѣстность. [Какой-нибудь чиновникъ-секретарь производитъ отважно свою пакость въ увѣренности, что какъ онъ ни напакости, о томъ никто не узнаетъ, потому что и самъ онъ незамѣтная пѣшка. Но сдѣлай что-нибудь несправедливое Щепкинъ или Каратыгинъ, о томъ заговоритъ вдругъ весь городъ. Вотъ почему особенно важно, чтобы главная отвѣтственность во всякомъ дѣлѣ падала на человѣка, уже извѣстнаго всѣмъ до единаго въ обществѣ]. Наконецъ, живя весь въ своемъ искусствѣ, которое стало уже его высшею жизнью, котораго чистоту блюдетъ онъ какъ святыню, художникъ-актеръ не попуститъ никогда, чтобы театръ сталъ проповѣдникомъ разврата. Итакъ, не

театръ виноватъ. Прежде очистите театръ отъ хлама, его загромоздившаго, и потомъ уже разбирайте и судите, что̀ такое театръ. Я заговорилъ здѣсь о театрѣ не потому, чтобы хотѣлъ говорить собственно о немъ, но потому, что сказанное о театрѣ можно примѣнить почти ко всему. Много есть такихъ предметовъ, которые страждутъ изъ-за того, что извратили смыслъ ихъ; а такъ какъ вообще на свѣтѣ есть много охотниковъ дѣйствовать сгоряча, по пословицѣ: «разсердясь на вши, да шубу въ печь», то чрезъ это уничтожается много того, что̀ послужило бы всѣмъ на пользу. Односторонніе люди и притомъ фанатики — язва для общества; бѣда той землѣ и государству, гдѣ въ рукахъ такихъ людей очутится какая-либо власть. У нихъ нѣтъ никакого смиренія христіанскаго и сомнѣнія въ себѣ; они увѣрены, что весь свѣтъ вретъ и одни они только говорятъ правду. Другъ мой, смотрите за собою покрѣпче: вы теперь именно находитесь въ этомъ опасномъ состояніи. Хорошо, что покуда вы внѣ всякой должности, и вамъ не ввѣрено никакого управленія; иначе вы, котораго я знаю, какъ наиспособнѣйшаго къ отправленію самыхъ трудныхъ и сложныхъ должностей, могли бы надѣлать больше зла и безпорядковъ, нежели самый неспособный изъ неспособнѣйшихъ. Берегитесь и въ самыхъ сужденіяхъ своихъ обо всемъ! Не будьте похожи на тѣхъ святошей, которые желали бы разомъ уничтожить все, что̀ ни есть въ свѣтѣ, видя во всемъ одно бѣсовское. Ихъ удѣлъ — впадать въ самыя грубыя ошибки. Нѣчто тому подобное случилось недавно въ литературѣ. Нѣкоторые стали печатно объявлять, что Пушкинъ былъ деистъ, а не христіанинъ; точно, какъ будто бы они побывали въ душѣ Пушкина; точно, какъ будто бы Пушкинъ непремѣнно обязанъ былъ въ стихахъ своихъ говорить о высшихъ догматахъ христіанскихъ, за которые и самъ святитель Церкви принимается не иначе, какъ съ великимъ страхомъ, приготовя себя къ тому глубочайшею святостію своей жизни. По ихъ понятіямъ, слѣдовало бы все высшее въ христіанствѣ обле-

кать въ риѳмы и сдѣлать изъ того какія-то стихотворныя игрушки. Пушкинъ слишкомъ разумно поступалъ, что, не дерзая переносить въ стихи того, чѣмъ еще не проникалась вся насквозь его душа, предпочиталъ лучше остаться нечувствительною ступенью къ высшему для всѣхъ тѣхъ, которые слишкомъ отдалились отъ Христа, нежели оттолкнуть ихъ вовсе отъ христіанства такими же бездушными стихотвореніями, какія пишутся тѣми, которые выставляютъ себя христіанами. Я не могу даже понять, какъ могло притти въ умъ критику, печатно, въ виду всѣхъ, взводить на Пушкина такое обвиненіе, и что сочиненія его служатъ къ развращенію свѣта, тогда какъ самой цензурѣ предписано, въ случаѣ, если бы смыслъ какого сочиненія не былъ вполнѣ ясенъ, толковать его въ прямую и выгодную для автора сторону, а не въ кривую и вредящую ему. Если это постановлено въ законъ цензурѣ, безмолвной и безгласной, не имѣющей даже возможности оговориться передъ публикою, то во сколько разъ больше должна это поставить себѣ въ законъ критика, которая можетъ изъясниться и оговориться въ малѣйшемъ дѣйствіи своемъ! Публично выставлять нехристіаниномъ человѣка и даже противникомъ Христа, основываясь на нѣкоторыхъ несовершенствахъ его души и на томъ, что онъ увлекался свѣтомъ такъ же, какъ и всякъ изъ насъ имъ увлекался,—развѣ это христіанское дѣло? Да и кто же изъ насъ христіанинъ? Этакъ я могу обвинить самого критика въ его нехристіанствѣ. Я могу сказать, что христіанинъ не возымѣетъ такой увѣренности въ умѣ своемъ, чтобы рѣшить такое темное дѣло, которое извѣстно одному Богу, зная, что умъ нашъ вполнѣ проясняется и можетъ обнимать со всѣхъ сторонъ предметъ только отъ святости нашей жизни, а жизнь его еще не такъ, можетъ-быть, свята. Христіанинъ передъ тѣмъ, чтобы обвинить какого-либо въ такомъ уголовномъ преступленіи, каково есть непризнаніе Бога въ томъ видѣ, въ какомъ повелѣлъ признавать Его Самъ Божій Сынъ, сходившій на землю, задумается, потому что дѣло это страшное. Онъ

скажетъ и то: въ поэзіи многое есть еще тайна, да и вся поэзія есть тайна; трудно и надъ простымъ человѣкомъ произнести судъ свой, произнести же судъ окончательный и полный надъ поэтомъ можетъ одинъ тотъ, кто заключилъ въ себѣ самомъ поэтическое существо и есть самъ уже почти равный ему поэтъ,—какъ и во всякомъ даже простомъ мастерствѣ понемногу можетъ судить всякъ, но вполнѣ судить можетъ только самъ мастеръ того мастерства. Словомъ, христіанинъ покажетъ прежде всего смиреніе, свое первое знамя, по которому можно узнать, что онъ христіанинъ. Христіанинъ, намѣсто того, чтобы говорить о тѣхъ мѣстахъ въ Пушкинѣ, которыхъ смыслъ еще теменъ и можетъ быть истолкованъ на двѣ стороны, станетъ говорить о томъ, что̀ ясно, что̀ было имъ произведено въ лѣта разумнаго мужества, а не увлекающейся юности. Онъ приведетъ его величественные стихи пастырю Церкви, гдѣ Пушкинъ самъ говоритъ о себѣ, что даже и въ тѣ годы, когда онъ увлекался суетою и прелестію свѣта, его поражалъ даже одинъ видъ служителя Христова.

Но и тогда струны лукавой
Мгновенно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла прахъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Вотъ на какое стихотвореніе Пушкина укажетъ критикъ-христіанинъ! Тогда критика его получитъ смыслъ и сдѣлаетъ добро: она еще сильнѣй укрѣпитъ самое дѣло, пока-

завіи, какъ даже и тотъ человѣкъ, который заключалъ въ себѣ всѣ разнородныя вѣрованія и вопросы своего времени, такъ сбивчивые, такъ отдаляющіе насъ отъ Христа, какъ даже и тотъ человѣкъ, въ лучшія и свѣтлѣйшія минуты своего поэтическаго ясновидѣнія, исповѣдалъ выше всего высоту христіанскую. Но какой теперь смыслъ критики? спрашиваю я. Какая польза смутить людей, поселивши въ нихъ сомнѣніе и подозрѣніе въ Пушкинѣ? Бездѣлица—выставить напумнѣйшаго человѣка своего времени не признающимъ христіанства,—человѣка, на котораго умственное поколѣніе смотритъ, какъ на вождя и на передового, сравнительно передъ другими людьми! Хорошо еще, что критикъ былъ безталантливъ и не могъ пустить въ ходъ подобную ложь, и что самъ Пушкинъ оставилъ тому опроверженіе въ своихъ же стихахъ; [но будь иначе, что̀ другое, кромѣ безвѣрья, намѣсто вѣры, могъ бы распространить онъ?] Вотъ что̀ можно сдѣлать, будучи одностороннимъ! Другъ мой, храни васъ Богъ отъ односторонности: съ нею всюду человѣкъ произведетъ зло: въ литературѣ, на службѣ, въ семьѣ, въ свѣтѣ, словомъ — вездѣ! Односторонній человѣкъ самоувѣренъ; односторонній человѣкъ дерзокъ; односторонній человѣкъ всѣхъ вооружитъ противъ себя. Односторонній человѣкъ ни въ чемъ не можетъ найти середины. Односторонній человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: онъ можетъ быть только фанатикомъ. Односторонность въ мысляхъ показываетъ только то, что человѣкъ еще на дорогѣ къ христіанству, но не достигнулъ его, потому что христіанство даетъ уже многосторонность уму. Словомъ — храни васъ Богъ отъ односторонности! Глядите разумно на всякую вещь и помните, что въ ней могутъ быть двѣ совершенно противоположныя стороны, изъ которыхъ одна до времени вамъ не открыта. Театръ и театръ— двѣ разныя вещи, равно какъ и восторгъ самой публики бываетъ двухъ родовъ: иное дѣло восторгъ отъ того, когда какая-нибудь балетная танцовщица подыметъ ногу повыше, и опять иное дѣло восторгъ отъ того, когда могуществен-

ный лицедѣй потрясающимъ словомъ подыметъ выше всѣ высокія чувства въ человѣкѣ. Иное дѣло—слезы отъ того, что какой-нибудь заѣзжій пѣвецъ расщекотитъ музыкальное ухо человѣка,—слезы, которыя, какъ я слышу, проливаютъ теперь въ Петербургѣ и немузыканты; и опять иное дѣло—слезы отъ того, когда живымъ представленіемъ высокаго подвига человѣка весь насквозь просвѣжается зритель и по выходѣ изъ театра принимается съ новою силою за долгъ свой, видя подвигъ геройскій въ такомъ его исполненіи. Другъ мой, мы призваны въ міръ не за тѣмъ, чтобы истреблять и разрушать, но, [подобно Самому Богу], все направлять къ добру, — даже и то, что̀ уже испортилъ человѣкъ и обратилъ во зло. Нѣтъ такого орудія въ мірѣ, которое не было бы предназначено на службу Бога. Тѣ же самые трубы, тимпаны, лиры и кимвалы, которыми славили язычники идоловъ своихъ, по одержаніи надъ ними царемъ Давидомъ побѣды, обратились на восхваленіе истиннаго Бога, и еще больше обрадовался весь Израиль, услышавъ хвалу Ему на тѣхъ инструментахъ, на которыхъ она дотолѣ не раздавалась.

1845.

XV.

ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ ЛИРИЧЕСКАГО ПОЭТА ВЪ НЫНѢШНЕЕ ВРЕМЯ.

ДВА ПИСЬМА КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ.

1.

Твое стихотвореніе «Землетрясеніе» меня восхитило. Жуковскій также былъ отъ него въ восторгѣ. Это, по его мнѣнію, лучшее, не только изъ твоихъ, но даже изъ всѣхъ русскихъ стихотвореній. Взять событіе изъ минувшаго и обратить его къ настоящему—какая умная и богатая мысль! А примѣненіе къ поэту, довершающее оду, таково, что

его слѣдуетъ всякому изъ насъ, каково бы ни было его поприще, примѣнить къ самому себѣ въ эту тяжелую годину всемірнаго землетрясенія, когда все помутилось отъ страха за будущее. Другъ, передъ тобою разверзается живоносный источникъ. Въ словахъ твоихъ поэту:

И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины —

заключаются слова тебѣ самому. Тайна твоей музы тебѣ открывается. Нынѣшнее время есть именно поприще для лирическаго поэта. Сатирою ничего не возьмешь; простою картиною дѣйствительности, оглянутой глазомъ современнаго свѣтскаго человѣка, никого не разбудишь: богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ. Нѣтъ, отыщи въ минувшемъ событіе, подобное настоящему, заставь его выступить ярко и порази его въ виду всѣхъ, какъ поражено было оно гнѣвомъ Божіимъ въ свое время; бей въ прошедшемъ настоящее, и въ двойную силу облечется твое слово: живѣе черезъ то выступитъ прошедшее, и крикомъ закричитъ настоящее. Разогни книгу Ветхаго Завѣта: ты найдешь тамъ каждое изъ нынѣшнихъ событій, увидишь яснѣе дня, въ чемъ оно преступило предъ Богомъ, и такъ очевидно изображенъ надъ нимъ совершившійся страшный судъ Божій, что встрепенется настоящее. У тебя есть на то орудія и средства: въ стихѣ твоемъ есть сила, и упрекающая, и подъемлющая. То и другое теперь именно нужно. Однихъ нужно поднять, другихъ попрекнуть: поднять тѣхъ, которые смутились отъ страховъ и безчинствъ, ихъ окружающихъ; попрекнуть тѣхъ, которые въ святыя минуты небеснаго гнѣва и страданій повсюдныхъ дерзаютъ предаваться буйству всякихъ скаканій и позорнаго ликованія. Нужно, чтобы твои стихи стали такъ въ глазахъ всѣхъ, какъ начертанныя на воздухѣ буквы, явившіяся на пиру Валтасара, отъ которыхъ все пришло въ ужасъ, еще прежде, нежели могло проникнуть самый ихъ смыслъ. А если хочешь быть еще понятнѣе всѣмъ, то, набравшись духа библейскаго, опустись съ нимъ, какъ со свѣточемъ, во глубины русской старины

и въ ней порази позоръ нынѣшняго времени, и углуби въ то же время глубже въ насъ то, передъ чѣмъ еще позорнѣе станетъ позоръ нашъ. Стихъ твой не будетъ вялъ, не бойся; старина дастъ тебѣ краски и уже одною собою вдохновитъ тебя! Она такъ живьемъ и шевелится въ нашихъ лѣтописяхъ. На-дняхъ попалась мнѣ книга: «Царскіе выходы». Тутъ уже одни слова и названія царскихъ убранствъ, дорогихъ тканей и каменьевъ — сущія сокровища для поэта; всякое слово такъ и ложится въ стихъ. Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что̀ ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи. Да если только уберешь такими словами стихъ свой — цѣликомъ унесешь читателя въ минувшее. Мнѣ, послѣ прочтенія трехъ страницъ изъ этой книги, такъ и видѣлся вездѣ царь старинныхъ, прежнихъ временъ, благоговѣйно идущій къ вечернѣ въ старинномъ царскомъ своемъ убранствѣ.

1844.

2.

Пишу къ тебѣ подъ вліяніемъ того-жъ стихотворенія твоего: «Землетрясеніе». Ради Бога, не оставляй начатаго дѣла! Перечитывай строго Библію, набирайся русской старины и, при свѣтѣ ихъ, приглядывайся къ нынѣшнему времени. Много, много предстоитъ тебѣ предметовъ, и грѣхъ тебѣ ихъ не видѣть. Жуковскій недаромъ доселѣ называлъ твою поэзію восторгомъ, никуда не обращеннымъ. Стыдно тратить лирическую силу въ видѣ холостыхъ выстрѣловъ на воздухъ, тогда какъ она дана тебѣ на то, чтобы взрывать камни и ворочать утесы. Оглянись вокругъ: все теперь предметы для лирическаго поэта; всякъ человѣкъ требуетъ лирическаго воззванія къ нему; куда ни поворотишься, видишь, что нужно или попрекнуть, или освѣжить кого-нибудь.

Попрекни же прежде всего, сильнымъ лирическимъ упрекомъ, умныхъ, но унывшихъ людей. Проймешь ихъ, если покажешь имъ дѣло въ настоящемъ видѣ, то-есть, что че-

ловѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, каковы бы ни были причины унынія, потому что уныніе проклято Богомъ. Истинно-русскаго человѣка поведешь на брань даже и противъ унынія, подпимешь его превыше страха и колебаній земли, какъ поднялъ поэта въ своемъ «Землетрясеніи».

Воззови, въ видѣ лирическаго сильнаго воззванія, къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ свою бѣдную душу. Уже онъ далеко отъ берега, уже несетъ и несетъ его ничтожная верхушка свѣта, несутъ обѣды, ноги плясавицъ, ежедневно сонное опьяненіе; нечувствительно облекается онъ плотію и сталъ уже весь плоть, и уже почти нѣтъ въ немъ души. Завопи воплемъ и выставь ему вѣдьму-старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, предъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ и обратно. О, если-бъ ты могъ сказать ему то, что̀ долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома «Мертвыхъ душъ»!

Опозорь, въ гнѣвномъ диөирамбѣ, новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ и его проклятую роскошь, и скверную жену его, погубившую щеголяніями и тряпками и себя, и мужа, и презрѣнный порогъ ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышатъ, чтобы, какъ отъ чумы, отъ нихъ побѣжало все бѣгомъ и безъ оглядки.

Возвеличь, въ торжественномъ гимнѣ, незамѣтнаго труженика, какой, къ чести высокой породы русской, находится посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ, который не беретъ даже и тогда, какъ все беретъ вокругъ него. Возвеличь и его, и семью его, и благородную жену его, которая лучше захотѣла носить старомодный чепецъ и стать предметомъ насмѣшекъ другихъ, нежели допустить своего мужа сдѣлать несправедливость и подлость. Выставь ихъ прекрасную бѣдность такъ, чтобы, какъ святыня, она засіяла у всѣхъ въ глазахъ, и каждому изъ нихъ захотѣлось бы самому быть бѣднымъ.

Ублажи гимномъ того исполина, какой выходитъ только изъ Русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна, становится вдругъ другимъ: плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра. Покажи, какъ совершается это богатырское дѣло въ истинно-русской душѣ; но покажи такъ, чтобы невольно затрепетала въ каждомъ русская природа и чтобы все, даже въ грубомъ и низшемъ сословіи, вскрикнуло: «Эхъ, молодецъ!» почувствовавши, что и для него самого возможно такое дѣло.

Много, много предметовъ для лирическаго поэта—въ книгѣ не вмѣстишь, не только въ письмѣ. Всякое истинное русское чувство глохнетъ, и некому его вызвать! Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ среди вялой и бабьей свѣтской жизни, которую привили къ намъ, подъ именемъ просвѣщенія, пустыя и мелкія нововведенія. Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. На колѣна предъ Богомъ, и проси у Него гнѣва и любви! Гнѣва—противу того, что̀ губитъ человѣка, любви—къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ. Найдешь слова, найдутся выраженія; огни, а не слова, излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ, если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ главу, раздравши ризы, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе богоизбраннаго своего народа.

1844.

XVI.

СОВѢТЫ.

ПИСЬМО КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Уча другихъ, также учишься. Посреди моего болѣзненнаго и труднаго времени, къ которому присоединились еще и тяжелыя страданія душевныя, я долженъ былъ вести такую дѣятельную переписку, какой никогда у меня не было дотолѣ. Какъ нарочно, почти со всѣми близкими моей душѣ случились въ это время внутреннія событія и потрясенія. Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта. Тутъ только узналъ я близкое родство человѣческихъ душъ между собою. Стóитъ только хорошенько выстрадаться самому, какъ уже всѣ страдающіе становятся тебѣ понятны и почти знаешь, чтò нужно сказать имъ. Этого мало; самый умъ проясняется: дотолѣ сокрытыя положенія и поприща людей становятся тебѣ извѣстны, и дѣлается видно, чтò кому изъ нихъ потребно. Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде. А между прочимъ я ничуть не умнѣе никого. Я знаю людей, которые въ нѣсколько разъ умнѣе и образованнѣе меня, и могли бы дать совѣты въ нѣсколько разъ полезнѣйшіе моихъ; но они этого не дѣлаютъ и даже не знаютъ, какъ это сдѣлать. Великъ Богъ, насъ умудряющій! И чѣмъ же умудряющій? — тѣмъ самымъ горемъ, отъ котораго мы бѣжимъ и хотимъ сокрыться. Страданіями и горемъ опредѣлено намъ добывать крупицы мудрости, не пріобрѣтаемой въ книгахъ. Но кто уже пріобрѣлъ одну изъ этихъ крупицъ, тотъ уже не имѣетъ права скрывать ее въ себѣ отъ другихъ. Она не твое, но Божіе достояніе. Богъ ее выработалъ въ тебѣ; всѣ же дары Божіи даются намъ затѣмъ, чтобы мы служили ими собратіямъ нашимъ: Онъ повелѣлъ, чтобы ежеминутно учили мы

другъ друга. Итакъ, не останавливайся, учи и давай совѣты! Но, если хочешь, чтобы это принесло въ то же время тебѣ самому пользу, дѣлай такъ, какъ думаю я и какъ положилъ себѣ отнынѣ дѣлать всегда. Всякій совѣтъ и наставленіе, какое бы ни случилось кому дать, хотя бы даже человѣку, стоящему на самой низкой степени образованія, съ которымъ у тебя ничего не можетъ быть общаго, обрати въ то же время къ самому себѣ, и то же самое, что̀ посовѣтовалъ другому, посовѣтуй себѣ самому; тотъ же самый упрекъ, который сдѣлалъ другому, сдѣлай тутъ же себѣ самому. Повѣрь, все придется къ тебѣ самому, и я даже не знаю, есть ли такой упрекъ, которымъ бы нельзя было упрекнуть себя самого, если только пристально поглядишь на себя. Дѣйствуй оружіемъ обоюдуострымъ. Если даже тебѣ случится разсердиться на кого бы то ни было, разсердись въ то же время и на себя самого, хотя за то, что сумѣлъ разсердиться на другого. И это дѣлай непремѣнно! Ни въ какомъ случаѣ не своди глазъ съ самого себя. Имѣй всегда въ предметѣ себя прежде всѣхъ. Будь эгоистъ въ этомъ случаѣ. Эгоизмъ тоже не дурное свойство; вольно было людямъ дать ему такое скверное толкованіе, а въ основаніе эгоизма легла сущая правда. Позаботься прежде о себѣ, а потомъ о другихъ; стань прежде самъ почище душою, а потомъ уже старайся, чтобы другіе были чище.

1846.

XVII.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Еще разъ пишу къ тебѣ съ дороги. Братъ, благодарю за все! У Гроба Господа испрошу, да поможетъ мнѣ отдать тебѣ хотя часть того умнаго добра, которымъ надѣлялъ меня ты. Вѣруй, и да не смущается твое сердце! Въ Москву ты пріѣдешь, какъ въ родную свою семью. Она предстанетъ

тебѣ желанною пристанью, и въ ней покойнѣе будетъ тебѣ, нежели здѣсь. Ни пустой шумъ суеты, ни громъ экипажа не смутитъ тебя: объѣдутъ бережно и улицу, въ которой ты будешь жить. Если кто и пріѣдетъ тебя навѣстить, старый ли другъ твой, или же дотолѣ незнакомый человѣкъ, онъ станетъ впередъ просить не отдавать ему визита, боясь, чтобы и минута твоего времени не пропала. У насъ умѣютъ и даже знаютъ, какъ почтить того, кто сдѣлалъ цѣликомъ свое дѣло. Кто такъ безукоризненно, такъ честно употреблялъ всѣ дары свои, не давая задремать своимъ способностямъ, не лѣнясь ни минуты во всю жизнь свою, кто сохранилъ свѣжую старость свою, какъ бы молодость, въ то время, какъ всѣ вокругъ истратили ее на пустые соблазны и какъ молодые превратились въ хилыхъ стариковъ, тотъ имѣетъ право на вниманіе благоговѣйное. Какъ патріархъ ты будешь въ Москвѣ, и на вѣсъ золота примутъ отъ тебя юноши старческія слова твои. Твоя Одиссея принесетъ много общаго добра: это тебѣ предрекаю. Она возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка, усталаго отъ безпорядка жизни и мыслей; она обновитъ въ глазахъ его много того, что̀ брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ. Но не меньше добра, если еще не больше, принесутъ тѣ труды, на которые навелъ тебя Самъ Богъ и которые ты держишь покуда разумно подъ спудомъ. Въ нихъ окажется также потребность общая. Не смущайся же и твердо гляди впередъ! Да не испугаетъ тебя никакая нестройность того, что̀ бы ты ни встрѣтилъ. Есть примиритель всего внутри самой земли нашей, который покуда еще не всѣми видимъ — наша Церковь. Уже готовится она вдругъ вступить въ полныя права свои и засіять свѣтомъ на всю землю. Въ ней заключено все, что̀ нужно для жизни истинно-русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простого семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога. По мнѣ, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь,

не испросивъ у нея на то благословенія. Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи, покуда не окреститъ ихъ она свѣтомъ Христовымъ. Увидишь, какъ это вдругъ и въ твоихъ же глазахъ будетъ признано всѣми въ Россіи, какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими, какъ вдругъ выступитъ всѣми узнанная наша Церковь. Была на то воля Промысла, чтобы непостижимая слѣпота пала на глаза многихъ. Разбирая пристально нить событій міра, вижу всю мудрость Божію, попустившую временному раздѣленію Церквей, повелѣвшую одной стоять неподвижно и какъ бы вдали отъ людей, а другой—волноваться вмѣстѣ съ людьми; одной—не принимать въ себя никакихъ нововведеній, кромѣ тѣхъ, которыя были внесены святыми людьми лучшихъ временъ христіанства и первоначальными Отцами Церкви, другой—мѣняясь и примѣняясь ко всѣмъ обстоятельствамъ времени, духу и привычекъ людей, вносить всѣ нововведенія, сдѣланныя даже порочными и несвятыми епископами; одной—на время какъ бы умереть для міра, другой—на время какъ бы овладѣть всѣмъ міромъ; одной—подобно скромной Маріи, отложивши всѣ попеченія о земномъ, помѣститься у ногъ Самого Господа, затѣмъ, чтобы лучше наслушаться словъ Его, прежде, нежели примѣнять и передавать ихъ людямъ, другой же—подобно заботливой хозяйкѣ Марѳѣ, гостепріимно хлопотать около людей, передавая имъ еще не взвѣшенныя всѣмъ разумомъ слова Господни. Благую часть избрала первая, что такъ долго прислушивалась къ словамъ Господа, вынося упреки недальновидной сестры своей, которая уже было осмѣлилась называть ее *мертвымъ* трупомъ и даже заблудшею и отступившею отъ Господа. Не легко примѣнить слово Христово къ людямъ, и слѣдовало ей прежде сильно проникнуться имъ самой. Зато въ нашей Церкви сохранилось все, что нужно для просыпающагося нынѣ общества. Въ ней кормило и руль наступающему новому порядку вещей, и чѣмъ больше вхожу въ нее сердцемъ, умомъ и помышленіемъ, тѣмъ больше изумляюсь чудной возможности примире-

нія тѣхъ противорѣчій, которыя не въ силахъ примирить теперь Церковь западная. Западная Церковь была еще достаточна для прежняго несложнаго порядка, еще могла коекакъ управлять міромъ и мирить его со Христомъ во имя односторонняго и неполнаго развитія человѣчества. Теперь же, когда человѣчество стало достигать развитія полнѣйшаго во всѣхъ своихъ силахъ, во всѣхъ свойствахъ, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, она его только отталкиваетъ отъ Христа: чѣмъ больше хлопочетъ о примиреніи, тѣмъ больше вноситъ раздоръ, будучи не въ силахъ освѣтить узкимъ свѣтомъ своимъ всякій нынѣшній предметъ со всѣхъ его сторонъ. Всѣ сознаются въ томъ, что этимъ самымъ введеніемъ въ себя множества постановленій человѣческихъ, сдѣланныхъ такими епископами, которые еще не достигнули святостію жизни своей до полной и многосторонней христіанской мудрости, она съузила взглядъ свой на жизнь и міръ и не можетъ обхватить ихъ. Полный и всесторонній взглядъ на жизнь остался на ея восточной половинѣ, видимо сбереженной для позднѣйшаго и полнѣйшаго образованія человѣка. Въ ней просторъ не только душѣ и сердцу человѣка, но и разуму, во всѣхъ его верховныхъ силахъ. Въ ней дорога и путь, какъ устремить все въ человѣкѣ въ одинъ согласный гимнъ верховному Существу. Другъ, не смущайся ничѣмъ! Если бы седмерицею кратъ были запутаннѣе нынѣшнія обстоятельства—все примиритъ и распутаетъ наша Церковь. Уже какимъ-то невѣдомымъ чутьемъ даже наши свѣтскіе люди, толкающіеся среди насъ, начинаютъ слышать, что есть какое-то сокровище, отъ котораго спасеніе, — которое среди насъ и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище, и на всемъ отсвѣтится блескъ его. И время уже недалеко. Мы повторяемъ теперь еще безсмысленно слово «просвѣщеніе». Даже и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово и что̀ оно значитъ. Слова этого нѣтъ ни на какомъ языкѣ; оно только у насъ. Просвѣтить не значитъ научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтить, но всего насквозь высвѣтлить человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ

одномъ умѣ, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви, которая уже почти тысячу лѣтъ его произноситъ, несмотря на всѣ мраки и невѣжественныя тьмы, отвсюду ее окружавшіе, и знаетъ, зачѣмъ произноситъ. Недаромъ архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подъемля въ обѣихъ рукахъ и троесвѣщникъ, знаменующій Троицу Бога, и двусвѣщникъ, знаменующій Его сходившее на землю Слово въ двойномъ естествѣ Его, и Божескомъ, и человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося: «Свѣтъ Христовъ освѣщаетъ всѣхъ!» Недаромъ также въ другомъ мѣстѣ служенія гремятъ отрывочно, какъ бы съ неба, вслухъ всѣмъ слова: «Свѣтъ просвѣщенія!» и ничего къ нимъ не прибавляется больше.

1846.

XVIII.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ ПО ПОВОДУ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

1.

Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на «Мертвыя Души»: это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противу себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянь и выставить ее такъ ярко наружу, что поневолѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупицу ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ

годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было явиться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, несмотря на то, что съ перваго раза пришлось очень не по сердцу. О, какъ намъ нужны безпрестанные щелчки и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдкія, пронимающія насквозь насмѣшки! На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно насъ поражающую руку.

Я бы желалъ, однакожъ, побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ «Мертвыя Души» произвели много шума, много ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами, хоть исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ; мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, авось кто-нибудь меня выбранитъ хорошенько и въ брани, въ гнѣвѣ выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы мнѣ явно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защитить и оправдать справедливость мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося лучше доказывается дѣло, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованіями. Могъ бы то же сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ— всякій грамотей, сидитъ ли онъ сиднемъ на мѣстѣ, или рыскаетъ вдоль и поперекъ по всему лицу Русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человѣкъ, съ

того мѣста или ступеньки въ обществѣ, на которую поставили его должность, званіе и образованіе, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ которой кромѣ его никто другой не можетъ видѣть. По поводу «Мертвыхъ Душъ» могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая «Мертвыхъ Душъ», которая могла бы научить не только меня, но и самихъ читателей, потому что—нечего таить грѣха—всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышаніе! Точно, какъ бы вымерло все, какъ бы въ самомъ дѣлѣ обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то «мертвыя души». И меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи! Какъ будто непремѣнно силою Святого Духа долженъ узнать я все, что́ ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея,—безъ наученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдали отъ Россіи? какими путями могу я научиться? Меня же не научатъ этому литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели отказались поучить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла; но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе. И говорю это недаромъ; видитъ Богъ, говорю недаромъ!

1843.

2.

Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Они такъ неясны, такъ мало вяжутся съ предметами, проходящими предъ глазами читателя, такъ невпопадъ складу и замашкѣ всего сочиненія, что ввели въ равное заблужденіе какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ; я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою

пользу. И по-дѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать и сочиненія, которое, хотя выкроено было не дурно, но сшито кое-какъ бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка всматриваться въ постройку сочиненія. Слѣдовало показать, какія части чудовищно-длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его. Словомъ — можно было много сдѣлать нападеній несравненно дѣльнѣйшихъ, выбранить меня гораздо больше, нежели теперь бранятъ, и выбранить за дѣло. Но рѣчь не о томъ. Рѣчь о лирическомъ отступленіи, на которое больше всего напали журналисты, видя въ немъ признаки самонадѣянности, самохвальства и гордости, доселѣ еще не слыханной ни въ одномъ писателѣ. Разумѣю то мѣсто въ послѣдней главѣ, когда, изобразивъ выѣздъ Чичикова изъ города, писатель, на время оставляя своего героя среди столбовой дороги, становится самъ на его мѣсто и, пораженный скучнымъ однообразіемъ предметовъ, пустынною безпріютностію пространствъ и грустною пѣснію, несущеюся по всему лицу земли Русской отъ моря до моря, обращается въ лирическомъ воззваніи къ самой Россіи, спрашивая у нея самой объясненія непонятнаго чувства, его объявшаго, то-есть: зачѣмъ и почему ему кажется, что будто все, что̀ ни есть въ ней, отъ предмета одушевленнаго до бездушнаго, вперило на него глаза свои и чего-то ждетъ отъ него. Слова эти были приняты за гордость и доселѣ неслыханное хва-

стовство, между тѣмъ, какъ они ни то, ни другое. Это, просто, нескладное выраженіе истиннаго чувства. Мнѣ и донынѣ кажется то же. Я до сихъ поръ не могу выносить тѣхъ заунывныхъ, раздирающихъ звуковъ нашей пѣсни, которая стремится по всѣмъ безпредѣльнымъ русскимъ пространствамъ. Звуки эти вьются около моего сердца, и я даже дивлюсь, почему каждый не ощущаетъ въ себѣ того же. Кому, при взглядѣ на эти пустынныя, доселѣ незаселенныя и безпріютныя пространства, не чувствуется тоска, кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся болѣзненные упреки ему самому, именно ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ нерусскій въ душѣ. Разберемъ дѣло, какъ оно есть. Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются такъ же пустынны, грустны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно, какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ, роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовою станціею, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ лошадей!» Отчего это? Кто виноватъ? Мы [или правительство? Но] правительство во все время дѣйствовало безъ устали. Свидѣтелемъ тому цѣлые томы постановленій, узаконеній и учрежденій, множество настроенныхъ домовъ, множество изданныхъ книгъ, множество заведенныхъ заведеній всякаго рода: учебныхъ, человѣколюбивыхъ, богоугодныхъ и словомъ, даже такихъ, какихъ нигдѣ въ другихъ государствахъ не заводятъ правительства. Сверху раздаются вопросы, отвѣты снизу. Сверху раздавались иногда такіе вопросы, которые свидѣтельствуютъ о рыцарски-великодушномъ движеніи многихъ государей, дѣй-

ствовавшихъ даже въ ущербъ собственнымъ выгодамъ. А какъ было на это все отвѣтствовано снизу? Дѣло вѣдь въ примѣненіи, въ умѣньи приложить данную мысль такимъ образомъ, чтобы она принялась и поселилась въ насъ. Указъ, какъ бы онъ обдуманъ и опредѣлителенъ ни былъ, есть не болѣе, какъ бланковый листъ, если не будетъ снизу такого же чистаго желанія примѣнить его къ дѣлу тою именно стороною, какой нужно, какой слѣдуетъ и какую можетъ прозрѣть только тотъ, кто просвѣтленъ понятіемъ о справедливости Божеской, а не человѣческой. Безъ того все обратится во зло. Доказательство тому всѣ наши тонкіе плуты и взяточники, которые умѣютъ обойти всякій указъ, для которыхъ новый указъ есть только новая пожива, новое средство загромоздить бо̀льшею сложностію всякое отправленіе дѣлъ, бросить новое бревно подъ ноги человѣку. Словомъ—вездѣ, куда ни обращусь, вижу, что виноватъ примѣнитель, стало-быть, нашъ же братъ: или виноватъ тѣмъ, что поторопился, желая слишкомъ скоро прославиться [и схватить орденишку]; или виноватъ тѣмъ, что слишкомъ сгоряча рванулся, желая, по русскому обычаю, показать свое самопожертвованіе; не спросясь разума, не разсмотрѣвъ въ жару самаго дѣла, сталъ имъ ворочать, какъ знатокъ, и потомъ вдругъ, также по русскому обычаю, простылъ, увидѣвши неудачу; или же виноватъ, наконецъ, тѣмъ, что, изъ-за какого-нибудь оскорбленнаго мелкаго честолюбія, все бросилъ и то мѣсто, на которомъ было началъ такъ благородно подвизаться, сдалъ первому плуту—[пусть пограбитъ людей]. Словомъ—у рѣдкаго изъ насъ доставало столько любви къ добру, чтобы онъ рѣшился пожертвовать изъ-за него и честолюбіемъ, и самолюбіемъ, и всѣми мелочами легко раздражающагося своего эгоизма и положилъ самому себѣ въ непремѣнный законъ—служить землѣ своей, а не себѣ, помня ежеминутно, что взялъ онъ мѣсто для счастія другихъ, а не для своего. Напротивъ, въ послѣднее время, какъ бы еще нарочно, старался русскій человѣкъ выставить всѣмъ на видъ свою щекотливость во всѣхъ родахъ и мелочь раз-

дражительнаго самолюбія своего на всѣхъ путяхъ. Не знаю, много ли изъ насъ такихъ, которые сдѣлали все, что̀ имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ сказать открыто передъ цѣлымъ свѣтомъ, что ихъ не можетъ попрекнуть ни въ чемъ Россія, что не глядитъ на нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ ея пустынныхъ пространствъ, что все ими довольно и ничего отъ нихъ не ждетъ. Знаю только то, что я слышалъ себѣ упрекъ. Слышу его и теперь. И на моемъ поприщѣ писателя, какъ оно ни скромно, можно было кое-что сдѣлать на пользу болѣе прочную. Что̀ изъ того, что въ моемъ сердцѣ обитало всегда желаніе добра и что единственно изъ-за него я взялся за перо? Какъ исполнилъ его? Ну, хоть бы и это мое сочиненіе, которое теперь вышло и которому названіе «Мертвыя Души»,— произвело ли оно то впечатлѣніе, какое должно было произвести, если бы только было написано такъ, какъ слѣдуетъ? Своихъ же собственныхъ мыслей, простыхъ, неголоволомныхъ мыслей, я не сумѣлъ передать, и самъ же подалъ поводъ къ истолкованію ихъ въ превратную и скорѣе вредную, нежели полезную, сторону. Кто виноватъ? Неужели мнѣ говорить, что меня подталкивали просьбы пріятелей или нетерпѣливыя желанія любителей изящнаго, услаждающихся пустыми, скоропреходящими звуками? Неужели мнѣ говорить, что меня притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для моего прожитія деньги, я долженъ былъ поторопиться безвременнымъ выпускомъ моей книги? Нѣтъ, кто рѣшился исполнить свое дѣло честно, того не могутъ поколебать никакія обстоятельства, тотъ протянетъ руку и попроситъ милостыню, если ужъ до того дойдетъ дѣло, тотъ не посмотритъ ни на какія временныя нареканія, нижѐ пустыя приличія свѣта. Кто изъ пустыхъ приличій свѣта портитъ дѣло, нужное своей землѣ, тотъ ея не любитъ. Я почувствовалъ презрѣнную слабость моего характера, мое подлое малодушіе, безсиліе любви моей, а потому и услышалъ болѣзненный упрекъ себѣ во всемъ, что̀ ни есть въ Россіи. Но высшая сила меня подняла:

проступковъ нѣтъ неисправимыхъ, и тѣ же пустынныя пространства, нанесшія тоску мнѣ на душу, меня восторгнули великимъ просторомъ своего пространства, широкимъ поприщемъ для дѣлъ. Отъ души было произнесено это обращеніе къ Россіи: «Въ тебѣ ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться ему?» Оно было сказано не для картины или похвальбы: я это чувствовалъ; я это чувствую и теперь. Въ Россіи теперь на всякомъ шагу можно сдѣлаться богатыремъ. Всякое званіе и мѣсто требуетъ богатырства. Каждый изъ насъ опозорилъ до того святыню своего званія и мѣста (всѣ мѣста святы), что нужно богатырскихъ силъ на то, чтобы вознести ихъ на законную высоту. Я слышалъ то великое поприще, которое никому изъ другихъ народовъ теперь невозможно и только одному русскому возможно, потому что передъ нимъ только такой просторъ и только его душѣ знакомо богатырство—вотъ отчего у меня исторгнулось то восклицаніе, которое приняли за мое хвастовство и мою самонадѣянность!

1843.

3.

Охота же тебѣ, будучи такимъ знатокомъ и вѣдателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые запросы, которые умѣютъ задать и другіе! Половина ихъ относится къ тому, что̀ еще впереди. Ну, что̀ толку въ подобномъ любопытствѣ? Одинъ только запросъ уменъ и достоинъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, сумѣлъ ли бы на него отвѣчать умно, именно запросъ: отчего герои моихъ послѣднихъ произведеній, и въ особенности «Мертвыхъ Душъ», будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему, близки душѣ, точно, какъ бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу все: герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія—исторія

моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ себя самого, какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго, точно, нѣтъ у другихъ писателей. Оно впослѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

Это свойство выступило съ большей силою въ «Мертвыхъ Душахъ». «Мертвыя Души» не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов; но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго, въ томъ, вѣрно, заключено все то, что противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство; но достоинство это, говорю вновь,

не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.

Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность; но зато, вмѣсто того, во мнѣ заключилось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю, какъ возблагодарить Его, было *желаніе быть лучшимъ.* Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ, и если бы небесная любовь Божія не распорядила такъ, чтобы они открылись передо мною постепенно и понемногу, намѣсто того, чтобы открылись вдругъ и разомъ передъ моими глазами, въ то время, какъ я не имѣлъ еще никакого понятія о всей неизмѣримости Его безконечнаго милосердія,—я бы повѣсился. По мѣрѣ того, какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ. Какого рода было это событіе, знать тебѣ не слѣдуетъ: если бы я видѣлъ въ этомъ пользу для кого-нибудь, я бы это уже объявилъ. Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и

всѣмъ, чѣмъ ни попало. Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего вначалѣ для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебѣ только то, что когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ Душъ», въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что̀ значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее *отсутствіе свѣта*. Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести «Мертвыя Души». Я увидѣлъ, что многія изъ гадостей не сто̀ятъ злобы; лучше показать всю ничтожность ихъ, которая должна быть навѣки ихъ удѣломъ. Притомъ мнѣ хотѣлось попробовать, что̀ скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчуешь его же собственною пошлостію. Вслѣдствіе уже давно принятаго плана «Мертвыхъ Душъ» для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однакожъ, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется, только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои. Я тебѣ это покажу послѣ, когда будетъ тебѣ нужно; до времени это моя тайна. Мнѣ потребно было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что̀ они захватили нечаянно, и возвратить законнымъ ихъ владѣльцамъ. Не спрашивай, зачѣмъ первая часть должна быть вся *пошлость*, и зачѣмъ

въ ней всѣ лица до единаго должны быть пошлы: на это дадутъ тебѣ отвѣтъ другіе томы. Вотъ и все! Первая часть, несмотря на всѣ свои несовершенства, главное дѣло сдѣлала: она поселила во всѣхъ отвращеніе отъ моихъ героевъ и отъ ихъ ничтожности; она разнесла нѣкоторую мнѣ нужную тоску и собственное наше неудовольствіе на самихъ насъ. Покамѣстъ для меня этого довольно; за другимъ я и не гонюсь. Конечно, все это вышло бы гораздо значительнѣе, если бы я, не торопясь выдачею въ свѣтъ, обработалъ книгу получше. Герои мои еще не отдѣлились вполнѣ отъ меня самого, а потому не получили настоящей самостоятельности. Еще не поселилъ я ихъ твердо на той землѣ, на которой имъ быть долженствовало, и не вошли они въ кругъ нашихъ обычаевъ, обставясь всѣми обстоятельствами дѣйствительно русской жизни. Еще вся книга не болѣе, какъ недоносокъ; но духъ ея разнесся уже отъ нея незримо, и самое ея раннее появленіе можетъ быть полезно мнѣ тѣмъ, что подвигнетъ моихъ читателей указать всѣ промахи относительно общественныхъ и частныхъ порядковъ внутри Россіи. Вотъ, если бы ты, вмѣсто того, чтобы предлагать мнѣ пустые запросы (которыми напичкалъ половину письма своего и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго любопытства), собралъ всѣ дѣльныя замѣчанія на мою книгу, какъ свои, такъ и другихъ умныхъ людей, занятыхъ, подобно тебѣ, жизнію опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околоткѣ вашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе или въ опроверженіе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибрать на всякую страницу; тогда бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова, и какъ бы успѣшнѣе пошло мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ; моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности,

не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопытство знать впередъ, и эта пустая, ни къ чему не ведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, уже и ты начинаешь заражаться? Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исходитъ одно изъ другого! Одни мы, Богъ вѣсть изъ чего, мечемся. Все торопится, все въ какой-то горячкѣ. Ну, взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои: «Второй томъ нуженъ теперь необходимо?» Чтобы я изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ, такъ же глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ. Да развѣ ужъ я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно; въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь нуженъ? Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? почувствовалъ существо второго тома? По-твоему, онъ нуженъ теперь, а по-моему не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто-жъ изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ уже сидитъ въ головѣ, или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода теперь завелась на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на-боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а другого торопитъ, точно, какъ будто непремѣнно другой долженъ изо всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на-боку. Чуть замѣтятъ, что хотя одинъ человѣкъ занялся серьёзно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбранятъ, если сдѣлаетъ глупо, — скажутъ: «зачѣмъ поторопился?» Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ и даже сказалъ тебѣ то, чего доселѣ не говорилъ еще никому. Не думай, однакоже, послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не

держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ. И это вздоръ, что выпустили глупые свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только въ глупой свѣтской башкѣ могла образоваться такая глупая мысль. Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которою выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостію, которая всѣмъ видна. И, когда повѣряю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, Кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ; но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году: святая сила помогла мнѣ отъ тѣхъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣлясь, взглянуть хорошенько на самого себя, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину словъ моихъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если попристальнѣе вглядишься. Тебѣ объяснится также и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ и не избиралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ, хотя сколько-нибудь, на нихъ походить; пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ,—мертвечина будетъ все, что̀ ни напишетъ перо твое и, какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумавать кошемаровъ—я также не выдумывалъ, кошемары эти давили мою собственную душу: что̀ было въ душѣ, то изъ нея и вышло.

1843.

4.

Затѣмъ сожженъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ», что такъ было нужно. «*Не оживетъ, аще не умретъ*», говоритъ апостолъ. Нужно прежде умереть, для того, чтобы воскреснуть. Не легко было сжечь пятилѣтній трудъ, производимый съ такими болѣзненными напряженіями, гдѣ всякая строка досталась потрясеніемъ, гдѣ было много такого, что̀ составляло мои лучшія помышленія и занимало мою душу. Но все было сожжено, и притомъ въ ту минуту, когда, видя передъ собою смерть, мнѣ очень хотѣлось оставить послѣ себя хоть что-нибудь, обо мнѣ лучше напоминающее. Благодарю Бога, что далъ мнѣ силу это сдѣлать. Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги, ея содержаніе вдругъ воскресло въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ, подобно фениксу изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что́ я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ. Появленіе второго тома въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, произвело бы скорѣе вредъ, нежели пользу. Нужно принимать въ соображеніе не наслажденіе какихъ-нибудь любителей искусствъ и литературы, но всѣхъ читателей, для которыхъ писались «Мертвыя Души». Вывести нѣсколько прекрасныхъ характеровъ, обнаруживающихъ высокое благородство нашей породы, ни къ чему не поведетъ. Оно возбудитъ только одну пустую гордость и хвастовство. Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы ихъ углубить и воспитать въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: «Смотрите, нѣмцы: мы лучше васъ!» Это хвастовство—губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешь. А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются,—хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ, уже лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели само-

надѣянность въ себѣ. Въ первомъ случаѣ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, увидитъ свою презрѣнность, подлое ничтожество свое и вспомнитъ невольно о Богѣ, возносящемъ и выводящемъ все изъ глубины ничтожества; въ послѣднемъ же случаѣ, онъ убѣжитъ отъ самого себя прямо въ руки къ чорту, отцу самонадѣянности, дымнымъ надменіемъ своихъ доблестей надмевающему человѣка. Нѣтъ, бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ. Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній: вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ ими же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое — *душа* и *прочное дѣло жизни.* А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ не зачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе! Жгу, когда нужно жечь, и, вѣрно, поступаю какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему. Опасенія же ваши насчетъ хилаго моего здоровья, которое, можетъ-быть, не позволитъ мнѣ написать второго тома, напрасны. Здоровье мое очень хило, это правда; временами бываетъ мнѣ такъ тяжело, что безъ Бога и не перенесъ бы. Къ изнуренію силъ прибавилась еще и зябкость въ такой мѣрѣ, что не знаю, какъ и чѣмъ согрѣться:

нужно дѣлать движеніе, а дѣлать движеніе — нѣтъ силъ. Едва часъ въ день выберется для труда, и тотъ не всегда свѣжій. Но ничуть не уменьшается моя надежда. Тотъ, Кто горемъ, недугами и препятствіями ускорилъ развитіе силъ и мыслей моихъ, безъ которыхъ я бы и не замыслилъ своего труда, Кто выработалъ бо̀льшую половину его въ головѣ моей, Тотъ дастъ силу совершить и остальную — положить на бумагу. Дряхлѣю тѣломъ, но не духомъ. Въ духѣ, напротивъ, все крѣпнетъ и становится тверже; будетъ крѣпость и въ тѣлѣ. Вѣрю, что, если придетъ урочное время, въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ пять болѣзненныхъ лѣтъ.

1846.

XIX.

НУЖНО ЛЮБИТЬ РОССІЮ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

Безъ любви къ Богу никому не спастись, а любви къ Богу у васъ нѣтъ. Въ монастырѣ ея не найдется; въ монастырь идутъ одни тѣ, которыхъ уже позвалъ туда Самъ Богъ. Безъ воли Бога нельзя и полюбить Его. Да и какъ полюбить Того, Котораго никто не видалъ? Какими молитвами и усиліями вымолить у Него эту любовь? Смотрите, сколько есть теперь на свѣтѣ добрыхъ и прекрасныхъ людей, которые добиваются жарко этой любви и слышатъ одну только черствость да холодную пустоту въ душахъ. Трудно полюбить Того, Кого никто не видалъ. Одинъ Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Сто̀итъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу Самому. Идите же въ міръ и пріобрѣтите прежде любовь къ братьямъ.

Но какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей? Душа хочетъ любить одно прекрасное, а бѣдные люди такъ не-

совершенны, и такъ въ нихъ мало прекраснаго! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь — есть сама Россія. Если только возлюбитъ русскій Россію, возлюбитъ и все, что̀ ни есть въ Россіи. Къ этой любви насъ ведетъ теперь Самъ Богъ. Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились внутри ея и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви. Уже крики на безчинства, неправды и взятки не просто негодованіе благородныхъ на безчестныхъ, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись въ безчисленномъ множествѣ, разсыпались по домамъ и наложили тяжелое ярмо на каждаго человѣка; уже и тѣ, которые приняли добровольно къ себѣ въ домы этихъ враговъ душевныхъ, хотятъ отъ нихъ освободиться сами, и не знаютъ, какъ это сдѣлать, и все сливается въ одинъ потрясающій вопль, уже и безчувственные подвигаются. Но прямой любви еще не слышно ни въ комъ,—ея нѣтъ таки и у васъ. Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что̀ въ ней ни дѣлается; въ васъ все это производитъ только одну черствую досаду да уныніе. Нѣтъ. это еще не любовь, далеко вамъ до любви, это развѣ только одно слишкомъ отдаленное еще ея предвѣстіе. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то-есть, будто въ теперешнее время они уже ничего не могутъ сдѣлать для Россіи, и будто они ей уже не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей; не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣятельности на немъ

всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздной жизни. Нѣтъ, вы еще не любите Россіи. А не полюбивши Россіи, не полюбить вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣться вамъ любовью къ Богу, а не возгорѣвшись любовью къ Богу, не спастись вамъ.

1844.

XX.

НУЖНО ПРОѢЗДИТЬСЯ ПО РОССІИ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ГР. А. П. Т.....МУ.

Нѣтъ выше званія, какъ монашеское, и да сподобитъ насъ Богъ когда-нибудь надѣть простую рясу чернеца, такъ желанную душѣ моей, о которой уже и помышленіе мнѣ въ радость. Но безъ зова Божія этого не сдѣлать. Чтобы имѣть право удалиться отъ міра, нужно умѣть распроститься съ міромъ. «Раздай все имущество свое нищимъ и тогда ступай въ монастырь», — такъ говорится всѣмъ туда идущимъ. У васъ есть богатство, вы его можете раздать нищимъ; но что̀ же мнѣ раздать? Имущество мое не въ деньгахъ. Богъ мнѣ помогъ накопить нѣсколько умнаго и душевнаго добра и далъ нѣкоторыя способности, полезныя и нужныя другимъ — стало-быть, я долженъ раздать это имущество неимущимъ его, а потомъ уже итти въ монастырь. Но и вы одной денежной раздачей не получите на то права. Если бы вы были привязаны къ вашему богатству и вамъ было бы тяжело съ нимъ разстаться, тогда другое дѣло; но вы къ нему охладѣли, для васъ оно теперь ничто—гдѣ-жъ вашъ подвигъ и ваше пожертвованіе? Или, выбросивши за окошко ненужную вещь, значитъ сдѣлать добро своему брату, разумѣя добро въ высокомъ смыслѣ христіанскомъ? Нѣтъ, для васъ такъ же, какъ и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь вашъ—Россія! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте под-

вязаться въ ней. Она теперь зоветъ сыновъ своихъ еще крѣпче, нежели когда-либо прежде. Уже душа въ ней болитъ, и раздается крикъ ея душевной болѣзни. Другъ мой! или у васъ безчувственно сердце, или вы не знаете, что̀ такое для русскаго Россія. Вспомните, что когда приходила бѣда ей, тогда изъ монастырей выходили монахи и становились въ ряды съ другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвѣтъ, съ благословенія самого настоятеля, взяли въ руки мечъ, противный христіанину, и легли на кровавомъ полѣ битвы, а вы не хотите взять поприще мирнаго гражданина, и гдѣ же?—въ самомъ сердцѣ Россіи. Не отговаривайтесь вашею неспособностью, у васъ есть много того, что̀ теперь для Россіи потребно и нужно̀. Бывши губернаторомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ губерніяхъ, исполнивши это дѣло, несмотря на всѣ ваши тогдашніе недостатки, получше многихъ, вы набрались прямыхъ и положительныхъ свѣдѣній о дѣлахъ, внутри происходящихъ, и узнали въ истинномъ видѣ Россію. Но не это главное, и я бы васъ не склонялъ такъ служить, несмотря на всѣ свѣдѣнія ваши, если бы не видѣлъ въ васъ одно то свойство, которое, по моему мнѣнію, значительнѣе всѣхъ другихъ прочихъ, — свойство, не хлопотавъ ничего, не работая самому, почти лѣнясь, умѣть заставить всѣхъ другихъ работать. У васъ все двигалось быстро и ходко; и когда, изумляясь, спрашивали у васъ самихъ: «отчего это?» вы отвѣчали: «Все отъ чиновниковъ, попались хорошіе чиновники, которые не даютъ ничего мнѣ дѣлать самому»; и когда шло дѣло до представленія къ наградамъ, вы всегда выводили впередъ вашихъ чиновниковъ, приписывая все имъ, а себѣ ничего. Вотъ ваше главное достоинство, не говоря уже объ умѣньи выбрать самихъ чиновниковъ. Не мудрено, что у васъ чиновники рвались изо всѣхъ силъ, и одинъ записался до того, что нажилъ чахотку и умеръ, какъ ни старались вы оттащить его отъ дѣла. Чего не сдѣлаетъ русскій человѣкъ, если станетъ такимъ образомъ поступать съ нимъ начальникъ! Это ваше свойство слишкомъ теперь

нужно, именно теперь, въ это время себялюбія, когда всякъ начальникъ думаетъ о томъ, какъ бы выставить впередъ себя и приписать все одному себѣ. Говорю вамъ, что съ этимъ вашимъ свойствомъ вы теперь слишкомъ нужны Россіи... и грѣхъ вамъ, что вы даже не слышите этого! Грѣхъ было бы и мнѣ, если-бъ я не выставилъ вамъ этого свойства. Оно есть ваше лучшее имущество; его отъ васъ просятъ неимущіе, а вы, какъ скряга, заперли его подъ замокъ и еще прикидываетесь глухимъ. Положимъ, вамъ теперь неприлично занять то же самое мѣсто, какое занимали назадъ тому десять лѣтъ, не потому, чтобы оно было нужно для васъ,—слава Богу, честолюбія вы не имѣете и и въ вашихъ глазахъ никакая служба не низка; — но потому, что ваши способности, развившись, требуютъ уже для собственной пищи другого, просторнѣйшаго поприща. Что̀-жъ? развѣ мало мѣстъ и поприщъ въ Россіи? Оглянитесь и осмотритесь хорошенько, и вы его отыщете. Вамъ нужно проѣздиться по Россіи. Вы знали ее назадъ тому десять лѣтъ: это теперь недостаточно. Въ десять лѣтъ внутри Россіи столько совершается событій, сколько въ другомъ государствѣ не совершается въ полвѣка. Вы сами замѣтили, живя здѣсь за границей, что въ послѣдніе два, три года даже начали выходить изъ нея и люди совершенно другіе, не похожіе ни въ чемъ съ тѣми, которыхъ вы знали еще не такъ давно. Чтобы узнать, что̀ такое *Россія нынѣшняя*, нужно непремѣнно по ней проѣздиться самому. Слухамъ не вѣрьте никакимъ. Вѣрно только то, что еще никогда не бывало въ Россіи такого необыкновеннаго разнообразія и несходства въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ всѣхъ людей, никогда еще различіе образованій и воспитанія не оттолкнуло такъ другъ отъ друга всѣхъ и не произвело такого разлада во всемъ. Сквозь все это пронесся духъ сплетней, пустыхъ новозаносныхъ выводовъ, глупѣйшихъ слуховъ, одностороннихъ и ничтожныхъ заключеній. Все это сбило и опутало до того у каждаго его мнѣнія о Россіи, что рѣшительно нельзя вѣрить никому: нужно самому узнавать, нужно про-

ѣздиться по Россіи. Это особенно хорошо для того, кто побылъ нѣкоторое время отъ нея вдали и пріѣхалъ съ неотуманенной и свѣжей головою. Онъ увидитъ много того, чего не увидитъ человѣкъ, находящійся въ самомъ омутѣ, раздражительный и чувствительный къ животрепещущимъ интересамъ минуты. Сдѣлайте ваше путешествіе вотъ какимъ образомъ: прежде всего выбросьте изъ вашей головы всѣ до одного ваши мнѣнія о Россіи, какія у васъ ни есть, откажитесь отъ собственныхъ своихъ выводовъ, какіе уже успѣли сдѣлать, представьте себя ровно незнающимъ ничего и поѣзжайте какъ въ новую, дотолѣ вамъ неизвѣстную землю. Такимъ же самымъ образомъ, какъ русскій путешественникъ, пріѣзжая въ каждый значительный европейскій городъ, спѣшитъ увидѣть всѣ его древности и примѣчательности, такимъ же точно образомъ и еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ, пріѣхавши въ первый уѣздный или губернскій городъ, старайтесь узнать его достопримѣчательности. Онѣ не въ архитектурныхъ строеніяхъ и древностяхъ, но въ людяхъ. Клянусь, человѣкъ сто̀итъ того, чтобъ его разсматривали съ бо̀льшимъ любопытствомъ, нежели фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истиннобратской любви къ нему, и вы отъ него уже не оторветесь—такъ онъ станетъ для васъ занимателенъ. Познакомьтесь прежде всего съ тѣми изъ нихъ, которые составляютъ соль каждаго города или округа; такихъ бываетъ человѣка два или три въ каждомъ городѣ. Они вамъ въ немногихъ чертахъ очертятъ весь городъ, такъ что вамъ будетъ видно уже самому, гдѣ и въ какихъ мѣстахъ производить наиболѣе наблюденіе надъ нынѣшними вещами. Въ разговорѣ съ человѣкомъ передовымъ изъ каждаго сословія (съ вами же всѣ такъ охотно разговариваютъ и развертываются чуть не нараспашку), вы отъ него узнаете, что̀ такое всякое сословіе въ нынѣшнемъ его видѣ. Расторопный и бойкій купецъ вдругъ вамъ объяснитъ, что̀ такое въ ихъ городѣ купечество; порядочный и трезвый мѣщанинъ дастъ понятіе о мѣщанствѣ. Отъ чиновника-дѣльца узнаете должностное

производство, а общій цвѣтъ и духъ общества услышите сами. На передовыхъ людей однакожъ не весьма полагайтесь, лучше постарайтесь разспросить двухъ или трехъ человѣкъ изъ каждаго сословія. Не позабывайте того, что теперь всѣ между собою въ ссорѣ, и всякъ другъ на друга лжетъ и клевещетъ безпощадно. Съ духовенствомъ вы сойдетесь вдругъ, потому что съ нимъ вообще вы знакомитесь скоро; отъ нихъ узнаете остальное. И если вы такимъ образомъ проѣздите только по главнымъ городамъ и пунктамъ Россіи, то уже увидите ясно, какъ день, гдѣ и на какомъ мѣстѣ вы можете быть полезны и о какой должности слѣдуетъ вамъ просить. А покуда вы уже одной поѣздкой вашей можете сдѣлать много добра, если только захотите. Въ самомъ путешествіи этомъ предстанутъ вамъ такіе христіанскіе подвиги, какихъ въ самомъ монастырѣ не встрѣтите. Во-первыхъ, будучи пріятны въ разговорѣ, нравясь каждому, вы можете, какъ посторонній и свѣжій человѣкъ, стать третьимъ, примиряющимъ лицомъ. Знаете ли, какъ это важно, какъ это теперь нужно Россіи, и какой въ этомъ высокій подвигъ. Спаситель оцѣнилъ его едва ли не выше всѣхъ другихъ: Онъ прямо называетъ миротворцевъ сынами Божіими. А миротворцу у насъ поприще повсюду. Все перессорилось: дворяне у насъ между собою, какъ кошки съ собаками; купцы между собою, какъ кошки съ собаками; мѣщане между собою, какъ кошки съ собаками; крестьяне, если только не устремлены побуждающею силою на дружескую работу, между собою, какъ кошки съ собаками; даже честные и добрые люди между собою въ разладѣ; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединеніе, въ то время, когда кого-нибудь изъ нихъ сильно станутъ преслѣдовать. Вездѣ поприще примирителю. Не бойтесь, примирять не трудно. Людямъ трудно самимъ умириться между собою, но, какъ только станетъ между ними третій, онъ ихъ вдругъ примиритъ. Оттого-то у насъ всегда имѣлъ такую силу третейскій судъ, истое произведеніе земли нашей, успѣвавшій доселѣ болѣе всѣхъ

другихъ судовъ. Въ природѣ человѣка, а особенно русскаго, есть чудное свойство: какъ только замѣтитъ онъ, что другой сколько-нибудь къ нему наклоняется или показываетъ снисхожденіе, онъ самъ уже готовъ чуть не просить прощенія. Уступить никто не хочетъ первый, но какъ только одинъ рѣшился на великодушное дѣло, другой уже рвется, какъ бы перещеголять его великодушіемъ. Вотъ почему у насъ скорѣй, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть прекращены самыя застарѣлыя ссоры и тяжбы, если только станетъ среди тяжущихся человѣкъ истинно-благородный, уважаемый всѣми и притомъ еще знатокъ человѣческаго сердца. А примиреніе, повторяю вновь, теперь нужно: если бы только нѣсколько частныхъ людей, которые изъ-за несогласія во мнѣніи насчетъ одного какого-нибудь предмета, перечащихъ другъ другу въ дѣйствіяхъ, согласились подать другъ другу руку, плутамъ было бы уже худо! Итакъ, вотъ вамъ одна часть подвиговъ, какіе вамъ могутъ представиться на каждомъ шагу вашей поѣздки по Россіи. Есть и другая не меньше вашихъ. Вы можете оказать большую услугу духовенству тѣхъ городовъ, черезъ которые будете проѣзжать, познакомивъ ихъ лучше съ обществомъ, среди котораго они живутъ, введя ихъ въ познаніе тѣхъ вещей и продѣлокъ, о которыхъ не говоритъ вовсе на исповѣди нынѣшній человѣкъ, считая ихъ долженствующими быть внѣ христіанской жизни. Это очень нужно, потому что многіе изъ духовныхъ, какъ я знаю, уныли отъ множества безчинствъ, возникнувшихъ въ послѣднее время, почти увѣрились, что ихъ никто теперь не слушаетъ, что слова и проповѣдь роняются на воздухъ, и зло пустило такъ глубоко свои корни, что нельзя уже и думать объ его искорененьи. Это несправедливо. Грѣшитъ нынѣшній человѣкъ, точно, несравненно больше, нежели когда-либо прежде. Но грѣшитъ не отъ преизобилья своего собственнаго разврата, не отъ безчувственности и не отъ того, чтобы хотѣлъ грѣшить, но отъ того, что не видитъ грѣховъ своихъ. Еще не ясно и не всѣмъ открылась страшная истина нынѣшняго вѣка, что теперь всѣ грѣшатъ до единаго, но грѣшатъ не

прямо, а косвенно. Этого еще не услышалъ хорошо и самъ проповѣдникъ; оттого и проповѣдь его роняется на воздухъ, и люди глухи къ словамъ его. Сказать: «не крадьте, не роскошничайте, не берите взятокъ, молитесь и давайте милостыню неимущимъ» — теперь ничто, и ничего не сдѣлаетъ. Кромѣ того, что всякій скажетъ: «да вѣдь уже это извѣстно», но еще оправдается передъ самимъ собой и найдетъ себя чуть не святымъ. Онъ скажетъ: «красть я не краду: положи передо мной часы, червонцы, какую хочешь вещь, я ее не трону; я даже прогналъ за воровство своего собственнаго человѣка; живу я, конечно, роскошно, но у меня нѣтъ ни дѣтей, ни родственниковъ, мнѣ не для кого копить, роскошью я доставляю зато пользу, хлѣбъ мастеровымъ, ремесленникамъ, купцамъ, фабрикантамъ; взятку я беру только съ богатаго, который самъ проситъ объ этомъ, которому это не въ разореніе; молиться я молюсь, вотъ и теперь стою въ церкви, крещусь и бью поклоны; помогать — помогаю: ни одинъ нищій не уходитъ отъ меня безъ мѣднаго гроша, ни отъ одного пожертвованія на какое-нибудь благотворительное заведеніе еще не отказывался». Словомъ — онъ увидитъ себя не только правымъ, послѣ такой проповѣди, но еще возгордится своей безгрѣшностью.

Но, если поднять передъ нимъ завѣсу и показать ему хотя часть тѣхъ ужасовъ, которые онъ производитъ косвенно, а не прямо, тогда онъ заговоритъ другое. Сказать честному, но близорукому богачу, что онъ, убирая свой домъ и заводя у себя все на барскую ногу, вредитъ соблазномъ, поселяя въ другомъ, менѣе богатомъ, такое же желаніе, который изъ-за того, чтобы не отстать отъ него, разоряетъ не только собственное, но и чужое имущество, грабитъ и пускаетъ по міру людей; да вслѣдъ за этимъ и представить ему одну изъ тѣхъ ужасныхъ картинъ голода внутри Россіи, отъ которыхъ дыбомъ поднимется у него волосъ, и которыхъ, можетъ-быть, не случилось бы, если бы не сталъ онъ жить на барскую ногу, да задавать тонъ обществу и кружить головы другимъ. Показать такимъ же самымъ образомъ

всѣмъ модницамъ, которыя не любятъ никуда появляться въ однихъ и тѣхъ же платьяхъ и, не донашивая ничего, нашиваютъ кучи новаго, слѣдуя за малѣйшимъ уклоненіемъ моды, — показать имъ, что онѣ вовсе не тѣмъ грѣшатъ, что занимаются этой суетностью и тратятъ деньги, но тѣмъ, что сдѣлали такой образъ жизни необходимостью для другихъ, что мужъ иной жены схватилъ уже изъ-за этого взятку съ своего же брата-чиновника (положимъ, этотъ чиновникъ былъ богатъ; но, чтобы доставить взятку, онъ долженъ былъ насѣсть на менѣе богатаго, а тотъ съ своей стороны насѣлъ на какого-нибудь засѣдателя или станового пристава, а становой приставъ уже невольно былъ принужденъ грабить нищихъ и неимущихъ); да вслѣдъ за этимъ и выставить всѣмъ модницамъ картину голода. Тогда имъ не пойдетъ на умъ какая-нибудь шляпка или модное платье: увидятъ онѣ, что не спасетъ ихъ отъ страшнаго отвѣта передъ Богомъ и деньга, выброшенная нищему, даже и тѣ человѣколюбивыя заведенія, которыя заводятъ онѣ въ городахъ насчетъ ограбленныхъ провинцій. Нѣтъ, человѣкъ не безчувственъ, человѣкъ подвигнется, если только ему покажешь дѣло, какъ есть. Онъ теперь подвигнется еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, потому что природа его размягчена, половина грѣховъ его отъ невѣдѣнья, а не отъ разврата. Онъ, какъ спасителя, облобызаетъ того, который заставитъ его обратить взглядъ на самого себя. Только слегка приподыми проповѣдникъ завѣсу и укажи ему хотя одно изъ тѣхъ ежеминутныхъ преступленій, которыя онъ совершаетъ, у него уже отнимается духъ хвастать безгрѣшностью своей; не станетъ онъ оправдывать свою роскошь подлыми, жалкими софизмами, будто бы нужна она затѣмъ, чтобы доставить хлѣбъ мастеровымъ, онъ и самъ тогда смекнетъ, что разорить полъ-деревни или полъ-уѣзда затѣмъ, чтобы доставить хлѣбъ столяру Гамбсу, есть выводъ, который могъ бы образоваться только въ пустой головѣ эконома XIX вѣка, а не въ здоровой головѣ умнаго человѣка. А что̀ же, если проповѣдникъ подниметъ всю цѣпь того множества косвенныхъ

преступленій, которыя совершаетъ человѣкъ своею неосмотрительностью, гордостію и самоувѣренностію въ себѣ, и покажетъ всю опасность нынѣшняго времени, среди котораго всякъ можетъ погубить разомъ нѣсколько душъ, не только одну свою, среди которой, даже не будучи безчестнымъ, можно заставить другихъ быть безчестными и подлецами одною только своею неосмотрительностію, словомъ— если только сколько-нибудь покажетъ, какъ всѣ опасно ходятъ? Нѣтъ, люди не будутъ глухи къ словамъ его, не уронится на воздухъ ни одно слово его проповѣди. А вы можете на это навести многихъ священниковъ, сообщая свѣдѣнія о всѣхъ продѣлкахъ нынѣшняго люда, которыя вы наберете въ дорогѣ. Но не однимъ священникамъ, вы можете и другимъ людямъ сдѣлать этимъ пользу. Всѣмъ теперь нужны эти свѣдѣнія.

Жизнь нужно показать человѣку,—жизнь, взятую подъ угломъ ея нынѣшнихъ запутанностей, а не прежнихъ,— жизнь, оглянутую не поверхностнымъ взглядомъ свѣтскаго человѣка, но взвѣшенную и оцѣненную такимъ оцѣнщикомъ, который взглянулъ на нее высшимъ взглядомъ христіанина. Велико незнаніе Россіи посреди Россіи. Все живетъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ—человѣка, люди, живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями. Вы можете во время вашей поѣздки ихъ познакомить между собою и произвести взаимный благодѣтельный размѣнъ, какъ расторопный купецъ: забравши свѣдѣнія въ одномъ городѣ, продать ихъ съ барышомъ въ другомъ, всѣхъ обогатить и въ то же время разбогатѣть самому больше всѣхъ. Подобный подвигъ предстоитъ вамъ на всякомъ шагу—и вы того не видите! Очнитесь! Куриная слѣпота на глазахъ вашихъ! не залучить вамъ любви къ себѣ въ душу. Не полюбить вамъ людей по тѣхъ поръ, пока не послужите имъ. Какой слуга можетъ привязаться къ своему господину, который отъ него вдали и на котораго еще не поработалъ онъ лично? Потому и любимо такъ сильно дитя

матерью, что она долго его носила въ себѣ, все употребила на него, и вся изъ-за него выстрадалась. Очнитесь! Монастырь вашъ—Россія.

1845.

XXI.

ЧТО ТАКОЕ ГУБЕРНАТОРША.

ПИСЬМО КЪ А. О. С.....ОЙ.

Я радъ, что здоровье ваше лучше; мое же здоровье... но въ сторону наши здоровья: мы должны позабыть о нихъ, такъ же, какъ и о себѣ. Итакъ, вы возвращаетесь вновь въ вашъ губернскій городъ. Вы должны съ новыми силами возлюбить его: онъ вашъ, онъ ввѣренъ вамъ, онъ долженъ быть вашимъ роднымъ. Вы напрасно начинаете думать вновь, что ваше присутствіе относительно дѣятельности общественной въ немъ совершенно безполезно, что общество испорчено въ корнѣ. Вы просто устали — вотъ и все! Дѣятельность губернаторшѣ предстоитъ всюду, на всякомъ шагу. Она даже и тогда производитъ вліяніе, когда ничего не дѣлаетъ. Вы сами уже знаете, что дѣло не въ суетахъ и въ опрометчивыхъ бросаньяхъ на все. Передъ вами два живые примѣра, которыхъ вы сами назвали. Предшественница ваша Ж*** завела кучу благотворительныхъ заведеній, а съ ними вмѣстѣ—и кучу бумажной переписки и возни, экономовъ, секретарей, кражу, безтолковщину, и прославилась благотворительностью въ Петербургѣ, и надѣлала кутерьму въ К***. Княгиня же О***, бывшая до нея губернаторшей въ томъ же вашемъ городѣ К***, не завела никакихъ заведеній, ни пріютовъ, не прошумѣла нигдѣ дальше своего города, не имѣла даже никакого вліянія на своего мужа и не входила ни во что̀, собственно правительственное и офиціальное; а между тѣмъ донынѣ никто въ городѣ не можетъ о ней вспомнить безъ слезъ, и всякъ, начиная отъ купца до послѣдняго бобыля,

до сихъ поръ еще повторяетъ: «нѣтъ, не будетъ другой никогда княгини О***!» А кто это повторяетъ? Тотъ же самый городъ, для котораго, вы полагаете, ничего невозможно сдѣлать, то же самое общество, которое вы считаете испорченнымъ навѣки. Итакъ, будто бы ужъ ничего нельзя сдѣлать? Вы устали — вотъ и все! Устали оттого, что принялись слишкомъ сгоряча, слишкомъ понадѣялись на собственныя силы: женская прыть васъ увлекла... Повторяю вамъ вновь то же самое, что̀ прежде: ваше вліяніе сильно. Вы первое лицо въ городѣ, съ васъ будутъ перенимать все до послѣдней бездѣлушки, благодаря обезьянству моды и вообще нашему русскому обезьянству. Вы будете законодательницей во всемъ. Если вы только собственныя ваши дѣла станете обдѣлывать хорошо, то и симъ уже сдѣлаете вліяніе, потому что заставите другихъ заняться получше собственными дѣлами. Гоните роскошь (покамѣстъ нѣтъ другого дѣла), уже и это благородное дѣло, оно же притомъ не требуетъ ни суеты, ни издержекъ; не пропускайте ни одного собранія и бала, пріѣзжайте именно затѣмъ, чтобы показаться въ одномъ и то́мъ же платьѣ; три, четыре, пять, шесть разъ надѣвайте одно и то же платье. Хвалите на всѣхъ только то, что̀ дешево, просто. Словомъ, гоните эту гадкую сѣверную роскошь, эту язву Россіи, источницу взятокъ, несправедливостей и мерзостей, какія у насъ есть. Если вамъ только одно это удастся сдѣлать, то вы уже болѣе принесете существенной пользы, чѣмъ сама княгиня О***. А это, какъ вы сами видите, даже не требуетъ никакихъ пожертвованій, даже и времени не отнимаетъ. Другъ мой, вы устали. Изъ вашихъ же прежнихъ писемъ я вижу, что для начала вы уже успѣли сдѣлать много хорошаго (если бы не слишкомъ торопились, вышло бы еще больше): о васъ уже распространились слухи внѣ К***; кое-что изъ нихъ дошло и до меня. Но вы еще очень поспѣшны, вы еще слишкомъ увлекаетесь, васъ еще слишкомъ шевелитъ и сражаетъ всякая непріятность и гадость. Другъ мой, вспомните вновь мои слова, въ справедливости

которыхъ, говорите, что сами убѣдились: глядѣть на весь городъ, какъ лѣкарь глядитъ на лазаретъ. Глядите же такъ, но прибавьте къ этому еще кое-что, а именно: увѣрьте самоѐ себя, что всѣ больные, находящіеся въ лазаретахъ, суть ваши родные и близкіе къ сердцу вашему люди, тогда все передъ вами измѣнится: вы съ людьми примиритесь и будете враждовать только съ ихъ болѣзнями. Кто вамъ сказалъ, что болѣзни эти неизлѣчимы? Это вы сами себѣ сказали, потому что не нашли въ рукахъ у себя средства. Что-жъ, развѣ вы всезнающій докторъ? А зачѣмъ вы не обратились съ просьбой о помощи къ другимъ? Развѣ я даромъ просилъ васъ сообщить все, что ни есть въ вашемъ городѣ, ввести меня въ познаніе вашего города, чтобы я имѣлъ полное понятіе о вашемъ городѣ. Зачѣмъ же вы этого не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что сами увѣрены, будто я могу на многое произвести больше вліянія, чѣмъ вы; тѣмъ болѣе, что сами же приписываете мнѣ нѣкоторое не всѣмъ общее познаніе людей; тѣмъ болѣе, наконецъ, что сами говорите, будто я вамъ помогъ въ вашемъ душевномъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ кто-либо другой? Неужели вы думаете, что я не сумѣлъ бы такъ же помочь и вашимъ неизлѣчимымъ больнымъ? Вѣдь вы позабыли, что я могу помолиться, молитва моя можетъ достигнуть и до Бога, Богъ можетъ послать уму моему вразумленіе, а умъ, вразумленный Богомъ, можетъ сдѣлать кое-что получше того ума, который не вразумленъ Имъ.

До сихъ поръ въ вашихъ письмахъ вы мнѣ давали только общія понятія о вашемъ городѣ, въ чертахъ общихъ, которыя могутъ принадлежать всякому губернскому городу; но и общія ваши не полны. Вы понадѣялись на то, что я знаю Россію, какъ пять моихъ пальцевъ; а я въ ней ровно не знаю ничего. Если я и зналъ кое-что, то и это со времени моего отъѣзда уже измѣнилось. Въ самомъ составѣ управленія губерній произошли значительныя перемѣны: многія мѣста и чиновники отошли отъ зависимости губернатора и поступили въ вѣдомство и управленіе другихъ мини-

стерствъ; завелись новые чиновники и мѣста, словомъ—губернія и губернскій городъ являются относительно многихъ сторонъ въ другомъ видѣ, а я просилъ васъ ввести меня *совершенно* въ ваше положеніе, не какое-нибудь *идеальное*, но *существенное*, чтобы я видѣлъ отъ мала до велика все, что васъ окружаетъ.

Вы сами говорите, что въ небольшое время пребыванія вашего въ К*** узнали Россію болѣе, чѣмъ во всю свою прежнюю жизнь. Зачѣмъ же вы не подѣлились со мною вашими знаніями? Говорите, что не знаете даже, съ котораго конца начать, что куча свѣдѣній, вами набранныхъ въ голову, еще въ безпорядкѣ (NB. причина неудачъ). Я вамъ помогу ихъ привести въ порядокъ, но только выполните слѣдующую за симъ просьбу добросовѣстно, какъ только можно,—не такъ, какъ привыкли исполнять нашъ братъ—страстная женщина, которая изъ десяти словъ восемь пропуститъ и отвѣтитъ только на два, затѣмъ, что они пришлись ей какъ-нибудь по-сердцу, но такъ, какъ нашъ братъ—холодный, безстрастный мужчина, или, лучше, какъ дѣловой толковый чиновникъ, который, ничего не принимая особенно къ своему сердцу, отвѣчаетъ ровно на всѣ пункты.

Вы должны ради меня начать вновь разсмотрѣніе вашего губернскаго города. Во-первыхъ, вы мнѣ должны назвать всѣ главныя лица въ городѣ по именамъ, отчествамъ и фамиліямъ, всѣхъ чиновниковъ до единаго. Мнѣ это нужно. Я долженъ быть имъ такъ же другомъ, какъ вы сами должны быть другомъ имъ всѣмъ безъ исключенія. Во-вторыхъ, вы должны мнѣ написать, въ чемъ именно должность каждаго. Все это вы должны узнать лично отъ нихъ самихъ, а не отъ кого-либо другого. Разговорившись со всякимъ, вы должны спросить его, въ чемъ состоитъ его должность, чтобы онъ назвалъ вамъ всѣ ея *предметы* и означилъ ея *предѣлы*. Это будетъ первый вопросъ. Потомъ попросите его, чтобы онъ изъяснилъ вамъ, чѣмъ именно и сколько въ этой должности, подъ условіемъ нынѣшнихъ обстоятельствъ,

можно сдѣлать добра. Это будетъ второй вопросъ. Потомъ, чѣмъ именно и сколько въ этой же самой должности можно надѣлать зла. Это будетъ третій вопросъ. Узнавши, отправляйтесь къ себѣ въ комнату и тотъ же часъ все это на бумагу для меня. Вы уже симъ два дѣла сдѣлаете разомъ: кромѣ того, что дадите мнѣ средство впослѣдствіи вамъ пригодиться, вы узнаете сами изъ собственныхъ отвѣтовъ чиновника, какъ понимаетъ онъ свою должность, чего ему недостаетъ, словомъ—своимъ отвѣтомъ онъ обрисуетъ самого себя. Онъ васъ можетъ даже навести на кое-что сдѣлать теперь же... Но не въ этомъ дѣло: до времени лучше не торопитесь; не дѣлайте ничего даже и тогда, если бы вамъ показалось, что можете кой-что сдѣлать, и что въ силахъ чему-нибудь помочь. Лучше пока еще попристальнѣй всмотрѣться; довольствуйтесь покамѣстъ тѣмъ, чтобы передать мнѣ. Потомъ на той же страничкѣ, насупротивъ того же мѣста или на другомъ лоскуткѣ бумаги: ваши собственныя замѣчанія—что̀ вы замѣтили о каждомъ господинѣ въ особенности, что̀ говорятъ о немъ другіе, словомъ — все, что̀ можно прибавить о немъ со стороны.

Потомъ такія же свѣдѣнія доставьте мнѣ обо всей женской половинѣ вашего города. Вы же были такъ умны, что сдѣлали имъ всѣмъ визиты и почти ихъ всѣхъ узнали. Впрочемъ, узнали несовершенно, я въ этомъ увѣренъ. Относительно женщинъ вы руководствуетесь первыми впечатлѣніями: которая вамъ не понравилась, вы ту оставляете. Вы ищете все избранныхъ и лучшихъ. Другъ мой, за это я вамъ дѣлаю упрекъ. Вы должны всѣхъ любить, особенно тѣхъ, въ которыхъ побольше дрянца, — по крайней мѣрѣ побольше узнать ихъ, потому что отъ этого зависитъ многое и онѣ могутъ имѣть большое вліяніе на мужей. Не торопитесь, не спѣшите ихъ наставлять, но просто только разспрашивайте; вы же имѣете даръ выспрашивать. Узнайте не только дѣла и занятія каждой, но даже образъ мыслей, вкусы: что̀ кто любитъ, что̀ кому изъ нихъ нравится, на чемъ конекъ каждой. Мнѣ все это нужно.

По-моему, чтобы помочь кому-либо, нужно узнать его всего насквозь, а безъ того я даже не понимаю, какъ можно кому-либо дать какой-либо совѣтъ: всякій совѣтъ, какой ему ни дашь, будетъ обращенъ къ нему своей трудной стороной, будетъ не легокъ, неудобоисполнимъ. Словомъ, женщинъ всѣхъ насквозь, чтобы я имѣлъ совершенное понятіе о вашемъ городѣ!

Сверхъ характеровъ и лицъ обоего пола, запишите всякое случившееся происшествіе, сколько-нибудь характеризующее людей или вообще духъ губерніи, запишите безхитростно, въ такомъ видѣ, какъ было, или какъ, въ какомъ его передали вамъ вѣрные люди. Запишите также двѣ, три сплетни на выдержку, какія первыя вамъ попадутся, чтобы я зналъ, какого рода сплетни у васъ плетутся. Сдѣлайте, чтобы это записыванье сдѣлалось постояннымъ вашимъ занятіемъ, чтобы на это былъ опредѣленъ положенный часъ въ днѣ. Представляйте себѣ въ мысляхъ, систематически и во всей полнотѣ, весь объемъ города, чтобы видѣть вдругъ, не пропустили ли вы мнѣ чего-либо записать, чтобы я получилъ, наконецъ, полное понятіе о вашемъ городѣ.

И если вы меня такимъ образомъ познакомите со всѣми лицами, съ ихъ должностями, и какъ онѣ ими понимаются, и, наконецъ, даже съ характеромъ самыхъ событій, у васъ случающихся, тогда я вамъ кое-что скажу, и вы увидите, что многое невозможное возможно и неисправимое исправимо. До тѣхъ же поръ ничего не скажу именно потому, что могу ошибиться, а мнѣ бы этого не хотѣлось. Мнѣ бы хотѣлось говорить такія слова, которыя попали бы прямо, куда слѣдуетъ, ни выше, ни ниже того предмета, на который направлены, — такой дать совѣтъ, чтобы вы въ ту же минуту сказали: «онъ легокъ, его можно привести въ исполненіе».

Вотъ однакоже кое-что впередъ и то не для васъ, а для вашего супруга: попросите его прежде всего обратить вниманіе на то, чтобы совѣтники губернскаго правленія были

честные люди. Это главное. Какъ только будутъ честные совѣтники, тотъ же часъ будутъ честные капитанъ-исправники, засѣдатели, словомъ — все станетъ честно. Надобно вамъ знать (если вы этого еще не знаете), что самая безопасная взятка, которая ускользаетъ отъ всякаго преслѣдованія, есть та, которую чиновникъ беретъ съ чиновника по командѣ сверху внизъ; это идетъ иногда безконечной лѣстницей. Капитанъ-исправникъ и засѣдатели часто уже потому должны кривить душой и брать, что съ нихъ берутъ, и что имъ нужны деньги для того, чтобы заплатить за свое мѣсто. Эта купля и продажа можетъ производиться передъ глазами и въ то же время никѣмъ не быть замѣчена. Храни васъ Богъ даже и преслѣдовать. Старайтесь только, чтобы сверху было все честно: снизу будетъ все честно само собою. До времени, пока не вызрѣло зло, не преслѣдуйте никого; лучше дѣйствуйте тѣмъ временемъ нравственно. Мысль ваша, что губернаторъ всегда имѣетъ возможность сдѣлать много зла и мало добра, и что на поприщѣ добра онъ обрѣзанъ въ дѣйствіяхъ, не совсѣмъ справедлива. Губернаторъ можетъ всегда имѣть вліяніе *нравственное,* даже очень большое, подобно, какъ и вы можете имѣть большое *нравственное* вліяніе, хотя и не имѣете власти, установленной закономъ. Повѣрьте, что не сдѣлай онъ визита какому-нибудь господину, объ этомъ будетъ весь городъ говорить: станутъ разспрашивать, за что̀ и почему, и этотъ самый господинъ изъ-за этой единственной боязни струситъ сдѣлать подлость, которую онъ не струсилъ бы совершить предъ лицомъ власти и закона. Вашъ поступокъ, т. е. вашъ и вашего супруга, съ уѣзднымъ судьей N** уѣзда, котораго вы нарочно вызвали въ городъ съ тѣмъ, чтобы примирить его съ прокуроромъ, почтить его радушнымъ угощеніемъ и дружескимъ пріемомъ за прямоту, благородство и честность, повѣрьте, сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Мнѣ нравится при этомъ случаѣ то, что судья (который, какъ оказалось, былъ просвѣщеннѣйшій человѣкъ) одѣтъ былъ такимъ образомъ, что его, какъ вы говорите,

не приняли бы въ переднюю петербургскихъ гостиныхъ. Хотѣлъ бы я въ эту минуту поцѣловать полу его заношеннаго фрака. Повѣрьте, что наилучшій образъ дѣйствій въ нынѣшнее время — не вооружаться жестоко и жарко противу взяточниковъ и дурныхъ людей, и не преслѣдовать ихъ, но стараться, вмѣсто того, выставлять на видъ всякую честную черту, дружески, въ виду всѣхъ, пожимать руку прямого, честнаго человѣка. Повѣрьте, какъ только будетъ узнано во всей губерніи, что губернаторъ поступаетъ дѣйствительно такъ, все дворянство уже будетъ на его сторонѣ. Въ дворянствѣ нашемъ есть удивительная черта, которая меня всегда изумляла, это—чувство благородства, — не того благородства, которымъ заражено дворянство другихъ земель, то-есть, не благородства рожденія или происхожденія и не европейскаго point d'honneur, но настоящаго, нравственнаго благородства. Даже въ такихъ губерніяхъ и такихъ мѣстахъ, гдѣ, если разобрать порознь иного дворянина, выйдетъ просто дрянь, а вызови только на какой-нибудь дѣйствительно благородный подвигъ — все вдругъ подымется точно какимъ-то электричествомъ, и люди, которые дѣлаютъ пакости, сдѣлаютъ вдругъ благороднѣйшее дѣло. И потому всякій благородный поступокъ губернатора прежде всего найдетъ откликъ въ дворянствѣ, а это важно. Губернаторъ долженъ непремѣнно имѣть нравственное вліяніе на дворянъ; только симъ однимъ онъ можетъ подвигнуть ихъ на поднятіе невидныхъ должностей и непримапчивыхъ мѣстъ. А это нужно, потому что, если дворянинъ изъ той же губерніи возьметъ какое-нибудь мѣсто съ тѣмъ, чтобы показать, какъ надобно служить, то, каковъ бы онъ ни былъ самъ, хотя и лѣнтяй и многимъ нехорошъ, но исполнитъ такъ свое дѣло, какъ никогда не исполнитъ присланный чиновникъ, хотя бы онъ испшатался вѣкъ въ канцеляріяхъ. Словомъ, ни въ какомъ случаѣ не должно упускать изъ виду того, что это тѣ же самые дворяне, которые въ двѣнадцатомъ году несли все на жертву,—все, что ни было у кого за душой.

Когда случится, по причинѣ совершенныхъ гадостей, предать иного чиновника суду, то въ такомъ случаѣ нужно, чтобы онъ преданъ былъ *съ отрѣшеніемъ отъ дѣлъ*. Это очень важно. Ибо, если онъ будетъ преданъ суду безъ отрѣшенія отъ дѣлъ, то все служащее будетъ еще долго держать его сторону, онъ еще долго станетъ юлить и найдетъ средства такъ все запутать, что никогда не добраться до истины. Но какъ только онъ будетъ преданъ суду *съ отрѣшеніемъ отъ дѣлъ*, онъ повѣситъ вдругъ носъ, сдѣлается никому не страшенъ, на него пойдутъ со всѣхъ сторонъ улики, все выйдетъ на чистую воду и вдругъ узнается дѣло. Но, другъ, ради Христа, не оставляйте вовсе спихнутаго съ мѣста чиновника, какъ бы онъ дуренъ ни былъ: онъ несчастенъ. Онъ долженъ съ рукъ вашего мужа перейти на ваши руки, не объясняйтесь съ нимъ сами и не принимайте его, но слѣдуйте за нимъ издали. Вы хорошо сдѣлали, что выгнали надзирательницу при домѣ умалишенныхъ за то, что она вздумала продавать булки, назначенныя этимъ несчастнымъ, — преступленье вдвойнѣ гадкое, пріемля въ соображенье то, что сумасшедшіе не могутъ даже и пожаловаться! А потому изгнанье ея нужно было сдѣлать публично и гласно. Но не бросайте никакого человѣка, не отрѣзывайте возврата никому, слѣдуйте за отрѣшеннымъ: иногда съ горя, съ отчаянія, со стыда впадаетъ онъ еще въ бо̀льшія преступленія. Дѣйствуйте или чрезъ вашего духовника, или вообще чрезъ какого-нибудь умнаго священника, который бы навѣщалъ его и давалъ бы вамъ отчетъ о немъ безпрестанно, а главное, старайтесь, чтобы онъ не оставался безъ какого-нибудь труда и дѣла. Не подобьтесь въ этомъ случаѣ мертвому закону, но живому Богу, который всѣми бичами несчастій поражаетъ человѣка, но не оставляетъ его до самаго конца его жизни. Каковъ бы ни былъ преступникъ, но если земля его еще носитъ и громъ Божій не поразилъ его—это значитъ, что онъ держится на свѣтѣ для того, чтобы кто-нибудь, тронувшись его участью, помогъ ему и спасъ его. Если же

васъ, во время ли описаній, которыя вы станете дѣлать для меня, или же во время вашихъ собственныхъ изслѣдованій всякихъ недуговъ, будутъ слишкомъ поражать наши печальныя стороны и возмутится ваше сердце, — въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ бесѣдовать объ этомъ почаще съ архіереемъ; онъ же, какъ видно изъ словъ вашихъ, умный человѣкъ и добрый пастырь. Покажите ему весь лазаретъ вашъ и обнаружьте предъ нимъ всѣ болѣзни больныхъ вашихъ. Хотя бы даже онъ былъ не большой знатокъ въ наукѣ лѣчить, то и тогда вы должны ввести его непремѣнно во всѣ припадки, признаки и явленія болѣзней. Старайтесь ему очертить все до послѣдняго такъ живо, чтобы оно такъ и носилось у него передъ глазами, чтобы городъ вашъ, какъ живой, пребывалъ бы безпрестанно въ мысляхъ его, какъ онъ долженъ безпрестанно пребывать въ вашихъ мысляхъ, чтобы чрезъ то самое его мысли стремились сами собой на безпрестанную о немъ молитву. Повѣрьте, что отъ этого самая проповѣдь его съ каждымъ воскресеньемъ будетъ направляться болѣе и болѣе къ сердцамъ слушателей, и онъ сумѣетъ потомъ выставить многое на-чистоту и, не указывая лично ни на кого, сумѣетъ поставить каждаго лицомъ къ лицу къ его собственной мерзости такъ, что самъ хозяинъ плюнетъ на свое же добро. Обратите также вниманіе на городскихъ священниковъ, узнайте ихъ всѣхъ непремѣнно; отъ нихъ зависитъ все, и дѣло улучшенія нашего въ ихъ рукахъ, а не въ рукахъ кого-либо другого. Не пренебрегайте никѣмъ изъ нихъ, несмотря на простоту и невѣжество многихъ. Ихъ скорѣе можно возвратить къ своему долгу, чѣмъ кого-либо изъ насъ; у насъ, свѣтскихъ, есть гордость, честолюбіе, самолюбіе, самоувѣренность въ своемъ совершенствѣ, вслѣдствіе которыхъ никто у насъ не послушается словъ и увѣщаній своего брата, какъ бы справедливы ни были, наконецъ самыя развлеченія... Духовный же, каковъ бы онъ ни былъ, онъ все-таки болѣе или менѣе чувствуетъ, что ему должно быть всѣхъ смиреннѣе и всѣхъ ниже; притомъ уже въ самомъ ежедневно отправляе-

момъ имъ служеніи онъ слышитъ себѣ напоминаніе, словомъ — онъ ближе всѣхъ насъ къ возврату на путь свой, а, возвратясь на него самъ, можетъ возвратить и всѣхъ насъ. И потому, хотя бы вы встрѣтили изъ нихъ вовсе неспособнаго, не пренебрегайте, но поговорите съ нимъ хорошенько. Разспросите у каждаго, что̀ такое его приходъ, чтобы онъ далъ вамъ полное понятіе, каковы у него въ приходѣ люди, и какъ онъ самъ понимаетъ и знаетъ ихъ. Не позабудьте, что я до сихъ поръ не знаю, что̀ такое въ вашемъ городѣ мѣщанство и купечество; что они также начинаютъ модничать и курить сигарки, это дѣло повсюдное; мнѣ нужно взять изъ среды ихъ *живьемъ* котораго-нибудь, чтобы я видѣлъ его съ ногъ до головы во всѣхъ подробностяхъ. Итакъ, узнайте объ нихъ обо всѣхъ въ подробности... Одну сторону того дѣла вы узнаете отъ священниковъ, другую отъ полицмейстера, если потрудитесь съ нимъ хорошенько разговориться объ этомъ предметѣ, третью сторону узнаете отъ нихъ самихъ, если не побрезгуете разговориться съ которымъ-нибудь изъ нихъ, хотя при выходѣ изъ церкви въ воскресный день. Всѣ забранныя свѣдѣнія послужатъ къ тому, что очертятъ передъ вами примѣрный образъ мѣщанина и купца, чѣмъ онъ долженъ быть на самомъ дѣлѣ; въ уродѣ вы почувствуете идеалъ того, чего карикатурой сталъ уродъ. Если-жъ вы это почувствуете, тогда призывайте священниковъ и толкуйте съ ними: вы имъ скажете именно то, что̀ имъ нужно — самое существо всякаго званія, то-есть, чѣмъ должно быть оно у насъ, и карикатуру на это званіе, то-есть, чѣмъ оно стало вслѣдствіе злоупотребленія нашего. Больше не прибавляйте ничего. Онъ будетъ самъ наведенъ на умъ, если только станетъ исправлять свою собственную жизнь. Священникамъ нашимъ особенно нужна бесѣда съ такими уже готовыми людьми, которые умѣли бы въ немногихъ, но яркихъ и мѣткихъ чертахъ очертить имъ предѣлы и обязанности всякаго званія и должности. Часто, единственно изъ-за этого, иной изъ нихъ не знаетъ, какъ ему быть съ прихожанами

и слушателями, изъясняется общими мѣстами, не обращенными никакой стороной непосредственно къ предмету. Войдите также въ его собственное положеніе, помогите его женѣ и дѣтямъ, если приходъ у него бѣденъ. Кто погрубѣй и позадористѣй, погрозите тому *архіереемъ;* но вообще старайтесь лучше дѣйствовать нравственно. Напоминайте имъ, что обязанность ихъ слишкомъ страшна, что отвѣтъ они дадутъ больше, чѣмъ кто-нибудь изъ людей всякаго другого званія, что теперь и синодъ, и самъ государь обращаютъ особенное вниманіе на жизнь священника, что всѣмъ готовится переборка, потому что не только высшее правительство, но даже всѣ до единаго въ государствѣ частные люди начинаютъ замѣчать, что причина злу всего есть та, что священники стали нерадиво исполнять свои должности.... Объявляйте имъ почаще тѣ страшныя истины, отъ которыхъ поневолѣ содрогнется ихъ душа. Словомъ—не пренебрегайте никакъ городскими священниками: съ помощію ихъ губернаторша можетъ произвести много нравственнаго вліянія на купечество, мѣщанство и всякое простое сословіе, обитающее въ городѣ,—такъ много вліянія, какъ даже вы представить себѣ не можете. Я назову вамъ только немного изъ того, что̀ она можетъ сдѣлать, и укажу на средства, какъ она можетъ это сдѣлать: во-первыхъ... но я вспомнилъ, что я совершенно не имѣю никакого понятія о томъ, какого рода въ вашемъ городѣ мѣщанство и купечество: слова мои могутъ приттись не совсѣмъ кстати, лучше не произносить ихъ вовсе; скажу вамъ только то, что вы изумитесь потомъ, когда увидите, сколько на этомъ поприщѣ предстоитъ вамъ такихъ подвиговъ, отъ которыхъ въ нѣсколько разъ больше пользы, чѣмъ отъ пріютовъ и всякихъ благотворительныхъ заведеній, которые не только не сопряжены ни съ какими пожертвованіями и трудами, но обратятся въ удовольствіе, въ отдохновеніе и развлеченье духа.

Старайтесь всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть также на дѣятельность общественную: всякій изъ

нихъ можетъ сдѣлать много почти подобнаго вамъ. Ихъ можно подвигнуть. Если вы мнѣ дадите только полное понятіе объ ихъ характерахъ, образѣ жизни и занятіяхъ, я вамъ скажу, чѣмъ и какъ ихъ можно подстрекнуть: есть въ русскомъ человѣкѣ сокровенныя струны, которыхъ онъ самъ не знаетъ, по которымъ можно такъ ударить, что онъ весь встрепенется. Вы мнѣ уже назвали нѣкоторыхъ въ вашемъ городѣ какъ людей умныхъ и благородныхъ; я увѣренъ, что ихъ отыщется даже и болѣе. Не смотрите на отталкивающую наружность, не смотрите ни на непріятныя замашки, грубость, черствость, неловкость обращенія, ни даже на фанфаронство, щелкоперность поступковъ и всякія черезчуръ ловкія развязности. Мы всѣ въ послѣднее время обзавелись чѣмъ-то заносчиво-непріятнымъ въ обращеніи, но при всемъ томъ въ глубинѣ душъ нашихъ пребываетъ болѣе чѣмъ когда-либо добрыхъ чувствъ, несмотря на то, что мы загромоздили ихъ всякимъ хламомъ и даже просто заплевали ихъ сами. Особенно не пренебрегайте женщинами. Клянусь, женщины гораздо лучше насъ, мужчинъ: въ нихъ больше великодушія, больше отважности на все благородное; не глядите на то, что онѣ закружились въ вихрѣ моды и пустоты. Если только сумѣете заговорить съ ними языкомъ самой души, если только сколько-нибудь вы умѣете очертить передъ женщиной ея высокое поприще, котораго ждетъ теперь отъ нея міръ,—ея небесное поприще быть воздвижницей насъ на все прямое, благородное и честное, кликнуть кличъ человѣку на благородное стремленіе, то та же самая женщина, которую вы считали пустой, благородно вспыхнетъ вся вдругъ, взглянетъ на самоё себя, на свои брошенныя обязанности, подвигнетъ себя самоё на все честное, подвигнетъ своего мужа на исполненіе честное долга и, швырнувши далеко въ сторону свои тряпки, всѣхъ поворотитъ къ дѣлу. Клянусь, женщины у насъ очнутся прежде мужчинъ, благородно попрекнутъ насъ, благородно хлеснутъ и погонятъ насъ бичомъ стыда и совѣсти, какъ глупое стадо барановъ, прежде чѣмъ каждый изъ насъ

успѣетъ очнуться и почувствовать, что ему слѣдовало давно побѣжать самому, не дожидаясь бича. Васъ полюбятъ, и полюбятъ сильно, да нельзя имъ не полюбить васъ, если узнаютъ вашу душу; но до того времени вы всѣхъ ихъ любите до единаго, никакъ не взирая на то, если бы кто-нибудь васъ и не любилъ...

Но письмо мое становится длинно. Чувствую, что начинаю говорить вещи, можетъ-быть, не совсѣмъ приходящіяся кстати ни вашему городу, ни вамъ въ настоящую вашу минуту; но вы сами тому виной, не сообщивши мнѣ подробныхъ свѣдѣній ни о чемъ. До сихъ поръ я точно какъ въ лѣсу. Слышу только о какихъ-то неизлѣчимыхъ болѣзняхъ и не знаю, чѣмъ кто боленъ. А у меня обычай не вѣрить по слухамъ никакимъ неизлѣчимостямъ, и никогда не назову я никакую болѣзнь неизлѣчимой по тѣхъ поръ, пока не пощупаю ее моей собственной рукою. Итакъ, разсмотрите же вновь, ради меня, весь городъ, опишите все и всѣхъ, не избавляя никого отъ трехъ неизбѣжныхъ вопросовъ: въ чемъ состоитъ его должность, сколько на ней можно сдѣлать добра и сколько зла. Поступите какъ прилежная ученица: сдѣлайте для этого тетрадку и не забывайте быть въ вашихъ объясненіяхъ со мной какъ можно обстоятельнѣй, не позабывайте, что я глупъ, рѣшительно глупъ, по тѣхъ поръ, пока не введутъ меня въ самое подробнѣйшее познаніе. Лучше воображайте, что передъ вами стоитъ ребенокъ или такой невѣжда, которому до послѣдней бездѣлушки нужно все истолковать: тогда только письмо ваше будетъ такъ, какъ слѣдуетъ. Я не знаю, отчего вы меня почитаете какимъ-то всезнайкой. Что мнѣ случилось вамъ кой-что предсказать и предсказанное сбылось,—это произошло единственно отъ того, что вы меня ввели въ тогдашнее положеніе души вашей. Велика важность этакъ угадать! Стóитъ только попристальнѣе вглядѣться въ настоящее, будущее вдругъ выступитъ само собою. Дуракъ тотъ, кто думаетъ о будущемъ мимо настоящаго. Онъ или совретъ, или скажетъ загадку. Я васъ между прочимъ еще

побраню за слѣдующія ваши строки, которыя здѣсь выставлю вамъ передъ глаза: «*Грустно и даже горестно видѣть вблизи состояніе Россіи, но впрочемъ не слѣдуетъ объ этомъ говорить. Мы должны съ надеждой и свѣтлымъ взоромъ смотрѣть въ будущее, которое въ рукахъ милосердаго Бога*». Въ рукахъ милосердаго Бога все: и настоящее, и прошедшее, и будущее. Отъ того и вся бѣда наша, что мы не глядимъ въ настоящее, а глядимъ въ будущее. Отъ того и бѣда вся, что иное въ немъ горестно и грустно, другое просто гадко; если же дѣлается не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, мы махнемъ на все рукой и давай пялить глаза въ будущее. Отъ того Богъ и ума намъ не даетъ; отъ того и будущее виситъ у насъ у всѣхъ точно на воздухѣ: слышатъ нѣкоторые, что оно хорошо, благодаря нѣкоторымъ передовымъ людямъ, которые тоже услышали его чутьемъ и еще не провѣрили законнымъ ариѳметическимъ выводомъ; но какъ достигнуть до этого будущаго, никто не знаетъ. Оно точно кислый виноградъ. Бездѣлицу позабыли: позабыли, что пути и дороги къ этому *свѣтлому* будущему сокрыты именно въ этомъ *темномъ* и *запутанномъ* настоящемъ, котораго никто не хочетъ узнавать; всякъ считаетъ его низкимъ и недостойнымъ своего вниманія и даже сердится, если выставляютъ его на видъ всѣмъ. Введите же хотя меня въ познаніе настоящаго. Не смущайтесь мерзостями и подавайте мнѣ всякую мерзость. Для меня мерзости не въ диковинку: я самъ довольно мерзокъ. Пока я еще мало входилъ въ мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходилъ отъ многаго въ уныніе, и мнѣ становилось страшно за Россію; съ тѣхъ же поръ, какъ я сталъ побольше всматриваться въ мерзости, я просвѣтлѣлъ духомъ: передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути, и я возблагоговѣлъ еще болѣе предъ Провидѣньемъ. И теперь больше всего благодарю Бога за то, что сподобилъ Онъ меня, хотя отчасти, узнать мерзости, какъ мои собственныя, такъ и бѣдныхъ моихъ собратьевъ. И если есть во мнѣ какая-нибудь капля ума, свойствен-

наго не всѣмъ людямъ, такъ это отъ того, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если мнѣ удалось оказать помощь душевную нѣкоторымъ близкимъ моему сердцу, а въ томъ числѣ и вамъ, такъ это отъ того, что всматривался я побольше въ эти мерзости. И если я пріобрѣлъ наконецъ любовь къ людямъ не мечтательную, но существенную, такъ это все же наконецъ отъ того же самаго, что всматриваяся я побольше во всякія мерзости.

Не пугайтесь же мерзостію, и особенно не отвращайтесь отъ тѣхъ людей, которые вамъ кажутся почему-либо мерзки. Увѣряю васъ, что придетъ время, когда многіе у насъ на Руси изъ *чистенькихъ* горько заплачутъ, закрывъ руками лицо свое, именно отъ того, что считали себя слишкомъ чистыми, что хвалились чистотой своей и всякимъ возвышеннымъ стремленіемъ куда-то, считая себя чрезъ это лучшими другихъ. Помните же все это и, помолясь, примитесь снова за свои дѣла бодрѣй, свѣжѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Перечтите разъ пять, шесть мое письмо, именно изъ-за того, что въ немъ все разбросано и нѣтъ строгаго логическаго порядка, чему впрочемъ виной вы сами. Нужно, чтобы существо письма осталось все въ васъ, вопросы мои сдѣлались бы вашими вопросами, а желанье мое вашимъ желаньемъ, чтобы всякое слово и буква преслѣдовали васъ и мучили по тѣхъ поръ, пока не исполните моей просьбы такимъ именно образомъ, какъ я хочу.

1846.

XXII.

РУССКІЙ ПОМѢЩИКЪ.

ПИСЬМО КЪ Б. Н. Б....У.

Главное то, что ты уже пріѣхалъ въ деревню и положилъ себѣ непремѣнно быть помѣщикомъ; прочее все придетъ само собою. Не смущайся мыслями, будто прежнія узы, связывавшія помѣщика съ крестьянами, исчезнули

навѣки. [Что онѣ исчезли, это правда; что виноваты тому сами помѣщики, это тоже правда; но] чтобы навсегда или навѣки онѣ исчезнули,—плюнь ты на такія слова: сказать ихъ можетъ только тотъ, кто далѣе своего носа ничего не видитъ. Русскаго ли человѣка, который такъ умѣетъ быть благодарнымъ за всякое добро, какому его ни надоумишь, русскаго ли человѣка трудно привязать къ себѣ? Такъ можно привязать, что послѣ будешь думать только о томъ, какъ бы его отвязать отъ себя. Если только исполнишь въ точности все то, что̀ теперь тебѣ скажу, то къ концу же года увидишь, что я правъ. Возьмись за дѣло помѣщика, какъ слѣдуетъ за него взяться въ настоящемъ и законномъ смыслѣ. Собери прежде всего мужиковъ и объясни имъ, что̀ такое ты, и что̀ такое они: что помѣщикъ ты надъ ними не потому, чтобы тебѣ хотѣлось повелѣвать и быть помѣщикомъ; но потому, что ты уже есть помѣщикъ, что ты родился помѣщикомъ, что взыщетъ съ тебя Богъ, если-бъ ты промѣнялъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога. И покажи это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго. Потомъ скажи имъ, что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, [и въ доказательство тутъ же сожги предъ ними ассигнаціи], и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и пòтомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ, и что по этому самому ты еще болѣе будешь смотрѣть за тѣмъ, чтобы они работали честно не только тебѣ, но и себѣ самимъ; ибо знаешь, да и они знаютъ, что, залѣнившись, мужикъ на все спо-

собой—сдѣлается и воръ, и пьяница, погубитъ свою душу, да и тебя поставитъ въ отвѣтъ передъ Богомъ. И все, что̀ имъ ни скажешь, подкрѣпи тутъ же словами Св. Писанія; покажи имъ пальцемъ и самыя буквы, которыми это написано; заставь каждаго передъ тѣмъ перекреститься, ударить поклонъ и поцѣловать самую книгу, въ которой это написано. Словомъ—чтобы они видѣли ясно, что ты во всемъ, что̀ до нихъ клонится, сообразуешься съ волею Божіею, а не съ своими какими-нибудь европейскими или иными затѣями. Мужикъ это пойметъ; ему не нужно много словъ. Объяви имъ всю правду: что душа человѣка дороже всего на свѣтѣ, и что прежде всего ты будешь глядѣть за тѣмъ, чтобы не погубилъ изъ нихъ кто-нибудь своей души и не предалъ бы ее на вѣчную муку. Во всѣхъ упрекахъ и выговорахъ, которые станешь дѣлать уличенному въ воровствѣ, лѣности или пьянствѣ, ставь его передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ; покажи ему, чѣмъ онъ грѣшитъ противъ Бога, а не противъ тебя. И не упрекай его одного, но призови его бабу, его семью, собери сосѣдей. Попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божіимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди нихъ же, зажилъ собакою и губитъ ни про-что̀ свою душу; докажи имъ, что дадутъ за то всѣ отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что̀ ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться. Собери силу вліянія, а съ нею и отвѣтственность на головы примѣрныхъ хозяевъ и лучшихъ мужиковъ. Растолкуй имъ ясно, что они не затѣмъ, чтобы только самимъ хорошо жить, но чтобы и другихъ учить хорошему житію, что пьяница не можетъ учить пьяницу и что это ихъ долгъ. Негодяямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу или даже самому тебѣ; чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ

мужиковъ и все бы ему давало дорогу; а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: «Ахъ, ты, невымытое рыло! Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! Поклонись же ему въ ноги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ — собакой пропадешь». А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, чтò повелѣлъ намъ Богъ. Такъ поступи только въ теченіе одного года, и увидишь самъ, какъ все пойдетъ на ладъ; даже и хозяйство отъ этого сдѣлается лучше. О главномъ только позаботься, прочее все приползетъ само собою. Христосъ недаромъ сказалъ: «*сія вся вамъ приложатся*». Въ крестьянскомъ быту эта истина еще виднѣе, нежели въ нашемъ: у нихъ богатый хозяинъ и хорошій человѣкъ — синонимы. И въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро.

Но вотъ, однакоже, тебѣ совѣтъ и въ хозяйствѣ. Только раскуси его хорошенько, и не будешь въ накладѣ. Два человѣка уже благодарятъ меня: одинъ изъ нихъ тебѣ знакомый К**. Собственно о томъ, какими отраслями хозяйства слѣдуетъ заниматься и какъ заниматься, я тебѣ не скажу: это знаешь ты лучше меня; притомъ и деревня твоя мнѣ не извѣстна такъ, какъ моя собственная ладонь; а относительно всякихъ нововведеній ты уменъ и смекнулъ самъ, что не только слѣдуетъ придерживаться всего стараго, но всмотрѣться въ него насквозь, чтобы изъ него же извлечь для него улучшеніе. Но я тебѣ дамъ совѣтъ насчетъ соприкосновенія помѣщика съ крестьяниномъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ и работахъ, чтò покамѣстъ нужнѣе всего прочаго. Припомни отношенія прежнихъ помѣщиковъ-хозяевъ къ ихъ мужикамъ: будь патріархомъ, самъ начинателемъ всего и пере-

довымъ во всѣхъ дѣлахъ. Заведи, чтобы при началѣ всякаго общаго дѣла, какъ-то: посѣва, покосовъ и уборки хлѣба, былъ пиръ на всю деревню, чтобы въ эти дни былъ общій столъ для всѣхъ мужиковъ на твоемъ дворѣ, какъ бы въ день самаго Свѣтлаго Воскресенія, и обѣдалъ бы ты самъ вмѣстѣ съ ними, и вмѣстѣ съ ними вышелъ бы на работу, и въ работѣ былъ бы передовымъ, подстрекая всѣхъ работать молодцами, похваливая тутъ же удальца и укоряя тутъ же лѣнивца. Когда же наступитъ осень и кончатся полевыя работы, воспразднуй такимъ же образомъ и еще бо̀льшимъ пиршествомъ окончаніе работъ, въ сопровожденіи торжественнаго и благодарственнаго молебна. Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ и только-что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй пронять его хорошенько словомъ; ты же на мѣткія слова мастеръ. Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ; это будетъ для него въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ. Держи у себя въ запасѣ всѣ синонимы *молодца* для того, кого нужно подстрекнуть, и всѣ синонимы *бабы* для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже, словомъ—назови всѣмъ, чѣмъ только не хочетъ быть русскій человѣкъ. Въ комнатѣ не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянскихъ работахъ, и, гдѣ ни появляйся, появляйся такъ, чтобы отъ твоего прихода глядѣло все живѣе и веселѣе, изворачиваясь молодцомъ и щеголемъ въ работѣ. Подай и отъ себя силы словами: «Подхватимъ-ка разомъ, ребята, всѣ вмѣстѣ!» Возьми самъ въ руки топоръ или косу; это будетъ тебѣ въ добро и полезнѣе для твоего здоровья всякихъ Маріенбадовъ, медицинскихъ моціоновъ и вялыхъ прогулокъ.

Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы. Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность

читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову, и, пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ. Ты и самъ будешь дѣлать то же, когда станешь почаще выходить на работы. Деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки. Если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и притомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку, — тогда другое дѣло. Воспитай его какъ сына и на него одного употреби все, что̀ употребилъ бы ты на всю школу. Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всей человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По-настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ.

[Кстати о священникѣ. Ты напрасно хлопочешь объ его перемѣнѣ и затѣваешь просить архіерея, чтобы онъ далъ тебѣ болѣе знающаго и опытнаго: такого священника онъ тебѣ не дастъ, потому что такой священникъ повсюду нуженъ. Выбрось даже изъ головы, чтобы могъ отыскаться священникъ, вполнѣ отвѣчающій твоему идеалу. Никакая семинарія и никакая школа не можетъ такъ воспитать священника. Въ семинаріи онъ получаетъ только начальное основаніе своего воспитанія, образуется же вполнѣ въ дѣлѣ жизнью. Будь самъ ему наставникомъ, ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника. Если священникъ дуренъ, то этому почти всегда виноваты сами помѣщики. Они, намѣсто того, чтобы призрѣть его у себя въ домѣ, какъ родного, поселить въ немъ желаніе бесѣды лучшей, которая могла бы его чему-нибудь поучить, бросятъ его среди мужиковъ, молодого и неопытнаго, когда онъ еще

и не знаетъ, что̀ такое мужикъ; поставятъ его въ такое положеніе, что онъ еще долженъ потворствовать и угождать имъ, намѣсто того, чтобы уже съ самаго начала имѣть надъ ними нѣкоторую власть, и послѣ этого вопіютъ, что у нихъ священники дурные, что они пріобрѣли мужицкія ухватки и ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ мужиковъ. Да я спрашиваю: кто не огрубѣетъ даже изъ приготовленныхъ и воспитанныхъ? А ты сдѣлай вотъ какъ. Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги: тебя же это чтеніе теперь занимаетъ и питаетъ болѣе всего. А самое главное,— бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника, чтобы онъ видѣлъ самолично всю продѣлку твою съ мужиками. Тутъ онъ увидитъ ясно, что̀ такое помѣщикъ, что̀ такое мужикъ, и каковы должны быть ихъ отношенія между собою. А между тѣмъ и къ нему будетъ больше уваженія со стороны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобою объ-руку. Сдѣлай такъ, чтобы онъ не нуждался въ домѣ своемъ, чтобы былъ обезпеченъ относительно собственнаго своего хозяйства, и черезъ то имѣлъ бы возможность быть съ тобою безпрестанно. Повѣрь, что онъ такъ привыкнетъ къ тебѣ, что ему будетъ скучно безъ тебя. А привыкнувши къ тебѣ, онъ отъ тебя нечувствительно наберется и познанія вещей, и познанія человѣка, и много всякаго добра, потому что въ тебѣ, слава Богу, всего этого довольно, и ты умѣешь такъ ясно и хорошо выражаться, что всякъ невольно усвояетъ себѣ не только твои мысли, но даже и образъ ихъ выраженія—и самыя слова твои.

Что̀ же до проповѣди, которую ты полагаешь нужною, то на это я тебѣ скажу вотъ что̀. Я скорѣе того мнѣнія, что священнику, не вполнѣ наставленному въ своемъ дѣлѣ и не ознакомленному съ людьми, его окружающими, лучше вовсе не произносить проповѣди. Подумалъ ли ты о томъ, какое трудное дѣло сказать умную проповѣдь и особенно

мужикамъ? Нѣтъ, лучше немного потерпи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока и священникъ побольше осмотрится, да и ты также; а до того времени посовѣтую тебѣ то, что̀ одному уже посовѣтовалъ, и что̀, кажется, пошло ему въ прокъ. Возьми Святыхъ Отцовъ и особенно Златоуста, говорю потому Златоуста, что Златоустъ, имѣя дѣло съ народомъ-невѣжею, принявшимъ только наружное христіанство, но въ сердцахъ остававшимся грубыми язычниками, старался быть особенно доступнымъ къ понятіямъ человѣка простого и грубаго, и говорилъ такимъ живымъ языкомъ о предметахъ нужныхъ, а даже часто очень высокихъ, что цѣликомъ можно обратить мѣста изъ проповѣдей его къ нашему мужику, и онъ пойметъ. Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ твоимъ священникомъ, и притомъ съ карандашомъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста, а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти самыя мѣста пусть онъ скажетъ народу; не нужно, чтобы они были длинны: страничка или даже полстранички; чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Но нужно, чтобы передъ тѣмъ, какъ произноситъ ихъ народу, священникъ прочиталъ ихъ нѣсколько разъ съ тобою вмѣстѣ, затѣмъ, чтобы умѣть ихъ произнести ему не только съ одушевленіемъ, но такимъ убѣдительнымъ голосомъ, какъ бы онъ хлопоталъ о какой-нибудь собственной выгодѣ своей, отъ которой зависитъ благополучіе его жизни. Увидишь, что это будетъ дѣйствительнѣе, нежели его собственная проповѣдь. Народу нужно мало говорить, но мѣтко,—не то онъ можетъ привыкнуть къ проповѣди такъ же, какъ привыкнулъ къ ней высшій кругъ, который ѣздитъ слушать знаменитыхъ европейскихъ проповѣдниковъ такимъ же самымъ образомъ, какъ ѣздитъ въ оперу или въ спектакль. У К. К* священникъ не говоритъ никакой проповѣди, но, зная насквозь всѣхъ мужиковъ, поджидаетъ только исповѣди. И на исповѣди такъ пойметъ изъ нихъ всякаго, что онъ какъ изъ бани выходитъ изъ церкви. З** послалъ къ нему нарочно исповѣдывать 30 человѣкъ рабочихъ съ

своей фабрики, пьяницъ и мошенниковъ первѣйшаго разбора, а самъ сталъ на паперти церковной, чтобы посмотрѣть имъ въ лица въ то время, какъ они будутъ выходить изъ церкви. Всѣ вышли красные, какъ раки. А кажется немного и держалъ ихъ на исповѣди; по 4 и по 5 человѣкъ исповѣдывалъ вдругъ. И послѣ того, по сказанію самого З**, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не показывался ни одинъ изъ нихъ въ кабакѣ, такъ что окружные цѣловальники не могли приложить ума, отъ чего это случилось].

Но довольно. Поработай усердно только годъ, а тамъ дѣло уже само собою пойдетъ работаться такъ, что не нужно будетъ тебѣ и рукъ прилагать. Разбогатѣешь ты какъ Крезъ, въ противность тѣмъ подслѣповатымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщика идутъ врознь съ выгодами мужиковъ. Ты имъ докажешь дѣломъ, а не словами, что они врутъ, и что если только помѣщикъ взглянулъ глазомъ христіанина на свою обязанность, то не только онъ можетъ укрѣпить старыя связи, о которыхъ толкуютъ, будто онѣ исчезнули навѣки, но связать ихъ новыми, еще сильнѣйшими связями,—связями во Христѣ, которыхъ уже ничто не можетъ быть сильнѣе. И ты, не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь такую службу государю въ званіи помѣщика, какой не сослужитъ иной великочиновный человѣкъ. Чтò ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно-примѣрною жизнію—это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая.

1846.

XXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ИВАНОВЪ.

ПИСЬМО КЪ М. Ю. ВЕЛЬГУРСКОМУ.

Пишу къ вамъ объ Ивановѣ. Что̀ за непостижимая судьба этого человѣка! Ужъ дѣло его стало, наконецъ, всѣмъ объясняться; всѣ увѣрились, что картина, которую онъ работаетъ, — явленіе небывалое, приняли участіе въ художникѣ, хлопочутъ со всѣхъ сторонъ о томъ, чтобы даны были ему средства кончить ее, [чтобы не умеръ надъ ней съ голоду художникъ,—говорю буквально: не умеръ съ голоду]—и до сихъ поръ ни слуху, ни духу изъ Петербурга. [Ради Христа разберите, что̀ это все значитъ. Сюда принеслись нелѣпые слухи, будто художники и всѣ профессора нашей Академіи Художествъ, боясь, чтобы картина Иванова не убила собою все, что̀ было доселѣ произведено нашимъ художествомъ, изъ зависти стараются о томъ, чтобъ ему не были даны средства на окончаніе. Это ложь, я въ этомъ увѣренъ. Художники наши благородны и если бы они узнали все то, что̀ вытерпѣлъ бѣдный Ивановъ изъ-за своего безпримѣрнаго самоотверженія и любви къ труду, рискуя дѣйствительно умереть съ голоду, они бы съ нимъ подѣлились братски своими собственными деньгами, а не то, чтобы внушать другимъ такое жестокое дѣло. Да и чего имъ опасаться Иванова? Онъ идетъ своею собственною дорогою и никому не помѣха. Онъ] не только не ищетъ профессорскаго мѣста и житейскихъ выгодъ, но даже просто ничего не ищетъ, потому что уже давно умеръ для всего въ мірѣ, кромѣ своей работы. Онъ молитъ [о нищенскомъ содержаніи,] о томъ содержаніи, которое дается только начинающему работать ученику, а не о томъ, которое слѣдуетъ ему, какъ мастеру, сидящему надъ такимъ колоссальнымъ дѣломъ, какого не затѣвалъ доселѣ никто; и этого [нищен-

скаго] содержанія, о которомъ всѣ стараются и хлопочутъ, не можетъ онъ допроситься, несмотря на хлопоты всѣхъ. Воля ваша, я вижу во всемъ этомъ волю Провидѣнія, уже такъ опредѣлившую, чтобы Ивановъ вытерпѣлъ, выстрадалъ и вынесъ все: другому ничему не могу приписать.

Доселѣ раздавался ему упрекъ въ медленности. Говорили всѣ: «Какъ! восемь лѣтъ сидѣлъ надъ картиною, и до сихъ поръ картинѣ нѣтъ конца!» Но теперь этотъ упрекъ затихнулъ, когда увидѣли, что и капля времени у художника не пропала даромъ, что однихъ этюдовъ, приготовленныхъ имъ для картины, наберется на цѣлый залъ и можетъ составить отдѣльную выставку, что необыкновенная величина самой картины, которой равной еще не было (она больше картинъ Брюлова и Бруни), требовала слишкомъ много времени для работы, особенно при тѣхъ малыхъ денежныхъ средствахъ, которыя не давали ему возможности имѣть нѣсколько моделей вдругъ, и притомъ такихъ, какихъ бы онъ хотѣлъ. Словомъ—теперь всѣ чувствуютъ нелѣпость упрека въ медленности и лѣни такому художнику, который, какъ труженикъ, сидѣлъ всю жизнь свою надъ работою и позабылъ даже, существуетъ ли на свѣтѣ какое-нибудь наслажденіе, кромѣ работы. Еще болѣе будетъ стыдно тѣмъ, которые упрекали его въ медленности, когда узнаютъ и другую сокровенную причину медленности. Съ производствомъ этой картины связалось собственное душевное дѣло художника,—явленіе слишкомъ рѣдкое въ мірѣ, явленіе, въ которомъ вовсе не участвуетъ произволъ человѣка, но воля Того, Кто выше человѣка. Такъ уже было опредѣлено, чтобы надъ этою картиною совершилось воспитаніе собственно художника, какъ въ рукотворномъ дѣлѣ искусства, такъ и въ мысляхъ, направляющихъ искусство къ законному и высшему назначенію. Предметъ картины, какъ вы уже знаете, слишкомъ значителенъ. Изъ евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣйшее для исполненія, доселѣ еще небранное никѣмъ изъ художниковъ даже прежнихъ богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно—первое появле-

ніе Христа народу. Картина изображаетъ пустыню на берегу Іордана. Всѣхъ виднѣе Іоаннъ Креститель, проповѣдающій и крестящій во имя Того, Котораго еще никто не видалъ изъ народа. Его обступаетъ толпа нагихъ и раздѣвающихся, одѣвающихся и одѣтыхъ, выходящихъ изъ водъ и готовыхъ погрузиться въ воды; въ толпѣ этой стоятъ и будущіе ученики Самого Спасителя. Все, отправляя свои различныя тѣлесныя движенія, устремляется внутреннимъ ухомъ къ рѣчамъ пророка, какъ бы схватывая изъ устъ его каждое слово и выражая на лицахъ различныя чувства: на однихъ уже полная вѣра; на другихъ еще сомнѣніе; третьи уже колеблются; четвертые понурили головы въ сокрушеніи и покаяніи; есть и такіе, на которыхъ видна еще кора и безчувственность сердечная. Въ это самое время, когда все движется такими различными движеніями, показывается вдали Тотъ Самый, во имя Котораго уже совершилось крещеніе—и здѣсь настоящая минута картины. Предтеча взятъ именно въ тотъ мигъ, когда, указавши на Спасителя перстомъ, произноситъ: «*Се Агнецъ, вземляй грѣхи міра!*» И вся толпа, не оставляя выраженія лицъ своихъ, устремляется или глазомъ, или мыслью къ Тому, на Котораго указалъ пророкъ. Сверхъ прежнихъ, не успѣвшихъ сбѣжать съ лицъ, впечатлѣній, пробѣгаютъ по всѣмъ лицамъ новыя впечатлѣнія. Чуднымъ свѣтомъ освѣтились лица передовыхъ избранныхъ, тогда какъ другіе стараются еще войти въ смыслъ непонятныхъ словъ, недоумѣвая, какъ можетъ одинъ взять на себя грѣхи всего міра, а третьи сомнительно колеблютъ головой, говоря: «отъ Назарета пророкъ не приходитъ». А Онъ, въ небесномъ спокойствіи и чудномъ отдаленіи, тихою и твердою стопою уже приближается къ людямъ.

Бездѣлица—изобразить на лицахъ весь этотъ ходъ *обращенія человѣка ко Христу!* Есть люди, которые увѣрены, что великому художнику все доступно: земля, море, человѣкъ, [лягушка, драка и пирушка людей, игра въ карты] и моленіе Богу, словомъ—все можетъ достаться ему легко,

будь только онъ талантливый художникъ, да поучись въ академіи. Художникъ можетъ изобразить только то, что̀ онъ *почувствовалъ*, и о чемъ въ головѣ его составилась уже полная идея; иначе картина будетъ мертвая, академическая картина. Ивановъ сдѣлалъ все, что̀ другой художникъ почелъ бы достаточнымъ для окончанія картины. Вся матеріальная часть, все, что̀ относится до умнаго и строгаго размѣщенія группы въ картинѣ, исполнено въ совершенствѣ. Самыя лица получили свое типическое, согласно Евангелію, сходство и съ тѣмъ вмѣстѣ сходство еврейское. Вдругъ слышишь по лицамъ, въ какой землѣ происходитъ дѣло. Ивановъ повсюду ѣздилъ нарочно изучать для того еврейскія лица. Все, что̀ ни касается до гармоническаго размѣщенія цвѣтовъ, одежды человѣка и до обдуманной ея наброски на тѣло, изучено въ такой степени, что всякая складка привлекаетъ вниманіе знатока. Наконецъ, вся ландшафтная часть, на которую обыкновенно не много смотритъ историческій живописецъ, видъ всей живописной пустыни, окружающей группу, исполненъ такъ, что изумляются сами ландшафтные живописцы, живущіе въ Римѣ. Ивановъ для этого просиживалъ по нѣсколькимъ мѣсяцамъ въ нездоровыхъ Понтійскихъ болотахъ и пустынныхъ мѣстахъ Италіи, перенесъ въ свои этюды всѣ дикія захолустья, находящіяся вокругъ Рима, изучилъ всякій камушекъ и древесный листокъ, словомъ — сдѣлалъ все, что̀ могъ сдѣлать, все изобразилъ, чему только нашелъ образецъ. Но какъ изобразить то, чему еще не нашелъ художникъ образца? Гдѣ могъ найти онъ образецъ для того, чтобы изобразить главное, составляющее задачу всей картины — представить въ лицахъ весь ходъ человѣческаго обращенія ко Христу? Откуда могъ онъ взять его? Изъ головы? Создать воображеніемъ? Постигнуть мыслью? Нѣтъ, пустяки! Холодна для этого мысль и ничтожно воображеніе. Ивановъ напрягалъ воображеніе, елико могъ, старался на лицахъ всѣхъ людей, съ какими ни встрѣчался, ловить высокія движенія душевныя, оставался въ церквахъ слѣдить за мо-

литвою человѣка—и видѣлъ, что все безсильно и недостаточно и не утверждаетъ въ его душѣ полной идеи о томъ, что нужно. И это было предметомъ сильныхъ страданій его душевныхъ и виною того, что картина такъ долго затянулась. Нѣтъ, пока въ самомъ художникѣ не произошло истиннаго обращенія ко Христу, не изобразить ему того на полотнѣ! Ивановъ молилъ Бога о ниспосланіи ему такого полнаго обращенія, лилъ слезы въ тишинѣ, прося у Него же силъ исполнить Имъ же внушенную мысль; а въ это время упрекали его въ медленности и торопили его! Ивановъ просилъ у Бога, чтобы огнемъ благодати испепелилъ въ немъ ту холодную черствость, которою теперь страждутъ многіе наилучшіе и наидобрѣйшіе люди, и вдохновилъ бы его такъ изобразить это обращеніе, чтобы умилился и нехристіанинъ, взглянувши на его картину; а его въ это время укоряли даже знавшіе люди, даже пріятели, думая, что онъ просто лѣнится, и помышляли серьезно о томъ, нельзя ли голодомъ и отнятіемъ всѣхъ средствъ заставить его кончить картину. Сострадательнѣйшіе изъ нихъ говорили: «самъ же виноватъ: пусть бы большая картина шла своимъ чередомъ, въ промежуткахъ могъ бы онъ работать малыя картины, брать за нихъ деньги и не умереть съ голода», — говорили, не вѣдая того, что художнику, которому трудъ его, по волѣ Бога, обратился въ его душевное дѣло, уже невозможно заняться никакимъ другимъ трудомъ, и нѣтъ у него промежутковъ; не устремится и мысль его ни къ чему другому, какъ онъ ее ни принуждай и ни насилуй. Такъ вѣрная жена, полюбившая истинно своего мужа, не полюбитъ уже никого другого, никому не продастъ за деньги своихъ ласкъ, хотя бы этимъ средствомъ и могла спасти отъ бѣдности и себя, и мужа. Вотъ каковы были обстоятельства душевныя Иванова! Вы скажете: «Да зачѣмъ же онъ не изложилъ всего этого на бумагѣ? зачѣмъ не описалъ ясно своего дѣйствительнаго положенія? тогда бы ему вдругъ были высланы деньги». Да, какъ бы не такъ! Попробуй кто-нибудь изъ насъ, еще не доказавшій

силъ, еще не умѣющій самому себѣ высказать себя, объясняться съ людьми, стоящими на другихъ поприщахъ, которые не могутъ, весьма естественно, даже постигнуть, что можетъ существовать въ искусствѣ его высшая степень, свыше той, на которой оно стоитъ въ нынѣшнемъ модномъ вѣкѣ! Неужели ему сказать: «Я произведу одно такое дѣло, которое васъ потомъ изумитъ, но котораго вамъ не могу теперь разсказать, потому что многое, покуда, и мнѣ самому еще не совсѣмъ понятно, а вы, во все то время, какъ я буду сидѣть надъ работою, ждите терпѣливо и давайте мнѣ деньги на содержаніе?» Тогда, пожалуй, явится много такихъ охотниковъ, которые заговорятъ такимъ же образомъ; да имъ развѣ безумецъ дастъ деньги. Положимъ даже, что Ивановъ могъ бы въ это неясное время выразиться ясно и сказать такъ: «Мнѣ внушена кѣмъ-то свыше преслѣдующая меня мысль — изобразить кистью обращеніе человѣка ко Христу. Я чувствую, что не могу этого сдѣлать, не обратившись истинно самъ. А потому ждите, покуда во мнѣ самомъ не произойдетъ этого обращенія, и давайте до того времени мнѣ деньги на мое содержаніе и на мою работу». Да ему тогда въ одинъ голосъ закричимъ мы всѣ: «Что̀ ты, братъ, за нескладицу городишь? за дураковъ, что̀ ли, насъ принялъ? Что̀ за связь у души съ картиною? Душа сама по себѣ, а картина сама по себѣ. [Что̀ намъ ждать твоего обращенія? Ты долженъ быть и безъ того христіаниномъ; вѣдь вотъ мы же всѣ истинные христіане»]. Вотъ что̀ мы скажемъ всѣ Иванову, и каждый изъ насъ почти правъ. Не будь этихъ же самыхъ тяжелыхъ его обстоятельствъ и внутреннихъ терзаній душевныхъ, которыя силою заставили его обратиться жарче другихъ къ Богу и дали ему способность къ Нему прибѣгать и жить въ Немъ такъ, какъ не живетъ въ Немъ нынѣшній свѣтскій художникъ, и выплакать слезами тѣ чувства, которыхъ онъ силился добыть прежде одними размышленіями—не изобразить бы ему никогда того, что̀ начинаетъ онъ уже изображать теперь на полотнѣ, и онъ дѣй-

ствительно бы обманулъ и себя, и другихъ, несмотря на все желаніе не обмануть.

Не думайте, чтобы легко было изъясниться съ людьми во время переходнаго состоянія душевнаго, когда, по волѣ Бога, начнется переработка въ собственной природѣ человѣка. Я это знаю и отчасти даже испыталъ самъ. Мои сочиненія тоже связались чуднымъ образомъ съ моею душою и моимъ внутреннимъ воспитаніемъ. Въ продолженіе болѣе шести лѣтъ я ничего не могъ работать для свѣта. Вся работа производилась во мнѣ и собственно для меня. А существовалъ я дотолѣ,—не позабудьте,—единственно доходами съ моихъ сочиненій. Всѣ почти знали, что я нуждался; но были увѣрены, что это происходитъ отъ собственнаго моего упрямства, что мнѣ сто́итъ только присѣсть да написать небольшую вещь, чтобы получить большія деньги; а я не въ силахъ былъ произвести ни одной строки, и когда, послушавшись совѣта одного неразумнаго человѣка, вздумалъ было заставить себя насильно написать кое-какія статейки для журнала, это было мнѣ въ такой степени трудно, что ныла моя голова, болѣли всѣ чувства, я маралъ и раздиралъ страницы, и послѣ двухъ, трехъ мѣсяцевъ такой пытки такъ разстроилъ здоровье, которое и безъ того было плохо, что слегъ въ постель, а присоединившіеся къ тому недуги нервическіе и наконецъ недуги отъ неумѣнья никому въ свѣтѣ изъяснить состояніе своего положенія до того меня изнурили, что былъ я уже на краю гроба. И два раза случилось почти то же. Одинъ разъ, въ прибавленіе ко всему этому, я очутился въ городѣ, гдѣ не было почти ни души мнѣ близкой, безъ всякихъ средствъ, рискуя умереть, не только отъ болѣзни и страданій душевныхъ, но даже отъ голода. Это было уже давно тому. [Спасенъ я былъ государемъ: нежданно ко мнѣ пришла отъ него помощь. Услышалъ ли онъ сердцемъ, что бѣдный подданный его на своемъ неслужащемъ и незамѣтномъ поприщѣ помышлялъ сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другіе на своихъ служащихъ и замѣтныхъ по-

прищахъ, или это было просто обычное движеніе милости его; но эта помощь меня подняла вдругъ. Мнѣ было пріятно въ эту минуту быть обязану ему, а не кому-либо другому. Къ причинамъ, побудившимъ взяться съ новою силою за трудъ, присоединилась еще и мысль,—если удостоитъ меня Богъ сдѣлаться точно человѣкомъ близкимъ для многихъ людей и достойнымъ точно любви всѣхъ тѣхъ, которыхъ люблю,—сказать имъ: «не забывайте же, меня бы не было, можетъ-быть, на свѣтѣ, если-бъ не государь».] Вотъ каковы бываютъ положенія! Въ прибавленіе скажу вамъ, что въ это же самое время я долженъ былъ слышать обвиненія въ эгоизмѣ: многіе не могли мнѣ простить моего неучастія въ разныхъ дѣлахъ, которыя они затѣвали, по ихъ мнѣнію, для блага общаго. Слова мои, что я не могу писать и не долженъ работать ни для какихъ журналовъ и альманаховъ, принимались за выдумку. Самая жизнь моя, которую я велъ въ чужихъ краяхъ, приписана была сибаритскому желанію наслаждаться красотами Италіи. Я не могъ даже изъяснить никому изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, что, кромѣ нездоровья, мнѣ нужно было временное отдаленіе отъ нихъ самихъ, затѣмъ именно, чтобы не попасть въ фальшивыя отношенія съ ними и не нанести имъ же непріятностей—я даже этого не могъ объяснить! Я слышалъ самъ, что мое душевное состояніе до того сдѣлалось странно, что ни одному человѣку въ мірѣ не могъ бы я разсказать его понятно. Силясь открыть хотя одну часть себя, я видѣлъ тутъ же передъ моими глазами, какъ моими же словами туманилъ и кружилъ голову слушавшему меня человѣку, и горько раскаивался за одно даже желаніе быть откровеннымъ. Клянусь, бываютъ такъ трудны положенія, что ихъ можно уподобить только положенію того человѣка, который находится въ летаргическомъ снѣ, который видитъ самъ, какъ его погребаютъ живого—и не можетъ даже пошевельнуть пальцемъ и подать знака, что онъ еще живъ. Нѣтъ, храни Богъ въ эти минуты переходнаго состоянія душевнаго пробовать объяснять себя какому-нибудь человѣку;

нужно бѣжать къ одному Богу, и ни къ кому болѣе. Противъ меня стали несправедливы многіе, даже близкіе мнѣ люди, и были въ то же время совсѣмъ невиноваты: я бы самъ сдѣлалъ то же, находясь на ихъ мѣстѣ.

То же самое и въ дѣлѣ Иванова: если бы случилось, чтобы онъ умеръ отъ бѣдности и недостатка средствъ, вдругъ бы все исполнилось негодованія противу тѣхъ, которые допустили это; пошли бы обвиненія въ безчувственности и зависти къ нему другихъ художниковъ. Иной драматическій поэтъ составилъ бы изъ этого чувствительную драму, которою растрогалъ бы слушателей и подвигнулъ бы гнѣвомъ противу враговъ его. И все это было бы ложь, потому что, точно, никто не былъ бы истинно виновенъ въ его смерти. Одинъ только человѣкъ былъ бы безчестенъ и виноватъ, и этотъ человѣкъ былъ бы—я: я испробовалъ почти то же состояніе, испробовалъ его на собственномъ тѣлѣ, и не объяснилъ того другимъ! И вотъ почему я теперь пишу къ вамъ. Устройте же это дѣло; не то—грѣхъ будетъ на вашей собственной душѣ; съ моей души я уже снялъ его этимъ самымъ письмомъ; теперь онъ повиснулъ на васъ. [Сдѣлайте такъ, чтобы не только было выдано Иванову то нищенское содержаніе, которое онъ проситъ; но еще сверхъ того единовременная награда, именно за то самое, что онъ работалъ долго надъ своею картиною и не хотѣлъ въ это время ничего работать посторонняго, какъ ни заставляли его другіе люди, и какъ ни заставляла его собственная нужда]. Не скупитесь: деньги всѣ вознаградятся. Достоинство картины уже начинаетъ обнаруживаться всѣмъ. Весь Римъ начинаетъ говорить гласно, судя даже по нынѣшнему ея виду, въ которомъ далеко еще не выступила вся мысль художника, что подобнаго явленія еще не показывалось отъ временъ Рафаэля и Леонарда-да-Винчи. Будетъ окончена картина [—бѣднѣйшій дворъ въ Европѣ заплатитъ за нее охотно тѣ деньги, какія теперь платятъ за вновь находимыя картины прежнихъ великихъ мастеровъ]. Такимъ картинамъ не бываетъ цѣна меньше ста или двухсотъ тысячъ.

[Устройте такъ, чтобы награда выдана была не за картину, но за самоотверженіе и безпримѣрную любовь къ искусству, чтобы это послужило въ урокъ художникамъ. Урокъ этотъ нуженъ, чтобы видѣли всѣ другіе, какъ нужно любить искусство,—что нужно, какъ Ивановъ, умереть для всѣхъ приманокъ жизни; какъ Ивановъ, учиться и считать себя вѣкъ ученикомъ; какъ Ивановъ, отказывать себѣ во всемъ, даже и въ лишнемъ блюдѣ въ праздничный день; какъ Ивановъ, надѣть простую плисовую куртку, когда оборвались всѣ средства, и пренебречь пустыми приличіями; какъ Ивановъ, вытерпѣть все и при высокомъ и нѣжномъ образованіи душевномъ, при бо̀льшей чувствительности ко всему, вынести всѣ колкія пораженія и даже то, когда угодно было нѣкоторымъ провозгласить его сумасшедшимъ и распустить этотъ слухъ такимъ образомъ, чтобы онъ собственными своими ушами, на всякомъ шагу, могъ его слышать. За эти-то подвиги нужно, чтобы ему была выдана награда. Это нужно особенно для художниковъ молодыхъ и выступающихъ на поприще художества, чтобы не думали они о томъ, какъ заводить галстучки да сертучки, да дѣлать долги для поддержанія какого-то вѣса въ обществѣ; чтобы знали впередъ, что подкрѣпленіе и помощь со стороны правительства ожидаетъ только тѣхъ, которые уже не помышляютъ о сертучкахъ да о пирушкахъ съ товарищами, но отдались своему дѣлу, какъ монахъ монастырю. Хорошо бы даже, если бы выданная Иванову сумма была слишкомъ велика, чтобы невольно почесали у себя въ затылкѣ всѣ другіе. Не бойтесь, эту сумму онъ не возьметъ себѣ; можетъ-быть, изъ нея и копѣйки не возьметъ для себя: эта сумма будетъ вся употреблена на вспомоществованіе истиннымъ труженикамъ искусства, которыхъ знаетъ художникъ лучше, нежели какой-либо чиновникъ, и распоряженія по этому дѣлу будутъ произведены лучше чиновническихъ. За чиновникомъ мало ли что̀ можетъ водиться: у него можетъ случиться и жена-модница, и пріятели-ѣдоки, которыхъ нужно угощать обѣдомъ; чиновникъ заведетъ и штатъ, и

блескъ; станетъ даже утверждать, что для поддержанія чести русской націи нужно задать пыли иностранцамъ, и потребуетъ на это деньги. Но тотъ, кто самъ подвизался на томъ поприщѣ, которому потомъ долженъ помочь, кто слышалъ вопль потребности и нужды истинной, а не поддѣльной, кто терпѣлъ самъ и видѣлъ, какъ терпятъ другіе, и соскорбѣлъ имъ, и дѣлился послѣдней рубашкой съ неимущимъ тружѳникомъ въ то время, когда и самому нечего было ѣсть и не во что̀ одѣться, какъ дѣлалъ это Ивановъ, тотъ—другое дѣло. Тому можно смѣло повѣрить милліонъ и спать спокойно: не пропадетъ даромъ копѣйки изъ этого милліона]. Поступите же справедливо, а письмо мое покажите другимъ, какъ моимъ, такъ и вашимъ пріятелямъ, и особенно такимъ, которыхъ управленію ввѣрена какая-нибудь часть, потому что труженики, подобные Иванову, могутъ случиться на всѣхъ поприщахъ, и все-таки не нужно допускать, чтобы они умерли съ голоду. Если случится, что одинъ, отдѣлившись отъ всѣхъ другихъ, займется крѣпче всѣхъ своимъ дѣломъ, хотя бы даже и своимъ собственнымъ, но если онъ скажетъ, что это повидимому собственное его дѣло будетъ нужно для всѣхъ, считайте его какъ бы на службѣ у людей и выдавайте насущное прокормленіе. А чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли здѣсь какого обмана, потому что подъ такимъ видомъ можетъ пробраться лѣнивый и ничего не дѣлающій человѣкъ, слѣдите за его собственною жизнію: его собственная жизнь скажетъ все. Если онъ такъ же, какъ Ивановъ, плюнулъ на всѣ приличія и условія свѣтскія, надѣлъ простую куртку и, отогнавши отъ себя мысль не только объ удовольствіяхъ и пирушкахъ, но даже мысль завестись когда-либо женою и семействомъ или какимъ-либо хозяйствомъ, ведетъ жизнь истинно-монашескую, корпя день и ночь надъ своею работою и молясь ежеминутно, — тогда нечего долго разсуждать, а нужно дать ему средства работать; не зачѣмъ также торопить и подталкивать его—оставьте его въ покоѣ: подтолкнетъ его Богъ безъ васъ: ваше дѣло только смотрѣть за тѣмъ, чтобы онъ не умеръ съ голода.

Не давайте ему большого содержанія; давайте ему бѣдное и нищенское, даже и не соблазняйте его соблазнами свѣта. Есть люди, которые должны вѣкъ остаться нищими. Нищенство есть блаженство, котораго еще не раскусилъ свѣтъ; но кого Богъ удостоилъ отвѣдать его сладость и кто уже возлюбилъ истинно свою нищенскую сумку, тотъ не продастъ ея ни за какія сокровища здѣшняго міра.

1846.

XXIV.

ЧѢМЪ МОЖЕТЪ БЫТЬ ЖЕНА ДЛЯ МУЖА ВЪ ПРОСТОМЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ, ПРИ НЫНѢШНЕМЪ ПОРЯДКѢ ВЕЩЕЙ ВЪ РОССІИ.

Долго думалъ я, на кого изъ васъ напасть: на васъ, или на вашего мужа? Наконецъ рѣшаюсь напасть на васъ: женщина скорѣе способна очнуться и двинуться. Положеніе васъ обоихъ, хотя вы считаете себя на верху блаженства, по мнѣ, не только не блаженно, но даже хуже положенія тѣхъ, которые считаютъ себя въ горѣ и несчастіи. У васъ обоихъ есть много хорошихъ качествъ душевныхъ, сердечныхъ и даже умственныхъ, и нѣтъ только того, безъ чего все это ни къ чему не послужитъ: нѣтъ внутри себя управленія собою. Никто изъ васъ не господинъ себѣ. Въ васъ нѣтъ характера, признавая характеромъ *крѣпость воли.* Вашъ мужъ, чувствуя этотъ недостатокъ въ себѣ, женился нарочно затѣмъ, чтобы найти въ женѣ себѣ возбужденіе на всякое дѣло и подвигъ. Вы за него вышли замужъ затѣмъ, чтобы онъ былъ вашимъ возбудителемъ во всякомъ дѣлѣ жизни. Оба другъ отъ друга ждутъ того, чего нѣтъ у обоихъ. Говорю вамъ: положеніе ваше не только не блаженно, но даже опасно. Вы оба расплыветесь и распуститесь среди жизни, какъ мыло въ водѣ. Всѣ ваши достоинства и добрыя

качества исчезнутъ въ безпорядкѣ дѣйствій, который одинъ сдѣлается вашимъ характеромъ, и будете вы оба—олицетворенное безсиліе. Молите Бога о *крѣпости*. У Бога можно все вымолить, даже крѣпость, которую, какъ извѣстно, никакими средствами не можетъ достать безсильный и слабый человѣкъ. Поступите только умно. *Молись и къ берегу гребись*, говоритъ пословица. Произносите въ себѣ и поутру, и въ полдень, и ввечеру, и во всѣ часы дня: «Боже, собери меня всю въ самоё меня и укрѣпи!» и дѣйствуйте въ продолженіе цѣлаго года такъ, какъ я вамъ сейчасъ скажу, не разсуждая покуда, зачѣмъ и къ чему это. Всю хозяйственную часть дома возьмите на себя; приходъ и расходъ чтобы былъ въ вашихъ рукахъ. Не ведите общей расходной книги, но съ самаго начала года сдѣлайте смѣту всему впередъ, обнимите всѣ нужды ваши, сообразите впередъ, сколько можете и сколько вы должны издержать въ годъ, сообразно вашему достатку, и все приведите въ круглыя суммы. Раздѣлите ваши деньги на семь почти равныхъ кучъ. Въ первой кучѣ будутъ деньги на квартиру, съ отопкою, водою, дровами и всѣмъ, что̀ ни относится до стѣнъ дома и чистоты двора; во второй кучѣ — деньги на столъ и на все съѣстное съ жалованьемъ повару и продовольствіемъ всего, что̀ ни живетъ въ вашемъ домѣ; въ третьей кучѣ—экипажъ: карета, кучеръ, лошади, сѣно, овесъ, словомъ — все, что̀ относится къ этой части; въ четвертой кучѣ — деньги на гардеробъ, то-есть, все, что̀ нужно для васъ обоихъ затѣмъ, чтобы показаться въ свѣтъ или сидѣть дома; въ пятой кучѣ будутъ ваши карманныя деньги; въ шестой кучѣ — деньги на чрезвычайныя издержки, какія могутъ встрѣтиться: перемѣна мебели, покупка новаго экипажа и даже вспомоществованіе кому-нибудь изъ вашихъ родственниковъ, если бы онъ возымѣлъ внезапную надобность; седьмая куча — Богу, то-есть, деньги на церковь и на бѣдныхъ. Сдѣлайте такъ, чтобы эти семь кучъ пребывали у васъ несмѣшанными, какъ бы семь отдѣльныхъ министерствъ. Ведите расходъ каждый особо, и ни подъ ка-

кимъ предлогомъ не занимайте изъ одной кучи въ другую. Какія ни представлялись бы вамъ въ это время выгодныя покупки и какъ бы ни соблазняли онѣ васъ своею дешевизною,—не покупайте. На это можете отважиться послѣ, когда побольше укрѣпитесь; а теперь не позабывайте ни на мигъ, что все это вами дѣлается для покупки твердаго характера, а эта покупка покамѣстъ для васъ нужнѣе всякой другой покупки. И потому будьте въ этомъ случаѣ упрямы, просите Бога объ упрямствѣ. Даже и тогда, когда бы оказалась надобность помочь бѣдному, вы не можете употребить на это больше того, сколько находится въ опредѣленной на то кучѣ. Если бы даже вы были свидѣтельницею картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли бы сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и тогда дотрогиваться до другихъ кучъ, но поѣзжайте по всему городу, по всѣмъ вашимъ знакомымъ и старайтесь преклонить ихъ на жалость: просите, молите, будьте готовы даже на униженіе себя, чтобы это осталось вамъ въ урокъ, чтобы вы помнили вѣчно, какъ вы были доведены до жестокой необходимости отказать несчастному, какъ вы должны были изъ-за этого подвергнуться униженію и даже осмѣянію публичному; чтобы это не выходило у васъ изъ ума, чтобы вы черезъ это пріучались обрѣзывать себя въ расходахъ по каждой кучѣ и заранѣе помышлять о томъ, чтобы къ концу года оставался отъ каждой остатокъ для бѣдныхъ, а не сходились бы только концы съ концами. Если вы будете держать это въ головѣ своей безпрестанно, то вы никогда не заѣдете безъ надобности сильной въ магазинъ и не купите себѣ неожиданно какое-нибудь украшеніе для камина или стола, на что̀ такъ падки у насъ какъ дамы, такъ и мужчины (послѣдніе еще больше и суть не женщины, а бабы). Ваши прихоти будутъ невольно и нечувствительно сжиматься, и дойдетъ наконецъ до того, что вы почувствуете сами, что вамъ не нужно имѣть больше одной кареты и пары лошадей, больше четырехъ блюдъ за столомъ, что званый обѣдъ можетъ также насытить людей и

на простомъ сервизѣ, съ прибавкою одного лишняго блюда да бутылки вина, разнесеннаго безъ всякихъ тонкостей въ простыхъ рюмкахъ. Вы даже не только не сгорите отъ стыда, если пойдетъ по городу слухъ, что у васъ не comme il faut, но еще посмѣетесь тому сами, увѣрившись истинно, что настоящее comme il faut есть то, какого требуетъ отъ человѣка Тотъ Самый, Который создалъ его, а не тотъ, который приводитъ въ систему обѣды, даже и не тотъ, который сочиняетъ всякій день мѣняющіеся этикеты, даже и не сама мадамъ Сихлеръ. Заведите для всякой денежной кучи особенную книгу, подводите итогъ всякой кучѣ каждый мѣсяцъ и пересчитывайте въ послѣдній день мѣсяца все вмѣстѣ, сравнивая всякую вещь одну съ другою, чтобы умѣть узнавать, во сколько разъ одна нужнѣе другой, чтобы видѣть ясно, отъ какой прежде нужно отказаться, въ случаѣ необходимости, чтобы научиться мудрости постигать, что̀ изъ нужнаго есть самое нужнѣйшее.

Держитесь этого строго въ продолженіе цѣлаго года, крѣпитесь и будьте упрямы, и во все это время молитесь Богу, чтобы укрѣпилъ васъ—и вы окрѣпнете непремѣнно. Важно то, чтобы въ человѣкѣ хотя что-нибудь окрѣпнуло и стало непреложнымъ; отъ этого невольно установится порядокъ и во всемъ прочемъ. Укрѣпясь въ дѣлѣ вещественнаго порядка, вы укрѣпитесь нечувствительно въ дѣлѣ душевнаго порядка. Распредѣлите ваше время; положите всему непремѣнные часы. Не оставайтесь поутру съ вашимъ мужемъ; гоните его на должность въ его департаментъ, ежеминутно напоминая ему о томъ, что онъ весь долженъ принадлежать общему дѣлу и хозяйству всего государства (а его собственное хозяйство не его забота: оно должно лежать на васъ, а не на немъ), что онъ женился именно затѣмъ, чтобы, освободя себя отъ мелкихъ заботъ. всего отдать отчизнѣ, и жена дана ему не на помѣху службѣ, а въ укрѣпленіе его на службѣ. Чтобы все утро вы работали порознь, каждый на своемъ поприщѣ, и черезъ то встрѣтились бы весело передъ обѣдомъ и обрадовались бы такъ

другъ другу, какъ бы нѣсколько лѣтъ не видались, чтобы вамъ было что̀ пересказать другъ другу и не попотчивалъ бы одинъ другого зѣвотою: разскажите ему все, что̀ вы дѣлали въ вашемъ домѣ и домашнемъ хозяйствѣ, и пусть онъ разскажетъ вамъ все, что̀ производилъ въ департаментѣ своемъ для общаго хозяйства. Вы должны знать непремѣнно существо его должности, и въ чемъ состоитъ его часть, и какія дѣла случилось ему вершить въ тотъ день, и въ чемъ именно они состояли. Не пренебрегайте этимъ и помните, что жена должна быть помощницею мужа. Если только въ теченіе одного года вы будете внимательно выслушивать отъ него все, то на другой годъ будете въ силахъ подать ему даже совѣтъ, будете знать, какъ ободрить его при встрѣчѣ съ какою-нибудь непріятностію по службѣ, будете знать, какъ заставить его перенести и вытерпѣть то, на что̀ у него не достало бы духа, будете его истинный возбудитель на все прекрасное.

Начните же съ этого дня исполнять все, что̀ я вамъ теперь сказалъ. Крѣпитесь, молитесь и просите Бога безпрерывно, да поможетъ вамъ собрать всю себя въ себѣ и держать себя. Все у насъ теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ; обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ. Эту свободу одинъ мой пріятель, который съ вами лично не знакомъ, но котораго, однакоже, знаетъ вся Россія, опредѣляетъ такъ: «Свобода не въ томъ, чтобы говорить произволу своихъ желаній: *да*, но въ томъ, чтобы умѣть сказать имъ: *нѣтъ*». Онъ правъ, какъ сама правда. Никто теперь въ Россіи не умѣетъ сказать самому себѣ этого твердаго *нѣтъ*. Нигдѣ я не вижу мужа. Пусть же безсильная женщина ему о томъ напомнитъ! Стало такъ теперь все чудно, что жена же должна повелѣть мужу, дабы онъ былъ ея глава и повелитель.

1845.

XXV.
СЕЛЬСКІЙ СУДЪ И РАСПРАВА.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ М.

Никакъ не пренебрегайте расправою и судомъ. Не поручайте этого дѣла управителю и никому въ деревнѣ: эта часть важнѣе самаго хозяйства. Судите сами. Этимъ однимъ вы укрѣпите связь помѣщика съ крестьянами. Судъ—Божье дѣло, и я не знаю, что̀ можетъ быть этого выше. Недаромъ такъ чествуется въ народѣ тотъ, кто умѣетъ произносить правый судъ. Къ вамъ повалитъ не только ваша деревня, но и всѣ окружные мужики изъ другихъ селеній, какъ только узнаютъ, что вы умѣете давать расправу. Не пренебрегайте никѣмъ изъ приходящихъ и судите всѣхъ, хотя бы даже и въ незначительной ссорѣ или дракѣ. По поводу этого можете много сказать мужику такого, что̀ пойдетъ въ добро его душѣ, и чего бы вы никакъ не нашлись сказать въ другое время, не найдя, къ чему прицѣпиться.

Судите всякаго человѣка двойнымъ судомъ и всякому дѣлу давайте двойную расправу. Одинъ судъ долженъ быть человѣческій: на немъ оправдайте праваго и осудите виновнаго. Старайтесь, чтобъ это было при свидѣтеляхъ, чтобы тутъ стояли и другіе мужики, чтобы всѣ видѣли ясно, какъ день, чѣмъ одинъ правъ и чѣмъ другой виноватъ. Другой же судъ сдѣлайте Божескій: и на немъ осудите и праваго, и виноватаго. Выведите ясно первому, какъ онъ самъ былъ тому виною, что другой его обидѣлъ, а второму—какъ онъ вдвойнѣ виноватъ и предъ Богомъ, и предъ людьми; одного укорите, зачѣмъ не простилъ своему брату, какъ повелѣлъ Христосъ; а другого попрекните, зачѣмъ онъ обидѣлъ Самого Христа въ своемъ братѣ; а обоимъ вмѣстѣ дайте выговоръ за то, что не примирились сами собою и пришли на судъ, и возьмите слово съ обоихъ исповѣдаться непремѣнно

попу на исповѣди во всемъ. [Если такой судъ вы будете произносить, вы будете сами полномочны, какъ Богъ, потому что Богъ васъ уполномочитъ.] Вы извлечете оттуда для себя самого много добра и много прямыхъ и правыхъ познаній. [Если бы многіе изъ государственныхъ людей начинали свое поприще не бумажными занятіями, а умной расправой дѣлъ между простыми людьми, они бы лучше узнали духъ земли, свойство народа и вообще душу человѣка, и не заимствовали бы потомъ изъ чужеземныхъ земель намъ неприличныхъ нововведеній.] Правосудіе у насъ могло бы исполняться лучше, нежели во всѣхъ другихъ государствахъ, потому что изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронилась эта вѣрная мысль, что нѣтъ человѣка праваго и что правъ одинъ только Богъ. Эта мысль, какъ непреложное вѣрованіе, разнеслась повсюду въ нашемъ народѣ. Вооруженный ею, даже простой и неумный человѣкъ получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. Мы только, люди высшіе, не слышимъ ея, потому что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только споримъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю, то-есть—оба виноваты. И видишь, что весьма здраво поступила комендантша въ повѣсти Пушкина «Капитанская дочка», которая, пославши поручика разсудить городового солдата съ бабою, подравшихся въ банѣ за деревянную шайку, снабдила его такою инструкціею: «Разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи».

1845.

XXVI.

СТРАХИ И УЖАСЫ РОССІИ.

ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ ....ОЙ.

На ваше длинное письмо, которое вы писали съ такимъ страхомъ, которое просили сей же часъ истребить послѣ

прочтенія и на которое отвѣчать просили не иначе, какъ чрезъ вѣрныя руки, и отнюдь не по почтѣ, я отвѣчаю не только не по секрету, но, какъ вы видите, въ печатной книгѣ, которую, можетъ-быть, прочтетъ половина грамотной Россіи. Побудило меня къ тому то, что, можетъ-быть, мое письмо послужитъ въ то же время отвѣтомъ и прочимъ, которые, подобно вамъ, смущаются тѣми же страхами. То, что̀ вы мнѣ объявляете по секрету, есть еще не болѣе какъ одна часть всего дѣла; а вотъ если бы я вамъ разсказалъ то, что̀ я знаю (а знаю я безъ всякаго сомнѣнія далеко еще не все), тогда бы, точно, помутились ваши мысли, и вы сами подумали бы, какъ бы убѣжать изъ Россіи. Но куда бѣжать? вотъ вопросъ. Европѣ пришлось еще труднѣе, нежели Россіи. Разница въ томъ, что тамъ никто еще этого вполнѣ не видитъ. Все, не выключая даже государственныхъ людей, пребываетъ покуда на верхушкѣ верхнихъ свѣдѣній, то-есть, пребываетъ въ томъ заколдованномъ кругѣ познаній, который нанесенъ журналами въ видѣ скороспѣлыхъ выводовъ, опрометчивыхъ показаній, выставленныхъ, сквозь лживыя призмы всякихъ партій, вовсе не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они есть. Погодите, скоро поднимутся снизу такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и приспособлять къ себѣ, что закружится въ головѣ у самыхъ тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми вы такъ любовались въ палатахъ и камерахъ. Въ Европѣ завариваются теперь повсюду такія сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда онѣ вскроются, и передъ ними будетъ ничтожная вещь тѣ страхи, которые вамъ видятся теперь въ Россіи. Въ Россіи еще брезжитъ свѣтъ, есть еще пути и дороги къ спасенію, и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже. Ваши слова: «всѣ падаютъ духомъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то неизбѣжнаго», равно какъ и слова: «каждый думаетъ только о спасеніи личныхъ выгодъ, о сохра-

ненiи собственной пользы, точно, какъ на полѣ сраженія послѣ потерянной битвы всякій думаетъ только о спасеніи жизни: sauve qui peut», дѣйствительно справедливы; такъ оно теперь дѣйствительно есть; такъ быть должно: такъ повелѣлъ Богъ, чтобъ оно было. Всякъ долженъ подумать теперь о себѣ, именно о своемъ собственномъ спасеніи. Но насталъ другой родъ спасенія. Не бѣжать на кораблѣ изъ земли своей, спасая свое презрѣнное земное имущество; но, спасая свою душу, не выходя вонъ изъ государства, долженъ всякъ изъ насъ спасать себя самого въ самомъ сердцѣ государства. На кораблѣ своей должности, службы долженъ теперь всякъ изъ насъ выноситься изъ омута, глядя на Кормщика Небеснаго. Кто даже и не въ службѣ, тотъ долженъ теперь вступить на службу и ухватиться за свою должность, какъ утопающій хватается за доску, безъ чего не спастись никому. Служить же теперь долженъ изъ насъ всякъ не такъ, какъ бы служилъ онъ въ прежней Россіи, но въ другомъ небесномъ государствѣ, главой котораго уже Самъ Христосъ, а потому и всѣ свои отношенія ко власти ли, высшей надъ нами, къ людямъ ли, равнымъ и кружащимся вокругъ насъ, къ тѣмъ ли, которые насъ ниже и находятся подъ нами, должны мы выполнить такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. И ужъ нечего теперь глядѣть на какіе-нибудь щелчки, которые стали бы наноситься, отъ кого бы то ни было, нашему честолюбію или самолюбію,—нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому и должна быть выполнена такъ, какъ повелѣлъ Христосъ, а не кто другой. Только однимъ этимъ средствомъ и можетъ всякъ изъ насъ теперь спастись. И плохо будетъ тому, кто объ этомъ не помыслитъ теперь же. Помутится умъ его, омрачатся мысли, и не найдетъ онъ угла, куда скрыться отъ своихъ страховъ. Вспомните *Египетскія тьмы,* которыя съ такой силой передалъ царь Соломонъ, когда Господь, желая наказать однихъ, наслалъ на нихъ невѣдомые, непонятные страхи и тьмы. Слѣпая ночь обняла ихъ вдругъ среди бѣла дня; со всѣхъ сто-

ронъ уставились на нихъ ужасающіе образы; дряхлыя страшилища съ печальными лицами стали неотразимо въ глазахъ ихъ; безъ желѣзныхъ цѣпей сковала ихъ всѣхъ боязнь и лишила всего: всѣ чувства, всѣ побужденія, всѣ силы въ нихъ погибнули, кромѣ одного страха. И произошло это только въ тѣхъ, которыхъ наказалъ Господь; другіе въ то же время не видали никакихъ ужасовъ: для нихъ былъ день и свѣтъ.

Смотрите же, чтобы не случилось съ вами чего-нибудь подобнаго. Лучше молитесь и просите Бога о томъ, чтобы вразумилъ васъ, какъ быть вамъ на вашемъ собственномъ мѣстѣ и на немъ исполнить все, сообразно съ закономъ Христа. Дѣло идетъ теперь не на шутку. Прежде чѣмъ приходить въ смущенье отъ окружающихъ безпорядковъ, не дурно заглянуть всякому изъ насъ въ свою собственную душу. Загляните также и вы въ свою. Богъ вѣсть, можетъ-быть, тамъ увидите такой же безпорядокъ, за который браните другихъ; можетъ-быть, тамъ обитаетъ растрепанный, неопрятный гнѣвъ, способный всякую минуту овладѣть вашею душою, на радость врагу Христа; можетъ-быть, тамъ поселилась малодушная способность падать на всякомъ шагу въ уныніе—жалкая дочь безвѣрья въ Бога; можетъ-быть, тамъ еще таится тщеславное желанье гоняться за тѣмъ, что̀ блеститъ и пользуется извѣстностію свѣтской; можетъ-быть, тамъ обитаетъ гордость лучшими свойствами своей души, способная превратить въ ничто все добро, какое имѣемъ. Богъ вѣсть, что̀ можетъ быть въ душѣ нашей. Лучше въ нѣсколько разъ больше смутиться отъ того, что̀ внутри насъ самихъ, нежели отъ того, что̀ внѣ и вокругъ насъ. Что̀ же касается до страховъ и ужасовъ въ Россіи, то они не безъ пользы: посреди ихъ многіе воспитались такимъ воспитаньемъ, котораго не дадутъ никакія школы. Самая затруднительность обстоятельствъ, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшія способности многихъ, и въ то время, когда на однихъ концахъ Россіи еще доплясываютъ польку и доигрываютъ преферансъ, уже незримо

образовываются на разныхъ поприщахъ истинные мудрецы жизненнаго дѣла. Еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа пріѣдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ. Я бы вамъ назвалъ многихъ такихъ, которые составятъ когда-нибудь красоту земли Русской и принесутъ ей вѣковѣчное добро; но къ чести вашего пола я долженъ сказать, что женщинъ еще больше. Цѣлое жемчужное ожерелье ихъ хранитъ моя память. Всѣ онѣ, начиная съ вашихъ дочерей, которыя такъ живо напомнили мнѣ, во сколько разъ родство по душѣ выше всякаго кровнаго родства (дай Богъ, чтобъ наилучшая сестра съ такой готовностью исполняла просьбу своего брата, съ какою онѣ исполняли малѣйшее желаніе души моей), — начиная съ нихъ и продолжая тѣми, о которыхъ вы даже едва слышали, и оканчивая тѣми, о которыхъ вы, можетъ-быть, и не услышите никогда, но которыя совершеннѣе всѣхъ тѣхъ, о коихъ вы слышали. Всѣ онѣ не похожи одна на другую, и каждая есть сама по себѣ явленье необыкновенное. Только одна Россія могла произвести подобное разнообразіе характеровъ, и только въ нынѣшнее время трудныхъ обстоятельствъ, разслабленья и развращенья общаго, повсемѣстной ничтожности общества могли онѣ образоваться. Но всѣхъ перевысила одна, которую я и въ глаза не знаю, и о которой до меня достигнулъ одинъ только темный разсказъ. Не думалъ я, чтобы могло существовать на землѣ подобное совершенство. Произвести такое умное и великодушное дѣло и произвести его такъ, какъ умѣла сдѣлать она: сдѣлать такъ, чтобы отклонить отъ себя и подозрѣнье въ ея собственномъ участіи и разложить весь подвигъ на другихъ такимъ образомъ, что эти другіе стали хвастаться ею сдѣланнымъ дѣломъ, какъ бы собственнымъ своимъ, въ полной увѣренности, что они его сдѣлали; такъ умно обдумать уже впередъ, какъ убѣжать отъ извѣстности, тогда какъ само дѣло уже необходимо должно бы кричать о себѣ и обнаружить ее, успѣть въ этомъ и остаться въ неизвѣстности —

нѣтъ, подобной мудрости еще не встрѣчалъ я ни въ комъ изъ нашей братьи мужеска пола! И передо мною показались въ ту минуту блѣдными всѣ женскіе идеалы, создаваемые поэтами: они то же передъ этой истиной, что бредъ воображенья передъ полнымъ разумомъ. Жалки мнѣ также показались въ эту минуту всѣ тѣ женщины, которыя гонятся за блистающей извѣстностью. И гдѣ же явилось такое чудо? Въ незамѣтномъ захолустьѣ Россіи, въ то время именно, когда стало труднѣй изворачиваться человѣку, когда запутались обстоятельства всѣхъ, и наступили пугающіе васъ страхи и ужасы Россіи.

1846.

XXVII.

БЛИЗОРУКОМУ ПРІЯТЕЛЮ.

Вооружился взглядомъ современной близорукости и думаешь, что вѣрно судишь о событіяхъ! Выводы твои— гниль: они сдѣланы безъ Бога. Что ссылаешься ты на исторію? Исторія для тебя мертва,—только закрытая книга. Безъ Бога не выведешь изъ нея великихъ выводовъ; выведешь одни только ничтожные и мелкіе. [Россія не Франція; элементы французскіе — не русскіе]. Ты позабылъ даже своеобразность каждаго народа и думаешь, что одни и тѣ же событія могутъ дѣйствовать одинакимъ образомъ на каждый народъ. Тотъ же самый молотъ, когда упадаетъ на стекло, раздробляетъ его вдребезги, а когда упадаетъ на желѣзо, куетъ его. Мысли твои [о финансахъ] основаны на чтеніи иностранныхъ книгъ да на англійскихъ журналахъ, а потому суть мертвыя мысли. Стыдно тебѣ, будучи умнымъ человѣкомъ, не войти до сихъ поръ въ собственный умъ свой, который могъ бы самобытно развиться, а захламостить его чужеземнымъ навозомъ. Не вижу и въ проектахъ твоихъ участія Божьяго; не слышу въ словахъ письма твоего, несмотря на весь блескъ ума и

остроумія, чтобы Богъ присутствовалъ въ твоихъ мысляхъ въ то время, когда ты писалъ его; не вижу я на твоей мысли освященія небеснаго. Нѣтъ, не сдѣлаешь ты добра [на своей должности], хотя и желаешь того; не принесутъ твои дѣла того плода, котораго ждешь. Съ прекрасными намѣреніями можно сдѣлать зло, какъ уже многіе и сдѣлали его. Въ послѣднее время не столько безпорядковъ произвели глупые люди, сколько умные, а все оттого, что понадѣялись на свои силы да на умъ свой. Ты гордъ, и чѣмъ же гордъ? хоть бы уже своимъ умомъ; нѣтъ, ты загромоздилъ соромъ свой умъ, дѣйствительно замѣчательный и великій, и сдѣлалъ его чужестранцемъ самому себѣ. Ты гордъ чужимъ, мертвымъ умомъ и выдаешь его за свой. Смотри за собою: ты ходишь опасно. Ты мѣтишь въ государственные люди, и будешь человѣкомъ государственнымъ, потому что у тебя, точно, есть на то способности; но тѣмъ строже теперь смотри за собою. Не заводи этихъ улучшеній, которыми уже наполнилась твоя голова [еще прежде, чѣмъ ты вступилъ въ свою должность], и помни, что всякимъ малѣйшимъ неосмотрительнымъ поступкомъ можно произвести теперь большое зло. Уже и въ твоихъ нынѣшнихъ проектахъ видна скорѣе боязнь, нежели предусмотрительность. Всѣ мысли твои направлены къ тому, чтобы избѣгнуть чего-то угрожающаго въ будущемъ. Не будущаго, но настоящаго опасайся. О настоящемъ велитъ намъ заботиться Богъ. Кто омрачается боязнію отъ будущаго, отъ того, значитъ, уже отступилась святая сила. Кто съ Богомъ, тотъ глядитъ свѣтло впередъ и есть уже въ настоящемъ творецъ блистающаго будущаго. А ты гордъ: ты и теперь уже ничего не хочешь видѣть; ты самоувѣренъ: ты думаешь, что уже все знаешь; ты думаешь, что всѣ обстоятельства [Россіи] тебѣ окрыты; ты думаешь, что уже никто и поучить тебя не можетъ; ты стремишься изо всѣхъ силъ быть похожимъ на тѣхъ [государственныхъ] людей, которые скоро блеснули и скоро исчезли, которые имѣли въ себѣ все для того, чтобы сдѣлать множество

добра, которые даже пламенѣли желаніемъ сдѣлать добро, даже работали, какъ муравьи, всю свою жизнь, и при всемъ томъ не осталось послѣ нихъ никакого слѣда, и самая память о нихъ позабыта: какъ исчезнувшій кругъ на водѣ, исчезнула жизнь ихъ посреди Россіи. И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ европейцы на своихъ великихъ людей, которыхъ умнѣе бываютъ у насъ иногда и невеликіе люди; но тѣ хоть какое-нибудь оставили послѣ себя дѣло *прочное*, а мы производимъ кучи дѣлъ — и всѣ, какъ пыль, сметаются они съ земли вмѣстѣ съ нами. «Ты гордъ»—говорю тебѣ, и вновь повторяю тебѣ: «ты гордъ»; сторожи надъ собою и спасай себя отъ гордости заранѣе. Начни съ того, что увѣрь самого себя, что ты всѣхъ глупѣе и что съ этихъ только поръ слѣдуетъ серьёзно поумнѣть тебѣ, и слушай съ такимъ вниманіемъ всякаго дѣльца, какъ бы ровно ничего не зналъ и всему отъ него хотѣлъ поучиться. Но тебѣ еще загадка слова мои; они на тебя не подѣйствуютъ. Тебѣ нужно или какое-нибудь несчастіе, или потрясеніе. Моли Бога о томъ, чтобы случилось это потрясеніе, чтобы встрѣтилась тебѣ какая-нибудь невыносимѣйшая непріятность [на службѣ], чтобы нашелся такой человѣкъ, который сильно оскорбилъ бы тебя и опозорилъ такъ въ виду всѣхъ, что отъ стыда не зналъ бы ты, куда сокрыться, и разорвалъ бы однимъ разомъ всѣ чувствительнѣйшія струны твоего самолюбія. Онъ будетъ твой истинный братъ и избавитель. О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ, оплеуха!

1844.

XXVIII.

ЗАНИМАЮЩЕМУ ВАЖНОЕ МѢСТО.

Во имя Бога берите всякую должность, какая-бъ ни была вамъ предложена, и не смущайтесь ничѣмъ. Придется ли вамъ ѣхать къ черкесамъ на Кавказъ или попрежнему

занять мѣсто генералъ-губернатора—вы теперь нужны повсюду. Что̀ же до затруднительностей, о которыхъ вы говорите, то все теперь затруднительно; все стало сложно: вездѣ много работы. Чѣмъ больше вхожу умомъ въ существо нынѣшнихъ вещей, тѣмъ менѣе могу рѣшить, какая должность теперь труднѣе и какая легче. Для того, кто нехристіанинъ, все стало теперь трудно; для того же, кто внесъ Христа во всѣ дѣла и во всѣ дѣйствія своей жизни, все легко. Не скажу вамъ, чтобы вы сдѣлались вполнѣ христіаниномъ, но вы близки къ тому. Васъ не шевелитъ уже честолюбіе, васъ не завлекаютъ впередъ уже ни чины, ни награды; вы уже вовсе не думаете о томъ, чтобы порисоваться передъ Европой и сдѣлать изъ себя историческое лицо. Словомъ — вы взошли именно на ту степень состоянья душевнаго, на которой нужно быть тому, кто захотѣлъ бы сдѣлать теперь пользу Россіи. Чего-жъ вамъ бояться? Я даже не понимаю, какъ можетъ чего-либо бояться тотъ, кто уже постигнулъ, что нужно дѣйствовать повсюду, какъ христіанинъ. Онъ на всякомъ мѣстѣ мудрецъ, вездѣ знатель дѣла. Поѣдете вы на Кавказъ — вы прежде всего пристально осмотритесь. Христіанское смиреніе васъ не допуститъ ни къ какой быстрой поспѣшности. Вы, какъ ученикъ, сначала будете узнавать. Вы не пропустите ни одного стараго офицера, не разспросивъ его о его собственноличныхъ схваткахъ съ непріятелемъ, зная, что только изъ знанія подробностей выводится знаніе цѣлаго. Вы заставите всѣхъ разсказать себѣ порознь всѣ подвиги бранной и бивачной жизни; разспросите и цыціановцевъ, и ермоловцевъ, и офицеровъ нынѣшней эпохи и, когда заберете все, что̀ нужно, обнимете всѣ частности, соедините всѣ отдѣльныя цифры и подведете имъ итогъ— выйдетъ въ итогѣ самъ собою планъ полководцу: не нужно будетъ и головы ломать, ясно будетъ все, какъ день, что̀ вамъ нужно дѣлать. И когда весь планъ будетъ уже въ головѣ вашей, вы и тогда не будете торопиться; христіанское смиреніе васъ къ тому не допуститъ. Не объявляя

его никому. вы разспросите всякаго замѣчательнаго офицера, какъ бы онъ поступилъ на вашемъ мѣстѣ; вы не оставите неуслышаннымъ ни одного мнѣнія, ни даже совѣта отъ кого бы то ни было, хотя бы отъ стоящаго на низкомъ мѣстѣ, зная, что иногда Богъ можетъ внушить и простому человѣку умное мнѣніе. Для этого вы не станете собирать военныхъ совѣтовъ, зная, что не въ преньяхъ и спорахъ дѣло, но поодиночкѣ выслушаете каждаго, кто бы ни захотѣлъ съ вами говорить. Словомъ, вы всѣхъ выслушаете, но сдѣлаете такъ, какъ повелитъ вамъ ваша собственная голова; а ваша собственная голова повелитъ вамъ разумно, потому что всѣхъ выслушаетъ. Вы будете даже не въ состояніи сдѣлать неразумное дѣло, потому что неразумныя дѣла дѣлаются отъ гордости и увѣренности въ себѣ. Но христіанское смиреніе спасетъ васъ повсюду и отгонитъ то самоослѣпленіе, которое находитъ на многихъ даже очень умныхъ людей, которые, узнавши только одну половину дѣла, уже думаютъ, что узнали все, и летятъ опрометью дѣйствовать; тогда какъ, увы, даже и въ томъ дѣлѣ, которое, повидимому, насквозь намъ извѣстно, можетъ скрываться цѣлая половина неизвѣстная. Нѣтъ, Богъ отъ васъ отгонитъ это грубое ослѣпленіе. Чего-жъ вамъ бояться Кавказа?

Придется ли вамъ попрежнему быть генералъ-губернаторомъ гдѣ-нибудь внутри Россіи—та же христіанская мудрость осѣнитъ васъ. Очень знаю, что теперь трудно начальствовать внутри Россіи,—гораздо труднѣе, чѣмъ когда-либо прежде и, можетъ-быть, труднѣе чѣмъ на Кавказѣ: много злоупотребленій; завелись такія лихоимства, которыхъ истребить нѣтъ никакихъ средствъ человѣческихъ. Знаю и то, что образовался другой незаконный ходъ дѣйствій мимо законовъ государства и уже обратился почти въ законный, такъ что законы остаются только для вида; и если только вникнешь пристально въ то самое, на что̀ другіе глядятъ поверхностно, не подозрѣвая ничего, то закружится голова у наиумнѣйшаго человѣка. Но вы и тутъ поступите умно.

Христіанское смиреніе заставитъ васъ и здѣсь не предаваться покуда выводамъ гордаго ума, но терпѣливо обсмотрѣться. Зная, подъ какимъ множествомъ вліяній постороннихъ находится теперь всякъ человѣкъ, и какъ всѣ они имѣютъ соприкосновеніе съ отправленіемъ его должности, вы прежде полюбопытствуете узнать каждаго изъ занимающихъ главныя должности, узнать его со всѣхъ сторонъ съ его домашней и семейной жизнью, съ его образомъ мыслей, наклонностями и привычками. Для этого вы не будете употреблять шпіоновъ. Нѣтъ, вы разспросите его самого. Онъ вамъ скажетъ все и съ вами разговорится, потому что въ лицѣ вашемъ есть уже что-то такое, что̀ внушаетъ къ вамъ довѣрчивость во всѣхъ; съ помощью этого вы узнаете то, чего не узнаетъ никогда крикунъ-нахрапъ, или такъ - называемый распекатель. Вы не будете преслѣдовать за несправедливость никого отдѣльно до тѣхъ поръ, покуда не выступитъ передъ вами ясно вся цѣпь, необходимымъ звеномъ которой есть вами замѣченный чиновникъ. Вы уже знаете, что вина такъ теперь разложилась на всѣхъ, что никакимъ образомъ нельзя сказать вначалѣ, кто виноватъ болѣе другихъ: есть безвинно-виноватые и виновно-невинные. По этому-то самому вы теперь будете несравненно осторожнѣй и осмотрительнѣй, чѣмъ когда-либо прежде. Вы станете покрѣпче всматриваться въ душу человѣка, зная, что въ ней ключъ всего. Душу и душу нужно знать теперь, а безъ того не сдѣлать ничего. А узнавать душу можетъ одинъ только тотъ, кто началъ уже работать надъ собственной душой своей, какъ начали это дѣлать теперь вы. Если вы узнаете плута не только какъ плута, но и какъ человѣка вмѣстѣ, если вы узнаете всѣ душевныя его силы, данныя ему на добро и которыя онъ поворотилъ во зло или вовсе не употребилъ, тогда вы сумѣете такъ попрекнуть его имъ же самимъ, что онъ не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя. Дѣло вдругъ приметъ другой оборотъ, если покажешь человѣку—чѣмъ онъ виноватъ передъ самимъ собой, а не передъ другимъ. Тутъ потрясешь

такъ его всего, что въ немъ явится вдругъ отвага быть другимъ, и тогда только вы почувствуете, какъ благородна наша русская порода, даже и въ плутѣ. Ваше нынѣшнее генералъ-губернаторство будетъ совсѣмъ другое, нежели прежнее. Главная ошибка вашего прежняго управленія (которое однакожъ принесло большую пользу, несмотря на то, что вы его осуждаете и порочите) состояла, по моему мнѣнію, именно въ томъ, что вы не вполнѣ вѣрно опредѣлили себѣ существо этой должности. Вы приняли генералъ-губернатора за постояннаго начальника и хозяйственнаго правителя губерніи, котораго благодѣтельное вліяніе можетъ быть ощутительно въ губерніи только отъ долговременнаго его пребыванія на одномъ мѣстѣ. Одинъ государственный нашъ мужъ опредѣлилъ такъ эту должность: «генералъ-губернаторъ есть министръ внутреннихъ дѣлъ, остановившійся на дорогѣ». Опредѣленіе это точнѣй и болѣе согласно съ тѣмъ, чего требуетъ само правительство отъ этой должности. Должность эта болѣе временная, чѣмъ постоянная. Генералъ-губернаторъ посылается затѣмъ, чтобы ускорить біеніе государственнаго пульса внутри губерніи, привести въ быстрѣйшее движеніе все правительственное производство въ губернскихъ мѣстахъ, какъ связанныхъ между собою, такъ и независимыхъ, состоящихъ подъ управленіемъ отдѣльныхъ министерствъ, дать толчокъ всему, своимъ полномочіемъ облегчить затруднительность многихъ мѣстъ въ ихъ сношеніяхъ съ отдаленными министерствами, не внося никакихъ новыхъ элементовъ и ничего не заводя отъ себя, все заставить обращаться быстрѣй въ законахъ и границахъ, уже указанныхъ и опредѣленныхъ. Власть эту, состоящую въ верховномъ блюденіи надъ тѣмъ, что̀ уже есть и заведено, вы приняли за хлопотливую обязанность управителя, который самъ долженъ изворачиваться въ хозяйствѣ и принять на себя всѣ мелочные расходы; вы захватили себѣ часть того, что̀ должно принадлежать губернатору, а не генералъ-губернатору, и этимъ самымъ уменьшили значеніе высшей вашей должности. Вы сочли ваше мѣсто пожизненнымъ, вы

захотѣли вашими собственными учрежденіями оставить по себѣ памятникъ вашего пребыванія, — стремленіе прекрасное, но если-бъ вы уже тогда были тѣмъ, чѣмъ вы есть теперь, то-есть, болѣе христіаниномъ, вы позаботились бы о другомъ памятникѣ. Устроить дороги, мосты и всякія сообщенія, и устроить ихъ такъ умно, какъ устроили ихъ вы, есть дѣло истинно нужное; но угладить многія внутреннія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленьи къ полному развитію силъ его и которыя мѣшаютъ ему пользоваться какъ дорогами, такъ и всякими другими внѣшностями образованія, о которыхъ мы такъ усердно хлопочемъ, есть дѣло еще нужнѣйшее. Пушкинъ, когда видѣлъ заботу не о главномъ, но о томъ, что уже исходитъ изъ главнаго, обыкновенно выражался пословицей: «было бы корыто, а свиньи будутъ». Мосты, дороги и всѣ эти сообщенія суть свиньи, а не что-либо другое: были бы города, а они сами собой прибѣгутъ. Въ Европѣ о нихъ не много хлопотали, но какъ только явились города, сами собой явились дороги: сами же частные люди и завели ихъ безъ всякаго пособія правительствъ, и теперь развилось ихъ такое множество, что стали уже серьезно задавать другъ другу вопросы: «Зачѣмъ эта скорость сообщеній? Что̀ выиграло человѣчество чрезъ эти желѣзныя и всякія дороги, что̀ пріобрѣло оно во всѣхъ родахъ своего развитія, и что̀ пользы въ томъ, что одинъ городъ теперь обѣднѣлъ, а другой сдѣлался толкучимъ рынкомъ, да увеличилось число праздношатающихся по всему міру?» Въ Россіи давно бы уже завелась вся эта дрянь сама собою, съ такими удобствами, какихъ и въ Европѣ нѣтъ, если бы только многіе изъ насъ позаботились прежде о дѣлѣ внутреннемъ такъ, какъ слѣдуетъ. «О семъ помыслите прежде», сказалъ Спаситель, «а сія вся вамъ приложится». Ваши подвиги въ отношеніи нравственномъ были гораздо значительнѣй. Кого я ни слышалъ, всѣ отзываются съ уваженіемъ о вашихъ распоряженіяхъ; всѣ говорятъ, что вы искоренили многія неправды, что постановили мно-

гихъ истинно-благородныхъ и прекрасныхъ чиновниковъ. Я это узналъ, хотя вы по скромности мнѣ не сказали. Но вы бы сдѣлали еще болѣе, если бы вспомнили тогда, что ваша должность на время, и что не о томъ слѣдовало заботиться, чтобъ только при васъ все было хорошо, но именно о томъ, чтобы послѣ васъ все было хорошо. Вы должны были безпрестанно представлять себѣ, что послѣ васъ приметъ эту должность слабый и бездарный послѣдователь, который не только не поддержитъ вами заведеннаго порядка, но еще испортитъ его, а потому уже съ самаго начала вы должны были помышлять о томъ, чтобы дѣйствовать такъ прочно и закалить сдѣланное такъ крѣпко, чтобы послѣ васъ никто уже не могъ своротить того, что разъ направлено. Вы должны были рубить зло въ корнѣ, а не въ вѣтвяхъ, и дать такой толчокъ всеобщему движенію всего, чтобы послѣ васъ пошла сама собой работать машина, такъ чтобы не зачѣмъ было надъ ней стоять и надсмотрщику, и симъ только воздвигнули бы памятникъ вѣчный вашего генералъ-губернаторства. Теперь я знаю, что вы совсѣмъ поступите иначе, а потому не пренебрегайте никакъ этой должности, если-бъ она была вамъ вновь предложена. Никогда не былъ еще такъ важенъ и нуженъ генералъ-губернаторъ, какъ въ нынѣшнее время. Я вамъ назову уже нѣсколько подвиговъ такихъ, которыхъ никто теперь не можетъ сдѣлать кромѣ генералъ-губернатора.

Во-первыхъ, ввести всякую должность въ ея законныя границы и всякаго чиновника губерніи въ полное познаніе его должности. Это дѣло очень не бездѣльное. Въ послѣднее время всѣ почти губернскія должности нечувствительнымъ образомъ выступили изъ предѣловъ и границъ, указанныхъ закономъ. Однѣ слишкомъ стали обрѣзаны и стѣснены, другія раздвинулись въ дѣйствіяхъ въ ущербъ прочимъ: прямыя мѣста обезсилѣли и ослабѣли отъ введенія множества косвенныхъ и временныхъ. Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, и

связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ. Возвратить всякую должность въ ея законный кругъ тѣмъ болѣе стало теперь трудно, что сами чиновники сбились въ своихъ понятіяхъ о ней. Получая ее по наслѣдству отъ предшественника въ томъ видѣ, какой далъ ей послѣдній, они всѣ сообразуются болѣе или менѣе съ этимъ видомъ, а не съ первообразомъ ея, который уже почти вышелъ у всѣхъ изъ головы. Отъ этого многіе благонамѣренные и даже весьма умные начальники хотѣли уже уничтожить или вовсе преобразовать тѣ должности, которыя слѣдовало только просто возвратить себѣ. Дѣло это можетъ произвести только высшій и полномочный начальникъ, если онъ не пренебрежетъ вникнуть самъ въ существо всякой должности. Всѣ наши должности въ ихъ первообразѣ прекрасны и прямо созданы для земли нашей. Разсмотримъ нарочно организмъ губерніи.

Первое лицо — губернаторъ; онъ является въ нѣсколькихъ видахъ своей власти. Онъ начальникъ и правитель полномочный во всемъ, что̀ ни относится до хозяйственнаго и полицейскаго управленія по всей губерніи, какъ городового (разумѣя здѣсь все, что̀ ни относится ко внутреннему устройству городовъ и содержанью среди ихъ порядка), такъ и земскаго, включая сюда все, что̀ производится въ земляхъ внѣ городовъ: взъемъ податей, распредѣленье повинностей, устройство дорогъ, постройки и поправки всѣхъ родовъ. Въ первомъ случаѣ въ его полномъ и непосредственномъ распоряженіи губернскій полицмейстеръ и городничіе всѣхъ городовъ; во второмъ случаѣ — капитанъ-исправники и земскіе засѣдатели, которые относятся къ нему посредствомъ губернскаго правленія, образованнаго въ духѣ коллегіальныхъ правленій съ совѣтниками, а не въ видѣ собственной канцеляріи съ секретаремъ, такъ что отвѣтственность во всякомъ важномъ злоупотребленьи, если бы его сдѣлалъ губернаторъ, падаетъ непремѣнно на совѣтниковъ и чиновниковъ, и при всемъ полномочьи своемъ онъ уже ограниченъ. Онъ болѣе нежели присутственный членъ и

свидѣтель дѣловыхъ производствъ въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, отъ него вовсе не зависящихъ и состоящихъ подъ управленіемъ своихъ особыхъ министерствъ; если только эти мѣста совершаютъ какія-нибудь сдѣлки и условія, относительно ли отдачи внаймы или на откупа казенныхъ земель, озеръ, или вообще относительно всякихъ продажъ, закупокъ и совершенія на нихъ условій, онъ долженъ быть уже тамъ. Никакіе казенные подряды и сдѣлки не могутъ быть произведены безъ его личнаго присутствія. Такимъ образомъ мѣста, вовсе отъ него не зависящія относительно внутреннихъ своихъ производствъ, уже обрѣзаны его присутствіемъ на всѣхъ путяхъ къ злоупотребленіямъ.

Весь снарядъ юстиціи, какъ-то: всѣ суды уѣздные, такъ и высшая ихъ инстанція — гражданская палата, находясь въ полномъ завѣдываніи своего министерства, кажется, въ независимости отъ губернатора, но на всѣхъ путяхъ несправедливостей они ограничены на всякомъ шагу губернаторомъ, который во время объѣздовъ своихъ по всей губерніи, случающихся не менѣе двухъ разъ въ годъ, имѣетъ право, заглянувши въ судъ, потребовать на выдержку два-три рѣшенныя дѣла, провѣрить ихъ у себя на дому, вмѣстѣ съ секретаремъ своимъ, и такимъ образомъ держать въ страхѣ ихъ всѣхъ. Словомъ—не имѣя никакого начальства надъ мѣстами, зависящими отъ другихъ начальниковъ, онъ имѣетъ право остановить злоупотребленье повсюду, гдѣ бы оно ни было.

На дворянъ онъ можетъ имѣть только вліяніе нравственное. Въ обрядѣ же должностныхъ его соприкосновеній съ дворянствомъ устроено такъ, чтобы онъ имѣлъ съ ними дѣло въ лицѣ ихъ же представителя, губернскаго предводителя, и такимъ образомъ посредствомъ его одного поладить съ ними со всѣми; и здѣсь видна особенно мудрость законодателя, потому что иначе не было бы никакой возможности ему сноситься съ ними со всѣми и ладить, принимая въ соображеніе то различіе воспитаній, нравовъ, образовъ мыслей и то безчисленное разнообразіе характеровъ, какого не

представляетъ ни одно изъ европейскихъ дворянствъ и которое заключилось только въ нашемъ. Званіе предводителя дворянства, будучи почти равное чиномъ званію губернатора, имѣя право на первое мѣсто послѣ него въ губерніи, уже симъ самымъ указываетъ имъ на необходимость быть друзьями, иначе имъ обоимъ было бы неловко въ отношеніяхъ свѣтскихъ и непросторно на поприщѣ должностномъ. Самыя мѣста капитанъ-исправника и засѣдателей, которые, будучи избираемы дворянствомъ, находятся потомъ въ полной зависимости отъ губернатора, указываютъ на необходимость взаимнаго подкрѣпленія одного въ другомъ. Грозя именемъ губернатора, предводитель можетъ много сдѣлать тамъ, гдѣ не хватитъ собственной власти; равно какъ и губернаторъ посредствомъ предводителя можетъ успѣшнѣе и сильнѣе дѣйствовать на дворянъ.

Всюду могутъ случиться просмотры, неправда можетъ проскользнуть вездѣ; за самимъ губернаторомъ могутъ завестись грѣхи. И это предусмотрѣно: есть отдѣльное лицо, отъ всѣхъ независимое, долженствующее держать себя отъ всѣхъ въ сторонѣ, даже и отъ самого губернатора—это прокуроръ, который есть око закона, безъ котораго ни одна бумага не можетъ выйти изъ губерніи. Ни одно производство дѣлъ по всѣмъ губернскимъ мѣстамъ не можетъ его миновать. Оно не рѣшено, если онъ не помѣтилъ на всѣхъ его страницахъ свое слово: «читалъ». Никому не подлежитъ онъ самъ во всей губерніи; никому не даетъ отчета, кромѣ министра юстиціи, съ которымъ однимъ только въ прямомъ сношеніи, и всегда можетъ подать протестъ на все, что̀ ни вершится въ губерніи.

Словомъ — все полно и вездѣ слышна законодательная мудрость, какъ въ установленіи самихъ властей, такъ и въ соприкосновеніяхъ ихъ между собою. Я уже и не говорю о тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ еще далѣе простерлось правительственное предвидѣнье, упомяну только о совѣстномъ судѣ, подобнаго которому не знаю въ другихъ государствахъ. По моему мнѣнію, это верхъ человѣколюбія. муд-

рости и познанія душевнаго. Всѣ тѣ случаи, гдѣ тяжело и жестоко прикосновеніе закона; всѣ дѣла, относящіяся до малолѣтнихъ, умалишенныхъ; все, что можетъ рѣшить одна только совѣсть человѣка, и гдѣ можетъ быть несправедливъ справедливѣйшій законъ; все, что должно быть кончено полюбовно и миролюбиво въ высокомъ христіанскомъ смыслѣ, безъ проволочекъ по высшимъ инстанціямъ—есть уже его предметъ. И какъ умно, что выборъ совѣстнаго судьи зависитъ отъ дворянства, которое избираетъ обыкновенно на это мѣсто того, на кого падаетъ всеобщій голосъ, какъ на человѣколюбиваго и безкорыстнѣйшаго человѣка. Какъ хорошо также, что ему не назначается за это никакого жалованья, никакихъ наградъ, и что нѣтъ здѣсь никакой мірской приманки человѣку. Одно время мнѣ очень желалось занять это мѣсто. Какъ много можно рѣшить на немъ запутаннѣйшихъ спорныхъ дѣлъ! Сами тяжущіеся мимо собственныхъ выгодъ своихъ перенесутъ дѣло въ совѣстный судъ, какъ только пронесется слухъ, что судья судитъ истинно по совѣсти и уже прославился мудростью своего божескаго суда. Кому изъ насъ не хочется примириться?

Однимъ словомъ, чѣмъ больше всматриваешься въ организмъ управленія губерніи, тѣмъ болѣе изумляешься мудрости учредителей: слышно, что Самъ Богъ строилъ незримо руками государей. Все полно, достаточно, все устроено именно такъ, чтобы споспѣшествовать въ добрыхъ дѣйствіяхъ, подавая руку другъ другу, и останавливать только на пути къ злоупотребленіямъ. Я даже и придумать не могу, для чего тутъ нуженъ какой-нибудь прибавочный чиновникъ; всякое новое лицо тутъ не у мѣста, всякое нововведеніе ненужная вставка; а между тѣмъ нашлись же такіе правители губерній, какъ вы сами знаете, которые пристегнули ко всему этому множество разныхъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, множество всякихъ временныхъ и слѣдственныхъ комитетовъ, разложили и раздробили дѣйствія всякой должности и сбили чиновниковъ такъ, что они потеряли и послѣднія понятія о предѣлахъ точныхъ своего

поприща. Хорошо, что вы этого не сдѣлали, потому что вы и тогда понимали это дѣло лучше другихъ. Вы очень хорошо знаете, что приставить новаго чиновника для того, чтобы ограничить прежняго въ его воровствѣ, значитъ сдѣлать двухъ воровъ намѣсто одного. Да и вообще система ограниченія самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченія, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Эта пустая и жалкая система, подобно всѣмъ другимъ системамъ отрицательнымъ, могла образоваться только въ государствахъ колоніальныхъ, которыя составились изъ народа всякаго сброда, не имѣющаго національной цѣлизны и духа народнаго, гдѣ неизвѣстны ни самоотверженіе, ни благородство, а только однѣ корыстныя личныя выгоды. Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства. Кто знаетъ, что на него глядятъ подозрительно, какъ на мошенника, и приставляютъ къ нему со всѣхъ сторонъ надсмотрщиковъ, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать ихъ; нужно напирать на то, чтобы каждый держалъ самъ себя въ рукахъ, а не на то, чтобы его держали другіе; чтобы онъ былъ строже къ себѣ въ нѣсколько разъ самого закона, чтобы онъ видѣлъ самъ, чѣмъ онъ подлецъ передъ своей должностью; словомъ—чтобы онъ былъ введенъ въ значеніе высшей своей должности. А это можетъ сдѣлать только одинъ генералъ-губернаторъ, если онъ не пренебрежетъ постигнуть самъ всякую должность въ ея истинномъ существѣ и мысленно прослужить самъ на мѣстѣ того чиновника, котораго бы захотѣлъ онъ ввести въ полное значеніе должности. Вслѣдствіе этого всѣ ваши сношенія съ чиновниками будутъ самоличны, безъ всякихъ секретарей и мертвой бумажной переписки, а отъ этого и ваша собственная канцелярія сдѣлается маленькой и вовсе не будетъ походить на тѣ чудовищныя, огромныя канцеляріи, какія заводятъ другіе начальники. Эти же громадныя канцеляріи, какъ вы

уже сами знаете, наносятъ много вреда тѣмъ, что отберутъ у всѣхъ чиновниковъ ихъ дѣла, образуютъ собою вдругъ новую инстанцію и, стало-быть, новыя затрудненія, дадутъ нечувствительно образоваться какому-нибудь новому полномочному лицу, иногда вовсе ни для кого незримому, въ видѣ простого секретаря, но чрезъ руки котораго станутъ проходить всѣ дѣла; у секретаря явится какая-нибудь любовница, изъ-за нея интриги, ссоры, а съ ними вмѣстѣ и самъ чортъ путаницы, который какъ тутъ во всякое время; и дѣло кончится тѣмъ, что, сверхъ нанесенія новыхъ безпорядковъ и сложностей, пожрется несмѣтное количество казенныхъ суммъ. Храни васъ Богъ отъ заведенія канцеляріи. Иначе и не объясняйтесь ни съ кѣмъ, какъ лично. Какъ можно пренебречь разговоромъ съ человѣкомъ, особенно, если разговоръ близокъ къ нему самому, къ исполненію его обязанностей и долга, стало-быть, близокъ къ самой душѣ его? Какъ можно промѣнять такой разговоръ на пустые газетные толки и мертвыя рѣчи о всякомъ враньѣ, набираемомъ изъ лживыхъ европейскихъ журналовъ? О долгѣ человѣка можно такъ разговориться, что обоимъ покажется, какъ бы они бесѣдуютъ съ ангелами въ присутствіи Самого Бога. Говорите же такъ съ вашимъ подчиненнымъ, то есть — наставительно и питательно его душѣ! Не забудьте, что — на русскомъ языкѣ. Я разумѣю не тотъ языкъ, который изворачивается теперь въ житейскомъ обиходѣ, и не книжный языкъ, и не языкъ, образовавшійся во время всякихъ злоупотребленій нашихъ, но тотъ истинно-русскій языкъ, который незримо носится по всей Русской землѣ, несмотря на чужеземствованіе наше въ землѣ своей, который еще не прикасается къ дѣлу жизни нашей, но, однакожъ, всѣ слышатъ, что онъ истинно-русскій языкъ. На этомъ языкѣ начальникъ называется отцомъ. Будьте же съ ними, какъ отецъ съ дѣтьми; а отецъ съ дѣтьми не заводитъ бумажныхъ перепписокъ и напрямикъ изъясняется съ каждымъ изъ нихъ. Такъ поступая, введете каждаго вы въ познаніе его должности и сдѣлаете истинно-великій подвигъ.

А вотъ вамъ другой подвигъ, котораго никто не можетъ совершить кромѣ генералъ-губернатора и который въ нынѣшнее время есть дѣло даже необходимое, не только нужное, а именно: ввести дворянство въ познаніе истинное своего званія. Сословіе это въ своемъ истинно-русскомъ ядрѣ прекрасно, несмотря на временно наросшую чужеземную шелуху. Но дворянство этого еще не слышитъ. Многіе едва только догадываются, другіе пребываютъ въ совершенномъ объ этомъ невѣжествѣ, третьи берутъ себѣ въ идеалъ дворянства государствъ иностранныхъ, четвертые даже не задаютъ себѣ вопроса: нужно ли на свѣтѣ дворянство? Если же и находятся между ними такіе, которые имѣютъ объ этомъ какія-нибудь свѣтлыя мысли, то мысли эти еще не раздаются въ массахъ, и масса ихъ не слышитъ. Въ послѣднее время, кромѣ всего прочаго, возстановился даже въ дворянствѣ нѣкоторый духъ недовѣрія къ правительству. Во время послѣднихъ европейскихъ возмущеній и всякаго рода смутъ нѣкоторые изъ злоумышленниковъ старались особенно распустить въ нашемъ дворянствѣ слухъ, будто правительство ищетъ обезсилить ихъ значеніе и довести ихъ до ничтожества. Бѣглецы, выходцы за границу и всякаго рода недоброжелатели Россіи писали статьи и наполняли ими столбцы чужестранныхъ газетъ, съ тѣмъ именно умысломъ, чтобы заронить вражду между дворянствомъ и правительствомъ: съ одной стороны показать государю Россіи партію какихъ-то фантастическихъ бояръ, оспаривающихъ самую власть; а съ другой стороны показать дворянству, что государь не благоволитъ къ нимъ и вообще не любитъ этого званія, то-есть, имъ хотѣлось заварить въ Россіи какую-то кашу и сумятицу, среди которой можно было бы и самимъ сыграть какую-нибудь роль. Расчетъ былъ на то, что взаимное опасеніе и подозрительность есть страшная вещь и можетъ со временемъ произвести дѣйствительно разрывъ самыхъ священнѣйшихъ связей. Но, слава Богу, уже прошли тѣ времена, чтобы нѣсколько сорванцовъ могли возмутить цѣлое государство. Проектъ такъ и остался фан-

тастическимъ проектомъ, тѣмъ не менѣе однакожъ искры недоразумѣній и взаимнаго недовѣрія заронились, и я знаю многихъ дворянъ, которые увѣрены серьезно, что государь не любитъ ихъ сословія, и отъ этого даже тоскуютъ. Дѣло это имъ разрѣшите и объявите всю правду, не скрывая ничего. Скажите, что государь любитъ это сословіе больше всѣхъ другихъ, но любитъ его въ его истинно-русскомъ значеніи, въ томъ прекрасномъ видѣ, въ какомъ оно должно быть по духу самой земли нашей. Да и не можетъ быть иначе. Ему ли не любить цвѣтъ своего народа? а у насъ дворянство есть цвѣтъ нашего же народа, а не какое-нибудь пришлое чужеземное сословіе. Но слѣдуетъ, чтобы дворянство само себя показало и опредѣлило значеніе своего званія, потому что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, при этомъ отсутствіи единства въ общемъ духѣ, при этомъ разнообразіи мыслей, воспитанія, жизни, привычекъ, при такомъ сбивчивомъ образѣ понятій о самихъ себѣ, никому не могутъ они подать дѣйствительной и полной идеи о томъ, что̀ такое въ нашей землѣ дворянство. А оттого никакой мудрецъ не можетъ теперь знать, какъ ему съ ними быть. Слѣдуетъ, чтобы дворянство само вступило въ свое истинное и полное значеніе. И здѣсь-то вы можете истинно имъ всѣмъ помочь, потому что, будучи сами русскій дворянинъ и уже понимая высшее значеніе нашего дворянства, вы лучше всѣхъ будете въ силахъ это объяснить. Не нужно для этого много словъ, потому что начало всего того, что̀ вы имъ объявите, у нихъ въ груди. Дворянство наше представляетъ явленіе, точно, необыкновенное. Оно образовалось у насъ совсѣмъ иначе, нежели́ въ другихъ земляхъ. Началось оно не насильственнымъ приходомъ, въ качествѣ вассаловъ съ войсками, всегдашнихъ оспаривателей верховной власти и вѣчныхъ угнетателей сословія низшаго; началось оно у насъ личными выслугами предъ царемъ, народомъ и всей землей, — выслугами, основанными на достоинствахъ нравственныхъ, а не на силѣ. Въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ гордости какими-нибудь преимуще-

ствами своего сословія, какъ въ другихъ земляхъ; нѣтъ спеси нѣмецкаго дворянства: никто не хвастается у насъ родомъ или древностью происхожденія, хотя наши дворяне всѣхъ древнѣе, — хвастаются развѣ только какіе-нибудь англоманы, которые заразились этимъ на время, во время проѣзда чрезъ Англію; можетъ быть, только изрѣдка похвастается кто-нибудь своимъ предкомъ и то такимъ, который сослужилъ истинно-вѣрную службу царю и землѣ своей; а похвастайся онъ плохимъ предкомъ, на него выпустятъ тутъ же эпиграмму его же собратья дворяне. Однимъ только позволяетъ себѣ всякъ изъ нихъ похвастаться — это чувствомъ своего нравственнаго благородства, которое уже Богъ имъ вложилъ въ грудь. И если дойдетъ дѣло до того, чтобы высказать какимъ-нибудь поступкомъ это внутреннее высшее благородство, у насъ ни одинъ не отстанетъ отъ другого, хотя бы самъ былъ всѣхъ хуже и весь зажилъ въ грязи и сажѣ. Дворянство у насъ есть какъ бы сосудъ, въ которомъ заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей Русской земли затѣмъ, чтобы подать понятіе всѣмъ прочимъ сословіямъ, почему сословіе высшее называется цвѣтомъ народа. И если вы только имъ скажете почти это самое, что̀ я теперь говорю и что̀ есть истинная правда, да развернете передъ ними то поприще, которое теперь всѣмъ предстоитъ имъ на передачу и увѣковѣченіе именъ своихъ въ потомствѣ: если ясно покажете имъ, что вся Русская земля взываетъ о помощи, и что помощь ей можно оказать одними подвигами благородства, а подвиги благородства слѣдуетъ показать тѣмъ, которые уже отъ рожденія получили благородство, то увидите, что сердца ихъ чокнутся съ вашимъ сердцемъ, какъ рюмки во время пирушки. Не скрывайте отъ нихъ дѣла, объясните имъ всю правду. Зачѣмъ заставлять ихъ узнавать то же самое изъ лживыхъ иностранныхъ газетъ и давать сорванцамъ кружить имъ головы? Обнаружьте имъ всю правду начисто. Скажите имъ, что Россія, точно, несчастна, что несчастна отъ грабительствъ и

неправды, которыя до такой наглости еще не возносили рогъ свой; что болитъ сердце у государя такъ, какъ никто изъ нихъ не знаетъ, не слышитъ и не можетъ знать. Да можетъ ли быть иначе при видѣ этого вихря возникнувшихъ запутанностей, которыя застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ, при видѣ повсемѣстнаго помраченья и всеобщаго уклоненья всѣхъ отъ духа земли своей, при видѣ, наконецъ, этихъ безчестныхъ взяточниковъ и плутовъ, продавцовъ правосудья и грабителей, которые, какъ вòроны, налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду. Когда вы это имъ скажете, да вслѣдъ за этимъ покажете, что теперь имъ всѣмъ предстоитъ сослужить истинно-благородную и высокую службу царю, а именно: такъ же великодушно, какъ нѣкогда становились въ ряды противу непріятеля, такъ же великодушно стать теперь на неприманчивыя мѣста и должности, опозоренныя низкими разночинцами, тогда увидите, какъ встрепенется наше дворянство. Отбою не будетъ отъ желающихъ вступить въ службу и занять самыя невидныя мѣста. И отслуживши, не потребуютъ они себѣ за это ни наградъ, ни отличій, ни даже привилегій и преимуществъ, довольные тѣмъ, что показали высокое внутреннее преимущество свое. Словомъ—только покажите имъ высоту ихъ званія, и вы увидите, какъ благородна ихъ природа. Вы можете указать имъ также то второе великое дѣло, которое они могутъ сдѣлать, воспитавши ввѣренныхъ имъ крестьянъ такимъ образомъ, чтобы они стали образцомъ этого сословія для всей Европы, потому что теперь не на шутку задумались многіе въ Европѣ надъ древнимъ патріархальнымъ бытомъ, котораго стихіи исчезнули повсюду, кромѣ Россіи, и начинаютъ гласно говорить о преимуществахъ нашего крестьянскаго быта, испытавши безсиліе всѣхъ установленій и учрежденій нынѣшнихъ, для ихъ улучшенія. А потому вамъ слѣдуетъ склонить дворянъ, чтобы они разсмотрѣли попристальнѣй истинно-

русскія отношенія помѣщика къ крестьянамъ, а не тѣ фальшивыя и ложныя, которыя образовались во время ихъ позорной беззаботности о своихъ собственныхъ помѣстьяхъ, преданныхъ въ руки наемниковъ и управителей; чтобы позаботились о нихъ истинно, какъ о своихъ кровныхъ и родныхъ, а не какъ о чужихъ людяхъ, и такъ бы взглянули на нихъ, какъ отцы на дѣтей своихъ. Симъ только однимъ могутъ возвесть они это сословіе въ то состояніе, въ какомъ слѣдуетъ ему пребыть, которое, какъ нарочно, не носитъ у насъ названья ни вольныхъ, ни рабовъ, но называется крестьянами отъ имени Самого Христа. Все это можетъ вполнѣ объяснить дворянству генералъ-губернаторъ, если о томъ помыслитъ заблаговременно и войдетъ самъ въ полное значенье нашего дворянства. И это будетъ вашъ второй великій подвигъ.

А вотъ вамъ третій подвигъ, котораго тоже никто не можетъ сдѣлать, кромѣ генералъ-губернатора. Всѣ европейскія государства теперь болѣютъ необыкновенной сложностью всякихъ законовъ и постановленій. Повсюду замѣтно одно замѣчательное явленье, а именно: законы собственно гражданскіе выступили изъ предѣловъ и ворвались въ области, имъ не принадлежащія. Съ одной стороны они вторгнулись въ область, состоявшую долго подъ управленіемъ народныхъ обычаевъ; съ другой стороны они вторгнулись въ область, долженствующую оставаться вѣчно подъ управленіемъ Церкви. Случилось это не насильственно: разливъ гражданскихъ законовъ произошелъ самъ собою, встрѣтивши повсюду пустыя, себя не ограждавшія мѣста. Мода подорвала обычаи, уклоненіе духовенства отъ прямой жизни во Христѣ оставило на произволъ всѣ частныя отношенія каждаго человѣка въ его частномъ быту. Законы гражданскіе взяли то и другое, какъ оставленныхъ сиротъ, подъ свою опеку и оттого только стали такъ сложны. Сами же по себѣ они вовсе не пространны, и если возвратится то, что̀ законнымъ образомъ должно принадлежать обычаямъ и то, что̀ должно поступить въ

вѣчное владѣнье Церкви, тогда ихъ можетъ заключить только одна книга, которая обниметъ одни крупныя уклоненья отъ общественнаго порядка и отношенія собственно государственныя. Всѣ до единаго теперь видятъ, что множество дѣлъ, злоупотребленій и всякихъ кляузъ произошло именно отъ того, что европейскіе философы-законодатели стали заранѣе опредѣлять всѣ возможные случаи уклоненій, до малѣйшихъ подробностей, и тѣмъ открыли всякому, даже благородному и доброму, пути къ безконечнымъ и несправедливѣйшимъ тяжбамъ, которыя затѣвать прежде почелъ бы онъ бозчестнѣйшимъ дѣломъ, но которыя онъ затѣваетъ теперь смѣло, увидя въ какомъ-нибудь пунктѣ постановленій возможность и надежду получить когда-то потерянное добро или же просто только возможность оспаривать владѣнье другого. Онъ уже идетъ горой, какъ герой на приступъ, и не глядитъ вовсе на своего супротивника, хотя бы тотъ лишился черезъ это послѣдней своей рубашки, хотя бы онъ пошелъ по-міру со всей семьей своей. Человѣколюбивый производитъ теперь безстыднѣйшимъ образомъ въ виду всѣхъ жестокое дѣло и даже имъ хвастается, тогда какъ онъ устыдился бы и самой мысли о томъ, если бы служитель Церкви поставилъ ихъ обоихъ лицомъ ко Христу, а не презрѣннымъ выгодамъ личнымъ, и если бы завелось такъ, какъ и быть должно, чтобы во всѣхъ дѣлахъ запутанныхъ, казусныхъ, темныхъ, словомъ — во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ угрожаетъ проволочка по инстанціямъ, мирила человѣка съ человѣкомъ Церковь, а не гражданскій законъ. Но вотъ вопросъ: какъ это сдѣлать? Какъ сдѣлать, чтобы гражданскому закону отдано было дѣйствительно только то, что̀ должно принадлежать гражданскому закону; чтобы обычаямъ возвращено было то, что̀ должно оставаться во власти обычаевъ, и чтобы за Церковью вновь утверждено было то, что̀ должно вѣчно принадлежать Церкви? Словомъ, какъ возвратить все на свое мѣсто? Въ Европѣ сдѣлать этого невозможно: она обольется кровью, изнеможетъ въ напрасныхъ бореньяхъ и ничего не успѣетъ. Въ Россіи есть воз-

можность; въ Россіи можетъ это нечувствительно совершиться — не какими-нибудь нововведеніями, переворотами и реформами и даже не засѣданьями, не комитетами, не преньями и не журнальными толками и болтовней; въ Россіи можетъ этому дать начало всякій генералъ-губернаторъ ввѣренной его управленію области, и какъ просто!—ничѣмъ другимъ, какъ только собственной жизнью своей. Патріархальностью жизни своей и простымъ образомъ обращенья со всѣми онъ можетъ вывести вонъ моду съ ея пустыми этикетами и укрѣпить тѣ русскіе обычаи, которые въ самомъ дѣлѣ хороши и могутъ быть примѣнены съ пользой къ нынѣшнему быту. Онъ можетъ сильно подѣйствовать на то, что отношенья между собою какъ жителей городовъ, такъ и помѣщиковъ станутъ проще; а уничтоженье этой сложности свѣтскихъ отношеній, какая нынѣ, уменьшитъ непремѣнно ссоры и неудовольствія, которыя возникнули, какъ вихри, между обитателями городовъ. Такъ же, какъ на водворенье обычаевъ, можетъ подѣйствовать генералъ-губернаторъ и на законное водворенье Церкви въ нынѣшнюю жизнь русскаго человѣка: во-первыхъ, примѣромъ собственной жизни, а во-вторыхъ, и самими мѣрами—не принудительными и насильственными, но въ нѣсколько разъ сильнѣйшими всякихъ насильственныхъ. Объ этомъ когда-нибудь мы съ вами поговоримъ послѣ, когда вы дѣйствительно возьмете должность; а до того времени скажу вамъ только вотъ что: если уже простой обычай сильнѣе всякаго письменнаго закона, а между прочимъ, что̀ такое обычай, если разсмотрѣть его строго? Иногда онъ просто не имѣетъ никакого значенья въ нынѣшнее время, установленъ неизвѣстно зачѣмъ, пришелъ неизвѣстно откуда, не слышно даже авторитета, его утвердившаго; иногда онъ тянется еще отъ временъ язычества, противоположенъ христіанству и всѣмъ элементамъ новой жизни. И если при всемъ этомъ обычай такъ силенъ, что его трудно бываетъ изгладить въ продолженіе многихъ лѣтъ,—что́ же, если введется такой обычай, который основанъ на разумѣ, единоустно и едино-

душно будетъ признанъ всѣми и освященъ свыше Самимъ Христомъ и его Церковью? Такой обычай пойдетъ во-вѣки вѣковъ и не сокрушитъ его никакая сила, какія бы ни наступили всемірныя колебанья. Но этотъ предметъ великъ; о немъ нужно поговорить умно, а я для того глупъ. Послѣ, когда Богъ поможетъ и вразумитъ меня, можетъ-быть, что-нибудь скажу. Работъ вамъ будетъ много. Крѣпитесь и берите твердо должность генералъ-губернатора, если только она будетъ вамъ предложена. Вы исполните ее теперь именно такъ, какъ слѣдуетъ, и сообразно тому, чего требуетъ само правительство, то-есть—бодрящею, освѣжающею силою пронестись по всей области, всѣхъ воздвигнуть, всѣхъ освѣжить, всѣхъ настроить, всему дать толчокъ и обратиться потомъ въ другую губернію затѣмъ, чтобы и тамъ произвести то же. Вы сами увидите, что должность эта непремѣнно должна быть временная, иначе она не имѣла бы смысла, потому что внутренній организмъ губерніи достаточенъ и полонъ, и нѣтъ надобности въ другомъ управителѣ, кромѣ гражданскаго губернатора. Съ Богомъ же, и не бойтесь ничего! Но, хотя бы пришлось вамъ занять и другую должность, руководствуйтесь тѣми же правилами. Не забывайте нигдѣ, что вы на время. Устройте такъ дѣла, чтобы они не только при васъ шли хорошо, но и послѣ васъ; чтобы не могъ ничего сдвинуть вашъ преемникъ, но вступилъ бы невольно уже самъ въ утвержденныя вами границы, держась вами даннаго законнаго направленія. Христосъ научитъ васъ, какъ закалять дѣло накрѣпко и навѣки. Будьте отецъ истинный всѣмъ вамъ подвластнымъ чиновникамъ и каждому помогите свято и честно исполнить должность свою. Подавайте братски руку всякому освобождаться отъ его собственныхъ пороковъ и недостатковъ. Имѣйте на всѣхъ вліяніе, но вліяніе единственно затѣмъ, чтобы заставить каждаго имѣть на самого себя вліяніе. Смотрите также, чтобы никто не опирался черезчуръ и слишкомъ на васъ, какъ на собственный посохъ свой, подобно тому, какъ римско-католическія дамы опираются на

духовниковъ своихъ, безъ воли которыхъ онѣ не смѣютъ переступить въ другую комнату, и ждутъ для этого исповѣди; но чтобы помнилъ человѣкъ, что нянька ему дается на время, а не навсегда, и что какъ только отступаетъ отъ него наставникъ, тутъ-то ему и слѣдуетъ блюсти за собой осторожнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, помня ежеминутно, что уже некому теперь смотрѣть за нимъ, и содержа, какъ святыню, въ своей памяти всякое слово, ему сказанное. Старайтесь также, чтобы не было плача при разставаніи съ вами, если бы случилось вамъ оставлять вашу должность, но чтобы бодрѣй и свѣжѣй еще глядѣлъ каждый впередъ, а потому ко дню разставанья копите все, что хотѣли бы вы сказать въ наставленіе каждому: въ этотъ день будутъ для нихъ святы всѣ слова ваши, и то, чего бы они не приняли и не исполнили прежде, то теперь примутъ и послѣ васъ исполнятъ. Для меня наилучшая минута—время разставанья съ моими друзьями; всякъ изъ друзей моихъ, кто теперь ни разстается со мной, разстается весело и свѣтлѣетъ духомъ. Вамъ подтвердятъ это всѣ тѣ, которые разставались со мной въ послѣднее время. Я даже увѣренъ, что когда буду умирать, со мной простятся весело всѣ меня любившіе: никто изъ нихъ не заплачетъ и будетъ гораздо свѣтлѣе духомъ послѣ моей смерти, чѣмъ при жизни моей. Еще скажу вамъ слово насчетъ любви и всеобщаго расположенія къ себѣ, за которыми многіе такъ гоняются. Заискивать любви къ себѣ есть незаконное дѣло и не должно занимать человѣка. Смотрите на то — любите ли вы другихъ, но не на то — любятъ ли васъ другіе. Кто требуетъ платежа за любовь свою, тотъ подлъ и далеко не христіанинъ. О, какъ я благодаренъ за то, что еще отъ дѣтства вселилъ въ меня Богъ непонятное мнѣ самому чувство бѣжать отъ всякихъ неумѣстныхъ изліяній, даже родственныхъ и дружескихъ, какъ отъ чего-то приторнаго и непріятнаго! Какъ это вѣрно, что полная любовь не должна принадлежать никому на землѣ! Она должна быть передаваема по начальству, и всякій начальникъ, какъ только

замѣтитъ ея устремленье къ себѣ, долженъ въ ту же минуту обращать ее къ постановленному надъ нимъ высшему начальству, чтобы такимъ образомъ добралась она до своего законнаго источника, и передалъ бы ее торжественно въ виду всѣхъ всѣми любимый царь Самому Богу.

1845.

XXIX.

ЧЕЙ УДѢЛЪ НА ЗЕМЛѢ ВЫШЕ.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ У..........МУ.

Никакъ не могу сказать вамъ, чей удѣлъ на землѣ выше, и кому суждена лучшая участь. Прежде, когда былъ поглупѣе, я предпочиталъ одно званіе другому; теперь же вижу, что участь всѣхъ равно завидна. Всѣ получатъ равное воздаяніе — какъ тотъ, которому ввѣренъ былъ одинъ талантъ, и онъ принесъ на него другой, такъ и тотъ, которому дано было пять талантовъ, и который принесъ на нихъ другіе пять. Даже, я думаю, участь перваго еще лучше, именно отъ того, что онъ не пользовался на землѣ извѣстностью и не вкушалъ очаровательнаго напитка земной славы, подобно послѣднему. Чудна милость Божія, опредѣлившая равное воздаяніе всякому, исполнившему честно долгъ свой, царь ли онъ, или послѣдній нищій. Всѣ они тамъ уравняются, потому что всѣ внидутъ въ радость Господа своего и будутъ пребывать *равно* въ Богѣ. Конечно, Самъ Христосъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: «*Въ дому Отца Моего обители многи суть*»; но какъ помыслю объ этихъ обителяхъ, какъ помыслю о томъ, что должны быть у Бога обители, не могу удержаться отъ слезъ и знаю, что никакъ бы не рѣшилъ, какую изъ нихъ выбрать себѣ, если бы только дѣйствительно былъ удостоенъ небеснаго царствія и вопрошенъ: «какую изъ нихъ хочешь?» Знаю только то, что сказалъ бы: «Послѣднюю, Господи, но лишь бы она

была въ дому Твоемъ!» Кажется, ничего бы не желалось больше, какъ только служить тѣмъ избраннымъ, которые уже удостоились созерцать во всемъ величіи Его славу, лежать бы только у ногъ ихъ и цѣловать святыя ихъ ноги!

1845.

XXX.

НАПУТСТВІЕ.

На письмо твое теперь не буду отвѣчать; отвѣтъ будетъ послѣ. Все вижу и слышу: страданія твои велики. Съ такою нѣжною душою терпѣть такія грубыя обвиненія; съ такими возвышенными чувствами жить посреди такихъ грубыхъ, неуклюжихъ людей, каковы жители пошлаго городка, въ которомъ ты поселился, которыхъ уже одно безчувственное, топорное прикосновеніе въ силахъ разбить, даже безъ ихъ вѣдома, лучшую драгоцѣнность сердечную, медвѣжьею лапою ударить по тончайшимъ струнамъ душевнымъ,—даннымъ на то, чтобы выпѣть небесные звуки,—разстроить и разорвать ихъ, видѣть, въ прибавленіе ко всему этому, ежедневно происходящія мерзости и терпѣть презрѣніе отъ презрѣнныхъ — все это тяжело, знаю. Твои страданія тѣлесныя тяжелы не меньше. Твои нервическіе недуги, твоя тоска и эти страшные припадки агоніи, которою ты одержимъ теперь, — все это тяжело, тяжело, и ничего больше не могу сказать тебѣ, какъ только: тяжело! Но вотъ тебѣ утѣшеніе. Это еще начало; оскорбленій тебѣ будетъ еще больше: предстанутъ тебѣ еще сильнѣйшія борьбы съ [взяточниками,] подлецами всѣхъ сортовъ и безстыднѣйшими людьми, для которыхъ ничего нѣтъ святого, которые не только въ силахъ произвести то гнусное дѣло, о которомъ ты пишешь [т. е. подписаться подъ чужую руку],—дерзнуть взвести такое ужасное преступленіе на невинную душу, видѣть своими глазами кару, постигшую оклеветаннаго, и не содрогнуться, — не только подобное гнусное дѣло, но еще

въ нѣсколько разъ гнуснѣйшія, о которыхъ одинъ разсказъ можетъ лишить навѣки сна человѣка сердобольнаго. (О, лучше бы вовсе не родиться этимъ людямъ! весь сонмъ небесныхъ силъ содрогнется отъ ужаса загробнаго наказанія, ихъ ждущаго, отъ котораго никто уже ихъ не избавитъ). Встрѣтятся тебѣ безчисленныя новыя пораженія, неожиданныя вовсе. На твоемъ почти беззащитномъ поприщѣ [и незамѣтной должности] все можетъ случиться. Твои нервическіе припадки и недуги будутъ также еще сильнѣе, тоска будетъ убійственнѣе, и печали будутъ сокрушительнѣе. Но вспомни: призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій—на битву мы сюда призваны; праздновать же побѣду будемъ *тамъ*. А потому мы ни на мигъ не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тутъ выбирать, гдѣ поменьше опасностей: какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва. Всѣхъ насъ озираетъ свыше небесный Полководецъ, и ни малѣйшее наше дѣло не ускользаетъ отъ Его взора. Не уклоняйся же отъ поля сраженія, а, выступивши на сраженіе, не ищи непріятеля безсильнаго, но сильнаго. За сраженіе съ небольшимъ горемъ и мелкими бѣдами не много получишь славы. [Не велика слава для русскаго сразиться съ миролюбивымъ нѣмцемъ, когда знаешь впередъ, что онъ побѣжитъ; нѣтъ, съ черкесомъ, котораго все дрожитъ, считая непобѣдимымъ, съ черкесомъ схватиться и побѣдить его, вотъ слава, которою можно похвалиться!] Впередъ же, прекрасный мой воинъ! Съ Богомъ, добрый товарищъ! Съ Богомъ, прекрасный другъ мой!

1846.

XXXI.

ВЪ ЧЕМЪ ЖЕ НАКОНЕЦЪ СУЩЕСТВО РУССКОЙ ПОЭЗІИ И ВЪ ЧЕМЪ ЕЯ ОСОБЕННОСТЬ.

Несмотря на внѣшніе признаки подражанія, въ нашей поэзіи есть очень много своего. Самородный ключъ ея уже билъ въ груди народа тогда, какъ самое имя еще не было ни на чьихъ устахъ. Струи его пробиваются въ нашихъ пѣсняхъ, въ которыхъ мало привязанности къ жизни и ея предметамъ, но много привязанности къ какому-то безграничному разгулу, къ стремленію, какъ бы унестись куда-то вмѣстѣ съ звуками. Струи его пробиваются въ пословицахъ нашихъ, въ которыхъ видна необыкновенная полнота народнаго ума, умѣвшаго сдѣлать все своимъ орудіемъ: иронію, насмѣшку, наглядность, мѣткость живописнаго соображенія, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимаетъ насквозь природу русскаго человѣка, задирая за все ея живое. Струи его пробиваются, наконецъ, въ самомъ словѣ церковныхъ пастырей,—словѣ простомъ, некрасно-рѣчивомъ, но замѣчательномъ по стремленію стать на высоту того святого безстрастія, на которую опредѣлено взойти христіанину, по стремленію направить человѣка не къ увлеченіямъ сердечнымъ, но къ высшей, умной трезвости духовной. Все это пророчило для нашей поэзіи какое-то другимъ народамъ невѣдомое, своеобразное и самобытное развитіе. Но не изъ сихъ трехъ источниковъ, уже въ насъ пребывавшихъ, ведетъ начало наша сладкозвучная поэзія, нынѣ насъ услаждающая; такъ же, какъ и строеніе нынѣшняго нашего гражданскаго порядка произошло не изъ началъ, уже пребывавшихъ прежде въ землѣ нашей. Гражданское строеніе наше произошло также не правильнымъ, постепеннымъ ходомъ событій, не медленно-разсудительнымъ введеніемъ европейскихъ обычаевъ,—которое было бы уже не-

возможно по той причинѣ, что уже слишкомъ вызрѣло европейское просвѣщеніе, слишкомъ великъ былъ наплывъ его, чтобы не ворваться рано или поздно со всѣхъ сторонъ въ Россію и не произвести безъ такого вождя, каковъ былъ Петръ, гораздо бо̀льшаго разладу во всемъ, нежели какой дѣйствительно потомъ наступилъ, — гражданское строеніе наше произошло отъ потрясенія, отъ того богатырскаго потрясенія всего государства, которое произвелъ царь-преобразователь, когда воля Бога вложила ему мысль ввести молодой народъ свой въ кругъ европейскихъ государствъ и вдругъ познакомить его со всѣмъ, что̀ ни добыла себѣ Европа долгими годами кровавыхъ бореній и страданій. Крутой поворотъ былъ нуженъ русскому народу, и европейское просвѣщеніе было огниво, которымъ слѣдовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массѣ. Огниво не сообщаетъ огня кремню, но, покамѣстъ имъ не ударишь, не издастъ кремень огня. Огонь излетѣлъ вдругъ изъ народа. Огонь этотъ былъ восторгъ,—восторгъ отъ пробужденія, восторгъ вначалѣ безотчетный: никто еще не услышалъ, что онъ пробудился затѣмъ, чтобы, съ помощію европейскаго свѣта, разсмотрѣть поглубже самого себя, а не копировать Европу; все только услышало, что онъ пробудился. Уже самый этотъ крутой поворотъ всего государства, произведенный однимъ человѣкомъ,—и притомъ самимъ царемъ, который великодушно отказался на время отъ царскаго званія своего, рѣшился извѣдать самъ всякое ремесло и съ топоромъ въ рукѣ стать передовымъ во всякомъ дѣлѣ, дабы не произошло никакихъ безпорядковъ, слѣдующихъ при малѣйшемъ измѣненіи государственныхъ формъ,— былъ дѣломъ, достойнымъ восторга. Переворотъ, который обыкновенно на нѣсколько лѣтъ обливаетъ кровью потрясенное государство, если производится бореніями внутреннихъ партій, былъ произведенъ, въ виду всей Европы, въ такомъ порядкѣ, какъ блистательный маневръ хорошо выученнаго войска. Россія вдругъ облеклась въ государственное величіе, заговорила громами и блеснула отблескомъ европейскихъ

наукъ. Все въ молодомъ государствѣ пришло въ восторгъ, издавши тотъ крикъ изумленія, который издаетъ дикарь при видѣ навезенныхъ блестящихъ сокровищъ. Восторгъ этотъ отразился въ нашей поэзіи, или лучше—онъ создалъ ее. Вотъ почему поэзія съ перваго стихотворенія, появившагося въ печати, приняла у насъ торжествующее выраженіе, стремясь высказать въ одно и то же время восхищеніе отъ свѣта, внесеннаго въ Россію, изумленіе отъ великаго поприща, ей предстоящаго, и благодарность царямъ, того виновникамъ. Съ этихъ поръ стремленіе къ свѣту стало нашимъ элементомъ, шестымъ чувствомъ русскаго человѣка, и оно-то дало ходъ нашей нынѣшней поэзіи, внеся новое, свѣтоносное начало, котораго не видно было ни въ одномъ изъ тѣхъ трехъ источниковъ ея, о которыхъ упомянуто въ началѣ.

Что̀ тако́е Ломоносовъ, если разсмотрѣть его строго? Восторженный юноша, котораго манитъ свѣтъ наукъ да поприще, ожидающее впереди. Случаемъ попалъ онъ въ поэты: восторгъ отъ нашей новой побѣды заставилъ его набросать первую оду. Впопыхахъ занялъ онъ у сосѣдей нѣмцевъ размѣръ и форму, какіе у нихъ на ту пору случились, не разсмотрѣвъ, приличны ли они русской рѣчи. Нѣтъ и слѣдовъ творчества въ его реторически составленныхъ одахъ; но восторгъ уже слышенъ въ нихъ повсюду, гдѣ ни прикоснется онъ къ чему-нибудь близкому науколюбивой его душѣ. Коснулся онъ сѣвернаго сіянія, бывшаго предметомъ его ученыхъ изслѣдованій—и плодомъ этого прикосновенія была ода: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», вся величественная отъ начала до конца, какой никому не написать, кромѣ Ломоносова. Тѣ же причины породили извѣстное посланіе къ Шувалову «о пользѣ стекла». Всякое прикосновеніе къ любезной сердцу его Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной. Среди холодныхъ сторфъ по́льются вдругъ у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься. Точно, какъ бы, выражаясь его же словами:

Божественный пророкъ Давидъ
Священными шумитъ струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищенъ гремитъ.

Всю Русскую землю озираетъ онъ отъ края до края съ какой-то свѣтлой вышины, любуясь и не налюбуясь ея безпредѣльностію и дѣвственною природою. Въ описаніяхъ слышенъ взглядъ скорѣе ученаго натуралиста, нежели поэта; но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста въ поэта. Изумительнѣе всего то, что, заключа стихотворную рѣчь свою въ узкія строфы нѣмецкаго ямба, онъ ничуть не стѣснилъ языка: языкъ у него движется въ узкихъ строфахъ такъ же величественно и свободно, какъ полноводная рѣка въ нестѣсненныхъ берегахъ. Онъ у него свободнѣе и лучше въ стихахъ, нежели въ прозѣ, и не даромъ Ломоносова называютъ отцомъ нашей стихотворной рѣчи. Изумительно то, что начинатель уже явился господиномъ и законодателемъ языка. Ломоносовъ стоитъ впереди нашихъ поэтовъ, какъ вступленіе впереди книги. Его поэзія—начинающійся разсвѣтъ. Она у него, подобно вспыхивающей зарницѣ, освѣщаетъ не все, но только нѣкоторыя строфы. Сама Россія является у него только въ общихъ географическихъ очертаніяхъ. Онъ какъ бы заботится только о томъ, чтобы набросать одинъ очеркъ громаднаго государства, намѣтить точками и линіями его границы, предоставивъ другимъ наложить краски; онъ самъ какъ бы первоначальный, пророческій набросокъ того, что̀ впереди.

Съ руки Ломоносова оды вошли въ обычай. Торжество, побѣда, тезоименитство, даже иллюминація и фейерверкъ стали предметомъ одъ. Слагатели ихъ выразили только бездарную прыть намѣсто восторга. Исключить изъ нихъ можно одного Петрова, нечуждаго силы и стихотворнаго огня: онъ былъ дѣйствительно поэтъ, несмотря на жесткій и черствый стихъ свой. Всѣ прочіе напомнили только реторически-холодный складъ ломоносовскихъ одъ и показали, намѣсто благозвучія ломоносовскаго языка, трескотню и безпорядокъ

словъ, терзающій ухо. Но огниво уже ударило по кремню; поэзія уже вспыхнула: еще не успѣлъ отнести руку отъ лиры Ломоносовъ, какъ уже заводилъ первыя пѣсни Державинъ.

Въ эпоху Екатерины, которой царствованіе можно назвать блестящею выставкою первыхъ русскихъ произведеній, когда на всѣхъ поприщахъ стали выказываться русскіе таланты,—съ битвами вознеслись полководцы, съ учрежденіями внутренними государственнные дѣльцы, съ переговорами дипломаты, а съ академіями словесники и ученые,—появился и поэтъ, Державинъ, съ тою же картинно-величавою наружностію, какъ и всѣ люди временъ Екатерины, развернувшіеся въ какой-то еще дикой свободѣ, со множествомъ недоконченнаго и не вполнѣ отдѣланнаго въ частяхъ, какъ случается съ тѣми произведеніями, которыя выставляются нѣсколько торопливо на-показъ. Мысль о сходствѣ Ломоносова съ Державинымъ, приходящая въ умъ при первомъ взглядѣ на нихъ обоихъ, исчезнетъ вдругъ, какъ только всмотришься покрѣпче въ Державина. Всѣмъ, даже самымъ воспитаніемъ, послѣдній представляетъ совершенную противоположность первому. Какъ первый весь предался наукамъ, считая стихотворство свое только развлеченіемъ и дѣломъ отдохновенія, такъ другой предался весь своему стихотворству, считая многостороннее образованіе науками лишнимъ и ненужнымъ. То же самодержавное, государственное величіе Россіи слышится и у него; но уже видны не одни только географическіе очерки государства: выступаютъ люди и жизнь. Не отвлеченныя науки, но наука жизни его занимаетъ. Оды его обращаются уже къ людямъ всѣхъ сословій и должностей, и слышно въ нихъ стремленіе начертать законъ правильныхъ дѣйствій человѣка во всемъ, даже въ самыхъ его наслажденіяхъ. У него выступило уже творчество. У него есть что-то еще болѣе исполинское и парящее, нежели у Ломоносова. Недоумѣваетъ умъ рѣшить, откуда взялся въ немъ этотъ гиперболическій размахъ его рѣчи. Остатокъ ли это нашего сказочнаго русскаго бога-

тырства, которое, въ видѣ какого-то темнаго пророчества, носится до сихъ поръ надъ нашею землею, прообразуя что-то высшее, насъ ожидающее, или же это навѣялось на него отдаленнымъ татарскимъ его происхожденіемъ, степями, гдѣ бродятъ бѣдные останки ордъ, распаляющіе свое воображеніе разсказами о богатыряхъ въ нѣсколько верстъ вышиною, живущихъ по тысячѣ лѣтъ на свѣтѣ—что̀ бы то ни было, но это свойство въ Державинѣ изумительно. Иногда, Богъ вѣсть, какъ издалека забираетъ онъ слова и выраженія затѣмъ именно, чтобы стать ближе къ своему предмету. Дико, громадно все; но, гдѣ только помогла ему сила вдохновенія, тамъ весь этотъ громоздъ служитъ на то, чтобы неестественною силою оживить предметъ, такъ что кажется, какъ бы тысячью глазами глядитъ онъ. Сто́итъ пробѣжать его «Водопадъ», гдѣ, кажется, какъ бы цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Въ «Водопадѣ» передъ нимъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая нами зримой природы, люди могучѣе нами знаемыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь передъ величественною жизнію, тамъ изображенною, точно муравейникъ, который гдѣ-то далеко копышется вдали. О Державинѣ можно сказать, что онъ—пѣвецъ величія. Все у него величаво: величавъ образъ Екатерины, величава Россія, созерцающая себя въ осьми моряхъ своихъ; его полководцы—орлы; словомъ—все у него величаво. Замѣтно, однакоже, что постояннымъ предметомъ его мыслей, болѣе всего его занимавшимъ, было—начертить образъ какого-то крѣпкаго мужа, закаленнаго въ дѣлѣ жизни, готоваго на битву не съ однимъ какимъ-нибудь временемъ, но со всѣми вѣками;—изобразить его такимъ, какимъ онъ долженъ былъ изникнуть, по его мнѣнію, изъ крѣпкихъ началъ нашей русской породы, воспитавшись на непотрясаемомъ камнѣ нашей Церкви. Часто, бросивши въ сторону то лицо, которому надписана ода, онъ ставитъ на его мѣсто того же своего непреклоннаго, правдиваго мужа. Тогда глубокія истины изглашаются у него голосомъ, который далеко выше обыкновеннаго: воз-

вращается святое, высокое значеніе тому, что̀ привыкли называть мы общими мѣстами, и, какъ изъ устъ самой Церкви, внимаешь вѣчнымъ словамъ его. Сравнительно съ другими поэтами, у него все глядитъ исполиномъ: его поэтическіе образы, не имѣя полной окончательности пластической, какъ бы теряются въ какомъ-то духовномъ очертаніи и оттого пріемлютъ еще болѣе величія. Напримѣръ: поэтъ изображаетъ старца Каспія въ то время, когда онъ, разсерженный бурею,

Встастъ въ упоръ ея волнамъ:
То скачетъ въ твердь, то, въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ;
Столбомъ власы сѣдые вьются,
И гласъ его гремитъ въ горахъ.

Тутъ, казалось, хотѣлъ создаться *зримо* образъ старца Каспія, но потерялся въ какомъ-то духовномъ, *незримомъ* очертаніи: ухо слышитъ одинъ гулъ гремящаго моря, и, вмѣстѣ съ сѣдыми власами старца, подъемлется волосъ на головѣ самого читателя, пораженнаго суровымъ величіемъ картины. Все у него крупно. Слогъ у него такъ крупенъ, какъ ни у кого изъ нашихъ поэтовъ. Разъявъ анатомическимъ ножомъ, увидишь, что это происходитъ отъ необыкновеннаго соединенія самыхъ высокихъ словъ съ самыми низкими и простыми, на что̀ бы никто не отважился, кромѣ Державина. Кто бы посмѣлъ, кромѣ его, выразиться такъ, какъ выразился онъ въ одномъ мѣстѣ о томъ же своемъ величественномъ мужѣ, въ ту минуту, когда онъ все уже исполнилъ, что̀ нужно на землѣ:

И смерть какъ гостью ожидаетъ,
Крутя задумавшись усы.

Кто, кромѣ Державина, осмѣлился бы соединить такое дѣло, каково ожиданіе смерти, съ такимъ ничтожнымъ дѣйствіемъ, каково крученіе усовъ? Но какъ черезъ это ощутительнѣе видимость самого мужа, и какое меланхолически-глубокое чувство остается въ душѣ! Но надобно сказать, что какъ это, такъ и всѣ другія исполинскія свойства Дер-

жавина, дающія ему преимущество надъ прочими поэтами нашими, превращаются вдругъ у него въ неряшество и безобразіе, какъ только оставляетъ его одушевленіе. Тогда все въ безпорядкѣ: рѣчь, языкъ, слогъ, — все скрипитъ, какъ телѣга съ невымазанными колесами, и стихотвореніе— точно трупъ, оставленный душою. Слѣды собственнаго неконченнаго образованія, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, отразились очень замѣтно на его твореніяхъ. Мужъ, проповѣдывавшій другимъ о томъ, какъ править собою, не умѣлъ управить себя, далеко не сталъ самимъ собою и долженъ былъ напряженною силою вдохновенія добираться до себя же, чтобы заговорить о томъ, что̀ должно уже свободно изливаться у поэта. Придай полное воспитаніе такому мужу — не было бы поэта выше Державина; теперь же остается онъ, какъ невоздѣланная громадная скала, передъ которо̀ю никто не можетъ остановиться, не будучи пораженъ, но передъ которою долго не застаивается никто, спѣша къ другимъ мѣстамъ, болѣе плѣнительнымъ.

Еще Державинъ ударялъ въ струны своей лиры, какъ уже все вокругъ него измѣнилось: вѣкъ Екатерины, полководцы-орлы, вельможная роскошь и вельможная жизнь унеслись, какъ сновидѣніе. Наступилъ вѣкъ Александра, опрятный, благопристойный, вылощенный. Все застегнулось и, какъ бы почувствовавъ, что уже раскинулось черезчуръ нараспашку, стало наперерывъ пріобрѣтать наружное благоприличіе и стройность поступковъ. Французы стали вполнѣ образцы всему, и такъ же, какъ щеголи Парижа завладѣли надолго нашимъ обществомъ, ловкіе французскіе поэты завладѣли было на время нашими поэтами. Къ чести, однакожъ, вѣрнаго поэтическаго чутья нашего нужно сказать то, что въ образецъ пошелъ одинъ Лафонтенъ, затѣмъ именно, что былъ ближе къ природѣ: Дмитріевъ, Хемницеръ и Богдановичъ стали производить подобныя ему, въ простотѣ, творенія, обработывая тѣ же предметы. Русскій языкъ вдругъ получилъ свободу и легкость перелетать отъ

предмета къ предмету,—легкость, незнакомую Державину. Намѣсто оды стали пробовать всѣ роды и формы поэзіи. Дмитріевъ показалъ много таланта, вкуса, простоты и приличія во всемъ, которыми убилъ напыщенность и высокопарность, нанесенныя бездарными подражателями Державина и Ломоносова. Но поверхностная эпоха не могла дать богатаго содержанія нашей поэзіи: одно общесвѣтское стало ея предметомъ, и она сдѣлалась сама похожею на умнаго и ловкаго свѣтскаго человѣка, когда онъ сидитъ въ гостиной и ведетъ разговоръ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы повѣдать душевную исповѣдь свою или подвинуть другихъ на какое-нибудь важное дѣло, но затѣмъ, чтобы просто повести разговоръ и пощеголять умѣньемъ вести его обо всѣхъ предметахъ. Послѣдніе звуки Державина умолкнули, какъ умолкають послѣдніе звуки церковнаго органа, и поэзія наша, по выходѣ изъ церкви, очутилась вдругъ на балѣ. Отъ одного только Капниста послышался ароматъ истинно-душевнаго чувства и какая-то особенная антологическая прелесть, дотолѣ незнакомая. Вотъ его «Деревенскій домикъ въ Обуховкѣ»:

Пріютный домъ мой подъ соломой,
По мнѣ, ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ,
А къ двери, нищему знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Но не могла оставаться долго наша поэзія на этой поверхностной свѣтской верхушкѣ. Уже пробуждена была сильно ея чуткость отъ петровскаго удара европейскимъ огнивомъ. Вдругъ примѣтила она, что отъ французовъ, кромѣ ловкости, ничего не переймётъ въ свое воспитаніе, и обратилась къ нѣмцамъ. Въ нѣмецкой литературѣ происходило въ это время явленіе странное. Неясныя грёзы, таинственныя преданія, необъяснимыя чудесныя происшествія, темные призраки невидимаго міра, мечты и страхи, сопровождающіе дѣтство человѣка, стали предметомъ нѣмецкихъ поэтовъ. Можно бы назвать такую поэзію шалостію школьника, если

бы въ ней не слышался тотъ младенческій лепетъ, которымъ подаетъ о себѣ вѣсть безсмертный духъ человѣка, требующій себѣ живой пищи. Чуткая поэзія наша остановилась съ любопытствомъ младенца передъ такимъ явленіемъ. Ея собственныя славянскія начала напомнили ей вдругъ о чемъ-то и у нея похожемъ. Но при всемъ томъ мы сами никакъ бы не столкнулись съ нѣмцами, если бы не явился среди насъ такой поэтъ, который показалъ намъ весь этотъ новый, необыкновенный міръ сквозь ясное стекло своей собственной природы, намъ болѣе доступной, нежели нѣмецкая. Этотъ поэтъ—Жуковскій, наша замѣчательнѣйшая оригинальность! Чудною, высшею волею вложено было ему въ душу, отъ дней младенчества, непостижимое ему самому стремленіе къ незримому и таинственному. Въ душѣ его, точно какъ въ героѣ его баллады Вадимѣ, раздавался небесный звонокъ, зовущій въ даль. Изъ-за этого зова бросался онъ на все неизъяснимое и таинственное повсюду, гдѣ оно ни встрѣчалось ему, и сталъ облекать его въ звуки, близкіе нашей душѣ. Все въ этомъ родѣ у него взято у чужихъ, и больше у нѣмцевъ—почти все переводы. Но на переводахъ такъ отпечаталось это внутреннее стремленіе, такъ зажгло и одушевило ихъ своею живостію, что сами нѣмцы, выучившіеся по-русски, признаются, что передъ нимъ оригиналы кажутся копіями, а переводы его кажутся истинными оригиналами. Не знаешь, какъ назвать его — переводчикомъ или оригинальнымъ поэтомъ. Переводчикъ теряетъ собственную личность, но Жуковскій показалъ ее больше всѣхъ нашихъ поэтовъ. Пробѣжавъ оглавленіе стихотвореній его, видишь: одно взято изъ Шиллера, другое изъ Уланда, третье у Вальтеръ Скотта, четвертое у Байрона, и все—вѣрнѣйшій сколокъ, слово въ слово, личность каждаго поэта удержана, негдѣ было и высунуться самому переводчику; но когда прочтешь нѣсколько стихотвореній вдругъ и спросишь себя: чьи стихотворенія читалъ? — не предстанетъ передъ глаза твои ни Шиллеръ, ни Уландъ, ни Вальтеръ Скоттъ, но поэтъ, отъ нихъ всѣхъ отдѣльный, достой-

ный помѣститься не у ногъ ихъ, но сѣсть съ ними рядомъ, какъ равный съ равнымъ. Какимъ образомъ сквозь личности всѣхъ поэтовъ пронеслась его собственная личность—это загадка, но она такъ и видится всѣмъ. Нѣтъ русскаго, который бы не составилъ себѣ изъ самихъ же произведеній Жуковскаго вѣрнаго портрета самой души его. Надобно сказать также, что ни въ комъ изъ переведенныхъ имъ поэтовъ не слышно такъ сильно стремленіе уноситься въ заоблачное, чуждое всего видимаго, ни въ комъ также изъ нихъ не видится это твердое признаніе незримыхъ силъ, хранящихъ повсюду человѣка, такъ что, читая его, чувствуешь на всякомъ шагу, какъ бы самъ, выражаясь стихами Державина:

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безсмертныхъ силъ,
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ.

Переводя, производилъ онъ переводами такое дѣйствіе, какъ самобытный и самоцвѣтный поэтъ. Внеся это новое, дотолѣ незнакомое нашей поэзіи стремленіе въ область незримаго и тайнаго, онъ отрѣшилъ ее самоё отъ матеріализма не только въ мысляхъ и образѣ ихъ выраженія, но и въ самомъ стихѣ, который сталъ легокъ и безтѣлесенъ, какъ видѣніе. Переводя, онъ оставилъ переводами початки всему оригинальному, внесъ новые формы и размѣры, которые стали потомъ употреблять всѣ другіе наши поэты. Лѣнь ума помѣшала ему сдѣлаться преимущественно поэтомъ-изобрѣтателемъ,—лѣнь выдумывать, а не недостатокъ творчества. Признаки творчества показалъ онъ въ себѣ уже съ самаго начала своего поприща: «Свѣтлана» и «Людмила» разнесли въ первый разъ грѣющіе звуки нашей славянской природы, болѣе близкіе нашей душѣ, нежели какіе раздавались у другихъ поэтовъ. Доказательствомъ тому то, что они произвели впечатлѣніе сильное на всѣхъ въ то время, когда поэтическое чутье у насъ было еще слабо развито. Элегическій родъ нашей поэзіи созданъ имъ. Есть еще первоначальнѣйшая

причина, отъ которой произошла и самая лѣнь ума: это—свойство *оцѣнивать,* которое, поселившись властительно въ его умѣ, заставляло его останавливаться съ любовью надъ всякимъ готовымъ произведеніемъ. Отсюда его тонкое критическое чутье, которое такъ изумляло Пушкина. Пушкинъ сильно на него сердился за то, что онъ не пишетъ критикъ. По его мнѣнію, никто, кромѣ Жуковскаго, не могъ такъ разъять и опредѣлить всякое художественное произведеніе. Это свойство разбирать и оцѣнивать отражается въ его живописныхъ описаніяхъ природы, которыя всѣ его собственныя, самобытныя произведенія. Взявши картину, его плѣнившую, онъ не оставляетъ ея до тѣхъ поръ, покуда не исчерпаетъ всей, разъявъ какъ бы анатомическимъ ножомъ ея неуловимѣйшую подробность. Кто уже могъ написать стихотвореніе о солнцѣ, гдѣ подстережены всѣ видоизмѣненія солнечныхъ лучей и волшебство картинъ, ими производимыхъ въ разные часы дня, равно какъ съ такою же живописною подробностію изобразить въ «Отчетѣ о лунѣ» волшебство лунныхъ лучей, съ цѣлымъ рядомъ ночныхъ картинъ, ими производимыхъ, — тотъ, разумѣется, долженъ былъ заключить въ себѣ въ большой степени свойство *оцѣнивать.* Его «Славянка» съ видами Павловска — точная живопись. Благоговѣйная задумчивость, которая проносится сквозь всѣ его картины, исполняетъ ихъ того грѣющаго, теплаго свѣта, который наводитъ необыкновенное успокоеніе на читателя. Становишься тише во всѣхъ своихъ порывахъ, и какою-то тайною замыкаются твои собственныя уста.

Въ послѣднее время въ Жуковскомъ сталъ замѣчаться переломъ поэтическаго направленія. По мѣрѣ того, какъ стала передъ нимъ проясняться чище та незримо-свѣтлая даль, которую онъ видѣлъ дотолѣ въ неясно-поэтическомъ отдаленіи, пропадала страсть и вкусъ къ призракамъ и привидѣніямъ нѣмецкихъ балладъ. Самая задумчивость уступила мѣсто свѣтлости душевной. Плодомъ этого была «Ундина», твореніе, принадлежащее вполнѣ Жуковскому: нѣмецкій пересказчикъ того же самаго преданія въ прозѣ не могъ

служить его образцомъ. Полный создатель свѣтлости этого поэтическаго созданія есть Жуковскій. Съ этихъ поръ онъ добылъ какой-то прозрачный языкъ, который ту же вещь показываетъ еще виднѣе, нежели какъ она есть у самого хозяина, у котораго онъ взялъ ее. Даже прежняя воздушная неопредѣленность стиха его исчезла: стихъ его сталъ крѣпче и тверже; все пріуготовлялось въ немъ на то, дабы обратить его къ передачѣ совершеннѣйшаго поэтическаго произведенія, которое, будучи произведено такимъ образомъ, какъ производится имъ, при такомъ напоеніи всего себя духомъ древности и при такомъ просвѣтленномъ, высшемъ взглядѣ на жизнь, покажетъ непремѣнно первоначальный, патріархальный быть древняго міра въ свѣтѣ родномъ и и близкомъ всему человѣчеству, — подвигъ, далеко высшій всякаго собственнаго созданія, который доставитъ Жуковскому значеніе всемірное. Передъ другими нашими поэтами Жуковскій то же, что̀ ювелиръ передъ прочими мастерами, то-есть, мастеръ, занимающійся послѣднею отдѣлкою дѣла. Не его дѣло добыть въ горахъ алмазъ—его дѣло оправить этотъ алмазъ такимъ образомъ, чтобы онъ заигралъ всѣмъ своимъ блескомъ и выказалъ бы вполнѣ свое достоинство всѣмъ. Появленіе такого поэта могло произойти только среди русскаго народа, въ которомъ такъ силенъ геній воспріимчивости, данный ему, можетъ быть, на то, чтобы оправить въ лучшую оправу все, что̀ не оцѣнено, не воздѣлано и пренебрежено другими народами.

Въ то время, когда Жуковскій стоялъ еще въ первой порѣ своего поэтическаго развитія, отрѣшая нашу поэзію отъ земли и существенности и унося ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, другой поэтъ, Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ еще для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ об-

разахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, «стиховъ и мыслей сладострастье». Казалось, какъ бы какая-то внутренняя сила, пребывающая въ лонѣ поэзіи нашей, храня ее отъ крайности какого бы то ни было увлеченія, создала этого поэта именно затѣмъ, чтобы въ то время, когда одинъ станетъ приносить звуки сѣверныхъ пѣвцовъ Европы, другой обвѣялъ бы ее ароматическими звуками полудня, познакомивши съ Аріостомъ, Тассомъ, Петраркою, Парни и нѣжными отголосками древней Эллады; чтобы даже и самый стихъ, начинавшій принимать воздушную неопредѣленность, исполнился той почти скульптурной выпуклости, какая видна у древнихъ, и той звучащей нѣги, какая слышна у южныхъ поэтовъ новой Европы.

Два разнородные поэта внесли вдругъ два разнородныя начала въ нашу поэзію; изъ двухъ началъ вмигъ образовалось третье: явился Пушкинъ. Въ немъ середина. Ни отвлеченной идеальности перваго, ни преизобилія сладострастной роскоши второго. Все уравновѣшено, сжато, сосредоточено, какъ въ русскомъ человѣкѣ, который немногоглаголивъ на передачу ощущенія, но хранитъ и совокупляетъ его долго въ себѣ, такъ что отъ этого долговременнаго ношенія оно имѣетъ уже силу взрыва, если выступитъ наружу. Приведу примѣръ. Поэта поразилъ видъ Казбека, одной изъ высочайшихъ кавказскихъ горъ, на верхушкѣ которой увидѣлъ онъ монастырь, показавшійся ему рѣющимъ въ небесахъ ковчегомъ. У другого поэта полились бы пылкіе стихи на нѣсколько страницъ. У Пушкина все въ десяти строкахъ, и стихотвореніе оканчиваетъ онъ симъ внезапнымъ обращеніемъ:

Далекій, вождедѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ: «прости» ущелью,
Подняться къ горной вышинѣ!
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Именно одно это могъ бы сказать русскій человѣкъ, въ то время, какъ и французъ, и англичанинъ, и нѣмецъ пустились бы на подробный отчетъ ощущеній. Никто изъ нашихъ поэтовъ не былъ еще такъ скупъ на слова и выраженія, какъ Пушкинъ, такъ не смотрѣлъ осторожно за самимъ собою, чтобы не сказать неумѣреннаго и лишняго, пугаясь приторности и того и другого.

Что̀-жъ было предметомъ его поэзіи? Все стало ея предметомъ, и ничто въ особенности. Нѣмѣетъ мысль предъ безчисленностью его предметовъ. Чѣмъ онъ не поразился и предъ чѣмъ онъ не остановился? Отъ заоблачнаго Кавказа и картиннаго черкеса до бѣдной сѣверной деревушки съ балалайкою и трепакомъ у кабака,—вездѣ, всюду: на модномъ балѣ, въ избѣ, въ степи, въ дорожной кибиткѣ—все становится его предметомъ. На все, что̀ ни есть во внутреннемъ человѣкѣ, начиная отъ его высокой и великой черты до малѣйшаго вздоха его слабости и ничтожной примѣты, его смутившей, онъ откликнулся такъ же, какъ откликнулся на все, что̀ ни есть въ природѣ видимой и внѣшней. Все становится у него отдѣльною картиною; все предметъ его; изо всего, какъ ничтожнаго, такъ и великаго, онъ исторгаетъ одну электрическую искру того поэтическаго огня, который присутствуетъ во всякомъ твореніи Бога,—его высшую сторону, знакомую только поэту, не дѣлая изъ нея никакого примѣненія къ жизни въ потребность человѣку, не обнаруживая никому, зачѣмъ исторгнута эта искра, не подставляя къ ней лѣстницы ни для кого изъ тѣхъ, которые глухи къ поэзіи. Ему ни до кого не было дѣла. Онъ заботился только о томъ, чтобы сказать однимъ одареннымъ поэтическимъ чутьемъ: «смотрите, какъ прекрасно твореніе Бога!» и, не прибавляя ничего больше, перелетать къ другому предмету затѣмъ, чтобы сказать также: «смотрите, какъ прекрасно Божіе твореніе!» Отъ этого, сочиненія его представляютъ явленіе изумительное противорѣчіемъ тѣхъ впечатлѣній, какія они порождаютъ въ читателяхъ. Въ глазахъ людей весьма умныхъ, но не имѣющихъ поэтическаго

чутья, они — отрывки недосказанные, легкіе, мгновенные; въ глазахъ людей, одаренныхъ поэтическимъ чутьемъ, они — полныя поэмы, обдуманныя, оконченныя, все заключающія въ себѣ, что̀ имъ нужно.

На Пушкинѣ оборвались всѣ вопросы, которые дотолѣ не задавались никому изъ нашихъ поэтовъ, и въ которыхъ виденъ духъ просыпающагося времени. Зачѣмъ, къ чему была его поэзія? Какое новое направленіе мысленному міру далъ Пушкинъ? Что̀ сказалъ онъ нужное своему вѣку? Подѣйствовалъ ли на него, если не спасительно, то разрушительно? Произвелъ ли вліяніе на другихъ, хотя личностью собственнаго характера, геніальными заблужденіями, какъ Байронъ и какъ даже многіе второстепенные и низшіе поэты? Зачѣмъ онъ данъ былъ міру и что̀ доказалъ собою? Пушкинъ данъ былъ міру на то, чтобы доказать собою, что̀ такое самъ поэтъ, и ничего больше, — что̀ такое поэтъ, взятый не подъ вліяніемъ какого-нибудь времени или обстоятельствъ и не подъ условіемъ также собственнаго, личнаго характера, какъ человѣка, но въ независимости отъ всего; чтобы, если захочетъ потомъ какой-нибудь высшій душевный анатомикъ разъять и объяснить себѣ, что̀ такое въ существѣ своемъ поэтъ, это чуткое созданіе, на все откликающееся въ мірѣ и себѣ одному не имѣющее отклика, то чтобы онъ удовлетворенъ былъ, увидѣвъ это въ Пушкинѣ. Одному Пушкину опредѣлено было показать въ себѣ это независимое существо, это звонкое эхо, откликающееся на всякій отдѣльный звукъ, порождаемый въ воздухѣ. При мысли о всякомъ поэтѣ представляется больше или меньше личность его самого. Кому при помышленіи о Шиллерѣ не предстанетъ вдругъ эта свѣтлая, младенческая душа, грезившая о лучшихъ и совершеннѣйшихъ идеалахъ, создавшая изъ нихъ себѣ міръ и довольная тѣмъ, что могла жить въ этомъ поэтическомъ мірѣ? Кому, читающему Байрона, не предстанетъ самъ Байронъ, этотъ гордый человѣкъ, облагодѣтельствованный всѣми дарами Неба и не могшій простить ему своего незначительнаго тѣлеснаго недостатка,

отъ котораго ропотъ перенесся и въ поэзію его? Самъ Гёте, этотъ Протей изъ поэтовъ, стремившійся обнять все, какъ въ мірѣ природы, такъ и въ мірѣ наукъ, показалъ уже симъ самымъ наукообразнымъ стремленіемъ своимъ личность свою, исполненную какой-то германской чинности и теоретически-нѣмецкаго притязанія подладиться ко всѣмъ временамъ и вѣкамъ. Всѣ наши русскіе поэты: Державинъ, Жуковскій, Батюшковъ удержали свою личность. У одного Пушкина ея нѣтъ. Что̀ схватишь изъ его сочиненій о немъ самомъ? Поди, улови его характеръ, какъ человѣка! Намѣсто его предстанетъ тотъ же чудный образъ, на все откликающійся и одному себѣ только не находящій отклика. Всѣ сочиненія его — полный арсеналъ орудій поэта. Ступай туда, выбирай себѣ всякъ по рукѣ любое, и выходи съ нимъ на битву; но самъ поэтъ на битву съ нимъ не вышелъ. Зачѣмъ не вышелъ? — это другой вопросъ. Онъ самъ на него отвѣчаетъ стихами:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Пушкинъ слышалъ значеніе свое лучше тѣхъ, которые задавали ему запросы, и съ любовію исполнялъ его. Даже и въ тѣ поры, когда метался онъ самъ въ чаду страстей, поэзія была для него святыня,—точно какой-то храмъ. Не входилъ онъ туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносилъ онъ туда необдуманнаго, опрометчиваго изъ собственной жизни своей; не вошла туда нагишомъ растрепанная дѣйствительность. А между тѣмъ все тамъ — исторія его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышалъ одно только благоуханіе; но какія вещества перегорѣли въ груди поэта затѣмъ, чтобы издать это благоуханіе, того никто не можетъ услышать. И какъ онъ лелѣялъ ихъ въ себѣ! какъ вынашивалъ ихъ! Ни одинъ итальянскій поэтъ не отдѣлывалъ такъ сонетовъ своихъ, какъ обрабатывалъ онъ эти легкія, повидимому мгновенныя созданія.

Какая точность во всякомъ словѣ! Какая значительность всякаго выраженія! Какъ все округлено, окончено и замкнуто! Всѣ онѣ точно перлы; трудно и рѣшить, которая элегія лучше—словно сверкающіе зубы красавицы, которые уподобляетъ царь Соломонъ овцамъ-юницамъ, только-что вышедшимъ изъ купели, когда онѣ всѣ какъ одна и всѣ равно прекрасны.

Какъ ему говорить было о чемъ-нибудь потребномъ современному обществу въ его современную минуту, когда хотѣлось откликнуться на все, что̀ ни есть въ мірѣ, и когда всякій предметъ равно звалъ его? Онъ хотѣлъ было изобразить въ «Онѣгинѣ» современнаго человѣка и разрѣшить какую-то современную задачу—и не могъ. Столкнувши съ мѣста своихъ героевъ, самъ сталъ на ихъ мѣстѣ и, въ лицѣ ихъ, поразился тѣмъ, чѣмъ поражается поэтъ. Поэма вышла собраніе разрозненныхъ ощущеній, нѣжныхъ элегій, колкихъ эпиграммъ, картинныхъ идиллій, и, по прочтеніи ея, намѣсто всего, выступаетъ тотъ же чудный образъ на все откликнувшагося поэта. Его совершеннѣйшія произведенія: «Борисъ Годуновъ» и «Полтава»—тотъ же вѣрный откликъ минувшему. Ничего не хотѣлъ онъ ими сказать своему времени; никакой пользы соотечественникамъ не замышлялъ онъ выборомъ этихъ двухъ сюжетовъ; не видно также, чтобы онъ исполнился особеннаго участія къ кому-нибудь изъ выведенныхъ здѣсь героевъ и предпринялъ бы изъ-за того эти двѣ поэмы, такъ мастерски и художественно отработанныя. Онъ изумился только необычайности двухъ историческихъ событій и хотѣлъ, чтобы, подобно ему, изумились другіе.

Чтеніе поэтовъ всѣхъ народовъ и вѣковъ порождало въ немъ тотъ же откликъ. Герой испанскій Донъ-Жуанъ, этотъ неистощимый предметъ безчисленнаго множества драматическихъ поэмъ, далъ ему вдругъ идею сосредоточить все дѣло въ небольшой собственной драматической картинѣ, гдѣ еще съ бо̀льшимъ познаніемъ души выставленъ неотразимый соблазнъ развратителя, еще ярче слабость женщины и еще слышнѣе сама Испанія. Гётевъ «Фаустъ» навелъ его вдругъ

на идею сжать въ двухъ-трехъ страничкахъ главную мысль германскаго поэта—и дивишься, какъ она мѣтко понята и какъ сосредоточена въ одно крѣпкое ядро, несмотря на всю ея неопредѣленную разбросанность у Гёте. Суровыя терцины Данта внушили ему мысль, въ такихъ же терцинахъ и въ духѣ самого Данта, изобразить поэтическое младенчество свое въ Царскомъ Селѣ, олицетворить науку въ видѣ строгой жены, собирающей въ школу дѣтей, и себя въ видѣ школьника, вырвавшагося изъ класса въ садъ, затѣмъ, чтобы остановиться передъ древними статуями, съ лирами и циркулями въ рукахъ, говорившими ему живѣе науки, гдѣ видно, какъ уже рано пробуждалась въ немъ эта чуткость на все откликаться.

И какъ вѣренъ его откликъ, какъ чутко его ухо! Слышишь запахъ, цвѣтъ земли, времени, народа. Въ Испаніи онъ испанецъ, съ грекомъ—грекъ, на Кавказѣ—вольный горецъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; съ отжившимъ человѣкомъ онъ дышитъ стариною времени минувшаго; заглянетъ къ мужику въ избу—онъ русскій весь съ головы до ногъ: всѣ черты нашей природы въ немъ отозвались, и все окинуто иногда однимъ словомъ, однимъ чутко найденнымъ и мѣтко прибраннымъ прилагательнымъ именемъ.

Свойство это въ немъ разрасталось постепенно, и онъ откликнулся бы потомъ цѣликомъ на всю русскую жизнь, такъ же, какъ откликался на всякую отдѣльную ея черту. Мысль о романѣ, который бы повѣдалъ простую, безыскусственную повѣсть прямо-русской жизни, занимала его въ послѣднее время неотступно. Онъ бросилъ стихи единственно затѣмъ, чтобы не увлечься ничѣмъ по сторонамъ и быть проще въ описаніяхъ, и самую прозу упростилъ онъ до того, что даже не нашли никакого достоинства въ первыхъ повѣстяхъ его. Пушкинъ былъ этому радъ и написалъ «Капитанскую дочку», рѣшительно лучшее русское произведеніе въ повѣствовательномъ родѣ. Сравнительно съ «Капитанскою дочкою», всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазнею. Чистота и безыскусственность взошли

въ ней на такую высокую степень, что сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и карикатурною. Въ первый разъ выступили истинно-русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ; сама крѣпость съ единственною пушкою, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все—не только самая правда, но еще какъ бы лучше ея. Такъ оно и быть должно: на то и призваніе поэта, чтобы изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ и лучшемъ видѣ. Все показывало въ Пушкинѣ, что онъ на то былъ рожденъ и къ тому стремился. Почти въ одно время съ «Капитанскою дочкою» оставилъ онъ мастерскія пробы романовъ: «Рукопись села Горохина», «Царскій арапъ» и сдѣланный карандашомъ набросокъ большого романа: «Дубровскій». Въ послѣднее время набрался онъ много русской жизни и говорилъ обо всемъ такъ мѣтко и умно, что хоть записывай всякое слово: оно стоило его лучшихъ стиховъ; но еще замѣчательнѣе было то, что строилось внутри самой души его и готовилось освѣтить передъ нимъ еще больше жизнь. Отголоски этого слышны въ изданномъ уже по смерти его стихотвореніи, [въ которомъ звуками, почти апокалипсическими, изображенъ побѣгъ изъ города, обреченнаго гибели, и часть его собственнаго душевнаго состоянія]. Много готовилось Россіи добра въ этомъ человѣкѣ... Но, становясь мужемъ, забирая отовсюду силы на то, чтобы управляться съ большими дѣлами, не подумалъ онъ о томъ, какъ управиться съ ничтожными и малыми. Внезапная смерть унесла его вдругъ отъ насъ — и все въ государствѣ услышало вдругъ, что лишилось великаго человѣка. Вліяніе Пушкина, какъ поэта, на общество было ничтожно. Общество взглянуло на него только въ началѣ его поэтическаго поприща, когда онъ первыми молодыми стихами своими напомнилъ было лиру Байрона; когда же пришелъ онъ въ себя и сталъ наконецъ не Байронъ, а Пушкинъ, общество отъ него отвернулось. Но вліяніе его было сильно на поэтовъ. Не сдѣлалъ того Карамзинъ въ прозѣ, что онъ въ стихахъ. Подражатели

Карамзина послужили жалкою карикатурою на него самого и довели какъ слогъ, такъ и мысли до сахарной приторности. Что же касается до Пушкина, то онъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажглись другіе самоцвѣтные поэты. Вокругъ него образовалось ихъ цѣлое созвѣздіе: Дельвигъ, поэтъ-сибаритъ, который нѣжился всякимъ звукомъ своей почти эллинской лиры и, не выпивая залпомъ всего напитка поэзіи, глоталъ его по каплѣ, какъ знатокъ винъ, присматриваясь къ цвѣту и обоняя самый запахъ; Козловъ, гармоническій поэтъ, отъ котораго раздались какіе-то дотолѣ неслыханные, музыкально-сердечные звуки; Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мыслей къ міру внутреннему и сталъ уже заботиться о матеріальной отдѣлкѣ ихъ, тогда какъ онѣ еще не вызрѣли въ немъ самомъ; темный и неразвившійся, сталъ себя выказывать людямъ и сдѣлался чрезъ то для всѣхъ чужимъ и никому не близкимъ. Всѣхъ этихъ поэтовъ возбудилъ на дѣятельность Пушкинъ; другихъ же просто создалъ. Я разумѣю здѣсь нашихъ такъ-называемыхъ антологическихъ поэтовъ, которые произвели понемногу; но если изъ этихъ немногихъ душистыхъ цвѣтковъ сдѣлать выборъ, то выйдетъ книга, подъ которою подпишетъ свое имя лучшій поэтъ. Стоитъ назвать обоихъ Туманскихъ, А. Крылова, Тютчева, Плетнева и нѣкоторыхъ другихъ, которые не выказали бы собственнаго поэтическаго огня и благоуханныхъ движеній душевныхъ, если бы не были зажжены огнемъ поэзіи Пушкина. Даже прежніе поэты стали перестраивать ладъ лиръ своихъ. Извѣстный переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, прелагатель псалмовъ Ѳ. Глинка, партизанъ-поэтъ Давыдовъ, наконецъ самъ Жуковскій, наставникъ и учитель Пушкина въ искусствѣ стихотворномъ, сталъ потомъ учиться самъ у своего ученика. Сдѣлались поэтами даже тѣ, которые не рождены были поэтами, которымъ готовилось поприще не менѣе высокое, судя по тѣмъ духовнымъ силамъ, какія они

показали даже въ стихотворныхъ своихъ опытахъ, какъ-то: Веневитиновъ, такъ рано отъ насъ похищенный, и Хомяковъ, слава Богу, еще живущій для какого-то свѣтлаго будущаго, покуда еще ему самому не разоблачившагося. Сила возбудительнаго вліянія Пушкина даже повредила многимъ, особенно Баратынскому, и еще одному поэту, о которомъ будетъ рѣчь ниже,—повредила именно тѣмъ, что они стали передавать невызрѣвшія движенія души своей, тогда какъ самая душа не набралась еще поэзіи, доступной и близкой другимъ, и когда опредѣлено было имъ совершить прежде свое внутреннее воспитаніе и до времени умолкнуть. Всѣхъ соблазнила эта необыкновенная художественная отработка стихотворныхъ созданій, которую показалъ Пушкинъ. Позабывъ и общество, и всякія современныя связи съ нимъ человѣка, и всякія требованія земли своей, все жило въ какой-то поэтической Элладѣ, повторяя стихи Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Изъ поэтовъ времени Пушкина болѣе всѣхъ отдѣлился Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его всѣмъ послышалась новая лира, разгулъ и буйство силъ, удаль всякаго выраженія, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который въ такой силѣ, совершенствѣ и строгой подчиненности господину еще не являлся дотолѣ ни въ комъ. Имя *Языковъ* пришлось ему не даромъ: владѣетъ онъ языкомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ, и еще какъ бы хвастается своею властію. Откуда ни начнетъ періодъ, съ головы ли, съ хвоста, онъ выведетъ его картинно, заключитъ и замкнетъ такъ, что остановишься пораженный. Все, что выражаетъ силу молодости, не разслабленной, но могучей, полной будущаго, стало вдругъ предметомъ стиховъ его. Такъ и брызжетъ юношеская свѣжесть отъ всего, къ чему онъ ни прикоснется. Вотъ его купанье въ рѣкѣ:

Покровы прочь! Передъ челомъ
Протянемъ руки удалыя
И—бухъ!
Блистательнымъ дождемъ
Взлетаютъ брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свѣжесть и прохлада!
Какъ сладострастна, какъ нѣжна
Меня обнявшая наяда!

Вотъ у него игра въ свайку, которую онъ назвалъ прямо-русскою игрою. Юноши-молодцы стали въ кружокъ:

Тяжкій гвоздь стойкомъ и плотно
Бьетъ въ кольцо—кольцо бренчитъ.
Вешній вечеръ беззаботно
И невидимо летитъ.

Все, что̀ вызываетъ въ юношѣ отвагу — море, волны, буря, пиры и сдвинутыя чаши, братскій союзъ на дѣло, твердая какъ кремень вѣра въ будущее, готовность ратовать за отчизну—выражается у него съ силою неестественною. Когда появились его стихи отдѣльною книгою, Пушкинъ сказалъ съ досадою: «Зачѣмъ онъ назвалъ ихъ: «Стихотворенія Языкова»! ихъ бы слѣдовало назвать просто: «хмель!» Человѣкъ съ обыкновенными силами ничего не сдѣлаетъ подобнаго; тутъ потребно буйство силъ». Живо помню восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ о себѣ сказалъ въ посланіи къ Овидію: «Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ, но понимаю ихъ»). Я помню тѣ строфы, которыя произвели у него слезы: первая, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Россіи, которую уже было признали безсильною и немощною, взываетъ такъ:

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебѣ надменный зовъ!
Вспомяни-жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!

Созови отъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ осьми твоихъ морей.

И потомъ строфа, гдѣ описывается неслыханное самопожертвованіе—предать огню собственную столицу со всѣмъ, что̀ ни есть въ ней священнаго для всей земли:

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ.
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламя очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

У кого не брызнутъ слезы послѣ такихъ строфъ? Стихи его точно разымчивый хмель; но въ хмелѣ слышна сила высшая, заставляющая его подыматься кверху. У него студентскія пирушки не изъ бражничества и пьянства, но отъ радости, что есть мочь въ рукѣ и поприще впереди, что понесутся они, студенты,

На благородное служенье
Во славу чести и добра.

Бѣда только, что хмель перешелъ мѣру и что самъ поэтъ загулялся черезчуръ на радости отъ своего будущаго, какъ и многіе изъ насъ на Руси, и осталось дѣло только въ одномъ могучемъ порывѣ.

Всѣхъ глаза устремились на Языкова. Всѣ ждали чего-то необыкновеннаго отъ новаго поэта, отъ стиховъ котораго пронеслась такая богатырская похвальба совершить какое-то могучее дѣло. Но дѣла не дождались. Вышло еще нѣсколько стихотвореній, повторившихъ слабѣе то же самое; потомъ тяжелая болѣзнь посѣтила поэта и отразилась на его духѣ. Въ послѣднихъ стихахъ его уже не было ничего, шевелившаго русскую душу. Въ нихъ раздались скучанія среди

нѣмецкихъ городовъ, безучастныя записки разъѣздовъ, перечень однообразно-страдальческаго дня. Все это было мертво русскому духу. Не примѣтили даже необыкновенной отработки позднѣйшихъ стиховъ его. Его языкъ, еще болѣе окрѣпнувшій, ему же послужилъ въ улику: онъ былъ на тощихъ мысляхъ и бѣдномъ содержаніи, что̀ панцырь богатыря на хиломъ тѣлѣ карлика. Стали говорить даже, что у Языкова нѣтъ вовсе мыслей, а одни пустозвонкіе стихи, и что онъ даже и не поэтъ. Все пришло противъ него въ ропотъ. Отголоски этого ропота раздались нелѣпо въ журналахъ, но въ основаніи ихъ была правда. Языковъ не сказалъ же, говоря о поэтѣ, словами Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

У него, напротивъ. вотъ что̀ говоритъ поэтъ:

Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный виденъ даръ,
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово—
Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ поэта.

Положимъ, это говорится объ идеальномъ поэтѣ; но идеалъ свой онъ взялъ изъ своей же природы. Если бы въ немъ самомъ уже не было началъ тому, не могъ бы и представить онъ себѣ такого поэта. Нѣтъ, не силы его оставили, не бѣдность таланта и мыслей виною пустоты содержанія послѣднихъ стиховъ его, какъ самоувѣренно возгласили критики, и даже не болѣзнь (болѣзнь дается только къ ускоренію дѣла, если человѣкъ проникнетъ смыслъ ея) — нѣтъ, другое его обезсилило: свѣтъ любви погаснулъ въ душѣ его—вотъ почему примеркнулъ и свѣтъ поэзіи. Полюби потребное и нужное душѣ съ такою силою, какъ полюбилъ ты прежде хмель юности своей—и вдругъ подымутся твои мысли наравнѣ со стихомъ, раздастся огнедышащее слово: изобразишь намъ ту же пошлость болѣзнен-

ной жизни своей, но изобразишь такъ, что содрогнется человѣкъ отъ проснувшихся желѣзныхъ силъ своихъ и возблагодаритъ Бога за недугъ, давшій ему это почувствовать. Не по стопамъ Пушкина надлежало Языкову обработывать и округлять стихъ свой; не для элегій и антологическихъ стихотвореній, но для диѳирамба и гимна родился онъ; это услышали всѣ. И уже скорѣе отъ Державина, нежели отъ Пушкина, долженъ былъ онъ засвѣтить свѣтильникъ свой. Стихъ его только тогда и входитъ въ душу, когда онъ весь въ лирическомъ свѣту; предметъ у него только тогда живъ, когда онъ или движется, или звучитъ, или сіяетъ, а не тогда, когда пребываетъ въ покоѣ. Удѣлы поэтовъ не равны. Одному опредѣлено быть вѣрнымъ зеркаломъ и отголоскомъ жизни—на то и данъ ему многосторонній, описательный талантъ. Другому повелѣно быть передовою, возбуждающею силою общества во всѣхъ его благородныхъ и высшихъ движеніяхъ—и на то данъ ему лирическій талантъ. Не попадаетъ талантъ на свою дорогу, потому что не устремляетъ глазъ высшихъ на самого себя. Но Промыслъ лучше печется о человѣкѣ. Бѣдою, зломъ и болѣзнію насильно приводитъ онъ его къ тому, къ чему онъ не пришелъ бы самъ. Уже и въ лирѣ Языкова замѣтно стремленіе къ повороту на его законную дорогу. Отъ него услышали недавно стихотвореніе «Землетрясеніе», которое, по мнѣнію Жуковскаго, есть наше лучшее стихотвореніе.

Изъ поэтовъ времени Пушкина отдѣлился князь Вяземскій. Хотя онъ началъ писать гораздо прежде Пушкина, но такъ какъ его полное развитіе было при немъ, то упомянемъ о немъ здѣсь. Въ князѣ Вяземскомъ — противоположность Языкову: сколько въ томъ поражаетъ нищета мыслей, столько въ этомъ обиліе ихъ. Стихъ употребленъ у него, какъ первое попавшееся орудіе: никакой наружной отдѣлки его, никакого также сосредоточенія и округленія мысли, затѣмъ, чтобы выставить ее читателю, какъ драгоцѣнность: онъ не художникъ и не заботится обо всемъ этомъ. Его стихотворенія—импровизаціи, хотя для такихъ

импровизацій нужно имѣть слишкомъ много всякихъ даровъ и слишкомъ приготовленную голову. Въ немъ собралось обиліе необыкновенное всѣхъ качествъ: наглядка, наблюдательность, неожиданность выводовъ, чувство, умъ, остроуміе, веселость и даже грусть; каждое стихотвореніе его—пестрый фараонъ всего вмѣстѣ. Онъ не поэтъ по призванію: судьба, надѣливши его всѣми дарами, дала ему какъ бы въ придачу талантъ поэта, затѣмъ, чтобы составить изъ него что-то полное. Въ его книгѣ: «Біографія Фонвизина» обнаружилось еще виднѣе обиліе всѣхъ даровъ, въ немъ заключенныхъ. Тамъ слышенъ, въ одно и то же время, политикъ, философъ, тонкій оцѣнщикъ и критикъ, положительный государственный человѣкъ и даже опытный вѣдатель практической стороны жизни, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ. И если бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонвизина, написано было все царствованіе Екатерины, которое уже и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ, то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа. Но отсутствіе большого и полнаго труда есть болѣзнь князя Вяземскаго, и это слышится въ самыхъ его стихотвореніяхъ. Въ нихъ замѣтно отсутствіе внутренняго гармоническаго согласованія въ частяхъ, слышенъ разладъ: слово не сочеталось со словомъ, стихъ со стихомъ, возлѣ крѣпкаго и твердаго стиха, какого нѣтъ ни у одного поэта, помѣщается другой, ничѣмъ на него непохожій; то вдругъ защемитъ онъ чѣмъ-то вырваннымъ живьемъ изъ самаго сердца, то вдругъ оттолкнетъ отъ себя звукомъ, почти чуждымъ сердцу, раздавшимся совершенно не въ тактъ съ предметомъ; слышна несобранность въ себя, не полная жизнь своими силами; слышится на днѣ всего что-то придавленное и угнетенное. Участь человѣка, одареннаго способностями разнообразными и очутившагося безъ такого

дѣла, которое бы заняло всѣ до единой его способности, тяжелѣе участи послѣдняго бѣдняка. Только тотъ трудъ, который заставляетъ цѣликомъ всего человѣка обратиться къ себѣ и уйти въ себя, есть нашъ избавитель. На немъ только, какъ говоритъ поэтъ,

Душа прямится, крѣпнетъ воля,
И наша собственная доля
Опредѣляется виднѣй.

Въ то время, когда наша поэзія совершала такъ быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шуму, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ перерастаетъ всю рощу, вначалѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ—Крыловъ. Выбралъ онъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку—и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, который съ родни уму нашихъ пословицъ, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ-называемый задній умъ. Пословица не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изъ всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. Это выражается и въ поговоркѣ: «*одна рѣчь не пословица*». Вслѣдствіе этого задняго ума, или ума окончательныхъ выводовъ, которымъ преимущественно надѣленъ передъ другими русскій человѣкъ, наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ образѣ выраженія въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, словомъ—все шевелящее и задирающее за живое: какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каж-

дая на человѣка. Всѣ великіе люди, отъ Пушкина до Суворова и Петра, благоговѣли передъ нашими пословицами. Уваженіе къ нимъ выразилось многими поговорками: «*пословица не даромъ молвится*», или «*вовѣкъ не сломится*». Извѣстно, что если сумѣешь замкнуть рѣчь ловко прибранною пословицей, то симъ объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она свыше его понятія.

Отсюда-то ведетъ свое происхожденіе Крыловъ. Его басни отнюдь не для дѣтей. Тотъ ошибется грубо, кто назоветъ его баснописцемъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ были баснописцы Лафонтенъ, Дмитріевъ, Хемницеръ и, наконецъ, Измайловъ. Его притчи — достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по-русски: въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ горшокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и русскую природу. Даже оселъ, который у него до того опредѣлился въ характерѣ своемъ, что сто́итъ ему высунуть только уши изъ какой-нибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: «это оселъ Крылова!» даже оселъ, несмотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по чужимъ огородамъ, онъ возгорѣлся вдругъ честолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заважничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размысля того, что теперь всякая кража и пакость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока. Словомъ—всюду у него Русь и пахнетъ Русью. Всякая басня его имѣетъ, сверхъ того, историческое происхожденіе. Несмотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ, однакоже, слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голосъ и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ

такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо. Когда нѣкоторые черезчуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что̀ ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые обратили военное дѣло въ одни погончики да петлички, онъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней мудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Двѣ бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И держатъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Особенно слышно, какъ онъ вездѣ держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отразилось въ баснѣ «Музыканты», которую заключилъ онъ словами: «По мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй!» Не потому онъ это сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, намѣсто ма-

стеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они и не смыслятъ, но зато отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать и не трудно обратить его къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ, но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. «*Въ ворѣ—что въ морѣ, а въ дуракѣ—что въ прѣсномъ молокѣ*», говоритъ наша пословица. Но и умному дѣлаетъ онъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка», за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за развратное и злое ихъ направленіе. Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ главы, которому говоритъ онъ:

Властитель хочетъ ли народы удержать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою,—

и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа самого Крылова. Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено вѣрно и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера

Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ бочки»:

Великій человѣкъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ какъ бы слышится величіе ушедшаго въ себя человѣка.

Отъ Крылова вдругъ можно перейти къ другой сторонѣ нашей поэзіи — сатирической. У насъ у всѣхъ много ироніи. Она видна въ нашихъ пословицахъ и пѣсняхъ, и, что всего изумительнѣе, часто тамъ, гдѣ видимо страждетъ душа и не расположена вовсе къ веселости. Глубина этой самобытной проніи еще предъ нами не разоблачилась, потому что, воспитываясь всѣми европейскими воспитаніями, мы и тутъ отдалились отъ родного корня. Наклонность къ ироніи, однакожъ, удержалась, хотя и не въ той формѣ. Трудно найти русскаго человѣка, въ которомъ бы не соединялось, вмѣстѣ съ умѣньемъ предъ чѣмъ-нибудь истинно возблагоговѣть, свойство — надъ чѣмъ-нибудь истинно посмѣяться. Всѣ наши поэты заключали въ себѣ это свойство. Державинъ крупною солью разсыпалъ его у себя въ большей половинѣ одъ своихъ. Оно есть у Пушкина, у Крылова, у князя Вяземскаго; оно слышно даже у такихъ поэтовъ, которые въ характерѣ своемъ имѣли нѣжное, меланхолическое расположеніе: у Капниста, у Жуковскаго, у Карамзина,

у князя Долгорукаго; оно есть что-то сродное намъ всѣмъ. Естественно, что у насъ должны были развиться писатели собственно сатирическіе. Уже въ то время, когда Ломоносовъ настраивалъ свою лиру на высокій лирическій ладъ, князь Кантемиръ находилъ пищу для сатиры и хлесталъ ею глупости едва начинавшагося общества. Въ разныя эпохи появлялось у насъ множество сатиръ, эпиграммъ, насмѣшливыхъ перелицовокъ наизнанку извѣстнѣйшихъ произведеній и всякаго рода пародій ѣдкихъ, злыхъ, которыя останутся, вѣроятно, всегда въ рукописяхъ и въ которыхъ всюду видна большая сила. Стòитъ вспомнить пародіи князя Горчакова, сатиру на литераторовъ Воейкова: «Домъ сумасшедшихъ», и талантливыя пародіи Михайла Дмитріева, гдѣ желчь Ювенала соединилась съ какимъ-то особеннымъ славянскимъ добродушіемъ. Но сатира скоро попросила себѣ поприща обширнѣйшаго и перешла въ драму. Театръ начался у насъ такъ же, какъ и повсюду, сначала подражаніями; потомъ стали пробиваться черты оригинальныя. Въ трагедіи явились нравственная сила и незнаніе человѣка подъ условіемъ взятой эпохи и вѣка; въ комедіи — легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, безъ взгляда на душу человѣка. Имена Озерова, Княжнина, Капниста, князя Шаховского, Хмѣльницкаго, Загоскина, А. Писарева помнятся съ уваженіемъ: но все это поблѣднѣло передъ двумя яркими произведеніями: передъ комедіями: Фонвизина «Недоросль» и Грибоѣдова «Горе отъ ума», которыя весьма остроумно назвалъ князь Вяземскій двумя современными трагедіями. Въ нихъ уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силою ироніи выставлены въ очевидности потрясающей. Обѣ комедіи взяли двѣ разныя эпохи. Одна поразила болѣзни отъ непросвѣщенія, другая — отъ дурно-понятаго просвѣщенія.

Комедія Фонвизина поражаетъ огрубѣлое звѣрство человѣка, происшедшее отъ долгаго безчувственнаго, непотря-

саемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи. Она выставила такъ страшно эту кору огрубѣнія, что въ ней почти не узнаешь русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи не могло образоваться такое существо. Эта безумная любовь къ своему дѣтищу есть наша сильная русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ что, чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что̀ не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина—другой типъ огрубѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую-то болѣе спокойную, въ своемъ родѣ художественную любовь къ скотинѣ, намѣсто человѣка: свиньи сдѣлались для него то же, что̀ для любителя искусствъ картинная галлерея. Потомъ супругъ Простаковой—несчастное, убитое существо, въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забиты понуканіями жены,—полное притупленіе всего! Наконецъ, самъ Митрофанъ, который, ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо несчастіе, становится нечувствительно, съ помощью угожденій и баловства, тираномъ всѣхъ, и всего болѣе тѣхъ, которые его сильнѣе любятъ, то-есть, матери и няньки, такъ что наносить имъ оскорбленіе — сдѣлалось ему уже наслажденіемъ. Словомъ — лица эти какъ бы уже не русскія; трудно даже и узнать въ нихъ русскія качества, исключая только развѣ одну Еремѣевну да отставного солдата. Съ ужасомъ слышишь, что уже на нихъ не подѣйствуешь ни вліяніемъ Церкви, ни обычаями старины, отъ которыхъ удерживалось въ нихъ одно пошлое, и только одному желѣзному закону здѣсь мѣсто. Все въ этой комедіи кажется чудовищною карикатурою на русское, а между тѣмъ

нѣтъ ничего въ ней карикатурнаго: все взято живьемъ съ природы и провѣрено знаніемъ души. Это тѣ неотразимо-страшные идеалы огрубѣнія, до которыхъ можетъ достигнуть только одинъ человѣкъ Русской земли, а не другого народа.

Комедія Грибоѣдова взяла другое время общества — выставила болѣзни отъ дурно понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей намѣсто главнаго, словомъ — взяла донкишотскую сторону нашего европейскаго образованія, несвязавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую русскихъ не русскими, но иностранцами. Типъ Фамусова такъ же глубоко постигнутъ, какъ и Простаковой. Такъ же наивно, какъ хвастается Простакова своимъ невѣжествомъ, онъ хвастается полупросвѣщеніемъ, какъ собственнымъ, такъ и всего того сословія, къ которому принадлежитъ: хвастается тѣмъ, что московскія дѣвицы верхнія выводятъ нотки, словечка два не скажутъ, все съ ужимкой; что дверь у него отперта для всѣхъ, какъ званыхъ, такъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ; что канцелярія у него набита ничего не дѣлающею роднею. Онъ и благопристойный степенный человѣкъ и волокита, и читаетъ мораль и мастеръ такъ пообѣдать, что въ три дня не сварится. Онъ даже вольнодумецъ, если соберется съ подобными себѣ старикамн, и въ то же время готовъ не допустить на выстрѣлъ къ столицамъ молодыхъ вольнодумцевъ, которыхъ именемъ честитъ всѣхъ, кто не подчинился принятымъ свѣтскимъ обычаямъ ихъ общества. Въ существѣ своемъ это одно изъ тѣхъ вывѣтрившихся лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ comme il faut, не осталось ровно ничего, которыя своимъ пребываніемъ въ столицѣ и службою такъ же вредны обществу, какъ другіе ему вредны своею неслужбою и огрубѣлымъ пребываніемъ въ деревнѣ. Вредны, во-первыхъ, собственнымъ имѣніямъ своимъ—тѣмъ, что, предавши ихъ въ руки наемниковъ и управителей, требуя отъ нихъ только денегъ для своихъ баловъ и обѣдовъ званыхъ и незваныхъ, они разрушили истинно-законныя узы, связавшія помѣщиковъ съ крестьянами; вредны, во-вторыхъ, на слу-

жащемъ поприщѣ — тѣмъ, что, доставляя мѣста однимъ только ничего не дѣлающимъ родственникамъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцовъ и отвадили охоту служить у честнаго человѣка; вредны, наконецъ, въ-третьихъ, духу правительства своею двусмысленною жизнію — тѣмъ, что, подъ личиною усердія [къ царю] и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей и развратничая въ то же время сами, возбудили негодованіе молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ и наклонность къ вольнодумству дѣйствительному у тѣхъ, которые имѣютъ некрѣпкія головы и способны вдаваться въ крайности. Не меньше замѣчателенъ другой типъ: отъявленный мерзавецъ Загорѣцкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый, лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падокъ, готовый, въ случаѣ надобности, сдѣлаться патріотомъ и ратоборцемъ нравственности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басенъ [за ихъ вѣчныя насмѣшки надъ львами и орлами] и симъ обнаружившій, что, не боясь ничего, даже самой позорнѣйшей брани, боится, однакожъ, насмѣшки, какъ чортъ креста. Не меньше замѣчателенъ третій типъ: глупый либералъ Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по ночнымъ собраніямъ, радующійся, какъ Богъ вѣсть какой находкѣ, когда удается ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и разсказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ, въ увѣренности, что попалъ наконецъ на настоящую дорогу и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое, хотя еще не созрѣло, но какъ разъ созрѣетъ, если только о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по ночамъ да позадористѣе между собою спорить. Не меньше замѣчателенъ четвертый типъ: глупый

[фрунтовикъ] Скалозубъ, понявшій службу единственно въ умѣньи различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій [либеральный] взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ ихъ считаетъ какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасть въ генералы, а тамъ ему хоть трава не расти; всѣ прочія тревоги ему ни по чемъ, а обстоятельства времени и вѣка для него не головоломная наука: онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно успокоить, давши ему въ Вольтеры фельдфебеля. Не меньше замѣчательный также типъ и старуха Хлёстова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое съ притязаніями на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ сама презираетъ, готовая выбранить вслухъ и встрѣчнаго, и поперечнаго за то только, что не такъ къ ней сѣлъ, или передъ нею оборотился, ни къ чему не питающая никакой любви и никакого уваженія, но покровительница арапченокъ, мосекъ и людей въ родѣ Молчалина, словомъ— старуха-дрянь въ полномъ смыслѣ этого слова. Самъ Молчалинъ — тоже замѣчательный типъ. Мѣтко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покамѣстъ тихомолкомъ пробирающееся въ люди, но въ которомъ, по словамъ Чацкаго, готовится будущій Загорѣцкій. Такое скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый окарикатурилъ какое-нибудь мнѣніе, правило, мысль, извративши по-своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшонъ. Всѣ лица комедіи Грибоѣдова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ Фонвизиновы — дѣти непросвѣщенія, русскіе уроды, временныя, преходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо-русскаго типа нѣтъ ни въ комъ

изъ нихъ: не слышно русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи насчетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ. Даже то лицо, которое взято, повидимому, въ образецъ, то-есть, самъ Чацкій, показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противу того, что̀ презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу.

Обѣ комедіи исполняютъ плохо сценическія условія; въ семъ отношеніи ничтожная французская пьеса ихъ лучше. Содержаніе, взятое въ интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано. Кажется, сами комики о немъ не много заботились, видя сквозь него другое, высшее содержаніе и соображая съ нимъ выходы и уходы лицъ своихъ. Степень потребности побочныхъ характеровъ и ролей измѣрена также не въ отношеніи къ герою пьесы, но въ отношеніи къ тому, сколько они могли пополнить и пояснить мысль самого автора присутствіемъ своимъ на сценѣ, сколько могли собою дорисовать общность всей сатиры. Въ противномъ же случаѣ, то-есть, если бы они выполнили и эти необходимыя условія всякаго драматическаго творенія и заставили каждое изъ лицъ, такъ мѣтко схваченныхъ и постигнутыхъ, извоpотиться передъ зрителемъ въ живомъ дѣйствіи, а не въ разговорѣ— это были бы два высокія произведенія нашего генія. И теперь даже ихъ можно назвать истинно-общественными комедіями, и подобнаго выраженія, сколько мнѣ кажется, не принимала еще комедія ни у одного изъ народовъ. Есть слѣды общественной комедіи у древнихъ грековъ; но Аристофанъ руководился болѣе личнымъ расположеніемъ, нападалъ на злоупотребленія одного какого-нибудь человѣка и не всегда имѣлъ въ виду истину: доказательствомъ тому то, что онъ дерзнулъ осмѣять Сократа. Наши комики двигнулись общественною причиною, а не собственною, возстали не противъ одного лица, но противъ цѣлаго множества злоупотребленій, противъ уклоненія всего общества отъ прямой дороги. Общество сдѣлали они какъ бы собственнымъ своимъ тѣломъ; огнемъ негодованія лирическаго зажглась

безпощадная сила ихъ насмѣшки. Это—продолженіе той же брани свѣта со тьмою, внесенной въ Россію Петромъ, которая всякаго благороднаго русскаго дѣлаетъ уже невольно ратникомъ свѣта. Обѣ комедіи ничуть не созданія художественныя и не принадлежатъ фантазіи сочинителя. Нужно было много накопиться сору и дрязгу внутри земли нашей, чтобы явились онѣ почти сами собою, въ видѣ какого-то грознаго очищенія. Вотъ почему по слѣдамъ ихъ не появлялось въ нашей литературѣ ничего имъ подобнаго и, вѣроятно, долго не появится.

Со смертію Пушкина остановилось движеніе поэзіи нашей впередъ. Это, однакоже, не значитъ, чтобы духъ ея угаснулъ; напротивъ, онъ, какъ гроза, невидимо накопляется вдали; самая сухость и духота въ воздухѣ возвѣщаетъ его приближеніе. Уже явились и теперь люди не безъ талантовъ. Но еще все находится подъ сильнымъ вліяніемъ гармоническихъ звуковъ Пушкина; еще никто не можетъ вырваться изъ этого заколдованнаго, имъ очертаннаго круга и показать собственныя силы. Еще даже не слышитъ никто, что вокругъ него настало другое время, образовались стихіи новой жизни и раздаются вопросы, которые дотолѣ не раздавались; а потому ни въ комъ изъ нихъ еще нѣтъ самоцвѣтности. Ихъ даже не слѣдуетъ называть по именамъ, кромѣ одного Лермонтова, который себя выставилъ впередъ больше другихъ и котораго уже нѣтъ на свѣтѣ. Въ немъ слышатся признаки таланта первостепеннаго; поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звѣзда, которой управленіе захотѣлось ему надъ собою признать. Попавши съ самаго начала въ кругъ того общества, которое справедливо можно было назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирасти ему ни къ какой другой почвѣ и его жребій—завянуть и пропасть,—онъ уже съ раннихъ поръ сталъ выражать то раздирающее сердце равнодушіе ко всему, которое не слышалось еще ни у

одного изъ нашихъ поэтовъ. Безрадостныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя, безмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя, стали предметомъ стиховъ его и подали случай Жуковскому весьма вѣрно опредѣлить существо этой поэзіи словомъ *безочарованіе.* Съ помощію таланта Лермонтова, оно сдѣлалось было на время моднымъ. Какъ нѣкогда съ легкой руки Шиллера пронеслось было по всему свѣту *очарованіе* и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжелой руки Байрона пошло въ ходъ *разочарованіе*, порожденное, можетъ-быть, излишнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ наконецъ пришла очередь и *безочарованію*, родному дѣтищу Байроновскаго разочарованія. Существованіе его, разумѣется, было кратковременнѣе всѣхъ прочихъ, потому что въ безочарованіи ровно нѣтъ никакой приманки ни для кого. Признавши надъ собою власть какого-то обольстительнаго демона, поэтъ покушался не разъ изобразить его образъ, какъ бы желая стихами отъ него отдѣлаться. Образъ этотъ не вызначенъ опредѣлительно, даже не получилъ того обольстительнаго могущества надъ человѣкомъ, которое онъ хотѣлъ ему придать. Видно, что выросъ онъ не отъ собственной силы, но отъ усталости и лѣни человѣка сражаться съ нимъ. Въ неоконченномъ его стихотвореніи, названномъ: «Сказка для дѣтей», образъ этотъ получаетъ больше опредѣлительности и больше смысла. Можетъ-быть, съ окончаніемъ этой повѣсти, которая есть его лучшее стихотвореніе, отдѣлался бы онъ отъ самого духа и вмѣстѣ съ нимъ и отъ безотраднаго своего состоянія (примѣты тому уже сіяютъ въ стихотвореніяхъ «Ангелъ,» «Молитва» и нѣкоторыхъ другихъ), если бы только сохранилось въ немъ самомъ побольше уваженія и любви къ своему таланту. Но никто еще не игралъ такъ легкомысленно съ своимъ талантомъ и такъ не старался показать къ нему какое-то даже хвастливое презрѣніе, какъ Лермонтовъ. Незамѣтно въ немъ никакой любви къ дѣтямъ своего же воображенія. Ни одно стихотвореніе не выноси-

лось въ немъ, не возлелѣялось чадолюбно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ; самый стихъ не получилъ еще своей собственной твердой личности и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина; повсюду—излишество и многорѣчіе. Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства. Никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта.... Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла. Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, бросался за другое или же опускался въ тотъ омутъ свѣтскихъ отношеній, гдѣ не слѣдуетъ ему быть и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта, внезапная, насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ, были похищены насильственною смертію, въ теченіе одного десятилѣтія, въ порѣ самаго цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ—и никого это не поразило: даже не содрогнулось вѣтреное племя!

Но пора, однакоже, сказать въ заключеніе, что̀ такое наша поэзія вообще, зачѣмъ она была, къ чему служила и что̀ сдѣлала для всей Русской земли нашей. Имѣла ли она вліяніе на духъ современнаго ей общества, воспитавши и облагородивши каждаго, сообразно его мѣсту, и возвысивши понятія всѣхъ вообще, сообразно духу земли и кореннымъ силамъ народа, которыми должно двигаться государство? Или же она была, просто, вѣрною картиною нашего общества,—картиною полною и подробною, яснымъ зеркаломъ всего нашего быта? Не была она ни тѣмъ, ни другимъ; ни того, ни другого она не сдѣлала. Она была почти незнаема и невѣдома нашимъ обществомъ, которое въ то время воспитывалось другимъ воспитаніемъ, подъ вліяніемъ гувернеровъ французскихъ, нѣмецкихъ, англій-

скихъ, подъ вліяніемъ выходцевъ изо всѣхъ странъ, всѣхъ возможныхъ сословій, съ различными образами мыслей, правилъ и направленій. Общество наше, — чего не случалось еще доселѣ ни съ однимъ народомъ, — воспитывалось въ невѣдѣніи земли своей посреди самой земли своей. Даже языкъ былъ позабытъ, такъ что поэзіи нашей были даже отрѣзаны дороги и пути къ тому, чтобы коснуться его уха. Если и пробивалась она къ обществу, то какими-то незаконными и проселочными дорогами: или счастливо написанная музыка заносила въ гостиную какое-нибудь стихотворное произведеніе, или же плодъ незрѣлой молодости поэта, ничтожное и слабое его произведеніе, но отвѣчавшее какимъ-нибудь чужеземно-вольнодумнымъ мыслямъ, занесеннымъ въ голову общества чужеземными воспитателями, бывало причиною, что общество узнавало о существованіи среди него поэта. Словомъ — поэзія наша не поучала общество, ни выражала его. Какъ бы слыша, что ея участь не для современнаго общества, неслась она все время свыше общества; если-жъ и опускалась къ нему, то развѣ затѣмъ только, чтобы хлеснуть его бичомъ сатиры, а не передавать его жизнь въ образецъ потомству. Дѣло странное: предметомъ нашей поэзіи все же были мы, но мы въ ней не узнаемъ себя. Когда поэтъ показываетъ намъ наши лучшія стороны, намъ это кажется преувеличеннымъ, и мы почти готовы не вѣрить тому, что̀ говоритъ намъ о насъ же Державинъ. Когда же выставляетъ писатель наши низкія стороны, мы опять не вѣримъ, и намъ это кажется карикатурою. Есть, точно, въ томъ и другомъ какъ бы какая-то преувеличенная сила, хотя въ самомъ дѣлѣ преувеличенія нѣтъ. Причиною перваго то, что наши лирическіе поэты, владѣя тайною прозрѣвать въ зернѣ, почти непримѣтномъ для простыхъ глазъ, будущій великолѣпный плодъ его, выставляли очищеннѣе всякое свойство наше. Причиною второго то, что сатирическіе наши писатели, нося въ душѣ своей, хотя еще и неясно, идеалъ уже лучшаго русскаго человѣка, видѣли яснѣе все дурное и низкое действи-

тельно-русскаго человѣка. Сила негодованія благороднаго давала имъ силу выставлять ярче ту же вещь, нежели какъ ее можетъ увидѣть обыкновенный человѣкъ. Вотъ отчего въ послѣднее время, сильнѣе всѣхъ прочихъ свойствъ нашихъ, развилась у насъ насмѣшливость. Все смѣется у насъ одно надъ другимъ, и есть уже внутри самой земли нашей что-то смѣющееся надъ всѣмъ равно, надъ стариною и надъ новизною, и благоговѣющее только предъ однимъ нестарѣющимъ и вѣчнымъ. Итакъ, поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка вполнѣ, ни въ томъ *идеалѣ*, въ какомъ онъ долженъ быть, ни въ той *дѣйствительности*, въ какой онъ и нынѣ есть. Она собрала только въ кучу безчисленные оттѣнки разнообразныхъ качествъ нашихъ; она совокупила только въ одно казнохранилище отдѣльно взятыя стороны нашей разносторонней природы. Поэты наши слышали, что не приспѣло еще время живописать себя цѣликомъ и хвастаться собою, что еще нужно намъ самимъ прежде организоваться, стать собою и сдѣлаться русскими. Еще только размягчена и приготовлена наша природа къ тому, чтобы принять ей принадлежащую форму; еще не успѣли мы вывести итоговъ изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отовсюду въ нашу землю; еще во всякомъ изъ насъ безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ и неразумное извлеченіе того самаго вывода, для котораго повелѣна Богомъ эта встрѣча. Слыша это, поэты какъ бы заботились только о томъ, чтобы не пропало въ этой борьбѣ лучшее изъ нашей природы. Это лучшее забирали они отовсюду, гдѣ находили, и спѣшили его выносить на свѣтъ, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ его поставить. Такъ бѣдный хозяинъ изъ обхваченнаго пламенемъ дома старается выхватить только то, что̀ есть въ немъ драгоцѣннѣйшаго, не заботясь о прочемъ. Поэзія наша звучала не для современнаго ей времени, но чтобы,—если настанетъ, наконецъ, то благодатное время, когда мысль о внутреннемъ построеніи человѣка въ такомъ образѣ, въ какомъ повелѣлъ ему состроиться Богъ изъ самородныхъ на-

чалъ земли, сдѣлается, наконецъ, у насъ общею по всей Россіи, и равно желанною всѣмъ,—то чтобы увидѣли мы, что̀ есть дѣйствительно въ насъ лучшаго собственно нашего, и не позабыли бы его вмѣстить въ свое построеніе. Наши собственныя сокровища станутъ намъ открываться больше и больше, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ внимательнѣе вчитываться въ нашихъ поэтовъ. По мѣрѣ бо̀льшаго и лучшаго ихъ узнанія, намъ откроются и другія ихъ высшія стороны, доселѣ почти никѣмъ не замѣчаемыя: увидимъ, что они были не одними казначеями сокровищъ нашихъ, но отчасти даже и строителями нашими, или дѣйствительно имѣя о томъ мысль, или ея не имѣя, но показавши своею высшею отъ насъ природою которое-нибудь изъ нашихъ народныхъ качествъ, которое въ нихъ развилось виднѣе, затѣмъ именно, чтобы блеснуть предъ нами во всей красѣ своей. Это стремленіе Державина начертать образъ непреклоннаго, твердаго мужа въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величіи, не было стремленіемъ произвольнымъ: начала ему онъ услышалъ въ нашемъ народѣ. Широкія черты человѣка величаваго носятся и слышатся по всей Русской землѣ такъ сильно, что даже чужеземцы, заглянувшіе вовнутрь Россіи, ими поражаются еще прежде, нежели успѣваютъ узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно одинъ изъ нихъ, издавшій свои записки съ тѣмъ именно, чтобы показать Европѣ съ дурной стороны Россію*), не могъ скрыть изумленія своего при видѣ простыхъ обитателей деревенскихъ избъ нашихъ. Какъ пораженный, останавливался онъ передъ нашими маститыми, бѣловласыми старцами, сидящими у пороговъ избъ своихъ, которые казались ему величавыми патріархами древнихъ библейскихъ временъ. Не одинъ разъ сознался онъ, что нигдѣ въ другихъ земляхъ Европы, гдѣ ни путешествовалъ онъ, не представлялся ему образъ человѣка въ такомъ величіи, близкомъ къ патріархально-библейскому. И эту мысль повторилъ онъ нѣсколько разъ на страницахъ своей растворен-

*) Маркизъ Кюстинъ.

ной ненавистью къ намъ книги. Это свойство *чуткости*, которое въ такой высокой степени обнаружилось въ Пушкинѣ, есть наше народное свойство. Вспомнимъ только одни названія, которыми народъ самъ характеризуетъ въ себѣ это свойство, напримѣръ: названіе *ухо*, которое дается такому человѣку, въ которомъ всѣ жилки горятъ и говорятъ, который мигъ не постоитъ безъ дѣла; *удача*— всюду спѣющій и вездѣ успѣвающій, и множество есть у насъ другихъ названій, опредѣляющихъ различные оттѣнки и уклоненія этого свойства. Свойство это велико: не полонъ и суровъ выйдетъ русскій мужъ, начертанный Державинымъ, если не будетъ въ немъ чутья откликаться живо на всякій предметъ въ природѣ, изумляясь на всякомъ шагу красотѣ Божьяго творенія. Этотъ умъ, умѣющій найти законную середину всякой вещи, который обнаружился въ Крыловѣ, есть нашъ *истинно-русскій умъ*. Только въ Крыловѣ отразился тотъ вѣрный тактъ русскаго ума, который, умѣя выразить истинное существо всякаго дѣла, умѣетъ выразить его такъ, что никого не оскорбитъ выраженіемъ и не возстановитъ ни противъ себя, ни противъ мысли своей даже несходныхъ съ нимъ людей, однимъ словомъ—тотъ вѣрный тактъ, который мы потеряли среди нашего свѣтскаго образованія и который сохранился доселѣ у нашего крестьянина. Крестьянинъ нашъ умѣетъ говорить со всѣми себя высшими, [даже съ царемъ,] такъ свободно, какъ никто изъ насъ, и ни однимъ словомъ не покажетъ неприличія, тогда какъ мы часто не умѣемъ поговорить даже съ равнымъ себѣ такимъ образомъ, чтобы не оскорбить его какимъ-нибудь выраженіемъ. Зато уже, въ комъ изъ насъ дѣйствительно образовался этотъ сосредоточенный, вѣрный, истинно-русскій тактъ ума—онъ у насъ пользуется уваженіемъ всѣхъ; ему всѣ позволятъ сказать то, чего никому другому не позволятъ; на него никто ужъ и не сердится. У всѣхъ нашихъ писателей бывали враги, даже у самыхъ незлобнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ душою (стоитъ вспомнить Карамзина и Жуковскаго); но у Крылова не было

ни одного врага. Эта *молодая удаль* и отвага рвануться на дѣло добра, которая такъ и буйствуетъ въ стихахъ Языкова, есть удаль нашего русскаго народа, то чудное свойство, ему одному свойственное, которое даетъ у насъ вдругъ молодость и старцу, и юношѣ, если только предстанетъ случай рвануться всѣмъ на дѣло, невозможное ни для какого другого народа,—которое вдругъ сливаетъ у насъ всю разнородную массу, между собою враждующую, въ одно чувство, такъ что и ссоры, и личныя выгоды каждаго — все позабыто, и вся Россія — одинъ человѣкъ. Всѣ эти свойства, обнаруженныя нашими поэтами, суть наши народныя свойства, въ нихъ только виднѣе развившіяся; поэты берутся не откуда же нибудь изъ-за моря, но исходятъ изъ своего народа. Это — огни, изъ него же излетѣвшіе, передовые вѣстники силъ его. Сверхъ того поэты наши сдѣлали добро уже тѣмъ, что разнесли благозвучіе, дотолѣ небывалое. Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо; этотъ густой, какъ смола или струя столѣтняго токая, стихъ Пушкина; этотъ сіяющій, праздничный стихъ Языкова, влетающій какъ лучъ въ душу, весь сотканный изъ свѣта; этотъ облитый ароматами полудня стихъ Батюшкова, сладостный, какъ медъ изъ горнаго ущелья; этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій, какъ неясный звукъ эоловой арфы; этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ стихъ Вяземскаго, проникнутый подчасъ ѣдкою, щемящею русскою грустью — всѣ они, точно разнозвонные колокола или безчисленные клавиши одного великолѣпнаго органа, разнесли благозвучіе по Русской землѣ. Благозвучіе не такъ пустое дѣло, какъ думаютъ тѣ, которые незнакомы съ поэзіею. Подъ благозвучіе, какъ подъ колыбельную, прекрасную пѣсню

матери, убаюкивается народъ-младенецъ еще прежде, нежели можетъ входить въ значеніе словъ самой пѣсни, и нечувствительно сами собою стихаютъ и умиряются его дикія страсти. Оно такъ же бываетъ нужно, какъ во храмѣ куреніе кадильное, которое уже невидимо настрояетъ душу къ слышанію чего-то лучшаго еще прежде, нежели началось самое служеніе. Поэзія наша пробовала всѣ аккорды, воспитывалась литературами всѣхъ народовъ, прислушивалась къ лирамъ всѣхъ поэтовъ, добывала какой-то всемірный языкъ затѣмъ, чтобы приготовить всѣхъ къ служенію болѣе значительному. Нельзя уже теперь заговорить о тѣхъ пустякахъ, о которыхъ еще продолжаетъ вѣтрено лепетать молодое, не давшее себѣ отчета, нынѣшнее поколѣніе поэтовъ; нельзя служить и самому искусству,— какъ ни прекрасно это служеніе,— не уразумѣвъ его цѣли высшей и не опредѣливъ себѣ, зачѣмъ дано намъ и искусство; нельзя повторять Пушкина. Нѣтъ, не Пушкинъ или кто другой долженъ стать теперь въ образецъ намъ: другія уже времена пришли. Теперь уже ничѣмъ не возьмешь — ни своеобразіемъ ума своего, ни картинною личностью характера, ни гордостью движеній своихъ: христіанскимъ, высшимъ воспитаніемъ долженъ воспитаться теперь поэтъ. Другія дѣла наступаютъ для поэзіи. Какъ во время младенчества народовъ служила она къ тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая въ нихъ браннолюбивый духъ, такъ придется ей теперь вызывать на другую, высшую битву человѣка—на битву уже не за временную нашу свободу, [права и привилегіи,] но за нашу душу, которую Самъ небесный Творецъ нашъ считаетъ перломъ своихъ созданій. Много предстоитъ теперь для поэзіи—возвращать въ общество то, что̀ есть истинно-прекраснаго, и что̀ изгнано изъ него нынѣшнею безсмысленною жизнію. Нѣтъ, не напомнятъ они уже никого изъ нашихъ прежнихъ поэтовъ. Самая рѣчь ихъ будетъ другая; она будетъ ближе и родственнѣе нашей русской душѣ: еще въ ней слышнѣе выступятъ наши народныя начала. Еще не бьетъ всею силою кверху тотъ

самородный ключъ нашей поэзіи, который уже кипѣлъ и билъ въ груди нашей природы тогда, когда и самое слово *поэзія* не было ни на чьихъ устахъ. Еще никто не черпалъ изъ самой глубины тѣхъ трехъ источниковъ, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой статьи. Еще доселѣ загадка—этотъ необъяснимый разгулъ, который слышится въ нашихъ пѣсняхъ, несется куда-то мимо жизни и самой пѣсни, какъ бы сгорая желаніемъ лучшей отчизны, по которой тоскуетъ со дня созданія своего человѣкъ. Еще ни въ комъ не отразилась вполнѣ та многосторонняя поэтическая полнота ума нашего, которая заключена въ нашихъ многоочитыхъ пословицахъ, умѣвшихъ сдѣлать такіе великіе выводы изъ бѣднаго, ничтожнаго своего времени, гдѣ въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ и въ такой мутной лужѣ изворачивался русскій человѣкъ, и которыя говорятъ только о томъ, какіе огромные выводы можетъ сдѣлать нынѣшній русскій человѣкъ изъ нынѣшняго широкаго времени, въ которое нанесены итоги всѣхъ вѣковъ и, какъ не разобранный товаръ, сброшены въ одну безпорядочную кучу. Еще тайна для многихъ этотъ необыкновенный лиризмъ,—рожденіе верховной трезвости ума,—который исходитъ отъ нашихъ церковныхъ пѣсней и каноновъ и покуда такъ же безотчетно возноситъ духъ поэта, какъ безотчетно подмываютъ его сердце родные звуки нашей пѣсни. Наконецъ, самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна. Въ немъ всѣ тоны и оттѣнки, всѣ переходы звуковъ отъ самыхъ твердыхъ до самыхъ нѣжныхъ и мягкихъ; онъ безпредѣленъ и можетъ, живой какъ жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая съ одной стороны высокія слова изъ языка церковно-библейскаго, а съ другой стороны выбирая на выборъ мѣткія названія изъ безчисленныхъ своихъ нарѣчій, разсыпанныхъ по нашимъ провинціямъ, имѣя возможность такимъ образомъ въ одной и той же рѣчи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанію непонятливѣйшаго человѣка,—языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ и кото-

рый недаромъ былъ на время позабытъ нашимъ лучшимъ обществомъ: нужно было, чтобы выболтали мы на чужеземныхъ нарѣчіяхъ всю дрянь, какая ни пристала къ намъ вмѣстѣ съ чужеземнымъ образованіемъ, чтобы всѣ тѣ неясные звуки, неточныя названія вещей,—дѣти мыслей невыяснившихся и сбивчивыхъ, которыя потемняютъ языки,—не посмѣли помрачить младенческой ясности нашего языка и возвратились бы къ нему, уже готовые мыслить и жить своимъ умомъ, а не чужеземнымъ. Все это еще орудія, еще матеріалы, еще глыбы, еще въ рудѣ дорогіе металлы, изъ которыхъ выкуется иная, сильнѣйшая рѣчь. Пройдетъ эта рѣчь уже насквозь всю душу и не упадетъ на безплодную землю. Скорбію ангела загорится наша поэзія и, ударивши по всѣмъ струнамъ, какія ни есть въ русскомъ человѣкѣ, внесетъ въ самыя огрубѣлыя души святыню того, чего никакія силы и орудія не могутъ утвердить въ человѣкѣ; вызоветъ намъ нашу Россію,—нашу русскую Россію, не ту, которую показываютъ намъ грубо какіе-нибудь квасные патріоты, и не ту, которую вызываютъ къ намъ изъ-за моря очужеземившіеся русскіе, но ту, которую извлечетъ она изъ насъ же, и покажетъ такимъ образомъ, что всѣ до единаго, какихъ бы ни были они различныхъ мыслей, образовъ воспитанія и мнѣній, скажутъ въ одинъ голосъ: «Это наша Россія; намъ въ ней пріютно и тепло, и мы теперь дѣйствительно у себя дома, подъ своею родною крышею, а не на чужбинѣ!»

XXXII.

СВѢТЛОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Въ русскомъ человѣкѣ есть особенное участіе къ празднику Свѣтлаго Воскресенія. Онъ это чувствуетъ живѣе, если ему случится быть въ чужой землѣ. Видя, какъ повсюду въ другихъ странахъ день этотъ почти не отличенъ отъ

другихъ дней, — тѣ же всегдашнія занятія, та же вседневная жизнь, то же будничное выраженіе на лицахъ, — онъ чувствуетъ грусть и обращается невольно къ Россіи. Ему кажется, что тамъ какъ-то лучше празднуется этотъ день, и самъ человѣкъ радостнѣе и лучше, нежели въ другіе дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдругъ представятся—эта торжественная полночь, этотъ повсемѣстный колокольный звонъ, который какъ бы всю землю сливаетъ въ одинъ гулъ, это восклицаніе «Христосъ воскресъ!» которое замѣняетъ въ этотъ день всѣ другія привѣтствія, этотъ поцѣлуй, который только раздается у насъ— и онъ готовъ почти воскликнуть: «Только въ одной Россіи празднуется этотъ день такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться!» Разумѣется, это мечта; она исчезнетъ вдругъ, какъ только онъ перенесется на самомъ дѣлѣ въ Россію, или даже только припомнитъ, что день этотъ есть день какой-то полусонной бѣготни и суеты, пустыхъ визитовъ, умышленныхъ незаставаній другъ друга, намѣсто радостныхъ встрѣчъ, — если-жъ и встрѣчъ, то основанныхъ на самыхъ корыстныхъ расчетахъ; что честолюбіе кипитъ у насъ въ этотъ день еще больше, нежели во всѣ другіе, и говорятъ не о воскресеніи Христа, но о томъ, кому какая награда выйдетъ, и кто что̀ получитъ; что даже и самъ народъ, о которомъ идетъ слава, будто онъ больше всѣхъ радуется, уже пьяный попадается на улицахъ, едва только успѣла кончиться торжественная обѣдня, и не успѣла еще заря освѣтить земли. Вздохнетъ бѣдный русскій человѣкъ, если только все это припомнитъ себѣ [и увидитъ, что это развѣ только карикатура и посмѣяніе надъ праздникомъ, а самаго праздника нѣтъ]. Для проформы только какой-нибудь начальникъ чмокнетъ въ щеку инвалида, желая показать подчиненнымъ чиновникамъ, какъ нужно любить своего брата, да какой-нибудь [отсталый] патріотъ, въ досадѣ на молодежь, которая бранитъ старинные русскіе наши обычаи, утверждая, что у насъ ничего нѣтъ, прокричитъ гнѣвно: «У насъ все есть— и семейная жизнь, и семейныя добродѣтели, и обычаи у

насъ соблюдаются свято; и долгъ свой исполняемъ мы такъ, какъ нигдѣ въ Европѣ; и мы—народъ на удивленіе всѣмъ».

Нѣтъ, не въ видимыхъ знакахъ дѣло, не въ патріотическихъ возгласахъ [и не въ поцѣлуяхъ, данныхъ инвалиду], но въ томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ взглянуть въ этотъ день на человѣка, какъ на лучшую свою драгоцѣнность,—такъ обнять и прижать его къ себѣ, какъ наироднѣйшаго своего брата, такъ ему обрадоваться, какъ бы своему наилучшему другу, съ которымъ нѣсколько лѣтъ не видались и который вдругъ неожиданно къ намъ пріѣхалъ. Еще сильнѣе! еще больше! потому что узы, насъ съ нимъ связывающія, сильнѣе земного кровнаго нашего родства, и породнились мы съ нимъ по нашему прекрасному небесному Отцу, въ нѣсколько разъ намъ ближайшему нашего земного отца, и день этотъ мы—въ своей истинной семьѣ, у Него Самого въ дому. День этотъ есть тотъ святой день, въ который празднуетъ святое, небесное свое братство все человѣчество до единаго, не исключивъ изъ него ни одного человѣка.

Какъ бы этотъ день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому вѣку, когда мысли о счастіи человѣчества сдѣлались почти любимыми мыслями всѣхъ; когда обнять все человѣчество, какъ братьевъ, сдѣлалось любимою мечтою молодого человѣка; когда многіе только и грезятъ о томъ, какъ преобразовать все человѣчество, какъ возвысить внутреннее достоинство человѣка; когда почти половина уже признала торжественно, что одно только христіанство въ силахъ это произвесть; когда стали утверждать, что слѣдуетъ ближе ввести Христовъ законъ, какъ въ семейственный, такъ и въ государственный бытъ; [когда стали даже поговаривать о томъ, чтобы все было общее—и домá, и земли;] когда подвиги сердоболія и помощи несчастнымъ стали разговоромъ даже модныхъ гостиныхъ; когда, наконецъ, стало тѣсно отъ всякихъ человѣколюбивыхъ заведеній, [страннопріимныхъ домовъ и пріютовъ]. Какъ бы, казалось, девятнадцатый вѣкъ долженъ былъ радостно воспраздновать этотъ день, который такъ по сердцу всѣмъ великодушнымъ и че-

ловѣколюбивымъ его движеніямъ! Но на этомъ-то самомъ днѣ, какъ на пробномъ камнѣ, видишь, какъ блѣдны всѣ его христіанскія стремленія и какъ всѣ они въ однѣхъ только [мечтахъ и] мысляхъ, а не на дѣлѣ. И если, въ самомъ дѣлѣ, придется ему обнять въ этотъ день своего брата, какъ брата—онъ его не обниметъ. Все человѣчество готовъ онъ обнять, какъ брата, а брата не обниметъ. Отдѣлись отъ этого человѣчества, которому онъ готовитъ такое великодушное объятіе, одинъ человѣкъ, его оскорбившій, которому повелѣваетъ Христосъ въ ту же минуту простить,—онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, несогласный съ нимъ въ какихъ-нибудь ничтожныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ,—онъ уже не обниметъ его. Отдѣлись отъ этого человѣчества одинъ, страждущій виднѣе другихъ тяжелыми язвами своихъ душевныхъ недостатковъ, больше всѣхъ другихъ требующій сострађанія къ себѣ, — онъ оттолкнетъ его и не обниметъ. И достанется его объятіе только тѣмъ, которые ничѣмъ еще не оскорбили его, съ которыми не имѣлъ онъ и случая столкнуться, которыхъ онъ никогда не зналъ и даже не видалъ въ глаза. Вотъ какого рода объятія всему человѣчеству даетъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, и часто именно тотъ самый, который думаетъ о себѣ, что онъ истинный человѣколюбецъ и совершенный христіанинъ! [Христіанинъ! Выгнали на улицу Христа, въ лазареты и больницы, намѣсто того, чтобы призвать Его къ себѣ въ домы, подъ родную крышу свою, и думаютъ, что они христіане!]

Нѣтъ, не воспраздновать нынѣшнему вѣку Свѣтлаго праздника такъ, какъ ему слѣдуетъ праздноваться. Есть страшное препятствіе, есть непреоборимое препятствіе, имя ему—*гордость*. Она была извѣстна и въ прежніе вѣка, но то была гордость болѣе ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родомъ и званіемъ, но не доходила она до того страшнаго духовнаго развитія, въ какомъ предстала теперь. Теперь явилась она въ двухъ видахъ. Первый видъ ея—гордость чистотою своею.

Обрадовавшись тому, что стало во многомъ лучше своихъ предковъ, человѣчество нынѣшняго вѣка влюбилось въ чистоту и красоту свою. Никто не стыдится хвастаться публично душевною красотою своею и считать себя лучшимъ другихъ. Стóитъ только приглядѣться, какимъ рыцаремъ благородства выступаетъ изъ насъ теперь всякъ, какъ безпощадно и рѣзко судитъ о другомъ. Стóитъ только прислушаться къ тѣмъ оправданіямъ, какими онъ оправдываетъ себя въ томъ, что не обнялъ своего брата даже въ день Свѣтлаго Воскресенія. Безъ стыда и не дрогнувъ душою, говоритъ онъ: «Я не могу обнять этого человѣка: онъ мерзокъ, онъ подлъ душою, онъ запятналъ себя безчестнѣйшимъ поступкомъ; я не пущу этого человѣка даже въ переднюю свою; я даже не хочу дышать однимъ воздухомъ съ нимъ; я сдѣлаю кругъ для того, чтобы объѣхать его и не встрѣчаться съ нимъ. Я не могу жить съ подлыми и презрѣнными людьми—неужели мнѣ обнять такого человѣка, какъ брата?» Увы! позабылъ бѣдный человѣкъ девятнадцатаго вѣка, что въ этотъ день нѣтъ ни подлыхъ, ни презрѣнныхъ людей, но всѣ люди — братья той же семьи, и всякому человѣку имя *братъ*, а не какое-либо другое. Все разомъ и вдругъ имъ позабыто: позабыто, что, можетъ-быть, затѣмъ именно окружили его презрѣнные и подлые люди, чтобы, взглянувши на нихъ, взглянулъ онъ на себя и поискалъ бы въ себѣ того же самаго, чего такъ испугался въ другихъ. Позабыто, что онъ самъ можетъ на всякомъ шагу, даже не примѣтивъ того самъ, сдѣлать то же подлое дѣло, хотя въ другомъ только видѣ, — въ видѣ, не пораженномъ публичнымъ позоромъ, но которое, однакоже, выражаясь пословицею, есть *тотъ же блинъ, только на другомъ блюдѣ*. Все позабыто! Позабыто имъ то, что, можетъ-быть, оттого развелось такъ много подлыхъ и презрѣнныхъ людей, что сурово и безчеловѣчно ихъ оттолкнули лучшіе и прекраснѣйшіе люди и тѣмъ заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить къ себѣ презрѣніе! Богъ вѣсть, можетъ-быть, иной совсѣмъ былъ не рожденъ безчестнымъ

человѣкомъ; можетъ-быть, бѣдная душа его, безсильная сражаться съ соблазнами, просила и молила о помощи, и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостію душевною, поддержалъ бы ее на краю пропасти; можетъ-быть, одной капли любви къ нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогою любви было трудно достигнуть къ его сердцу! Будто уже до того окаменѣла въ немъ природа, что никакое чувство не могло въ немъ пошевелиться, когда и разбойникъ благодаренъ за любовь, когда и звѣрь помнитъ ласкавшую его руку! Но все позабыто человѣкомъ девятнадцатаго вѣка, и отталкиваетъ онъ отъ себя брата, какъ богачъ отталкиваетъ покрытаго гноемъ нищаго отъ великолѣпнаго крыльца своего. Ему нѣтъ дѣла до страданій его; ему бы только не видать гноя ранъ его. Онъ даже не хочетъ услышать исповѣди его, боясь, чтобы не поразилось обонянiе его смраднымъ дыханiемъ устъ несчастнаго, гордый благоуханiемъ чистоты своей. Такому ли человѣку воспраздновать праздникъ небесной любви?

Есть другой видъ гордости, еще сильнѣйшій перваго— гордость ума. Никогда еще не возрастала она до такой силы, какъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Она слышится въ самой боязни каждаго прослыть дуракомъ. Все вынесетъ человѣкъ вѣка: вынесетъ названiе плута, подлеца; какое хочешь, дай ему названiе, онъ снесетъ его — и только не снесетъ названiя дурака. Надъ всѣмъ онъ позволитъ посмѣяться — и только не позволитъ посмѣяться надъ умомъ своимъ. Умъ его для него святыня. Изъ-за малѣйшей насмѣшки надъ умомъ своимъ, онъ готовъ сiю же минуту поставить своего брата на благородное разстоянiе и посадить, не дрогнувши, ему пулю въ лобъ. Ничему и ни во что̀ онъ не вѣритъ; только вѣритъ въ одинъ умъ свой: чего не видитъ его умъ, того для него нѣтъ. Онъ позабылъ даже, что умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенiя и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы.

Онъ позабылъ и то, что нѣтъ всѣхъ сторонъ ума ни въ одномъ человѣкѣ; что другой человѣкъ можетъ видѣть именно ту сторону вещи, которую онъ не можетъ видѣть, и, стало-быть, знать то, чего онъ не можетъ знать. Не вѣритъ онъ этому, и все, чего не видитъ онъ самъ, то для него ложь. И тѣнь христіанскаго смиренія не можетъ къ нему прикоснуться изъ-за гордыни его ума. Во всемъ онъ усомнится: въ сердцѣ человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ зналъ, въ правдѣ, въ Богѣ усомнится, но не усомнится въ своемъ умѣ. Уже ссоры и брани начались не за какія-нибудь существенныя права, не изъ-за личныхъ ненавистей—нѣтъ, не чувственныя страсти, но страсти ума уже начались: уже враждуютъ лично изъ несходства мнѣній, изъ-за противорѣчій въ мірѣ мысленномъ. Уже образовались цѣлыя партіи, другъ друга не видѣвшія, никакихъ личныхъ сношеній еще не имѣвшія—и уже другъ друга ненавидящія. Поразительно: въ то время, когда уже было начали думать люди, что образованіемъ выгнали злобу изъ міра, злоба другою дорогою, съ другого конца входитъ въ міръ,—дорогою ума, и на крыльяхъ журнальныхъ листовъ, какъ всепогубляющая саранча, нападаетъ на сердца людей повсюду. Уже и самаго ума почти не слышно. Уже и умные люди начинаютъ говорить, хоть противъ собственнаго своего убѣжденія, изъ-за того только, чтобы не уступить противной партіи, изъ-за того только, что гордость не позволяетъ сознаться передъ всѣми въ ошибкѣ—уже одна чистая злоба воцарилась намѣсто ума.

И человѣку ли такого вѣка умѣть полюбить и почувствовать христіанскую любовь къ человѣку? Ему ли исполниться того свѣтлаго простодушія и ангельскаго младенчества, которое собираетъ всѣхъ людей въ одну семью? Ему ли услышать благоуханіе небеснаго братства нашего? Ему ли воспраздновать этотъ день? Исчезнуло даже и то наружно-добродушное выраженіе прежнихъ простыхъ вѣковъ, которое давало видъ, какъ будто бы человѣкъ былъ ближе къ человѣку. Гордый умъ девятнадцатаго вѣка истребилъ его. Діаволъ выступилъ уже безъ маски въ міръ. Духъ гор-

дости пересталъ уже являться въ разныхъ образахъ и пугать суевѣрныхъ людей: онъ явился въ собственномъ своемъ видѣ. Почуя, что признаютъ его господство, онъ пересталъ уже и чиниться съ людьми. Съ дерзкимъ безстыдствомъ смѣется въ глаза имъ же, его признающимъ; глупѣйшіе законы даетъ міру, какіе доселѣ еще никогда не давались—и міръ это видитъ и не смѣетъ ослушаться! Что̀ значитъ эта мода, ничтожная, незначащая, которую допустилъ вначалѣ человѣкъ какъ мелочь, какъ невинное дѣло, и которая теперь, какъ полная хозяйка, уже стала распоряжаться въ домахъ нашихъ, выгоняя все, что̀ есть главнѣйшаго и лучшаго въ человѣкѣ? Никто не боится преступать нѣсколько разъ въ день первѣйшіе и священнѣйшіе законы Христа, и между тѣмъ боится не исполнить ея малѣйшаго приказанія, дрожа передъ нею, какъ робкій мальчишка. Что̀ значитъ, что даже и тѣ, которые сами надъ нею смѣются, пляшутъ, какъ легкіе вѣтреники, подъ ея дудку? Что̀ значатъ эти такъ называемыя безчисленныя приличія, которыя стали сильнѣе всякихъ коренныхъ постановленій? Что̀ значатъ эти странныя власти, образовавшіяся мимо законныхъ—постороннія, побочныя вліянія? Что̀ значитъ, что уже правятъ міромъ швеи, портные и ремесленники всякаго рода, а Божіи помазанники остались въ сторонѣ? Люди темные, никому неизвѣстные, не имѣющіе мыслей и чистосердечныхъ убѣжденій, правятъ мнѣніями и мыслями умныхъ людей, и газетный листокъ, признаваемый лживымъ всѣми, становится нечувствительнымъ законодателемъ его неуважающаго человѣка! Что̀ значатъ всѣ незаконные эти законы, которые видимо, въ виду всѣхъ, чертитъ исходящая снизу нечистая сила—и міръ это видитъ весь, и, какъ очарованный, не смѣетъ шевельнуться? Что за страшная насмѣшка надъ человѣчествомъ! [И къ чему при такомъ ходѣ вещей сохранять еще наружные святые обычаи Церкви, небесный Хозяинъ которой не имѣетъ надъ нами власти? Или это еще новая насмѣшка духа тьмы?] Но зачѣмъ этотъ [утратившій значеніе] празд-

никъ? Зачѣмъ онъ [вновь] приходитъ [глуше и глуше] скликать въ одну семью разошедшихся людей [и, грустно окинувши всѣхъ, уходитъ какъ незнакомый и чужой всѣмъ? Всѣмъ ли точно онъ незнакомъ и чуждъ? Но] зачѣмъ же уцѣлѣли [кое-гдѣ] люди, которымъ кажется, какъ бы они свѣтлѣютъ въ этотъ день и празднуютъ свое младенчество,—то младенчество, отъ котораго небесное лобзаніе, какъ бы лобзаніе вѣчной весны, изливается на душу, то прекрасное младенчество, которое утратилъ гордый нынѣшній человѣкъ? Зачѣмъ еще не позабылъ человѣкъ навѣки это младенчество, и, какъ бы видѣнное въ какомъ-то отдаленномъ снѣ, оно еще шевелитъ нашу душу? Зачѣмъ все это, и къ чему это? Будто не извѣстно, зачѣмъ? Будто не видно, къ чему? Затѣмъ, чтобы хотя нѣкоторымъ, еще слышащимъ весеннее дыханіе этого праздника, сдѣлалось вдругъ такъ грустно, такъ грустно, какъ грустно ангелу на небѣ, и, завопивъ раздирающимъ сердце воплемъ, упали бы они къ ногамъ своихъ братьевъ, умоляя хотя бы одинъ этотъ день вырвать изъ ряду другихъ дней, одинъ бы день только провести не въ обычаяхъ девятнадцатаго вѣка, но въ обычаяхъ вѣчнаго вѣка, въ одинъ бы день только обнять и обхватить человѣка, какъ виноватый другъ обнимаетъ великодушнаго, все ему простившаго друга, хотя бы только затѣмъ, чтобы завтра же оттолкнуть его отъ себя и сказать ему, что онъ намъ чужой и незнакомый. Хотя бы только пожелать такъ, хотя бы только насильно заставить себя это сдѣлать, ухватиться бы за это, какъ утопающій хватается за доску! Богъ вѣсть, можетъ-быть, за одно это желаніе уже готова сброситься съ небесъ намъ лѣстница и протянуться рука, помогающая возлетѣть по ней.

Но и одного дня не хочетъ провести такъ человѣкъ девятнадцатаго вѣка! И непонятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ

неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ!

Отчего же одному русскому еще кажется, что праздникъ этотъ празднуется, какъ слѣдуетъ, и празднуется такъ въ одной его землѣ? Мечта ли это? Но зачѣмъ же эта мечта не приходитъ ни къ кому другому, кромѣ русскаго? Что̀ значитъ въ самомъ дѣлѣ, что [самый праздникъ исчезъ, а] видимые призраки его такъ ясно носятся по лицу земли нашей: раздаются слова: «*Христосъ Воскресъ!*» и поцѣлуй, и всякій разъ также торжественно выступаетъ святая полночь, и гулы всезвонныхъ колоколовъ гудятъ и гудутъ по всей землѣ, точно какъ бы будятъ насъ! Гдѣ носятся такъ очевидно призраки, тамъ недаромъ носятся; гдѣ будятъ, тамъ разбудятъ. Не умираютъ тѣ обычаи, которымъ опредѣлено быть вѣчными. Умираютъ въ буквѣ, но оживаютъ въ духѣ. Померкаютъ временно, умираютъ въ пустыхъ и вывѣтрившихся толпахъ, но воскресаютъ съ новою силою въ избранныхъ, затѣмъ, чтобы въ сильнѣйшемъ свѣтѣ отъ нихъ разлиться по всему міру. Не умретъ изъ нашей старины ни зерно того, что̀ есть въ ней истинно-русскаго и что̀ освящено Самимъ Христомъ. Разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣститтся благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшее — и праздникъ Свѣтлаго Воскресенія воспразднуется, какъ слѣдуетъ, прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ! На чемъ же основываясь, на какихъ опираясь данныхъ, заключенныхъ въ сердцахъ нашихъ, можемъ сказать это? Лучше ли мы другихъ народовъ? [Ближе ли жизнію ко Христу, чѣмъ они? Никого мы не лучше, а жизни еще неустроеннѣй и безпорядочнѣй всѣхъ ихъ. «Хуже мы всѣхъ прочихъ»—вотъ что̀ мы должны всегда говорить о себѣ]. Но есть въ нашей природѣ то, что̀ намъ пророчитъ это. Уже самое неустройство наше намъ это пророчитъ. Мы еще растопленный металлъ, не отлившійся въ свою національную форму; еще намъ возможно выбросить, оттолкнуть отъ себя намъ неприличное и внести въ себя все, что̀ уже невозможно дру-

гимъ народамъ, получившимъ форму и закалившимся въ ней. Что есть много въ коренной природѣ нашей, нами позабытой, близкаго закону Христа — доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слово, что есть уже начало братства Христова въ самой нашей славянской природѣ, и побратаніе людей было у насъ роднѣе дома и кровнаго братства, что еще нѣтъ у насъ непримиримой ненависти сословія противъ сословія и тѣхъ озлобленныхъ партій, какія видятся въ Европѣ и которыя поставляютъ препятствіе непреоборимое къ соединенію людей и братской любви между ними, что есть, наконецъ, у насъ отвага, никому несродная, и если предстанетъ намъ всѣмъ какое-нибудь дѣло, рѣшительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, напримѣръ, сбросить съ себя вдругъ и разомъ всѣ недостатки наши, все позорящее высокую природу человѣка, то съ болію собственнаго тѣла, не пожалѣвъ самихъ себя, какъ въ двѣнадцатомъ году, не пожалѣвъ имуществъ, жгли домы свои и земные достатки, такъ рванется у насъ все сбрасывать съ себя позорящее и пятнающее насъ: ни одна душа не отстанетъ отъ другой, и въ такія минуты всякія ссоры, ненависти, вражды — все бываетъ позабыто, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія — одинъ человѣкъ. Вотъ на чемъ основываясь, можно сказать, что праздникъ Воскресенія Христова воспразднуется прежде у насъ, нежели у другихъ. И твердо говоритъ мнѣ это душа моя; и это не мысль, выдуманная въ головѣ. Такія мысли не выдумываются. Внушеніемъ Божіимъ порождаются онѣ разомъ въ сердцахъ многихъ людей, другъ друга не видавшихъ, живущихъ на разныхъ концахъ земли, и въ одно время, какъ бы изъ однихъ устъ, изглашаются. Знаю я твердо, что не одинъ человѣкъ въ Россіи, хотя я его и не знаю, твердо вѣритъ тому и говоритъ: «У насъ прежде, нежели во всякой другой землѣ, воспразднуется Свѣтлое Воскресеніе Христово!»

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМО КЪ АРКАДІЮ ОСИПОВИЧУ РОССЕТИ.

Не знаю, какъ благодарить васъ, добрѣйшій мой Аркадій Осиповичъ, за ваше письмо и сообщеніе разныхъ мнѣній. Если бы мнѣ почаще случалось получать такія письма даже безъ сопровожденія этого добраго вашего участія и любви ко мнѣ, я бы давно уже поумнѣлъ гораздо больше, чѣмъ я есмь теперь. Но что̀ дѣлать, если ничѣмъ никакъ не могу я до сихъ поръ никого увѣрить, что мнѣ слишкомъ нужны всякіе толки обо мнѣ, что это единственная школа моя, что есть наконецъ одинъ такой человѣкъ, которому слѣдуетъ говорить правду, какъ бы она жестка ни была, и которому нужны даже тѣ грубыя, жесткія слова, которыя умѣютъ произносить только ненависть и нелюбовь. Одна изъ причинъ печатанія моихъ писемъ была и та, чтобы поучиться, а не поучить. А такъ какъ русскаго человѣка по тѣхъ поръ не заставишь говорить, покуда не разсердишь его и не выведешь изъ терпѣнія, то я поставилъ почти нарочно много тѣхъ мѣстъ, которыя заносчивостью способны задрать за живое.

Скажу вамъ не шутя, что я болѣю незнаньемъ многихъ вещей въ Россіи, которыя мнѣ необходимо нужно знать; я болѣю незнаньемъ, что̀ такое нынѣшній русскій человѣкъ на разныхъ степеняхъ своихъ мѣстъ, должностей и образованій. Всѣ свѣдѣнія, которыя я пріобрѣлъ доселѣ съ неимо-

вѣрнымъ трудомъ, мнѣ недостаточны для того, чтобы «Мертвыя Души» мои были тѣмъ, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Вотъ почему я съ такою жадностію хочу знать толки всѣхъ людей о моей нынѣшней книгѣ,—не выключая и лакеевъ,—собственно не ради книги моей, но ради того, что въ сужденіи о ней высказывается самъ человѣкъ, произносящій сужденіе. Мнѣ вдругъ видится въ этихъ сужденіяхъ, что̀ такое онъ самъ, на какой степени своего душевнаго образованія или состоянія стоитъ, какъ проста, добра, или какъ невѣжественна, или какъ развращена его природа. Книга моя въ нѣкоторомъ отношеніи пробный оселокъ, и повѣрьте, что ни на какой другой книгѣ вы не пощупали бы въ нынѣшнее время такъ удовлетворительно, что̀ такое нынѣшній русскій человѣкъ, какъ на этой. Не скрою, что я хотѣлъ произвести ею вдругъ и скоро благодѣтельное дѣйствіе на нѣкоторыхъ недугующихъ, что я ожидалъ даже бо̀льшаго количества толковъ въ мою пользу, чѣмъ какъ они теперь, что мнѣ тяжело даже было услышать многое, и даже очень тяжело. Но какъ я благодарю теперь Бога, что случилось такъ, а не иначе! Я заставленъ почти невольно взглянуть гораздо строже на самого себя, я имѣю теперь средство взглянуть гораздо вѣрнѣе и ближе на людей, и я наконецъ приведенъ въ возможность умѣть взглянуть на нихъ лучше. Что̀ же касается до того, что при этомъ дѣлѣ пострадала моя личность (я долженъ вамъ признаться, что донынѣ горю отъ стыда, вспоминая какъ заносчиво выразился во многихъ мѣстахъ, почти à la Хлестаковъ), то нужно чѣмъ-нибудь пожертвовать. Мнѣ также нужна публичная оплеуха и даже, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Но дѣло въ томъ, что обстоятельствами нужно пользоваться: Богъ высыпалъ вдругъ цѣлую груду сокровищъ, ихъ нужно подбирать обѣими руками. Если вы хотите сдѣлать мнѣ истинно добро, какое способенъ дѣлать христіанинъ, подбирайте для меня эти сокровища, гдѣ найдете. Что̀ вамъ сто̀итъ понемногу, въ видѣ журнала, записывать всякій день, хотя положимъ въ такихъ словахъ: «Сегодн.

я услышалъ вотъ какое мнѣніе; говорилъ его вотъ какой человѣкъ; жизни онъ слѣдующей; характера слѣдующаго» (словомъ, въ бѣглыхъ чертахъ портретъ его); если-жъ онъ незнакомецъ: то «жизни его я не знаю, но думаю, что онъ вотъ что̀; съ вида же онъ казистъ и приличенъ (или неприличенъ); держитъ руку вотъ какъ; сморкается вотъ какъ; нюхаетъ табакъ вотъ какъ»; словомъ — не пропуская ничего того, что видитъ глазъ, отъ вещей крупныхъ до мелочей.

Повѣрьте, что это будетъ совсѣмъ не скучно. Тутъ не нужно ни плана, ни порядка: просто двѣ-три строчки передъ тѣмъ, какъ итти умываться. Я даже увѣренъ, что это будетъ вамъ пріятно, потому что васъ будетъ услаждать постоянно мысль, что вы это дѣлаете для человѣка, васъ очень любящаго, которому это будетъ такъ радостно, какъ радостно ребенку получать передъ праздникомъ наилюбимѣйшую игрушку. Что̀ же дѣлать, если эта, повидимому, игрушка въ глазахъ другихъ для меня совсѣмъ не игрушка; это въ такой степени не игрушка, что если я не наберусь въ достаточномъ количествѣ этихъ игрушекъ, у меня въ «Мертвыхъ Душахъ» можетъ высунуться намѣсто людей мой собственный носъ, и покажется именно все то, что̀ вамъ непріятно было встрѣтить въ моей книгѣ. Повѣрьте, что безъ выхода нынѣшней моей книги никакъ бы я не достигнулъ той безыскусственной простоты, которая должна необходимо присутствовать въ другихъ частяхъ «Мертвыхъ Душъ», дабы назвалъ ихъ всякій вѣрнымъ зеркаломъ, а не карикатурой. Вы не знаете того, какой большой крюкъ нужно сдѣлать для того, чтобы достигнуть этой простоты. Вы не знаете того, какъ высоко стоитъ простота. Объ этомъ предметѣ лучше и не разсуждать, а просто—помогите.

Что̀ касается до печатанія писемъ, то мое рѣшеніе вотъ какое. Издавать ради непропущенныхъ писемъ новый томъ, какъ совѣтуетъ Плетневъ, мнѣ невозможно. У меня есть занятія, о которыхъ не нужно позабывать, а время у меня все разсчитано; къ тому же появленіе вторично сочиненья

въ томъ же родѣ не произведетъ даже и шума. Мнѣ нужно только, чтобы Вяземскій снабдилъ своими замѣчаніями и поправками. Я потомъ пересмотрю и выправлю ихъ такъ, чтобы и безъ высшихъ разсмотрѣній простой цензоръ ихъ пропустилъ. Повѣрьте, что все можно сказать, если только сумѣешь умно сказать. Неуспѣхъ самыхъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ дѣйствій происходитъ собственно отъ неразумія нашего,—именно отъ того, что безпрестанно позабываемъ умную пословицу: «тѣхъ же щей да пожиже влей». Если намѣсто самоувѣреннаго и гордаго совѣта, произносимаго съ тономъ человѣка не думающаго, что онъ можетъ ошибиться, явится просто скромное мнѣніе—та же мысль пойдетъ въ ходъ и даже будетъ принята многими изъ читающихъ. Итакъ, что̀ просто не у мѣста, то выбросится; что̀ умно, то скажется въ другомъ видѣ; гдѣ высунулась собственная моя личность, тамъ не только ей щелчка, но даже вставится такое мѣсто, которое и прежнему уже напечатанному сообщитъ нѣкоторый тонъ умѣренности. Но во всякомъ случаѣ эти письма нужно включить въ книгу, а не издавать отдѣльно. Они все-таки возвысятъ ея значеніе, напомнивъ русскому о Россіи, а не о мнѣ. Не нужно, чтобы эта книга была заброшена. Какъ она ни исполнена недостатковъ, но она печаталась не для впечатлѣній минутныхъ. Ее нужно перечитать нѣсколько разъ не только тѣмъ, которые ее совсѣмъ не поняли, но даже и тѣмъ, которые поняли ее лучше другихъ. Тамъ есть нѣсколько душевныхъ тайнъ, которыя не вдругъ постигаются. Много принимается совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлъ я сказать, даже и людьми весьма умными. Хорошо, если бы изданіе въ полномъ видѣ могло быть отпечатано въ сентябрѣ. Книга разойдется, потому что можно кое-что впустить, споспѣшествующее къ обращенію надлежащему (сколько-нибудь) на нее взгляда. Письмо это дайте прочесть Плетневу. Вы меня благодарите за то, что я вамъ доставилъ случай (хлопотами о моей книгѣ) узнать получше прекрасную душу Плетнева. А я васъ

благодарю также за сообщеніе нѣкоторыхъ извѣстій о немъ, которыя заставили меня полюбить его еще болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, и заставили меня дорожить еще болѣе его дружбой, которую мнѣ послалъ Богъ въ видѣ какого-то прекраснаго, тихаго утѣшенія, очень нужнаго въ эту эпоху. Я не знаю, съ какой бы радостью я теперь обнялъ его и чего бы не далъ за то, чтобы увидать его, поговорить съ нимъ и обнять его лично. Затѣмъ обнимая и его, и васъ, безцѣнный мой Аркадій Осиповичъ, и нѣсколько разъ благодаря васъ за ваши милыя строки, остаюсь вашъ *Гоголь.*

PS. Не могу постигнуть, отчего не пришла ко мнѣ до сихъ поръ ни одна изъ книгъ, которыя, вы говорите, мнѣ посланы. Всѣмъ прочимъ привозятъ курьеры все, даже крупу гречневую, и вязигу, и икру на кулебяки, а мнѣ ни газетнаго листочка.

Не позабудьте увѣдомить о полученіи этого письма. Адресуйте отнынѣ все въ Франкфуртъ на имя Жуковскаго, а ему на имя посольства нашего.

О СОВРЕМЕННИКѢ.

(Письмо къ П. А. Плетнёву).

Наконецъ поговорю съ тобой о «Современникѣ». «Современникъ» вышелъ плохимъ журналомъ, несмотря на прекрасную цѣль, которую ты имѣлъ въ виду. Даже эта самая прекрасная цѣль, во имя которой ты предпринялъ его, не обнаружилась никому очевидно и ясно изъ самаго журнала; напротивъ, всякъ спрашивалъ въ недоумѣніи другъ у друга: «Объясните мнѣ, зачѣмъ и для чего издаетъ Плетневъ свой журналъ? что̀ хочетъ онъ сказать имъ? что̀ значатъ эти общія мѣста въ его программѣ, эти повторенія о безпристрастіи, о безкорыстной любви къ искусству, о стремленіи къ истинѣ и т. п., которыя обѣщаетъ всякій журналистъ и которыхъ не исполняетъ никто?» Тощее содержаніе его тоненькихъ книжекъ, не живой, безучастный, вялый и неопредѣленный слогъ его сужденій обо всемъ современномъ задавалъ только загадку рѣшать: зачѣмъ онъ названъ «Современникомъ»? Будемъ говорить откровенно. У тебя нѣтъ качествъ журналиста: ни юношескаго живого участія ко всѣмъ волненіямъ современнымъ, ни того трепета любопытства къ вопросамъ, раздающимся въ массѣ общества, ни, наконецъ, энциклопедическаго науколюбиваго стремленія обнимать съ равной охотой все, что̀ ни относится къ развитію познаній человѣческихъ во всѣхъ родахъ. Твоя антологическая душа получила только на долю себѣ одинъ возвышенный даръ — услаждаться благоуханьемъ прекрасныхъ цвѣтовъ поэзіи и обонять ароматъ высшихъ движеній

души человѣческой. Не пѣвцу «Мниха» и нѣкоторыхъ другихъ прекрасныхъ элегій, свидѣтельствующихъ о чистотѣ вкуса и скромной тишинѣ души самого пѣвца, выступать было на поприще полемическое. «Современникъ» даже и при Пушкинѣ не былъ тѣмъ, чѣмъ долженъ быть журналъ, несмотря на то, что Пушкинъ задалъ себѣ цѣль болѣе положительную и близкую къ исполненію. Онъ хотѣлъ сдѣлать четвертное обозрѣніе въ родѣ англійскихъ, въ которомъ могли бы помѣщаться статьи болѣе обдуманныя и полныя, чѣмъ какія могутъ быть въ еженедѣльникахъ и ежемѣсячникахъ, гдѣ сотрудники, обязанные торопиться, не имѣютъ даже времени пересмотрѣть то, что̀ написали сами. Впрочемъ, сильнаго желанія издавать этотъ журналъ въ немъ не было, и онъ самъ не ожидалъ отъ него большой пользы. Получивши разрѣшеніе на изданіе его, онъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщался быть вѣрнымъ сотрудникомъ. Въ статьяхъ моихъ онъ находилъ много того, что̀ можетъ сообщить журнальную живость изданію, какой онъ въ себѣ не признавалъ. Онъ дѣйствительно въ то время слишкомъ высоко созрѣлъ для того, чтобы заключать въ себѣ это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода; я могъ принимать живѣй къ сердцу то, для чего онъ уже простылъ. Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили; но слова моего я бы не могъ исполнить даже и тогда, если бы онъ былъ живъ. Не зналъ я, какими путями поведетъ меня Провидѣніе, какъ отнимутся у меня силы ко всякой живой производительности литературной и какъ умру я надолго для всего того, что̀ шевелитъ современнаго человѣка. По смерти Пушкина, пораженный этой скорбной для всѣхъ утратой, а для тебя еще скорбнѣйшей, чѣмъ для всѣхъ, пораженный сиротствомъ современнаго общества, очутившагося безъ поэзіи, какъ безъ свѣта, — осужденнаго выслушивать пустыя и черствыя пренія и споры объ искусствѣ намѣсто дѣлъ самого искусства, — пораженный этимъ сиротствомъ, которое впрочемъ началось уже и при Пуш-

кинѣ, ты взялся горячо за изданіе журнала, стремясь насильно создать ту поэтическую Элладу, которая образовалась сама собой въ началѣ поприща Пушкина. Въ пылу великодушнаго увлеченія своего ты даже позабылъ то, что не мы управляемъ дѣлами и событіями, но чертится свыше всему чередъ свой. Ты даже не примѣтилъ того, что имѣлъ такую цѣль, которой ни въ какомъ случаѣ нельзя было достигнуть листками періодическаго ежемѣсячнаго изданія. «Современникъ», какъ журналъ, не удался бы даже и тогда, если бы ты заключалъ въ себѣ всѣ качества журналиста. Признаюсь, я даже не могу и представить себѣ, чѣмъ можетъ быть нужно нынѣшнему времени появленье новаго журнала. Это энциклопедическое образованіе публики посредствомъ журналовъ уже не такъ теперь потребно, какъ было прежде. Публика уже болѣе приготовлена. Уже все зоветъ нынѣ человѣка къ занятіямъ болѣе сосредоточеннымъ, не только значительность современныхъ вопросовъ, но даже самая пустота современнаго общества и легковѣсная вѣтреность дѣлъ его приглашаютъ нынѣ человѣка взглянуть строго на самого себя, вопросить съ бо̀льшей отчетливостью свои силы и опредѣлить себѣ трудъ не временный, минутный, но тотъ живительный и полный, который отвѣтствуетъ однѣмъ тѣмъ способностямъ, которыми своеобразно надѣленъ изъ насъ каждый уже отъ самаго рожденья своего. Никакой новый журналъ не можетъ дать теперь обществу пищи питательной и существенной. «Современникъ» долженъ отбросить отъ себя названье журнала; онъ долженъ сжаться попрежнему въ книги намѣсто листовъ и болѣе еще, чѣмъ при Пушкинѣ, походить на альманахъ: онъ долженъ скорѣй напомнить собой «Сѣверные Цвѣты» барона Дельвига, съ которымъ было у тебя такъ много сходства въ умѣньи наслаждаться и нѣжиться благоуханными звуками поэзіи. Пусть лучше будетъ выходить онъ три раза всякій годъ въ урочныя времена: первый разъ ко дню Свѣтлаго Воскресенья, какъ свѣтлый подарокъ на праздникъ, во второй разъ къ 1-му октября, т. е. ко

времени, когда всѣ съѣзжаются у насъ изъ дачъ и деревень въ города, въ третій разъ—къ новому году; словомъ—пусть онъ будетъ современенъ тѣмъ эпохамъ, когда съ большей жадностью встрѣчается новая книга. Все собственно журнальное въ немъ не должно имѣть мѣста: ни возвѣщенья о новостяхъ ежедневныхъ, ни политическія извѣстія, ни поименованія всѣхъ выходящихъ книгъ, развѣ только одинъ строгій отчетъ о замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ за всю треть въ такомъ видѣ, чтобъ онъ самъ собой могъ уже составить замѣчательную литературную статью. Нужно, чтобы здѣсь ничто не поминало читателю о томъ, что есть какія-нибудь распри въ литературѣ и существуетъ журнальная полемика. Самыя статьи должны быть допущены сосредоточенныя. полныя, которыя ничѣмъ не походили бы на торопливыя, отрывочныя статьи журналовъ. Нужно, чтобы здѣсь были одни лучшіе цвѣты современной нашей литературы. Этого можно достигнуть только такимъ изданіемъ, которое будетъ выходить не болѣе трехъ разъ въ годъ: въ три мѣсяца можно набрать книжку. Современное намъ время, слава Богу, не безъ талантовъ. Часть прозаическая альманаха можетъ быть теперь гораздо значительнѣй и богаче, чѣмъ когда-либо прежде. Поименуемъ нарочно тѣхъ современныхъ писателей, статьями которыхъ можетъ украситься «Современникъ». Прежде всего слѣдуетъ назвать графа Соллогуба, который безспорно есть нынѣшній нашъ лучшій повѣствователь. Никто не щеголяетъ такимъ правильнымъ. ловкимъ и свѣтскимъ языкомъ. Слогъ его точенъ и приличенъ во всѣхъ выраженьяхъ и оборотахъ. Остроты, наблюдательности, познаній всего того, чѣмъ занято наше высшее модное общество, у него много. Одинъ только недостатокъ: не набралась еще собственная душа автора содержанья болѣе строгаго и не доведенъ еще онъ своими внутренними событіями къ тому, чтобы строже и отчетливѣй взглянуть вообще на жизнь. Но, если и это въ немъ совершится, онъ будетъ вполнѣ вѣрный живописецъ лучшаго общества; значительность твореній его выиграетъ больше чѣмъ сто на

сто. Непосредственно за нимъ слѣдуетъ назвать другого писателя, который скрылъ свое имя подъ выдуманнымъ: козакъ Луганскій. Онъ не поэтъ, не владѣетъ искусствомъ вымысла, не имѣетъ даже стремленья производить творческія созданія; онъ видитъ всюду дѣло и глядитъ на всякую вещь съ ея дѣльной стороны. Умъ твердый и дѣльный виденъ во всякомъ его словѣ, а наблюдательность и природная острота вооружаютъ живостью его слово. Все у него правда и взято такъ, какъ есть въ природѣ. Ему стóитъ, не прибѣгая ни къ завязкѣ, ни къ развязкѣ, надъ которыми такъ ломаетъ голову романистъ, взять любой случай, случившійся въ Русской землѣ, первое дѣло, котораго производству онъ былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ, чтобы вышла сама собой наизанимательнѣйшая повѣсть. По мнѣ, онъ значительнѣй всѣхъ повѣствователей-изобрѣтателей. Можетъ-быть, я сужу здѣсь пристрастно, потому что писатель этотъ болѣе другихъ угодилъ личности моего собственнаго вкуса и своеобразью моихъ собственныхъ требованій: каждая его строчка меня учитъ и вразумляетъ, придвигая ближе къ познанью русскаго быта и нашей народной жизни; но зато всякъ согласится со мной, что этотъ писатель полезенъ и нуженъ всѣмъ намъ въ нынѣшнее время. Его сочиненія—живая и вѣрная статистика Россіи. Все, чтó ни достанетъ онъ изъ своей многовмѣщающей памяти и чтò ни разскажетъ достовѣрнымъ языкомъ своимъ, будетъ драгоцѣннымъ подаркомъ для твоего альманаха. Я не знаю, почему замолчалъ Н. Павловъ, писатель, который первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями и который повредилъ себѣ только тѣмъ, что, не захотѣвши быть самимъ собой, вздумалъ копировать (въ трехъ новыхъ повѣстяхъ своихъ) тѣхъ модныхъ новеллистовъ, которые гораздо его ниже. Онъ могъ бы всегда, не прибѣгая ни къ напряженнымъ вымысламъ поэтическимъ, ни къ мозаичнымъ искусственнымъ украшеніямъ рѣчи, такъ изуродовавшимъ благородный и ясный слогъ его, взять на выдержку первое психологическое

явленье нашего общества и разсказать его такъ отчетливо и умно, что повѣсть его имѣла бы всѣ принадлежности тѣхъ строгихъ классическихъ произведеній, которыя остаются навсегда образцами въ литературѣ. Я вижу тоже много достоинствъ въ писателѣ, который подписываетъ подъ своими сочиненіями имя: Кулишъ. Цвѣтистый слогъ и большое познаніе нравовъ и обычаевъ Малой Россіи говорятъ о томъ, что онъ могъ бы прекрасно написать исторію этой земли. Онъ могъ бы еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ составить живыя статьи для альманаха и въ нихъ разсказать просто о нравахъ и обычаяхъ прежнихъ временъ, не вставляя этого въ повѣсть или драматическій разсказъ, подобно тому, какъ нѣкогда разсказывалъ Корниловичъ о временахъ до Петра и при Петрѣ. Романъ же его, довольно любопытный по частямъ, вялъ и скученъ въ цѣломъ: эти драгоцѣнные перлы свѣдѣній историческихъ, которые разсыпаны на страницахъ его, погибаютъ тамъ совершенно безплодно. Мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленье къ наблюденью жизни дѣйствительной. Изъ того, что̀ удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты. Но я увѣренъ, что если въ каждомъ изъ этихъ писателей прежде сформируется человѣкъ, чѣмъ писатель,—все прочее придетъ само собою, и каждый изъ нихъ, обнаружа еще сильнѣй особенности пера своего, не покажетъ ни одного изъ этихъ недостатковъ. Не могу не упомянуть о писателѣ, выступившемъ на литературное поприще драмою «*Смерть Ляпунова*». Не имѣя въ себѣ полной зрѣлости строенья драматическаго, которое доступно однимъ только опытнымъ драматургамъ, драма эта имѣетъ въ себѣ много тѣхъ достоинствъ, которыя пророчатъ въ творцѣ ея писателя замѣчательнаго. Слышать живость минувшаго и умѣть заговорить о немъ такимъ живымъ языкомъ—это свойство ве-

ликое! Я бы на его мѣстѣ такъ и впился въ русскія лѣтописи и ни на мигъ не оторвался бы отъ этого чтенія. Онъ можетъ много извлечь оттуда прекрасныхъ предметовъ. Почему знать, можетъ-быть, отъ такого чтенія родилась бы въ немъ благословенная мысль написать правдивую исторію времени, его преимущественно поразившаго. Вполнѣ историческое произведеніе, исполненное писателемъ, умѣющимъ такъ живо чувствовать историческіе характеры, и написанное такимъ живымъ перомъ, будетъ въ нѣсколько разъ значительнѣй историческихъ драмъ. Кстати о молодыхъ и начинающихъ писателяхъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты отыскалъ Прокоповича и умѣлъ склонить его взяться за перо повѣствователя. Изъ всѣхъ тѣхъ, которые воспитывались со мною вмѣстѣ въ школѣ и начали писать въ одно время со мной, у него раньше, чѣмъ у всѣхъ другихъ, показалась наглядность, наблюдательность и живопись жизни. Его проза была свободна, говорлива; все изливалось у него непринужденно-обильно, все доставалось ему легко и пророчило въ немъ плодовитѣйшаго романиста. Онъ задремалъ теперь, я это знаю; онъ далъ заснуть въ себѣ желанію дѣйствовать на поприщѣ просторномъ, самый кругъ его сталъ тѣсенъ и передъ нимъ мало жизненнаго поля для наблюденій. Но жизнь вездѣ жизнь и, чѣмъ меньше ея просторъ и тѣснѣе ея кругъ, тѣмъ основательнѣй и глубже онъ можетъ быть нами изслѣдуемъ и проникнутъ. Уже самая своя собственная душевная повѣсть, предметомъ которой будетъ взято собственное пробужденіе отъ мертвеннаго застоя, заставляющее съ ужасомъ взглянуть человѣка на животно-истраченную жизнь свою, можетъ быть высокимъ предметомъ для романа... Какой бы праздникъ былъ душѣ моей, если бы я встрѣтилъ въ «Современникѣ» повѣсть, подъ которою было бы подписано его имя! Что̀ же касается до меня самого, то я попрежнему не могу быть работящимъ и ревностнымъ вкладчикомъ въ твой «Современникъ». Ты уже самъ почувствовалъ, что меня нельзя назвать писателемъ въ строгомъ классическомъ смыслѣ. Изъ всѣхъ тѣхъ,

которые начали писать со мною вмѣстѣ, еще въ лѣта моего школьнаго юношества, у меня менѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ, замѣчались тѣ свойства, которыя составляютъ необходимыя условія писателя. Скажу тебѣ, что даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ, никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся я съ нимъ почти нечаянно. Нѣкоторыя мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателемъ тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ, по совершеніи моего собственнаго воспитанія. Мнѣ доставалось трудно все то, что̀ достается легко природному писателю. Я до сихъ поръ, какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ. Все мною написанное замѣчательно только въ психологическомъ значеніи, но оно никакъ не можетъ быть образцомъ словесности, и тотъ наставникъ поступитъ неосторожно, кто посовѣтуетъ своимъ ученикамъ учиться у меня искусству писать или подобно мнѣ живописать природу: онъ заставитъ ихъ производить карикатуры. Доказательство этому можешь видѣть на нѣкоторыхъ молодыхъ и неопытныхъ подражателяхъ моихъ, которые именно черезъ это самое подражаніе стали несравненно ниже самихъ себя, лишивъ себя своей собственной самостоятельности. У меня никогда не было стремленья быть отголоскомъ всего и отражать въ себѣ дѣйствительность, какъ она есть вокругъ насъ, — стремленья, которое тревожитъ поэта во все продолженіе его жизни и умираетъ въ немъ только съ его собственной смертью. Я даже не могу заговорить теперь ни о чемъ, кромѣ того, что̀ близко моей собственной душѣ. Итакъ, если я почувствую, что чистосердечный голосъ мой будетъ истинно ну-

женъ кому-нибудь, и слово мое можетъ принести какое-нибудь внутреннее примиренье человѣку, тогда у тебя въ «Современникѣ» будетъ моя статья; если-жъ нѣтъ—ея не будетъ, и ты на меня за это никакъ не гнѣвайся. Я здѣсь не упомянулъ также ни объ одномъ изъ тѣхъ современныхъ прозаическихъ писателей нашихъ, которые, будучи заняты собственными изданіями или же сидя надъ трудами болѣе отвлеченными, требующими полнаго вниманія, не имѣютъ ни возможности, ни досуга поработать для твоего «Современника»—ихъ не слѣдуетъ и безпокоить. Здѣсь кстати я долженъ тебя побранить. Ты былъ несправедливъ, приписывая безучастное невниманіе многихъ литераторовъ къ твоему журналу ихъ равнодушію къ общему дѣлу, нелюбви къ искусству, деньголюбію и т. п. У всякаго есть свое внутреннее дѣло; у всякаго совершается въ душѣ свое собственное событіе, на время его отвлекающее отъ участія въ дѣлѣ общемъ; и никакъ нельзя требовать, чтобы другой жертвовалъ собой и своей собственной цѣлью для какой-нибудь нами любимой мысли или нашей цѣли, къ которой мы предположили себѣ стремиться. Каждому опредѣляетъ Богъ дорогу, непохожую на ту, которую назначено проходить другому, и нельзя мѣрять всѣхъ однимъ и тѣмъ же аршиномъ. А потому уважай и самый отказъ другого даже и тогда, если бы онъ не захотѣлъ объявить причины, почему не можетъ дать статьи въ «Современникъ». Довольствуйся тѣмъ, что̀ дадутъ. Если только одни поименованные мною писатели дадутъ статьи свои, то и этого уже будетъ достаточно. Но я знаю, что дадутъ еще и другіе, которыхъ я не назвалъ. Вопреки людямъ, жалующимся на недостатокъ талантовъ въ нынѣшнее время, я вижу ихъ теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде. Они не попали на свою дорогу. Еще никто изъ нихъ не умѣлъ стать самимъ собой и это причина ихъ непримѣтности; но многіе изъ нихъ уже болѣютъ этимъ желаніемъ, хотя и не знаютъ, какъ удовлетворить ему. Стремленье узнать назначенье свое есть теперь страданье многихъ людей,

одаренныхъ способностями. Оно-то есть настоящая, истинная причина дремоты и бездѣйственности на поприщѣ литературномъ.

Стихотворная часть «Современника» можетъ быть также весьма богата, не взирая на то, что, повидимому, въ современномъ обществѣ угаснуло расположеніе къ поэзіи. Слава Богу, еще здравствуетъ самъ патріархъ нашей поэзіи: еще Небо хранитъ намъ Жуковскаго. Въ награду за безукоризненную, чистую жизнь ему одному изъ всѣхъ насъ дано почувствовать свѣжесть молодости въ старческія лѣта и силу юноши для дѣла поэтическаго. Его нынѣшніе труды далеко полновѣснѣй и значительнѣй прежнихъ. Не нужно судить о немъ по тѣмъ стихотворнымъ сказкамъ и повѣстямъ, которыя были помѣщены въ послѣднее время въ «Современникѣ». Онѣ не могли и не должны были произвесть никакого впечатлѣнія на общество, и нечего удивляться, что общество, оцѣнивая всякое новое произведеніе относительно своихъ собственныхъ потребностей душевныхъ, ища въ немъ отвѣта на тревожныя исканія свои, назвало эти стихотворенія *ребячествомъ* Жуковскаго. Они были, точно, назначены для малолѣтнихъ дѣтей. Повѣсти и сказки эти должны были выйти особой книжкой подъ названіемъ: «*Подарокъ дѣтямъ отъ Жуковскаго*». Онъ сдѣлалъ ошибку, пославши ихъ въ журналъ. Я говорилъ это ему тогда же, совѣтуя или ничего не посылать, или послать то, что̀ пришлось бы по душѣ взрослому человѣку. Но теперь я знаю, что онъ пришлетъ тебѣ въ альманахъ который-нибудь изъ тѣхъ перловъ, которые выработались въ глубинѣ его собственной души, гдѣ въ послѣднее время такъ много произошло прекраснаго. Еще, слава Богу, здравствуютъ два другіе первоклассные наши поэты: князь Вяземскій и Языковъ, и могутъ подарить «Современникъ» новыми, дотолѣ нераздававшимися отъ нихъ звуками,—звуками, исторгнутыми изъ выстрадавшагося сердца, пѣснями самой души, уже набравшейся строгаго содержанія высшей поэзіи. Самые наши молодые, недавно показавшіеся поэты,

17*

которыхъ я здѣсь не называю по именамъ, которые показали покуда одно благозвучіе, легкость и щегольство стихосложенія, но еще не показали истинныхъ и вѣрныхъ ощущеній своихъ, могутъ заговорить струнами поэзіи, болѣе намъ близкой. Поэзія есть чистая исповѣдь души, а не порожденіе искусства или хотѣнія человѣческаго; поэзія есть правда души, а потому и всѣмъ равно можетъ быть доступна. Способность вымысла и творчества есть слишкомъ высокая способность и дается однимъ только всемірнымъ геніямъ, которыхъ появленіе слишкомъ рѣдко на землѣ; опасно и вступать на этотъ путь другому. Многіе даже изъ первоклассиѣйшихъ талантовъ становились ниже себя, зашедши въ область вымысла, но высоко возвышались даже и небольшіе таланты, когда событіями собственной души своей были наведены на то, чтобы передавать одну чистую правду души. Приспѣваетъ время, когда жажда исповѣди душевной становится сильнѣе и сильнѣе. Много поэтическихъ звуковъ издадутъ даже и тѣ, которые не помышляли быть поэтами; много прекрасныхъ цвѣтковъ, много драгоцѣнныхъ вкладовъ нанесутъ къ тебѣ со всѣхъ сторонъ въ твой «Современникъ». Ты самъ, хотя уже давно не пробовалъ звуковъ оставленной и позабытой тобою лиры, примешься за нее вновь. Ты, вѣрно, испыталъ въ это время тоже не мало скорбныхъ минутъ и никѣмъ не услышаннаго горя; твоя душа, вѣрно, томилась также желаніемъ передать и объяснить себя, искала друга, которому могло бы быть доступно тяжкое состояніе ея, и, не найдя его нигдѣ, обратилась наконецъ къ тому родному всѣмъ намъ Существу, которое одно умѣетъ принимать любовно на грудь къ себѣ тоскующаго и скорбящаго и къ которому наконецъ все живущее обратится. Припомни же всѣ эти минуты, какъ минуты скорбей, такъ и минуты высшихъ утѣшеній, тебѣ ниспосланныхъ; передай ихъ, изобрази въ той правдѣ, въ какой онѣ были. Тебѣ помогутъ слезы умиленія и растроганныя чувства признательной души твоей; они помогутъ тебѣ передать съ такой силой, съ какой не сумѣетъ

передать ихъ великій, владѣющій чародѣйствомъ вымысла, но еще не выстрадавшійся поэтъ. «Современникъ» тогда оправдаетъ данное ему названіе, но оправдаетъ его въ другомъ—высшемъ смыслѣ: онъ будетъ современенъ всѣмъ высшимъ минутамъ русскаго писателя и человѣка. Онъ тогда ближе приблизится къ той [цѣли], которая доселѣ такъ отдаленно и неясно представлялась въ твоихъ мысляхъ: онъ соединитъ эстетическимъ союзомъ прекраснаго братства всѣхъ пишущихъ. Одинъ только ты въ Россіи можешь предпринять и выполнить такое изданіе, потому что одинъ только ты питалъ о немъ постоянную мысль; одинъ только ты не имѣлъ въ виду денежныхъ интересовъ и вознагражденій за труды; одинъ ты безотчетно питалъ чистую, младенческую любовь къ искусству, сдѣлавшую тебя другомъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и превратившую для тебя самое искусство въ твое собственное, какъ бы родное и семейственное дѣло. Стало-быть, одному только тебѣ можетъ быть ввѣрено такое изданіе. Оно должно быть роскошно; оно должно быть во всѣхъ отношеніяхъ драгоцѣннымъ подаркомъ: печататься со всей возможной типографической роскошью, украситься лучшими гравюрами и виньетами, какія могутъ только быть произведены у насъ въ Россіи (граверовъ выбери русскихъ, иностранцевъ сюда не вмѣшивай). Мѣру книгамъ дай небольшую, немного чѣмъ побольше «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», словомъ — чтобы и по достоинству, и по виду изданье походило на драгоцѣнность. Все это можешь исполнить одинъ только ты, потому что, не имѣя въ виду пользоваться доходами съ него для своего собственнаго содержанія и прокормленія, ты можешь все употребить на красоту самаго изданія и такимъ образомъ доставить хлѣбъ бѣднымъ художникамъ нашимъ, которымъ приходится иногда претерпѣвать горькую чашу.

Итакъ, если все это, что̀ я теперь сказалъ, пришлось тебѣ по сердцу, то, благословясь, приступай съ Богомъ къ составленію первой книжки «Современника» ко времени наступающаго праздника Свѣтлаго Воскресенія 1847 года,

а письмо мое поставь первой статьей въ видѣ программы или вступленія въ самую книгу. До того же времени дай его прочесть всѣмъ тѣмъ, отъ которыхъ ты пожелалъ бы имѣть статью. Какъ ни слабо и ни поверхностно оно написано, но я увѣренъ, что по прочтеніи его всякъ согласится вмѣстѣ съ тобой и со мной въ необходимости такого изданія въ Россіи и вѣрно дастъ тебѣ наилучшее изъ своихъ произведеній. Въ газетныхъ листахъ ты можешь объявить о немъ только немногими словами — именно, что «Современникъ» будетъ выходить въ трехъ книгахъ въ означенные сроки; прибавь къ этому одни только имена тѣхъ, которыхъ статьи будутъ помѣщены — этого достаточно. Пусть лучше все остальное, какъ достоинство статей, такъ и роскошь самаго изданія, будетъ пріятной неожиданностью для каждаго читателя.

АВТОРСКАЯ ИСПОВѢДЬ.

Всѣ согласны въ томъ, что еще ни одна книга не произвела столько разнообразныхъ толковъ, какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». И—что̀ всего замѣчательнѣй, чего не случилось, можетъ-быть, доселѣ еще ни въ какой литературѣ—предметомъ толковъ и критикъ стала не книга, но авторъ. Подозрительно и недовѣрчиво разобрано было всякое слово, и всякъ наперерывъ спѣшилъ объявить источникъ, изъ котораго оно произошло. Надъ живымъ тѣломъ еще живущаго человѣка производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже и того, кто одаренъ крѣпкимъ сложеньемъ. Какъ, однакоже, ни были потрясающи и обидны для человѣка благороднаго и честнаго многія заключенія и выводы, но, скрѣпясь, сколько достало небольшихъ силъ моихъ, я рѣшился стерпѣть все и воспользоваться этимъ случаемъ, какъ указаньемъ свыше—разсмотрѣть построже самого себя. Никогда и прежде я не пренебрегалъ совѣтами, мнѣньями, осужденьями и упреками, увѣряясь, чѣмъ далѣе, болѣе, что если только истребишь въ себѣ тѣ щекотливыя струны, которыя способны раздражаться и гнѣваться, и приведешь себя въ состояніе все выслушивать спокойно, тогда услышишь тотъ среднiй голосъ, который получается въ итогѣ тогда, когда сложишь всѣ голоса и сообразишь крайности обѣихъ сторонъ, словомъ—тотъ всѣми искомый среднiй голосъ, который недаромъ называютъ «гласомъ народа и гласомъ Божіимъ». Но на этотъ разъ, несмотря на то, что многіе упреки были истинно полезны душѣ моей, я не услышалъ этого средняго голоса и не могу сказать, чѣмъ рѣшилось дѣло и чѣмъ опредѣлено считать мою книгу. Въ итогѣ мнѣ послышались три разныя мнѣнія: *первое*, что

книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возмнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣетъ право на вниманье всей Россіи и можетъ преобразовывать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ прелесть и въ обольщенье человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто. На сторонѣ каждаго изъ этихъ мнѣній находятся равно просвѣщенные и умные люди, а также и равно вѣрующіе христіане. Стало-быть, ни одно изъ этихъ мнѣній, будучи справедливо *отчасти*, никакъ не можетъ быть справедливо *вполнѣ*. Справедливѣе всего слѣдовало бы назвать эту книгу вѣрнымъ зеркаломъ человѣка. Въ ней находится то же, что̀ во всякомъ человѣкѣ: прежде всего желанье добра, создавшее самую книгу, которое живетъ у всякаго человѣка, если только онъ почувствовалъ, что̀ такое добро; сознанье искреннее своихъ недостатковъ и рядомъ съ нимъ высокое мнѣнье о своихъ достоинствахъ; желанье искреннее учиться самому и рядомъ съ нимъ увѣренность, что можешь научить многому и другихъ; смиренье и рядомъ съ нимъ гордость, и, можетъ-быть, гордость въ самомъ смиреніи; упреки другимъ въ томъ самомъ, на чемъ поскользнулся самъ и за что̀ достоинъ еще бо̀льшихъ упрековъ. Словомъ, то же, что̀ въ каждомъ человѣкѣ, съ той только разницей, что здѣсь слетѣли всѣ условія и приличія и все, что̀ таитъ внутри человѣкъ, выступило наружу; съ той еще разницей, что завопило это крикливѣй и громче, какъ въ писателѣ, у котораго все, что̀ ни есть въ душѣ, просится на свѣтъ; ударилось ярче всѣмъ въ глаза, какъ въ человѣкѣ, получившемъ на долю больше способностей сравнительно съ другимъ человѣкомъ. Словомъ, книга можетъ послужить только доказательствомъ великой истины словъ апостола Павла, сказавшаго, что весь человѣкъ есть ложь.

Но къ этому заключенію, можетъ-быть, болѣе всѣхъ прочихъ справедливому, никто не пришелъ, потому что торжественный тонъ самой книги и необыкновенный слогъ ея сбилъ болѣе или менѣе всѣхъ и не поставилъ никого на надлежащую точку воззрѣнія. Издавая ее подъ вліяніемъ страха смерти своей, который преслѣдовалъ меня во все время болѣзненнаго моего состоянія, даже и тогда, когда я уже былъ внѣ опасности, я нечувствительно перешелъ въ тонъ, мнѣ несвойственный и ужъ вовсе неприличный еще живущему человѣку. Изъ боязни, что мнѣ не удастся окончить того сочиненія моего, которымъ занята была постоянно мысль моя въ теченіе десяти лѣтъ, я имѣлъ неосторожность заговорить впередъ кое-о-чемъ изъ того, что̀ должно было мнѣ доказать въ лицѣ выведенныхъ героевъ повѣствовательнаго сочиненія. Это обратилось въ неумѣстную проповѣдь, странную въ устахъ автора, въ какія-то мистическія непонятныя мѣста, невяжущіяся съ остальными письмами. Наконецъ — разнообразный тонъ самихъ писемъ, писанныхъ къ людямъ разныхъ характеровъ и свойствъ, писанныхъ въ разныя времена моего душевнаго состоянья. Одни были писаны въ то время, когда я, воспитываясь самъ упреками, прося и требуя ихъ отъ другихъ, считалъ въ то же время надобностью раздавать ихъ и другимъ; другія были писаны въ то время, когда я сталъ чувствовать, что упреки слѣдуетъ приберечь для самого себя, въ рѣчахъ же съ другими слѣдуетъ употреблять одну только братскую любовь: отъ этого и мягкость, и рѣзкость встрѣтились почти вмѣстѣ. Наконецъ, непомѣщеніе многихъ тѣхъ статей, которыя должны были войти въ книгу, какъ связывавшіяся и объясняющія многое. Наконецъ, моя собственная темнота и неумѣнье выражаться, — принадлежности не вполнѣ организовавшагося писателя, — все это способствовало тому, чтобы сбить не одного читателя и произвести безчисленное множество выводовъ и заключеній невпопадъ. Гордость отыскали въ тѣхъ словахъ, которыя подвигнуты были, можетъ-быть, совершенно противоположною причиною; гдѣ же

была дѣйствительно гордость, тамъ ея не замѣтили; назвали уничиженьемъ то, что̀ было вовсе не уничиженьемъ. А что̀ главнѣе всего: не было двухъ человѣкъ, совершенно сходныхъ между собою въ мысляхъ, когда только доходило дѣло до разбора книги по частямъ, что̀ весьма справедливо дало замѣтить нѣкоторымъ, что въ сужденьяхъ своихъ о моей книгѣ всякій выражалъ болѣе самого себя, чѣмъ меня или мою книгу. Разумѣется, всему виною — я. А потому во всѣхъ нападеніяхъ на мои личныя нравственныя качества, какъ ни оскорбительны они для человѣка, въ комъ еще не умерло благородство, я не имѣю права обвинять никого.

Сдѣлаю вскользь замѣчанья два на то, что̀ не относится до моихъ нравственныхъ качествъ. Меня изумило, когда люди умные стали дѣлать придирки къ словамъ, совершенно яснымъ, и, остановившись надъ двумя-тремя мѣстами, стали выводить заключенія, совершенно противоположныя духу всего сочиненія. Изъ двухъ-трехъ словъ, сказанныхъ такому помѣщику, у котораго всѣ крестьяне земледѣльцы, озабоченные круглый годъ работой, вывести заключеніе, что я воюю противъ просвѣщенья народнаго, — это показалось мнѣ очень странно, тѣмъ болѣе, что я полжизни думалъ самъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа, и остановился, почувствовавши, что нужно быть очень умну для того, чтобы знать, что̀ прежде нужно подать народу. А покуда нѣтъ такихъ умныхъ книгъ, мнѣ казалось, что слово устное пастырей Церкви полезнѣй и нужнѣй для мужиковъ всего того, что̀ можетъ сказать ему нашъ братъ-писатель. Сколько я себя ни помню, я всегда стоялъ за просвѣщенье народное; но мнѣ казалось, что еще прежде, чѣмъ просвѣщенье самого народа, полезнѣй просвѣщенье тѣхъ, которые имѣютъ ближайшія столкновенія съ народомъ, отъ которыхъ часто терпитъ народъ. Мнѣ казалось, наконецъ, гораздо болѣе требовавшимъ вниманія къ себѣ не сословіе земледѣльцевъ, но то мелкое сословіе, нынѣ увеличивающееся,

которое вышло изъ земледѣльцевъ, которое занимаетъ разныя мелкія мѣста и, не имѣя никакой нравственности, несмотря на небольшую грамотность, вредитъ всѣмъ, затѣмъ, чтобы жить на счетъ бѣдныхъ. Для этого-то сословія мнѣ казались наиболѣе необходимыми книги умныхъ писателей, которые, почувствовавши сами ихъ долгъ, умѣли бы имъ ихъ объяснить. А землепашецъ нашъ мнѣ всегда казался нравственнѣе всѣхъ другихъ и менѣе другихъ нуждающимся въ наставленіяхъ писателя. Тоже не менѣе страннымъ показалось мнѣ, когда изъ одного мѣста моей книги, гдѣ я говорю, что въ критикахъ, на меня нападавшихъ, есть много справедливаго, вывели заключенія, что я отвергаю всѣ достоинства моихъ сочиненій и не согласенъ съ тѣми критиками, которые говорили въ мою пользу *). Я очень помню и совсѣмъ не позабылъ, что по поводу небольшихъ моихъ достоинствъ явились у насъ очень замѣчательныя критики, которыя навсегда останутся памятниками любви къ искусству, которыя возвысили въ глазахъ общества значеніе поэтическихъ созданій. Но неловко же мнѣ говорить самому о своихъ достоинствахъ, да и съ какой стати? О недостаткахъ моихъ литературныхъ я заговорилъ, потому что пришлось кстати, по поводу психологическаго вопроса, который есть главный предметъ всей моей книги. Какъ же не соображать этихъ вещей! Не менѣе странно также,—изъ того, что я выставилъ ярко на видъ наши русскіе элементы, дѣлать выводъ, будто я отвергаю потребность просвѣщенія европейскаго и считаю ненужнымъ для русскаго знать весь трудный путь совершенствованія человѣческаго. И прежде, и теперь мнѣ казалось, что русскій гражданинъ долженъ знать дѣла Европы. Но я былъ убѣжденъ всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустишь изъ виду свои русскія начала, то знанія эти не принесутъ добра, собьютъ,

*) На завѣщаніе не слѣдовало упираться: въ немъ судишь себя строго, потому что готовишься предстать на судъ предъ Того, предъ Которымъ ни одинъ человѣкъ не бываетъ правъ.

спутаютъ и разбросаютъ мысли, намѣсто того, чтобы сосредоточить и собрать ихъ. И прежде, и теперь я былъ увѣренъ въ томъ, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу, и что только съ помощью этого знанія можно почувствовать, что̀ именно слѣдуетъ намъ брать и заимствовать изъ Европы, которая сама этого не говоритъ. Мнѣ казалось всегда, что прежде, чѣмъ вводить что̀-либо новое, нужно, не какъ-нибудь, но въ корнѣ узнать старое; иначе примѣненіе самаго благодѣтельнѣйшаго въ наукѣ открытія не будетъ успѣшно. Съ этою цѣлью я и заговорилъ преимущественно о старомъ.

Словомъ, всѣ эти односторонніе выводы людей умныхъ и притомъ такихъ, которыхъ я вовсе не считалъ односторонними, всѣ эти придирки къ словамъ, а не къ смыслу и духу сочиненія, показываютъ мнѣ то, что никто не былъ въ покойномъ расположеніи, когда читалъ мою книгу; что уже впередъ установилось какое-то предубѣжденіе, прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ, и всякій глядѣлъ на нее вслѣдствіе уже заготовленнаго впередъ взгляда, останавливаясь только надъ тѣмъ, что̀ укрѣпляло его въ предубѣжденіи и раздражало, и проходя мимо все то, что̀ способно опровергнуть предубѣжденія, а самого читателя успокоить. Сила этого страннаго раздраженія была такъ велика, что даже разрушила всѣ тѣ приличія, которыя доселѣ еще сохранялись относительно писателя. Почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума, и прописывали ему рецепты отъ умственнаго разстройства. Не могу скрыть, что меня еще болѣе опечалило, когда люди также умные, и притомъ не раздраженные, провозгласили печатно, что въ моей книгѣ ничего нѣтъ новаго, что̀ же и ново въ ней, то ложь, а не истина. Это показалось мнѣ жестоко. Какъ бы то ни было, но въ ней есть моя собственная исповѣдь; въ ней есть изліяніе и души, и сердца моего. Я еще не признанъ публично безчестнымъ человѣкомъ, которому бы никакого довѣрія нельзя было оказывать. Я могу ошибаться, могу попасть въ заблужденіе, какъ

и всякій человѣкъ, могу сказать ложь въ томъ смыслѣ, какъ и весь человѣкъ есть ложь; но назвать все, что излилось изъ души и серца моего, ложью — это жестоко. Это несправедливо такъ же, какъ несправедливо и то, что въ книгѣ моей ничего нѣтъ новаго. Исповѣдь человѣка, который провелъ нѣсколько лѣтъ внутри себя, который воспитывалъ себя, какъ ученикъ, желая вознаградить, хотя поздно, за время, потерянное въ юности, и который притомъ не во всемъ похожъ на другихъ, и имѣетъ нѣкоторыя свойства, ему одному принадлежащія, — исповѣдь такого человѣка не можетъ не представить чего-нибудь новаго. Какъ бы то ни было, но въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшалось дѣло души, нельзя такъ рѣшительно возвѣщать приговоръ. Тутъ наиглубокомысленнѣйшій душевѣдецъ призадумается. Въ душевномъ дѣлѣ трудно и надъ человѣкомъ обыкновеннымъ произнести судъ свой. Есть такія вещи, которыя не подвластны холодному разсужденію, какъ бы уменъ ни былъ разсуждающій, которыя постигаются только въ минуты тѣхъ душевныхъ настроеній, когда собственная душа наша расположена къ исповѣди, къ обращенію на себя, къ охужденію себя, а не другихъ. Словомъ, въ этой рѣшительности, съ какою былъ произнесенъ этотъ приговоръ, мнѣ показалась большая собственная самоувѣренность судившаго — въ умѣ своемъ и въ верховности своей точки воззрѣнія. Не съ тѣмъ я здѣсь говорю это, чтобы кого-нибудь попрекнуть, но съ тѣмъ, чтобы показать только, какъ на всякомъ шагу мы близки къ тому, чтобы впасть въ тотъ порокъ, въ которомъ только-что попрекнули своего брата; какъ, укоривши въ самоувѣренности другого, мы тутъ же въ собственныхъ словахъ показываемъ свою собственную самоувѣренность; какъ, укоривши въ неснисходительности другого, мы тутъ же бываемъ неснисходительны и придирчивы сами. Благороденъ по крайней мѣрѣ тотъ, кто имѣетъ духу въ этомъ сознаться и не стыдится, хотя бы въ глазахъ всего свѣта, сказать, что онъ ошибся. Но довольно. Вовсе не затѣмъ, чтобы защищать себя съ нравственныхъ сторонъ мо-

ихъ, я подаю теперь голосъ. Нѣтъ, я считаю обязанностью отвѣчать только на тотъ запросъ, который сдѣланъ мнѣ почти единоустно отъ лица читателей всѣхъ моихъ прежнихъ сочиненій, — запросъ: зачѣмъ я оставилъ тотъ родъ и то поприще, которое за собою уже утвердилъ, гдѣ былъ почти господинъ, и принялся за другое, мнѣ чуждое?

Чтобы отвѣчать на этотъ запросъ, я рѣшаюсь чистосердечно и сколько возможно короче изложить всю повѣсть моего авторства, чтобы дать возможность всякому справедливѣе обсудить меня, чтобы увидалъ читатель, перемѣнялъ ли я поприще свое, умничалъ ли самъ отъ себя, желая дать себѣ другое направленіе, или и въ моей судьбѣ такъ же, какъ и во всемъ, слѣдуетъ признать участіе Того, Кто располагаетъ міромъ не всегда сообразно тому, какъ намъ хочется, и съ Которымъ трудно бороться человѣку. Можетъ-быть, эта чистосердечная повѣсть моя послужитъ объясненіемъ хотя нѣкоторой части того, что̀ кажется такой необъяснимой загадкой для многихъ, въ недавно вышедшей моей книгѣ. Если бы случилось такъ, я былъ бы этому истинно радъ, потому что вся эта странная исторія меня утомила сильно, и мнѣ не легко самому отъ этого вихря недоразумѣній.

Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что̀-то для общаго добра. Я думалъ, просто, что я выслужусь и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна. Она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій. Первые мои опыты, первыя упражненья въ сочиненьяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ

въ послѣднее время пребыванья моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся также вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками; хотя въ самихъ раннихъ сужденьяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманья другихъ людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то что передразнить, но *угадать* человѣка, то-есть, угадать, что̀ онъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаньемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думалъ о томъ, что сдѣлаю современемъ изъ этого употребленіе.

Причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, показавшихся въ печати, заключалась въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ-быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что̀ только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Молодость, во время которой не приходятъ на умъ никакіе вопросы, подталкивала. Вотъ происхожденіе тѣхъ первыхъ моихъ произведеній, которыя однихъ заставили смѣяться такъ же беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости. Можетъ-быть, съ лѣтами и съ потребностью развлекать себя, веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство. Но Пушкинъ заставилъ меня взгля-

нуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «Какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ всего, какъ живого, съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ!» Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано; привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который, хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ «Мертвыхъ Душъ». (Мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему). На этотъ разъ и я самъ уже задумался серьезно, — тѣмъ болѣе, что стали приближаться такіе года, когда самъ собой приходитъ запросъ всякому поступку: зачѣмъ и для чего его дѣлаешь? Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ уже лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что̀ дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. Въ «Ревизорѣ» я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ. Но это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде, что уже не могу быть въ сочиненіяхъ моихъ тѣмъ, чѣмъ былъ дотолѣ, и что

самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вмѣстѣ съ молодыми моими лѣтами. Послѣ «Ревизора», я почувствовалъ, болѣе нежели когда-либо прежде, потребность сочиненія полнаго, гдѣ было бы уже не одно то, надъ чѣмъ слѣдуетъ смѣяться. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ Душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Я началъ было писать, не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что̀ такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразныя лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ охота смѣяться создастъ сама собою множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными. Но на всякомъ шагу я былъ останавливаемъ вопросами: зачѣмъ? къ чему это? что́ долженъ сказать собою такой-то характеръ? что̀ должно выразить собою такое-то явленіе? Спрашивается: что̀ нужно дѣлать, когда приходятъ такіе вопросы? Прогонять ихъ? Я пробовалъ, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности въ томъ и другомъ героѣ, я не могъ почувствовать и любви къ дѣлу изобразить его. Напротивъ, я чувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія: все у меня выходило натянуто, насильно и даже то, надъ чѣмъ я смѣялся, становилось печально.

Я увидѣлъ ясно, что больше не могу писать безъ плана, вполнѣ опредѣлительнаго и яснаго, что слѣдуетъ хорошо объяснить прежде самому себѣ цѣль сочиненія своего, его существенную полезность и необходимость, вслѣдствіе чего самъ авторъ возгорѣлся бы любовью истинной и сильной къ труду своему, которая животворитъ все и безъ которой нейдетъ работа, — словомъ, чтобы почувствовалъ и убѣдился самъ авторъ, что, творя твореніе свое, онъ исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго

онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, онъ служитъ въ то же самое время также государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился въ государственной службѣ. Мысль о службѣ у меня никогда не пропадала. Прежде чѣмъ вступить на поприще писателя, я перемѣнилъ множество разныхъ мѣстъ и должностей, чтобы узнать, къ которой изъ нихъ я былъ больше способенъ; но не былъ доволенъ ни службой, ни собой, ни тѣми, которые надо мной были постановлены. Я еще не зналъ тогда, какъ многаго мнѣ недоставало затѣмъ, чтобы служить такъ, какъ я хотѣлъ служить. Я не зналъ тогда, что нужно для этого побѣдить въ себѣ всѣ щекотливыя струны самолюбія личнаго и гордости личной, не позабывать ни на минуту, что, взялъ мѣсто не для своего счастья, но для счастья многихъ тѣхъ, которые будутъ несчастны, если благородный человѣкъ броситъ свое мѣсто, что позабыть нужно обо всѣхъ огорченіяхъ собственныхъ. Я не зналъ еще тогда, что тому, кто пожелаетъ истинно-честно служить Россіи, нужно имѣть очень много любви къ ней, которая бы поглотила уже всѣ другія чувства, — нужно имѣть много любви къ человѣку вообще и сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, во всемъ смыслѣ этого слова. А потому и немудрено, что, не имѣя этого въ себѣ, я не могъ служить такъ, какъ хотѣлъ, несмотря на то, что сгоралъ дѣйствительно желаніемъ служить честно. Но какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общества близкихъ душѣ моей людей, и самую Россію, затѣмъ, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, какъ произвести такимъ образомъ свое творенье, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей. Чѣмъ болѣе обдумывалъ я свое сочиненіе, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что оно можетъ дѣйствительно принести пользу. Чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе, тѣмъ болѣе видѣлъ, что не случайно слѣдуетъ

мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно-русскія, коренныя свойства наши. Мнѣ хотѣлось въ сочиненіи моемъ выставить преимущественно тѣ высшія свойства русской природы, которыя еще не всѣми цѣнятся справедливо, и преимущественно тѣ низкія, которыя еще недостаточно всѣми осмѣяны и поражены. Мнѣ хотѣлось сюда собрать одни яркія психологическія явленія, помѣстить тѣ наблюденія, которыя я дѣлалъ издавна сокровенно надъ человѣкомъ, которыхъ не довѣрялъ дотолѣ перу, чувствуя самъ незрѣлость его, которыя, бывъ изображены вѣрно, послужили бы разгадкой многаго въ нашей жизни, словомъ—чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ какъ бы невольно весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатствъ и даровъ, доставшихся на его долю, преимущественно передъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ, также преимущественно передъ всѣми другими народами. Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ. Но я почувствовалъ въ то же время, что все это возможно будетъ сдѣлать мнѣ только въ такомъ случаѣ, когда узнаешь очень хорошо самъ, что̀ дѣйствительно въ нашей природѣ есть достоинства и что̀ въ ней дѣйствительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвѣсить и оцѣнить то и другое и объяснить себѣ самому ясно, чтобы не возвести въ достоинство того, что̀ есть грѣхъ нашъ, и не поразить смѣхомъ вмѣстѣ съ недостатками нашими и того, что̀ есть въ насъ достоинство. Мнѣ не хотѣлось даромъ тратить силу. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ начали говорить, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самимъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и

не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностью, которую онъ занимаетъ (чего я никогда даже не имѣлъ и въ мысляхъ), я увидалъ, что нужно со смѣхомъ быть очень осторожнымъ,—тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ и стòитъ только тому, кто поостроумнѣй, посмѣяться надъ одной стороной дѣла, какъ уже, во слѣдъ за нимъ, тотъ, кто потупѣе и поглупѣй, будетъ смѣяться надъ всѣми сторонами дѣла. Словомъ, я видѣлъ ясно, какъ дважды два четыре, что прежде, покамѣстъ не опредѣлю себѣ самому опредѣлительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступить; а чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще: безъ этого не станешь на ту точку воззрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа.

Съ этихъ поръ человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на узнаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе людей и души человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало, и на этой дорогѣ, нечувствительно, почти самъ не вѣдая какъ, я пришелъ ко Христу, увидѣвши, что въ немъ ключъ къ душѣ человѣка, и что еще никто изъ душезнателей не всходилъ на ту высоту познанія душевнаго, на которой стоялъ Онъ. Повѣркой разума повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясной вѣрой, и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно. Къ этому привелъ меня и анализъ надъ моею собственной душой: я увидѣлъ тоже математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно заключить въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого, словомъ — нужно

сдѣлаться лучшимъ. Это можетъ показаться довольно страннымъ, особенно для тѣхъ, которые получили въ юности совершенно оконченное и полное воспитаніе. Но надобно сказать, что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому и не мудрено, что мысль объ ученіи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ свои занятія. Я наблюдалъ надъ собой, какъ учитель надъ ученикомъ не въ книжномъ ученіи, но и въ простомъ нравственномъ, глядя на себя самого, какъ на школьника. Я помѣстилъ кое-что изъ этихъ продѣлокъ надъ самимъ собою въ книгѣ моихъ писемъ, вовсе не затѣмъ, чтобы пощеголять чѣмъ-нибудь (да и не знаю, чѣмъ тутъ щеголять), но изъ желанія добра: авось кому-нибудь принесетъ это пользу: я былъ увѣренъ, что много, подобно мнѣ, воспитались въ школѣ плохо и потомъ, подобно мнѣ, спохватились, желая искренно себя поправить. Я часто слышалъ, какъ многіе жаловались, что не могутъ отстать отъ дурныхъ привычекъ, при всемъ желаніи своемъ отстать отъ нихъ. Я и помѣстилъ это, кое-какъ приспособивши къ другому, и помѣстилъ это я не иначе, какъ увидѣвши на опытѣ, что многое изъ этого уже пришло въ пользу нѣкоторымъ людямъ, которыхъ я зналъ. Въ отвѣтъ же тѣмъ, которые попрекаютъ мнѣ, зачѣмъ я выставилъ свою внутреннюю клѣть, могу сказать то, что все-таки я еще не монахъ, а писатель. Я поступилъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ всѣ тѣ писатели, которые говорили, что̀ было на душѣ. Если бы и съ Карамзинымъ случилась эта внутренняя исторія во время его писательства, онъ бы ее также выразилъ. Но Карамзинъ воспитался въ юношествѣ. Онъ образовался уже, какъ человѣкъ и гражданинъ, прежде чѣмъ выступилъ на поприще писателя. Со мной случилось иначе. Я не считалъ ни для кого соблазнительнымъ открыть публично, что я стараюсь быть лучшимъ, чѣмъ я есмь. Я не нахожу соблазнительнымъ томиться и сгорать явно, въ виду всѣхъ, желаніемъ совершенства, если сходилъ затѣмъ Самъ Сынъ Божій,

чтобы сказать намъ всѣмъ: «Будьте совершенны такъ, какъ совершененъ Отецъ вашъ небесный». Что̀ же касается до обвиненій, будто я, изъ желанія похвастаться смиреніемъ, въ книгѣ моей показалъ уничиженіе паче гордости, то на это скажу, что ни смиренія, ни уничиженія здѣсь нѣтъ. Пришедшіе къ этому заключенію обманулись сходствомъ признаковъ. Противнымъ дѣйствительно я казался себѣ самому вовсе не отъ смиренія, но потому, что въ мысляхъ моихъ чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе представлялся идеалъ прекраснаго человѣка, тотъ благостный образъ, какимъ долженъ быть на землѣ человѣкъ, и мнѣ становилось всякій разъ послѣ этого противно глядѣть на себя. Это не смиреніе, но скорѣе то чувство, которое бываетъ у завистливаго человѣка, который, увидѣвши въ чужихъ рукахъ вещь лучшую, бросаетъ свою и не хочетъ уже глядѣть на нее. Притомъ мнѣ посчастливилось встрѣтить на вѣку своемъ, и особенно въ послѣднее время, нѣсколько такихъ людей, передъ душевными качествами которыхъ показались мнѣ мелкими мои качества, и всякій разъ я негодовалъ на себя за то, что не имѣю того, что̀ имѣютъ другіе. Тутъ нужно обвинять развѣ завистливую вообще натуру.

Но возвращаюсь къ исторіи. Итакъ, на нѣкоторое время занятіемъ моимъ сталъ не русскій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа человѣка вообще. Все меня приводило въ это время къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей: мои собственныя душевныя обстоятельства, наконецъ, обстоятельства внѣшнія, надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно вновь къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся. Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь въ родѣ небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіями и, наконецъ, такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе. Что̀

мнѣ было дѣлать? Виноватъ я развѣ былъ въ томъ, что не въ силахъ былъ повторять то же, что̀ говорилъ или писалъ въ мои юношескіе годы? Какъ будто двѣ весны бываютъ въ возрастѣ человѣческомъ! И если всякъ человѣкъ подверженъ этимъ необходимымъ перемѣнамъ при переходѣ изъ возраста въ возрастъ, почему же одинъ писатель долженъ быть исключеніемъ? Развѣ писатель также не человѣкъ? Я не совращался съ своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня былъ всегда одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ—жизнь, а не что̀ другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія, и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни. Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми— и я пришелъ къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого одного я могъ только узнать полнѣе душу. Я не успокоился по тѣхъ поръ, покуда не разрѣшились мнѣ нѣкоторые собственные мои вопросы относительно меня самого, и только тогда, когда нашелъ удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ, могъ приступить вновь къ моему сочиненію, первая часть котораго составляетъ еще понынѣ загадку, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходнаго состоянія моей собственной души, тогда какъ еще не вполнѣ отдѣлилось во мнѣ то, чему слѣдовало отдѣлиться.

Какъ только кончилось во мнѣ это состояніе, и жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, во мнѣ родилось желаніе сильное знать Россію. Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь поучиться и разузнать, что̀ дѣлается на Руси; старался наиболѣе знакомиться съ такими опытными практическими людьми всѣхъ сословій, которые обращены были лицомъ ко всякимъ продѣлкамъ внутри Россіи. Мнѣ хотѣлось сойтись съ людьми всѣхъ сословій и отъ каждаго что-нибудь узнать. Всякій должностный и чѣмъ-нибудь занятый человѣкъ сталъ въ глазахъ

моихъ интересенъ. Прежде всего я хотѣлъ опредѣлить себѣ всякую должность, всякое сословіе, всякое мѣсто и всякое званіе въ государствѣ. Мнѣ казалось это необходимымъ для писателя, который беретъ людей на разныхъ поприщахъ. Не содержа въ собственной головѣ своей весь долгъ и всю обязанность того человѣка, котораго описываешь, не выставишь его, какъ слѣдуетъ, вѣрно и притомъ такъ, чтобы онъ дѣйствительно былъ въ урокъ и въ поученіе живущему. Изъ-за этого я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ что-нибудь сообщать. Прочихъ я просилъ набрасывать легкіе портреты и характеры, первые, какіе имъ попадутся. Все это было мнѣ нужно не затѣмъ, чтобы въ головѣ моей не было ни характеровъ, ни героевъ: ихъ было у меня уже много; они выработались изъ познанія природы человѣческой гораздо полнѣйшаго, чѣмъ какое было во мнѣ прежде; но свѣдѣнія эти мнѣ, просто, нужны были, какъ нужны этюды съ натуры художнику, который пишетъ большую картину своего собственнаго сочиненія. Онъ не переводитъ этихъ рисунковъ къ себѣ на картину, но развѣшиваетъ ихъ вокругъ по стѣнамъ, затѣмъ, чтобы держать передъ собою неотлучно, чтобы не погрѣшить ни въ чемъ противъ дѣйствительности, противъ времени или эпохи, какая имъ взята. Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что̀ взято было мной изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности. Я никогда не *писалъ* портрета, въ смыслѣ простой копіи. Я *создавалъ* портретъ, но создавалъ его вслѣдствіе соображенія, а не воображенія. Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданіе. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что сто̀ило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе — и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого

другого. Этого я никакъ не могъ объяснить никому, а потому и никогда почти не получалъ такихъ писемъ, какихъ я желалъ. Всѣ только удивлялись тому, какъ могъ я требовать такихъ мелочей и пустяковъ, тогда какъ имѣю такое воображеніе, которое можетъ само творить и производить. Но воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которую гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ. Я помѣстилъ въ книгѣ моей: «Переписка съ друзьями» нѣсколько писемъ къ помѣщикамъ и къ разнымъ должностнымъ лицамъ (изъ нихъ бо̀льшая часть не напечатана) вовсе не затѣмъ, чтобы со мной безусловно согласились, но чтобы опровергнули меня приведеньемъ анекдотическихъ фактовъ. Возраженія такого рода отъ людей практическихъ и опытныхъ для меня важны тѣмъ, что поставляютъ меня ближе къ дѣлу, раскрывая мнѣ глубже внутренность Россіи. Но вмѣсто дѣлъ, интересныхъ для всякаго русскаго человѣка, и нашихъ русскихъ вопросовъ, занялись моей собственной личностью и исписали цѣлые листы о томъ, имѣю ли я право мѣшаться въ подобныя дѣла. Я сдѣлалъ въ то же время воззваніе ко всѣмъ читателямъ «Мертвыхъ Душъ», — воззваніе нѣсколько неприличное и не весьма ловкое. Я очень зналъ, что надъ нимъ многіе посмѣются; но я готовъ былъ выдержать всякое осмѣяніе, лишь бы только добится своего. Я думалъ, что, можетъ, хоть пять, шесть человѣкъ захотятъ исполнить мою просьбу такъ, какъ я желалъ. Я не требовалъ собственно поправокъ на «Мертвыя Души»: мнѣ хотѣлось, подъ этимъ предлогомъ, добыть частныхъ записокъ, воспоминаній о тѣхъ характерахъ и лицахъ, съ которыми случилось кому встрѣтиться на вѣку, изображеній тѣхъ случаевъ, гдѣ пахнетъ Русью. Зная, что у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу, вслѣдствіе которыхъ почти всякому изъ насъ трудно что-нибудь доставать изъ своей памяти, я думалъ, что чтеніе «Мертвыхъ Душъ» можетъ расшевелить, особенно, если и карандашъ, и бу-

мага будетъ при этомъ подъ рукой. Я выставилъ свой адресъ и просилъ прислать мнѣ въ письмѣ только тѣхъ, которые не захотѣли бы печатать, но вообще я считалъ гораздо полезнѣе сдѣлать ихъ всеобщею извѣстностью. Мнѣ казалось даже необходимымъ и въ нынѣшнее время это распространеніе извѣстій о Россіи посредствомъ живыхъ фактовъ, потому что въ это время, которое недаромъ называютъ переходнымъ, почти у всякаго человѣка, на всѣхъ поприщахъ, замѣтно стремленье преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противъ всякаго зла. Я думалъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно намъ обнаружить наружу все, чтò ни есть внутри Руси, чтобы мы почувствовали, изъ какого множества разнородныхъ началъ состоитъ наша почва, на которой мы всѣ стремимся сѣять, и лучше бы осмотрѣлись прежде, чѣмъ произносить что-либо такъ рѣшительно, какъ нынѣ всѣ произносятъ. Я питалъ втайнѣ надежду, что чтеніе «Мертвыхъ Душъ» наведетъ нѣкоторыхъ на мысль писать свои собственныя записки, что многіе почувствуютъ даже нѣкоторое обращеніе на самихъ себя, потому что и въ самомъ авторѣ, въ то время, когда писаны были «Мертвыя Души», произошло нѣкоторое обращеніе на самого себя. Я думалъ, что тотъ, кто уже находится на склонѣ дней своихъ и тревожимъ мыслью, что жизнь его протекла безъ пользы, и онъ сдѣлалъ мало для общаго добра земли своей, почувствуетъ сильнѣе, что онъ вѣрнымъ и живымъ изображеніемъ людей, характеровъ и случаевъ своего времени можетъ познакомить съ Русью людей молодыхъ и начинающихъ дѣйствовать, и такимъ образомъ больше чѣмъ вознаградитъ прекрасно за свою недѣятельность. Молодой же, тотъ, кто вступаетъ еще на поприще, кто еще ни къ чему не охладѣлъ и потому имѣетъ живость взгляда, кого любопытно занимаетъ все, можетъ изобразить эпоху современную, какъ она представляется молодымъ глазамъ юноши. Словомъ, я думалъ, какъ дитя: я обманулся нѣкоторыми: я думалъ, что въ нѣкоторой

части читателей есть какая-то любовь. Я не зналъ еще тогда, что мое имя въ ходу только затѣмъ, чтобы попрекнуть другъ друга и посмѣяться другъ надъ другомъ. Я думалъ, что многіе сквозь самый смѣхъ слышатъ мою добрую натуру, которая смѣялась вовсе не изъ злобнаго желанья. Но на мое приглашеніе я не получилъ записокъ; въ журналахъ мнѣ отвѣчали насмѣшками. Привожу все это затѣмъ, чтобы показать, какъ я употреблялъ всѣ силы держаться на своемъ поприщѣ и придумывалъ всѣ средства, которыя могли двинуть мою работу, не имѣя и въ мысляхъ оставлять званіе писателя. Не могу не замѣтить при этомъ случаѣ, что многіе изъявили изумленіе тому, что я такъ желаю извѣстій о Россіи и въ то же время самъ остаюсь внѣ Россіи, не соображая того, что, кромѣ болѣзненнаго состоянія моего здоровья, потребовавшаго теплаго климата, мнѣ нужно было это удаленіе отъ Россіи затѣмъ, чтобы пребывать живѣе мыслью въ Россіи. Для тѣхъ, которые не могутъ этого почувствовать, объяснюсь, хотя мнѣ нѣсколько трудно объясняться во всемъ томъ, что̀ составляетъ свойства, собственно мнѣ принадлежащія. Почти у всѣхъ писателей, которые не лишены *творчества,* есть способность, которую я не назову воображеніемъ,—способность представлять предметы отсутствующіе такъ живо, какъ бы они были предъ нашими глазами. Способность эта дѣйствуетъ въ насъ только тогда, когда мы отдалимся отъ предметовъ, которые описываемъ. Вотъ почему поэты бо̀льшею частію избирали эпоху, отъ насъ отдалившуюся, и погружались въ прошедшее. Прошедшее, отрывая насъ отъ всего, что̀ ни есть вокругъ насъ, приводитъ душу въ то тихое, спокойное настроеніе, которое необходимо для труда. У меня не было влеченія къ прошедшему. Предметъ мой была современность и жизнь въ ея нынѣшнемъ быту, можетъ-быть, оттого, что умъ мой былъ всегда наклоненъ къ существенности и къ пользѣ, болѣе осязательной. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалось во мнѣ желаніе быть писателемъ современнымъ. Но я видѣлъ въ то же время, что, изобра-

жая современность, нельзя находиться въ томъ высоко настроенномъ и спокойномъ состояніи, какое необходимо для произведенія большого и стройнаго труда. Настоящее слишкомъ живо, слишкомъ шевелитъ, слишкомъ раздражаетъ; перо писателя нечувствительно и незамѣтно переходитъ въ сатиру. Притомъ, находясь самъ въ ряду другихъ и болѣе или менѣе дѣйствуя съ ними, видишь передъ собою только тѣхъ людей, которые стоятъ близко отъ тебя: всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь. Я сталъ думать о томъ, какъ бы выбраться изъ ряду другихъ и стать на такое мѣсто, откуда бы я могъ увидать всю массу, а не людей только, возлѣ меня стоящихъ,—какъ бы, отдалившись отъ настоящаго, обратить его нѣкоторымъ образомъ для себя въ прошедшее. Мое разстроившееся здоровье и вмѣстѣ съ нимъ маленькія непріятности, которыя я бы теперь перенесъ легко, но которыхъ тогда не умѣлъ еще переносить, заставили меня подняться въ чужіе края. Я никогда не имѣлъ влеченія и страсти къ чужимъ краямъ. Я не имѣлъ также того безотчетнаго любопытства, которымъ бываетъ снѣдаемъ юноша, жадный впечатлѣній. Но, странное дѣло! даже въ дѣтствѣ, даже во время школьнаго ученія, даже въ то время, когда я помышлялъ только объ одной службѣ, а не о писательствѣ, мнѣ всегда казалось, что въ жизни моей мнѣ предстоитъ какое-то большое самопожертвованіе и что, именно для службы моей отчизнѣ, я долженъ буду воспитаться гдѣ-то вдали отъ нея. Я не зналъ, ни какъ это будетъ, ни почему это нужно; я даже не задумывался объ этомъ, но видѣлъ самого себя такъ живо въ какой-то чужой землѣ тоскующимъ по своей отчизнѣ, картина эта такъ часто меня преслѣдовала, что я чувствовалъ отъ нея грусть. Можетъ-быть, это было, просто, то непонятное поэтическое влеченіе, которое тревожило иногда и Пушкина, ѣхать въ чужіе края, единственно затѣмъ, чтобы, по выраженію его,

Подъ небомъ Африки моей
Вздыхать о сумрачной Россіи.

Какъ бы то ни было, но это противувольное мнѣ самому влеченіе было такъ сильно, что не прошло пяти мѣсяцевъ по прибытіи моемъ въ Петербургъ, какъ я сѣлъ уже на корабль, не будучи въ силахъ противиться чувству, мнѣ самому непонятному. Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только то, что ѣду вовсе не затѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи, и добуду любовь къ ней вдали отъ нея. Едва только я очутился въ морѣ, на чужомъ кораблѣ, среди чужихъ людей (пароходъ былъ англійскій, и на немъ ни души русской), мнѣ стало грустно; мнѣ сдѣлалось такъ жалко друзей и товарищей моего дѣтства, которыхъ я оставилъ и которыхъ я всегда любилъ, что прежде, чѣмъ вступить на твердую землю, я уже подумалъ о возвратѣ. Три дня только я пробылъ въ чужихъ краяхъ и, несмотря на то, что новость предметовъ начала меня завлекать, я поспѣшилъ на томъ же самомъ пароходѣ возвратиться, боясь, что иначе мнѣ не удастся возвратиться. Съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово не питать и мысли о чужихъ краяхъ—и точно, во все время пребыванья моего въ Петербургѣ, въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ, не приходили мнѣ никогда на мысли чужіе края, покамѣстъ обстоятельства моего здоровья, нѣкоторыя огорченья и наконецъ потребность бо̀льшаго уединенія не заставили меня оставить Россію.

Два раза я возвращался потомъ въ Россію, одинъ разъ даже съ тѣмъ, чтобы въ ней остаться навсегда. Я думалъ, что теперь особенно, получивши такую страсть узнавать все, я въ силахъ буду узнать многое. Но, странное дѣло! среди Россіи я почти не увидалъ Россіи. Всѣ люди, съ которыми я встрѣчался, бо̀льшею частію любили поговорить о томъ, что̀ дѣлается въ Европѣ, а не въ Россіи. Я узнавалъ только то, что̀ дѣлается въ англійскомъ клубѣ, да коечто изъ того, что̀ я и самъ уже зналъ. Извѣстно, что всякій изъ насъ окруженъ своимъ кругомъ близкихъ знакомыхъ,

изъ-за котораго трудно ему увидать людей постороннихъ; во-первыхъ, уже потому, что съ близкими обязанъ быть чаще, а во-вторыхъ, потому, что кругъ друзей такъ уже самъ по себѣ пріятенъ, что нужно имѣть слишкомъ много самоотверженья, чтобы изъ него вырваться. Всѣ, съ которыми мнѣ случилось познакомиться, надѣляли меня уже готовыми выводами, заключеніями, а не просто фактами, которыхъ я искалъ. Я замѣтилъ вообще нѣкоторую перемѣну въ мысляхъ и умахъ. Всякъ глядѣлъ на вещи взглядомъ болѣе философическимъ, чѣмъ-когда либо прежде, во всякой вещи хотѣлъ увидать ея глубокій смыслъ и сильнѣйшее значеніе: движенье, вообще показывающее большой шагъ общества впередъ. Но съ другой стороны, отъ этого произошла торопливость дѣлать выводы и заключенья изъ двухъ-трехъ фактовъ о всемъ цѣломъ и безпрестанная позабывчивость того, что не всѣ вещи и не всѣ стороны соображены и взвѣшены. Я замѣтилъ, что почти у всякаго образовывалась въ головѣ своя собственная Россія, и отъ того безконечные споры. Мнѣ нужно было не того: мнѣ нужно было, просто, такихъ бесѣдъ, какъ бывали въ старину, когда всякъ разсказывалъ только то, что̀ видѣлъ, слышалъ на своемъ вѣку, и разговоръ казался собраньемъ анекдотовъ, а не разсужденьемъ. Это мнѣ нужно было уже и потому, что я и самъ начиналъ невольно заражаться этой торопливостью заключать и выводить, всеобщимъ повѣтріемъ нынѣшняго времени.

Провинціи наши меня еще болѣе изумили. Тамъ даже имя *Россія* не раздается на устахъ. Раздавалось, какъ мнѣ показалось, на устахъ только то, что̀ было прочитано въ новѣйшихъ романахъ, переведенныхъ съ французскаго. Словомъ—во все пребыванье мое въ Россіи, Россія у меня въ головѣ разсѣивалась и разлеталась. Я не могъ никакъ ее собрать въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ, и самое желанье знать ее ослабѣвало. Но какъ только я выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась вновь въ моихъ мысляхъ цѣлой, желанье знать ее пробуждалось во мнѣ вновь, и охота знакомиться

со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ, недавно выѣхавшимъ изъ Россіи, становилась вновь сильна. Во мнѣ рождалось даже умѣнье выспрашивать, и часто въ одинъ часъ разговора я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіе недѣли. Всякій знаетъ, что за границей, знакомства дѣлаются гораздо легче, что на водахъ въ Германіи и на зимовьяхъ въ Италіи сходятся люди, которые, можетъ-быть, не столкнулись бы никогда внутри земли своей и оставались бы вѣкъ незнакомыми. Вотъ что̀ заставило меня предпочесть пребыванье внѣ Россіи, даже и въ отношеніи къ тому, чтобы побольше слышать о Россіи. Я очень долго думалъ о томъ, какимъ бы образомъ узнать многое, дѣлающееся въ Россіи, живя въ Россіи. Разъѣздами по государству не много возьмешь: останутся въ головѣ только станціи да трактиры. Знакомства въ городахъ и деревняхъ тоже довольно трудны для разъѣзжающаго не по казенной надобности: могутъ принять за какого-нибудь шпіона, и пріобрѣтешь развѣ только сюжетъ для комедіи, которой имя *безтолковщина.* Если-жъ узнаютъ, что разъѣзжающій есть и писатель вмѣстѣ, тогда положенье еще смѣшнѣе: половина читающей Россіи увѣрена серьезно, что я живу единственно для осмѣянья всего, что̀ ни есть въ человѣкѣ, отъ головы до ногъ. А между тѣмъ никогда еще до сихъ поръ не чувствовалъ я такъ сильно потребности знать современное состояніе нынѣшняго русскаго человѣка, — тѣмъ болѣе, что теперь такъ разошлись всѣ въ образахъ мыслей, такъ вихорь недоразумѣній обуялъ всѣхъ, что никто не въ силахъ судить вѣрно другъ друга, и нужно какъ бы щупать собственною рукою всякую вещь, не довѣряя никому. Я не могъ быть безъ этихъ свѣдѣній. Нынѣ избранные характеры и лица моего сочиненія крупнѣй прежнихъ. Чѣмъ выше достоинство взятаго лица, тѣмъ ощутительнѣй, тѣмъ осязательнѣй нужно выставить его передъ читателемъ. Для этого нужны всѣ тѣ безчисленныя мелочи и подробности, которыя говорятъ, что взятое лицо дѣйствительно жило на свѣтѣ; иначе оно станетъ идеальнымъ, бу-

детъ блѣдно и, сколько ни навяжи ему добродѣтелей, будетъ все ничтожно. Нужно, чтобы русскій читатель дѣйствительно почувствовалъ, что выведенное лицо взято именно изъ того самаго тѣла, изъ котораго созданъ и онъ самъ, что это живое и его собственное тѣло. Тогда только сливается онъ самъ съ своимъ героемъ и нечувствительно принимаетъ отъ него тѣ внушенія, которыхъ никакимъ разсужденьемъ и никакою проповѣдью не внушишь. Это полное воплощенье въ плоть, это полное округленье характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, содержа въ головѣ всѣ крупныя черты характера, соберу въ то же время вокругъ его все тряпье до малѣйшей булавки, которое кружится ежедневно вокругъ человѣка, словомъ—когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши. У меня въ этомъ отношеніи умъ тотъ самый, какой бываетъ у бо̀льшей части русскихъ людей, то-есть, способный больше выводить. чѣмъ выдумывать. Мнѣ всегда нужно было выслушать слишкомъ много людей, чтобы образовалось во мнѣ собственное мое мнѣніе, и тогда только мое мнѣніе находили здравымъ и умнымъ. Когда же я не всѣхъ выслушаю и потороплюсь выводомъ, оно выходило только рѣзко и необыкновенно. Даже въ нынѣшней моей книгѣ: «Переписка съ друзьями», въ которой многое походитъ на одни предположенія, собственно предположеній нѣтъ. Въ ней все выводы; но дѣло въ томъ, что одни выводы взяты изъ всѣхъ сторонъ дѣла и потому всѣмъ ясны, другіе изъ нѣкоторыхъ, не всѣмъ извѣстныхъ, и потому темны, а для многихъ кажутся даже и вовсе нелѣпицей. Вотъ отчего въ рѣдкомъ моемъ сочиненіи не встрѣчается рядомъ и зрѣлость и незрѣлость, и мужъ и ребенокъ, и учитель и ученикъ.

Итакъ, всего того, что̀ мнѣ нужно, я не могъ достать. А не доставши его, мудрено ли, что я не могъ работать? Какъ воевать съ собою, если сдѣлался требователенъ къ самому себѣ? Какъ полетѣть воображеньемъ,—если-бъ оно и было,—если разсудокъ на всякомъ шагу задаетъ вопросъ:

«зачѣмъ?» Зачѣмъ случились многія такія обстоятельства, которыхъ я не призывалъ? Зачѣмъ мнѣ опредѣлено было не иначе пріобрѣсти познанье души человѣка, какъ произведя строгій анализъ надъ собственной душою? Зачѣмъ желаньемъ изобразить русскаго человѣка я возгорѣлся не прежде, какъ узнавши получше общіе законы дѣйствій человѣческихъ, а узналъ ихъ не прежде, какъ пришедши къ Тому, Кто одинъ вѣдатель и дѣйствій человѣческихъ, и всѣхъ малѣйшихъ нашихъ душевныхъ тайнъ?.. Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня? Зачѣмъ, наконецъ, были такія обстоятельства, о которыхъ я не могу даже сказать, но которыя заставляли меня, противъ воли моей собственной, входить глубже въ душу человѣка? Зачѣмъ вѣнцомъ всѣхъ эстетическихъ наслажденій во мнѣ осталось свойство восхищаться красотой души человѣка вездѣ, гдѣ бы я ее ни встрѣтилъ? Зачѣмъ жажда знать душу человѣка такъ томила меня постоянно отъ дней моей юности? Опредѣлите мнѣ прежде, зачѣмъ все это произошло, и тогда спрашивайте: зачѣмъ я не могу писать того, что̀ писалъ? Я старался дѣйствовать наперекоръ обстоятельствамъ и этому порядку, не отъ меня начертанному. Я пробовалъ нѣсколько разъ писать попрежнему, какъ писалось въ молодости, то-есть, какъ попало, куда ни поведетъ перо мое; но ничто не лилось на бумагу. Обрадовавшись тому, что расписался кое-какъ въ письмахъ къ моимъ знакомымъ и друзьямъ, я захотѣлъ тотчасъ же изъ этого сдѣлать употребленье, и едва только оправился отъ тяжкой болѣзни моей, какъ составилъ изъ нихъ книгу, постаравшись дать ей кое-какой порядокъ и послѣдовательность, чтобы она походила на дѣльную книгу, не размысливши того, что многое, обращенное къ нѣкоторымъ, общество приметъ на свой счетъ, особенно послѣ завѣщанья, обращеннаго къ лицу всѣхъ соотечественниковъ. Я боялся самъ разсматривать ея недостатки, а почти закрылъ глаза на нее, зная, что если разсмотрю я построже мою книгу, можетъ, она будетъ такъ же уничтожена, какъ я уничто-

жалъ «Мертвыя Души» и какъ уничтожалъ все, что̀ ни писалъ въ послѣднее время. Я думалъ, что этой книгой я хоть сколько-нибудь заплачу за долгое мое молчаніе, введу и объясню мое трудное положеніе, почему я не могъ писать въ это время, обращу вниманіе на практическое и на дѣло жизни. Я думалъ вслѣдъ ея заговорить о томъ, что̀ раскроетъ предо мною побольше Русь, освѣжитъ, оживитъ меня и заставитъ меня взяться за перо. Не тутъ-то было: все обрушилось на меня упреками. Я услышалъ только толки о томъ, что̀ не рѣшается толками. Руки мои опустились. Порывъ, который, мнѣ показалось, началъ было во мнѣ пробуждаться, погасъ, и я нечувствительно самъ собой пришелъ теперь къ тому вопросу, который я до сихъ поръ и не думалъ еще задавать въ себѣ: долженъ ли я въ самомъ дѣлѣ писать? долженъ ли я оставаться на этомъ поприщѣ, отъ котораго въ послѣднее время такъ явно меня все отвлекало? Положимъ, если бы даже я въ силахъ былъ какъ-нибудь побѣдить себя, перо мое получило бы бѣглость и страницы полились непринужденно одна за другою—таково ли душевное состоянье мое, чтобы сочиненья мои были дѣйствительно въ это время полезны и нужны нынѣшнему обществу? Бросимъ взглядъ на нынѣшнее состояніе общества: благопріятно ли нынѣшнее время для писателя вообще и вслѣдъ за тѣмъ для такого писателя, какъ я?

Всѣ болѣе или менѣе согласились называть нынѣшнее время переходнымъ. Всѣ, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, нынѣ чувствуютъ, что міръ въ дорогѣ, а не у пристани, даже и не на ночлегѣ, не на временной станціи, или отдыхѣ. Все чего-то ищетъ, ищетъ уже не внѣ, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ и надъ политическими, и надъ учеными, и надъ всякими другими вопросами. И мечъ, и громъ пушекъ не въ силахъ занимать міръ. Вездѣ обнаруживается болѣе или менѣе мысль о внутреннемъ строеніи: все ждетъ какого-то болѣе стройнѣйшаго порядка. Мысль о строеніи, какъ себя, такъ и другихъ, дѣлается общею. Со всѣми замѣчательными, стоящими вне-

реди других людьми случились какіе-нибудь душевные внутренніе перевороты, съ иными даже въ такіе годы, въ какіе никогда невозможны были доселѣ перемѣны въ человѣкѣ и улучшенія. Всякъ болѣе или менѣе чувствуетъ, что онъ не находится въ томъ именно состояніи своемъ, въ какомъ долженъ быть, хотя и не знаетъ, въ чемъ именно должно состоять это желанное состояніе. Но это желанное состояніе ищется всѣми; уши всѣхъ чутко обращены въ ту сторону, гдѣ думаютъ услышать хоть что-нибудь о вопросахъ, всѣхъ занимающихъ. Никто не хочетъ читать другой книги, кромѣ той, гдѣ можетъ содержаться хотя намекъ на эти вопросы. Надобны ли въ это время сочиненія такого писателя, который одаренъ способностью творить, создавать живые образы людей и представлять ярко жизнь въ томъ видѣ, какъ она представляется ему самому, мучимому жаждой знать ее? Опредѣлимъ себѣ прежде, что̀ такое тотъ писатель, котораго главный талантъ состоитъ въ творчествѣ.

Всѣ болѣе или менѣе согласны въ томъ, что писатель-творецъ творитъ творенье свое въ поученье людей. Требованья отъ него слишкомъ велики—и справедливо: для того, чтобы передавать одну вѣрную копію съ того, что̀ видишь передъ глазами, есть также другіе писатели, одаренные иногда въ высшей степени способностью живописать, но лишенные способности *творить*. Но кто создаетъ, кто трудится надъ этимъ долго, кому приходится дорого его созданіе, тотъ долженъ уже потрудиться недаромъ. Нужно, чтобы въ созданьи его жизнь сдѣлала какой-нибудь шагъ впередъ и чтобы онъ, постигнувши современность, ставши въ уровень съ вѣкомъ, умѣлъ обратно воздать ему за наученье себя наученьемъ его. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляютъ поэтовъ и вообще писателей, надѣленныхъ творчествомъ, эстетики какъ нынѣшняго времени, такъ и прежнихъ временъ. Возвратить людей въ томъ же видѣ, въ какомъ и взялъ, для писателя-творца даже невозможно: это дѣло сдѣлаетъ лучше его тотъ, кто, владѣя бѣглою кистью, можетъ рисовать всякую минуту все, что̀ проходитъ предъ

его глазами, не мучимый и не тревожимый внутри ничѣмъ.

Стало-быть, въ нынѣшнее время, когда всѣ такъ заняты вопросомъ жизни, такой писатель можетъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, быть разрѣшителемъ современныхъ вопросовъ; но когда и въ какомъ случаѣ? Въ такомъ случаѣ и тогда, когда ужъ онъ все разрѣшилъ себѣ, что̀ ни тревожитъ его самого. Если онъ, при всѣхъ великихъ дарахъ, при картинной живописи въ словѣ, при орлиной силѣ взгляда, при возносящей силѣ лиризма и поражающей силѣ сарказма, и пріобрѣтетъ полное познаніе земли своей и своего народа въ корнѣ и въ вѣтвяхъ, воспитается, какъ гражданинъ своей земли и какъ гражданинъ всего человѣчества, и какъ кремень станетъ во всемъ томъ, въ чемъ повелѣно быть крѣпкой скалой человѣку, тогда онъ выступай на поприще. Владѣя такими средствами, орудіями, станетъ подавать онъ обществу людей, потребныхъ ему въ нынѣшнее время, въ современную эпоху и одѣнетъ ихъ портретною живостью, которая дѣлаетъ то, что изображенный образъ преслѣдуетъ насъ повсюду такъ, что нельзя и оторваться. Разумѣется, что съ такими средствами ему ничего не будетъ сто̀ить выгнать изъ головъ всѣхъ тѣхъ героевъ, которыхъ напустили туда модные писатели. Заговори только съ обществомъ, намѣсто самыхъ жаркихъ разсужденій, этими живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей—и двери сердецъ растворятся сами навстрѣчу къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они взяты изъ нашей природы, изъ того же тѣла. Тогда, разумѣется, кто можетъ подѣйствовать нынѣ сильнѣй такого писателя, и кто можетъ быть болѣе его нужнымъ нынѣшнему времени и нынѣшней эпохѣ? Но если онъ, имѣя дѣйствительно нѣкоторыя изъ тѣхъ орудій, самъ еще не воспитался такъ, какъ гражданинъ земли своей и гражданинъ всемірный, если онъ, покорный общему нынѣшнему влеченію всѣхъ, самъ еще строится и создается, тогда ему даже опасно выходить на поприще: его вліяніе можетъ быть скорѣй вредно, чѣмъ полезно. Это строеніе себя са-

мого непремѣнно обнаружится во всемъ, что̀ ни будетъ выходить изъ-подъ пера его. Чѣмъ онъ самъ менѣе похожъ на другихъ людей, чѣмъ онъ необыкновеннѣе, чѣмъ отличнѣе отъ другихъ, чѣмъ своеобразнѣе, тѣмъ больше можетъ произвести всеобщихъ заблужденій и недоразумѣній. То, что̀ въ немъ есть не болѣе, какъ естественное явленіе, законный ходъ его необыкновеннаго организма, состояніе временное духа, можетъ показаться другимъ людямъ верховною точкою, до которой слѣдуетъ всѣмъ дойти. Чѣмъ больше одушевится онъ любовью къ героямъ и лицамъ своимъ, чѣмъ больше отдѣлаетъ, чѣмъ съ бо̀льшею живостью выставитъ ихъ, тѣмъ больше вреда. Примѣръ тому въ глазахъ нашихъ. Извѣстная французская писательница, больше всѣхъ другихъ надѣленная талантами, въ немного лѣтъ произвела сильнѣйшее измѣненіе въ нравахъ, чѣмъ всѣ писатели, заботившіеся о развращеніи людей. Она, можетъ-быть, и въ помышленіи не имѣла проповѣдывать развратъ, а обнаружила только временное заблужденіе свое, отъ котораго потомъ, можетъ-быть, и отказалась, переступивши въ другую эпоху своего состоянія душевнаго; а слово уже брошено. *Слово какъ воробей*, говоритъ наша пословица: *выпустивши его, не схватишь потомъ*.

Я самъ писатель, не лишенный творчества; я владѣю также нѣкоторыми изъ тѣхъ даровъ, которые способны увлекать. Покорный общему стремленію, которое не отъ насъ, но совершается по волѣ Того..., я помышляю о своемъ собственномъ строеніи, какъ помышляютъ и другіе, и чувствую, что и теперь нахожусь далеко отъ того, къ чему стремлюсь, а потому не долженъ выступать. Самая вышедшая книга: «Переписка съ друзьями» служитъ тому доказательствомъ. Если и эта книга, которая не болѣе, какъ разсужденіе, говорятъ, неопредѣлительностью своею производитъ заблужденія, распространяетъ даже ложныя мысли, если и изъ этихъ писемъ, говорятъ, остаются въ головѣ, какъ живыя картины, цѣликомъ фразы и страницы; что̀ же бы было, если бы я выступилъ съ живыми образами повѣствователь-

наго сочиненія намѣсто этихъ писемъ? Я самъ слышу, что я тутъ гораздо сильнѣй, чѣмъ въ разсужденіяхъ. Теперь еще можетъ меня оспаривать критика, а тогда врядъ ли бы въ силахъ былъ меня кто опровергнуть. Образы мои были соблазнительны и такъ застряли бы крѣпко въ головы, что критикамъ бы ихъ оттуда не вытащить. Не нужно упускать того изъ виду, что всѣ выставленныя лица и характеры должны были доказать истину моихъ собственныхъ убѣжденій, а мои убѣжденія... Какъ сравню эту книгу съ уничтоженными мною «Мертвыми Душами», не могу не возблагодарить за насланное мнѣ внушеніе ихъ уничтожить. Въ книгѣ моихъ писемъ я все-таки стою на высшей точкѣ, нежели въ уничтоженныхъ «Мертвыхъ Душахъ». Темнота выраженія во многихъ мѣстахъ сбиваетъ только читателя, но если бы яснѣе выразилъ ту же самую мысль, со мною бы многіе перестали спорить. Въ уничтоженныхъ «Мертвыхъ Душахъ» гораздо больше выражалось моего переходнаго состоянія, гораздо меньшая опредѣлительность въ главныхъ основаніяхъ и мысль двигательнѣй, а уже много увлекательности въ частяхъ, и герои были соблазнительны. Словомъ—какъ честный человѣкъ, я долженъ бы оставить перо, даже и тогда, если бы дѣйствительно почувствовалъ позывъ къ нему. На это дѣло слѣдуетъ взглянуть благоразумно. Всѣ тѣ, которые легкомысленно требуютъ отъ меня продолженія писать и въ то же время бранятъ мою нынѣш[нюю книгу], должны, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть поближе все это дѣло и не пропустить всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ не пропускаетъ никакой судья, если только произноситъ надъ кѣмъ-либо судъ свой. Мнѣ кажется, что теперь не только тотъ, кто пишетъ, но всякій умъ вообще, если только наклоненъ къ тому, чтобы дѣлать выводы и заключенія, а самъ въ то же время еще..., долженъ удержаться отъ дѣятельности. Изъ людей умныхъ должны выступать на поприще только тѣ, которые кончили свое воспитаніе и создались, какъ граждане земли своей, а изъ писателей только такіе, которые, любя Россію такъ же пламенно, какъ тотъ, который

далъ себѣ названіе Луганскаго, козака, умѣютъ по слѣдамъ его живописать природу, какъ она есть, не скрывая ни дурного, ни хорошаго въ русскомъ и руководствуясь единственно желаньемъ ввести всѣхъ въ дѣйствительное положеніе русскаго человѣка.

Мнѣ, вѣрно, потяжелѣй, чѣмъ кому-либо другому, отказаться отъ писательства, когда это составляло единственный предметъ всѣхъ моихъ помышленій, когда я все прочее оставилъ, всѣ лучшія приманки жизни и, какъ монахъ, разорвалъ связи со всѣмъ тѣмъ, что мило человѣку на землѣ, затѣмъ, чтобы ни о чемъ другомъ не помышлять, кромѣ труда своего. Мнѣ не легко отказаться отъ писательства: однѣ изъ лучшихъ минутъ въ жизни моей были тѣ, когда я наконецъ клалъ на бумагу то, что выносилось долговременно въ моихъ мысляхъ; когда я и до сихъ поръ увѣренъ, что едва ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе *творить*. Но, повторяю вновь, какъ честный человѣкъ, я долженъ положить перо даже и тогда, если бы чувствовалъ позывъ къ нему.

Не знаю, достало ли бы у меня честности это сдѣлать, если бы не отнялась у меня способность писать: потому что, — скажу откровенно, — жизнь потеряла бы для меня тогда вдругъ всю цѣну, и не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить. Но нѣтъ лишеній, вослѣдъ которымъ намъ не посылается замѣна, въ свидѣтельство того, что ни на малое время не оставляетъ человѣка Создатель. Сердце ни на минуту не остается пусто и не можетъ быть безъ какого-нибудь желанія. Какъ земля, на время освобожденная отъ пашни, износитъ другія травы, покуда вновь не обратится подъ пашню, оплодотворенная и удобренная ими, такъ и во мнѣ, какъ только способность писать меня оставила, мысли какъ бы сами вновь возвратились къ тому, о чемъ я помышлялъ въ самомъ дѣтствѣ. Мнѣ захотѣлось служить, въ какой бы ни было, хотя на самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей, такъ служить, какъ я хотѣлъ нѣкогда, и даже гораздо лучше,

нежели я нѣкогда хотѣлъ. Мысль о службѣ меня никогда не оставляла. Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей. Но и тогда, однакоже, я помышлялъ, какъ только кончу большое сочиненіе, вступить, по примѣру другихъ, въ службу и взять мѣсто. Планы мои и виды были только горды и заносчивы. Мнѣ казалось, что если только доказать, что я точно знаю русскаго человѣка въ корнѣ и въ существенныхъ его началахъ, какъ въ тѣхъ, которыя обнаружены всѣмъ, такъ равно и въ тѣхъ, которыя въ немъ покуда скрыты и видны не для всѣхъ, что знаю душу человѣка не по книгамъ и разсказамъ, но по опыту, влекомый отъ младенчества желаніемъ знать человѣка; то мнѣ дадутъ такое мѣсто, гдѣ я буду въ соприкосновеніи съ людьми разныхъ сословій, съ многими людьми въ соприкосновеніи личномъ, а не посредствомъ бумагъ и канцелярій, — гдѣ я могу употребить съ дѣйствительною пользой мое знаніе человѣка, и гдѣ могу быть полезнымъ многимъ людямъ, а для себя самого пріобрѣсти еще бо̀льшее познаніе человѣка. Мнѣ казалось, что больше всего страждетъ все на Руси отъ взаимныхъ недоразумѣній, и что больше намъ нуженъ всякій такой человѣкъ, который бы, при нѣкоторомъ познаніи души и сердца и при нѣкоторомъ знаніи вообще, проникнутъ былъ желаніемъ истиннымъ мирить. Я видѣлъ и уже испыталъ, какъ личнымъ переговоромъ и объясненіемъ прекращать можно было много такихъ дѣлъ, которыя никогда не оканчиваются на бумагѣ. Я думалъ, что хоть теперь и нѣтъ такихъ мѣстъ, но что я получу послѣ того, какъ выйдетъ вполнѣ мое сочиненіе, и приготовлялъ уже въ мысляхъ и самый проектъ, въ которомъ намѣревался изъяснить, какъ вслѣдствіе тѣхъ способностей, какія у меня есть, я могу быть нуженъ и полезенъ Россіи. Замыслы мои были горды, но такъ какъ они были основаны только на успѣхѣ моего сочиненія, то и упали вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ оставила меня способность производить созданія поэтическія. Теперь въ

глазахъ моихъ всѣ должности равны, всѣ мѣста равно значительны, отъ малаго до великаго, если только на нихъ взглянешь значительно, и мнѣ кажется, что если только хотя сколько-нибудь умѣешь цѣнить человѣка и понимать его достоинство, которое въ немъ бываетъ даже и среди множества недостатковъ, и если только при этомъ хоть сколько-нибудь имѣешь истинно-христіанской любви къ человѣку и, въ заключеніе, проникнутъ точно любовью къ Россіи,—то, мнѣ кажется, на всякомъ мѣстѣ можно сдѣлать много добра. Сила вліянія нравственнаго выше всякихъ силъ. Мѣсто и должность сдѣлались для меня, какъ для плывущаго по морю пристань и твердая земля. Я убѣжденъ, что теперь всякому, кто пламенѣетъ желаніемъ добра, кто русскій и кому дорога честь земли Русской, должно........ также брать многія мѣста и должности въ государствѣ, съ такой же ревностью, какъ становился нѣкогда изъ насъ всякъ въ ряды противъ непріятелей спасать родную землю, потому что неправда велика и много опозорила. Съ другой стороны я убѣжденъ, что мѣсто и должность нужны для самого себя, для.... Какъ ни бурно нынѣшнее время, какъ ни мятутся и ни волнуются вокругъ умы, какъ ни возмущаетъ тебя собственный умъ твой; но можно остаться среди всего этого въ тишинѣ, если съ тѣмъ именно возьмешь свое мѣсто, чтобы на немъ исполнить долгъ такимъ образомъ, чтобы не стыдно было дать и за который дашь отвѣтъ Небу. Какъ бы то ни было, но жизнь для насъ уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнѣйшіе изъ людей, отъ мыслителей до поэтовъ, надъ ней задумывались и приходили только къ сознанію, что не знаютъ, что̀ такое жизнь. Но когда Одинъ, всѣхъ наиумнѣйшій, сказалъ твердо, не колеблясь никакимъ сомнѣніемъ, что Онъ знаетъ, что̀ такое жизнь; когда этотъ Одинъ признанъ всѣми за величайшаго человѣка изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ, даже и тѣми, которые не признаютъ въ Немъ Его божественности, тогда слѣдуетъ повѣрить Ему на слово, даже и въ такомъ случаѣ, если бы Онъ былъ просто человѣкъ. Стало-быть, вопросъ рѣшенъ: что̀ такое жизнь?

Этого мало. Намъ данъ полнѣйшій законъ всѣхъ дѣйствій нашихъ. — тотъ законъ, котораго не можетъ стѣснить или остановить никакая власть, который можно внести даже въ тюремныя стѣны, но котораго, однакожъ, нельзя исполнять на воздухѣ: нужно для того стоять хоть на какомъ-нибудь земномъ грунтѣ. Находясь въ должности и на мѣстѣ, все-таки идешь по дорогѣ; не имѣя опредѣленнаго мѣста и должности, идешь черезъ кусты и овраги, какъ попало, хотя и та же цѣль. По дорогѣ итти легче, нежели безъ дороги. Если взглянешь на мѣсто и должность, какъ на средство къ достиженію не цѣли земной, но цѣли небесной. во спасеніе своей души—увидишь, что законъ, данный Христомъ, данъ какъ бы для тебя самого, какъ бы устремленъ лично къ тебѣ самому, затѣмъ, чтобы ясно показать тебѣ, какъ быть на своемъ мѣстѣ во взятой тобою должности. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ высшими, такъ что если хотя немного онъ изъ того исполнитъ, всѣ высшіе его полюбятъ. Христіанину сказано ясно, какъ ему быть съ тѣми, которые его пониже, такъ что если хотя отчасти онъ это исполнитъ, всѣ низшіе ему предадутся всею душой своей. Всю эту всемірность человѣколюбиваго закона Христова, все это отношеніе человѣка къ человѣчеству можетъ изъ насъ перенести всякъ на свое небольшое поприще. Стòитъ только всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми происходятъ у насъ частыя непріятности наищекотливѣйшія, обратить именно въ тѣхъ самыхъ ближнихъ и братьевъ, которыхъ повелѣваетъ больше всего прощать и любить Христосъ. Стòитъ только не смотрѣть на то, какъ другіе съ тобою поступаютъ, а смотрѣть на то, какъ самъ поступаешь съ другими. Стòитъ только не смотрѣть на то, какъ тебя любятъ другіе, а смотрѣть только на то, любишь ли самъ ихъ. Стòитъ только, не оскорбляясь ничѣмъ, подавать первому руку на примиренье. Стòитъ поступать такъ въ продолженіе небольшого времени, и увидишь, что и тебѣ легче съ другими, и другимъ легче съ тобою, и въ силахъ будешь точно произвести много полезныхъ дѣлъ почти на незамѣтномъ мѣстѣ. Труднѣй всего

на свѣтѣ тому, кто не прикрѣпилъ себя къ мѣсту, не опредѣлилъ себѣ, въ чемъ его должность: ему труднѣй всего примѣнить къ себѣ законъ Христовъ, который на то, чтобы исполняться на землѣ, а не на воздухѣ; а потому и жизнь должна быть для него вѣчной загадкой. Предъ нимъ узникъ въ тюрьмѣ имѣетъ преимущество: онъ знаетъ, что онъ узникъ, а потому и знаетъ, что̀ брать изъ закона. Предъ нимъ нищій имѣетъ преимущество: онъ тоже при должности, онъ нищій, а потому и знаетъ, что̀ брать изъ закона Христова. Но человѣкъ, не знающій, въ чемъ его должность, гдѣ его мѣсто, не опредѣлившій себѣ ничего и не остановившійся ни на чемъ, пребываетъ ни въ мірѣ, ни внѣ міра, не узнаетъ, кто ближній его, кто братья, кого нужно любить, кому прощать (весь міръ не полюбишь, если не начнешь прежде любить тѣхъ, которые стоятъ поближе къ тебѣ и имѣютъ случай огорчить тебя): онъ ближе всѣхъ къ холодной черствости душевной.

Итакъ, послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ, и опытовъ, и размышленій, идя видимо впередъ, я пришелъ къ тому, о чемъ уже помышлялъ во время моего дѣтства: что назначенье человѣка — служить и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято мѣсто въ земномъ государствѣ затѣмъ, чтобы служить на немъ Государю Небесному, и потому имѣть въ виду Его законъ. Только такъ служа, можно угодить всѣмъ: государю, и народу, и землѣ своей.

Увѣрившись въ этомъ, я уже готовъ былъ жадно взять всякую должность, хотя, соображаясь съ своими способностями, старался выбрать такую, которая продолжала бы практически знакомить съ русскимъ человѣкомъ, чтобы, если возвратится мнѣ способность писать, набрались у меня матеріалы. Одною изъ главныхъ причинъ моего путешествія къ Святымъ Мѣстамъ было желанье искреннее помолиться и испросить благословеній на честное исполненіе должности, на вступленіе въ жизнь у Самого Того, Кто открылъ намъ тайну жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда

проходили стопы Его; поблагодарить за все, что̀ ни случилось въ моей жизни; испросить дѣятельности и напутственнаго освѣженія на дѣло, для котораго я себя воспитывалъ и къ которому приготовлялъ себя. Тутъ я не нахожу ничего страннаго, если и ученикъ, по окончаніи своего ученья, спѣшитъ сказать благодарственное слово учителю. Если сынъ спѣшитъ на могилу отца передъ тѣмъ, какъ предстоитъ ему поприще: почему же и мнѣ не поклониться той могилѣ, которой поклоняются всѣ, на которой всѣ получаютъ себѣ какое-нибудь напутствіе, гдѣ вдохновляются всѣ, даже и не поэты? Странно, можетъ-быть, то, что я объ этомъ сказалъ въ печатной книгѣ; но я въ то время только-что оправился отъ тяжкой болѣзни. Я былъ слабъ; я не думалъ, что буду въ силахъ совершить это путешествіе. Мнѣ хотѣлось, чтобы помолились обо мнѣ тѣ, которыхъ вся жизнь стала одною молитвой. Я не зналъ, какъ сдѣлать, чтобы голосъ мой достигнулъ въ глубину келій и стѣнъ затворниковъ, въ мысли, что авось кто-либо изъ прочитавшихъ донесетъ имъ мое слово. Я просилъ обо мнѣ и другихъ молиться, потому что не зналъ, чья молитва изъ насъ угоднѣй Тому, Кому мы всѣ молимся. Знаю только то, что наипрезрѣннѣйшій изъ насъ можетъ завтра же сдѣлаться лучше всѣхъ насъ, и его молитва будетъ всѣхъ ближе къ Богу. За это не слѣдовало бы меня много осуждать, а выполнить, помня слова: *просящему дай.*

Какъ случилось, что я долженъ обо всемъ входить въ объясненія съ читателемъ, этого я самъ не могу понять. Знаю только то, что никогда, даже съ наиискреннѣйшими пріятелями, я не хотѣлъ изъясняться насчетъ сокровеннѣйшихъ моихъ помышленій. Я рѣшился твердо не открывать ничего изъ душевной своей исторіи, выносить всякія заключенія о себѣ, какія бы ни раздавались, въ увѣренности, что когда выйдетъ второй и третій томъ «Мертвыхъ Душъ», все будетъ объяснено ими и никто не будетъ дѣлать запроса: что̀ такое самъ авторъ? хотя авторъ и долженъ былъ весь спрятаться за своихъ героевъ. Но, начавши нѣкоторыя объясненія по

поводу моихъ сочиненій, я долженъ былъ неминуемо заговорить о себѣ самомъ, потому что сочиненія связаны тѣсно съ дѣломъ моей души. Богъ вѣсть, можетъ-быть, и въ этомъ была также воля Того, безъ воли Котораго ничто не дѣлается на свѣтѣ; можетъ-быть, произошло это именно затѣмъ, чтобы дать мнѣ возможность взглянуть на себя самого. Мнѣ легко было почувствовать нѣкоторую гордость, особенно послѣ того, какъ удалось мнѣ дѣйствительно избавиться отъ многихъ недостатковъ. Эта гордость во мнѣ бы жила безпрестанно, и ея бы мнѣ никто не указалъ. Извѣстно, что достаточно пріобрѣсти въ обращеніяхъ съ людьми нѣкоторую ровность характера и снисходительность, чтобы заставить ихъ уже не замѣчать въ насъ нашихъ недостатковъ. Но, когда выставишься передъ лицо незнакомыхъ людей, передъ лицо всего свѣта, и разберутъ по ниткѣ всякое твое дѣйствіе, всякій поступокъ, и люди всѣхъ возможныхъ убѣжденій, предубѣжденій, образовъ мыслей взглянутъ на тебя каждый по-своему, и посыплются со всѣхъ сторонъ упреки впопадъ и невпопадъ, ударятъ и съ умысломъ, и невзначай по всѣмъ чувствительнымъ струнамъ твоимъ—тутъ поневолѣ взглянешь на себя съ такихъ сторонъ, съ какихъ бы никогда на себя не взглянулъ; станешь въ себѣ отыскивать тѣхъ недостатковъ, которыхъ никогда бы не вздумалъ прежде отыскивать. Это та страшная школа, отъ которой или точно свихнешь съ ума, или поумнѣешь больше, чѣмъ когда-либо. Не безъ стыда и краски въ лицѣ я перечитываю самъ многое въ моей книгѣ, но при всемъ томъ благодарю Бога, давшаго мнѣ силы издать ее въ свѣтъ. Мнѣ нужно было имѣть зеркало, въ которое бы я могъ глядѣться и видѣть получше себя, а безъ этой книги врядъ ли бы я имѣлъ это зеркало. Итакъ, замышленная отъ искренняго желанія принести пользу другимъ книга моя принесла прежде всего пользу мнѣ самому.

Но да позволено мнѣ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ относительно полезности ея другимъ. Точно ли безполезна моя книга другимъ и особенно обществу въ его

нынѣшнемъ, современномъ видѣ? Мнѣ кажется, всѣ судившіе ее взглянули на нее какими-то широкими глазами, какъ-то уже слишкомъ сгоряча. Нужно было судить о ней похладнокровнѣе. Вмѣсто того, чтобы выступать ратниками за все общество и вызывать меня на судъ передъ всю Россію, нужно было разсмотрѣть дѣло проще, разсмотрѣть книгу, что̀ такое она въ своемъ основаніи, а не останавливаться надъ частями и подробностями прежде, чѣмъ объяснился вполнѣ внутренній смыслъ ея. Отъ этого вышли пустыя придирки къ словамъ и приписанье многому такого смысла, который мнѣ никогда и въ умъ не могъ притти.

Начать съ того, что я всегда имѣлъ право сказать о томъ, о чемъ говорилъ въ моей книгѣ, если бы только выразился попроще и поприличнѣе. Учить общество въ томъ смыслѣ, какой нѣкоторые мнѣ приписали, я вовсе не думалъ. *Учить* я принималъ въ томъ простомъ значеніи, въ какомъ повелѣваетъ намъ Церковь учить другъ друга и безпрестанно, умѣя съ такой же охотой принимать и отъ другихъ совѣты, съ какой подавать ихъ самому. А я былъ готовъ въ то время принимать и отъ другихъ совѣты. Я не представлялъ себѣ общества школой, наполненной моими учениками, а себя его учителемъ. Я не всходилъ съ моей книгой на каѳедру, требуя, чтобы всѣ по ней учились. Я пришелъ къ своимъ собратьямъ, соученикамъ, какъ равный имъ соученикъ; принесъ нѣсколько тетрадей, которыя успѣлъ записать со словъ Того же Учителя, у Котораго мы всѣ учимся; принесъ на выборъ, чтобы всякій взялъ, что̀ кому придется. Тутъ были письма, писанныя къ людямъ разныхъ характеровъ, разныхъ склонностей, и притомъ находившихся на разныхъ степеняхъ своего собственнаго душевнаго состоянія, которыя никакъ не могли прииттиться равно всѣмъ. Я думалъ, что каждый схватитъ только, что̀ нужно ему, а на другое не обратитъ вниманія. Я не думалъ, что иной, схвативши то, что̀ нужно для другого, будетъ кричать: «Это мнѣ не нужно!» и сердиться за то. Я никакой новой науки не брался проповѣдать. Какъ уче-

никъ, кое въ чемъ успѣвшій больше другого, я хотѣлъ только открыть другимъ, какъ полегче выучивать уроки, которые даются намъ наилучшимъ Учителемъ. Я думалъ, что, по прочтеніи книги, будетъ мнѣ сказано: «Благодарю тебя, собратъ», а не: «Благодарю тебя, учитель». Если бы не «завѣщаніе», которое я помѣстилъ довольно неосторожно, въ которомъ намекалъ о поученіи, которое обязанъ дать всякій авторъ поэтическими созданіями своими, никто бы и не вздумалъ мнѣ приписывать этого апостольства, несмотря даже на рѣшительный слогъ и нѣкоторую лирическую торжественность рѣчи. Но въ книгѣ моей отыщетъ много себѣ полезнаго всякъ, кто уже глядитъ въ собственную душу свою.

Что̀ же касается до мнѣнія, будто книга моя должна произвести вредъ, съ этимъ не могу согласиться ни въ какомъ случаѣ. Въ книгѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, слишкомъ явно выступило желанье добра. Несмотря на многія неопредѣлительныя и темныя мѣста, главное видно въ ней ясно, и послѣ чтенія ея приходишь къ тому же заключенію, что верховная инстанція всего есть Церковь и разрѣшенье вопросовъ жизни — въ ней. Стало-быть, во всякомъ случаѣ, послѣ книги моей читатель обратится къ Церкви, а въ Церкви встрѣтитъ и учителей Церкви, которые укажутъ, что̀ слѣдуетъ ему взять изъ моей книги для себя, а, можетъ-быть, дадутъ ему, намѣсто моей книги, другія позначительнѣе, полезнѣе и для которыхъ онъ оставитъ мою книгу, какъ ученикъ бросаетъ склады, когда выучится читать по верхамъ.

Въ заключеніе всего я долженъ замѣтить: сужденья бо̀льшею частію были слишкомъ ужъ рѣшительны, слишкомъ рѣзки, и всякъ, укорявшій меня въ недостаткѣ смиренья истиннаго, не показалъ смиренья относительно меня самого. Положимъ, я въ гордости своей, основавшись на многихъ достоинствахъ, мнѣ приписанныхъ всѣми, могъ подумать, что я стою выше всѣхъ и имѣю право произносить судъ надъ другимъ. Но, на чемъ основываясь, могъ судить меня

рѣшительно тотъ, кто не почувствовалъ, что онъ стоитъ выше меня? Какъ бы то ни было, но чтобы произнести полный судъ надъ чѣмъ бы то ни было, нужно быть выше того, котораго судишь. Можно дѣлать замѣчанія по частямъ на то и на другое, можно давать и мнѣнія, и совѣты; но выводить, основываясь на этихъ мнѣніяхъ, обо всемъ человѣкѣ, объявлять его рѣшительно помѣшавшимся, сошедшимъ съ ума, называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлыя и низкія цѣли—это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца, который заклейменъ клеймомъ всеобщаго презрѣнія. Мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ произносить такія обвиненія, слѣдовало бы хоть сколько-нибудь содрогнуться душою и подумать о томъ, каково было бы намъ самимъ, если бы такія обвиненія обрушились на насъ публично, въ виду всего свѣта. Не мѣшало бы подумать прежде, чѣмъ произносить такое обвиненіе: «Не ошибаюсь ли я самъ? Вѣдь я тоже человѣкъ. Дѣло здѣсь душевное. Душа человѣка—кладязь, не для всѣхъ доступный, и на видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ нельзя основываться. Часто и наиискуснѣйшіе врачи принимали одну болѣзнь за другую и узнавали ошибку свою только тогда, когда разрѣзывали уже мертвый трупъ». Нѣтъ, въ книгѣ: «Переписка съ друзьями», какъ ни много недостатковъ во всѣхъ отношеніяхъ, но есть также въ ней много того, что̀ не скоро можетъ быть доступно всѣмъ. Нечего утверждаться на томъ, что прочелъ два или три раза книгу: иной и десять разъ прочтетъ, и ничего изъ этого не выйдетъ. Для того, чтобы сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно имѣть или очень простую и добрую душу, или быть слишкомъ многостороннимъ человѣкомъ, который, при умѣ, обнимающемъ со всѣхъ сторонъ, заключалъ бы высокій поэтическій талантъ и душу, умѣющую любить полною и глубокою любовью.

Не могу не признаться, что вся эта путаница и недоразумѣніе были для меня очень тяжелы,—тѣмъ болѣе, что я

думалъ, что въ книгѣ моей скорѣй зерно примиренья, а не раздора. Душа моя изнемогла бы отъ множества упрековъ: изъ нихъ многіе были такъ страшны, что не дай ихъ Богъ никому получать! Не могу не изъявить также и благодарности тѣмъ, которые могли бы также осыпать меня за многое упреками, но которые, почувствовавъ, что ихъ уже слишкомъ много для немощной натуры человѣка, рукой скорбящаго брата приподымали меня, повелѣвая ободриться. Богъ да вознаградитъ ихъ! Я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ.

ПИСЬМО КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Неаполь. $\frac{\text{1848 генваря 10.}}{\text{1847 декабря 29.}}$

Виноватъ передъ тобой, душа моя! Всякой день собираюсь писать—и непостижимая *неохота* удерживаетъ. Передо мной опять Неаполь, Везувій и море! Дни бѣгутъ въ занятіяхъ; время летитъ такъ, что не знаешь, откуда взять лишній часъ. Учусь, какъ школьникъ, всему тому, чему пренебрегъ выучиться въ школѣ. Но что̀ разсказывать объ этомъ! Хотѣлось бы поговорить о томъ, о чемъ съ однимъ тобой могу говорить: о нашемъ миломъ *искусствѣ*, для котораго живу и для котораго учусь теперь, какъ школьникъ. Такъ какъ теперь предстоитъ мнѣ путешествіе въ Іерусалимъ, то хочу тебѣ исповѣдаться; кому же, какъ не тебѣ? Вѣдь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грѣхи—здѣсь. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полдороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ; но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаніемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ!.. Что̀ насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дѣло рѣшить, въ какой степени я поэтъ; знаю только то, что, прежде чѣмъ понимать значеніе и цѣль искусства, я уже чувствовалъ чутьемъ всей души моей, что

оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого перваго свиданья нашего оно уже стало *главнымъ* и *первымъ* въ моей жизни, а все прочее *вторымъ*. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давалъ себѣ отчета (да и могъ ли тогда его дать?), что̀ должно быть предметомъ моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственныя обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось какъ бы независимо отъ моего собственнаго (свободнаго) произволенія. Никогда, напримѣръ, я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ и смѣшить моихъ читателей. Правда, что, еще бывши въ школѣ, чувствовалъ я временами расположеніе къ веселости и надоѣдалъ товарищамъ неумѣстными шутками. Но это были временные припадки: вообще же я былъ характера скорѣй меланхолическаго и склоннаго къ размышленію. Впослѣдствіи присоединилась къ этому болѣзнь и хандра. И эти-то самыя болѣзнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась въ моихъ первыхъ произведеніяхъ. Чтобъ развлекать самого себя, я выдумывалъ безъ дальнѣйшей цѣли и плана героевъ, становилъ ихъ въ смѣшныя положенія — вотъ происхожденіе моихъ повѣстей! Страсть наблюдать за человѣкомъ, питаемая мною еще сызмала, придала имъ нѣкоторую естественность; ихъ даже стали называть вѣрными снимками съ натуры. Еще одно обстоятельство: мой смѣхъ вначалѣ былъ добродушенъ, я совсѣмъ не думалъ осмѣивать что-либо съ какой-нибудь цѣлью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышалъ, что̀ обижаются и даже сердятся на меня цѣликомъ сословія и классы общества, что я наконецъ задумался. «Если сила смѣха такъ велика, что ея боятся, стало-быть, ее не слѣдуетъ тратить по-пустому». Я рѣшился собрать все дурное, какое только я зналъ, и за однимъ разомъ надъ нимъ посмѣяться—вотъ происхожденіе «Ревизора»! Это было первое мое произведеніе, замышленное

съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что впрочемъ не удалось: въ комедіи стали видѣть желаніе осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленье нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка. Представленіе «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Я былъ сердитъ и на зрителей, меня не понявшихъ, и на себя самого, бывшаго виной тому, что меня не поняли. Мнѣ хотѣлось убѣжать отъ всего. Душа требовала уединенья и обдуманья строжайшаго своего дѣла. Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья,* въ которомъ бы предстало все, что ни есть и хорошаго, и дурного въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы предъ нами виднѣй *свойство* нашей русской природы. Я видѣлъ и обнималъ порознь много частей, но планъ цѣлаго никакъ не могъ предо мной выясниться и опредѣлиться въ такой силѣ, чтобы я могъ уже приняться и начать писать. На всякомъ шагу я чувствовалъ, что мнѣ многаго недостаетъ, что я не умѣю еще ни завязывать, ни развязывать событій и что мнѣ нужно выучиться постройкѣ большихъ твореній у великихъ мастеровъ. Я принялся за нихъ, начиная съ нашего любезнаго Гомера. Уже мнѣ показалось было, что я начинаю кое-что понимать и пріобрѣтать даже ихъ пріемы и замашки, — а способность творить все не возвращалась. Отъ напряженія болѣла голова. Съ большими усиліями удалось мнѣ коекакъ выпустить въ свѣтъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», какъ бы затѣмъ, чтобы увидѣть на ней, какъ я былъ еще далекъ отъ того, къ чему стремился. Послѣ этого нашло на меня вновь безблагодатное состояніе. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня. И вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянія оторвали меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту — къ наблюденію

внутреннему надъ человѣкомъ и надъ *душой человѣческой*. О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это познаніе, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ-то пути поневолѣ встрѣтишься *ближе* съ Тѣмъ, Который одинъ изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ на землѣ, показалъ въ Себѣ полное познаніе души человѣческой; божественность Которaго если бы даже и отвергнулъ міръ, то ужъ этого послѣдняго свойства никакъ не въ силахъ отвергнуть, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сдѣлается уже не *слѣпъ*, а просто *глупъ*. Этимъ крутымъ поворотомъ, происшедшимъ не отъ моей воли, наведенъ я былъ заглянуть глубже въ душу вообще и узнать, что существуютъ ея высшія степени и явленія. Съ этихъ поръ способность творить стала пробуждаться; живые образы начинаютъ выходить ясно изъ мглы; чувствую, что работа пойдетъ, что даже и языкъ будетъ правиленъ и звученъ, а слогъ окрѣпнетъ. И, можетъ-быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно вослѣдъ за твоей, примолвивши: «оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга». Выпускъ книги «Переписка съ друзьями», съ которою (отъ радости, что расписалось перо) я такъ поспѣшилъ, не подумавши, что прежде, чѣмъ принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею съ толку многихъ, пришелся въ пользу мнѣ самому. На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянія общества, попадаетъ почти всякій идущій впередъ человѣкъ. Несмотря на пристрастіе сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыя я, какъ писатель, не долженъ преступать. Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденіями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопросъ: могъ ли бы я безъ этого

большого крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ такъ, чтобы она пошла въ поученіе? Какъ изображать людей, если не узналъ прежде, что̀ такое *душа человѣческая?* Писатель, если только онъ одаренъ творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде, какъ человѣкъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо! Иначе все будетъ невпопадъ. Что̀ пользы поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противуположнаго прекраснаго человѣка? Какъ выставлять недостатки и недостоинство человѣческое, если не задалъ самому себѣ запроса: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Какъ осмѣивать исключенія, если еще не узналъ хорошо тѣ правила, изъ которыхъ выставляешь на видъ исключенія? Это будетъ значить разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушеніе. Въ искусствѣ таятся сѣмена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и въ тѣ времена, когда все было невѣжественно. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сихъ поръ понятіе общества объ искусствѣ, всѣ однакоже говорятъ: «искусство есть примиреніе съ жизнью». Это правда. Истинное созданіе искусства имѣетъ въ себѣ что-то успокаивающее и примирительное. Во время чтенія душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается въ сердцѣ движеніе негодованія противъ брата, но скорѣе въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату; и вообще не устремляешься на *порицаніе* дѣйствій другого, но на *созерцаніе* самого себя. Если же созданіе поэта не имѣетъ въ себѣ этого свойства, то оно есть одинъ только благородный, горячій порывъ, плодъ временного состоянія автора. Оно останется, какъ примѣчательное явленіе, но не назовется созданіемъ искусства. Подѣло̀мъ. Искусство есть примиреніе съ жизнью!

Искусство есть водвореніе въ душу стройности и порядка, а не смущенія и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это *живые люди*, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя *народныя* наши качества и свойства, не выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены такъ вѣрно, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и загорѣлся бы желаніемъ развить и возлелѣять въ себѣ самомъ то, что̀ имъ заброшено и позабыто. Искусство должно выставить намъ всѣ дурныя наши народныя качества и свойства такимъ образомъ, чтобы слѣды ихъ каждый изъ насъ отыскалъ прежде въ себѣ самомъ и подумалъ бы о томъ, какъ прежде съ самого себя сбросить все, омрачающее благородство природы нашей. Тогда только, и такимъ образомъ дѣйствуя, искусство исполнитъ свое назначеніе и внесетъ порядокъ и стройность въ общество!

Итакъ, благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что̀ касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть достойнымъ сколько-нибудь того), хочу заняться крѣпко «Мертвыми Душами». Съѣзжу въ Іерусалимъ (чего стало даже и совѣстно не сдѣлать); поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее; помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы, и съ Богомъ за дѣло. Очень, очень бы хотѣлось, чтобы привелъ Богъ насъ опять пожить вмѣстѣ, въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга. Перечитывать написанное и быть судьей другъ другу теперь будетъ еще больше нужно, чѣмъ прежде. Затѣмъ отъ всей души поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ былъ онъ намъ обоимъ очень, очень плодотворенъ, плодотворнѣе всѣхъ прошедшихъ. Прощай, мой родной! Цѣлую тебя и обнимаю крѣпко. Пиши ко мнѣ. Твое письмо еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Раньше февраля я не думаю подняться.

Обнимаю все твое милое семейство вмѣстѣ съ Рейтернами.

Твой Г.

Если письмо это найдешь не безъ достоинства, то прибереги его. Его можно будетъ при второмъ изданіи «Переписки» поставить впереди книги намѣсто «Завѣщанія», имѣющаго выброситься, а заглавіе дать ему: *Искусство есть примиреніе съ жизнью.*

Все хочу спросить и все забываю: есть ли у тебя латынскій надстрочный переводъ Одиссеи, напечатанный недавно въ Парижѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ. Весьма красивое изданіе. Весь Гомеръ въ одномъ томѣ, въ большую осьмушку, editore Ambrosio Firmin Didot. Parisiis. 1846. Мнѣ онъ показался весьма удовлетворительнымъ и для тебя полезнѣйшимъ прочихъ.

Адресъ мой: въ Неаполь, poste restante, или еще лучше въ hôtel de Rome, а чтобъ не попало письмо въ городъ Римъ, слово Неаполь нужно выставить позамѣтнѣй.

РАЗМЫШЛЕНІЯ

о

БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГІИ.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. 9-го февраля 1889 г.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко.*

Предисловіе.

Цѣлью этой книги — показать, въ какой полнотѣ и внутренней глубокой связи совершается наша литургія, юношамъ и людямъ, еще начинающимъ, еще мало ознакомленнымъ съ ея значеніемъ. Изъ множества объясненій, сдѣланныхъ Отцами и Учителями, выбраны здѣсь только тѣ, которыя доступны всѣмъ своей простотою и доступностью, которыя служатъ преимущественно къ тому, чтобы понять необходимый и правильный исходъ одного дѣйствія изъ другого*). Намѣренье издающаго эту книгу состоитъ въ томъ, чтобы утвердился въ головѣ читателя порядокъ всего. Онъ увѣренъ, что всякому, со вниманьемъ слѣдующему за литургіею, повторяя всякое слово, глубокое внутреннее значеніе ея раскрываться будетъ само собою.

*) Всѣ прочіе, которые бы захотѣли узнать болѣе таинственныя и глубокія объясненія, могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ патріарха Германа, Іереміи, Николая Кавасила, Симеона Солунскаго, въ Старой и Новой Скрижали, въ объясненіяхъ Дмитріева и, наконецъ, въ нѣкоторыхъ.......

ВСТУПЛЕНІЕ.

Божественная литургія есть вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося. Скорбя отъ неустроеній своихъ, человѣчество отвсюду, со всѣхъ концовъ міра взывало къ Творцу своему — и пребывавшіе во тьмѣ язычества и лишенные боговѣдѣнія—слыша, что порядокъ и стройность могутъ [быть] водворены въ мірѣ только Тѣмъ, Который въ стройномъ чинѣ повелѣлъ двигаться мірамъ, отъ Него созданнымъ. Отовсюду тоскующая тварь звала своего Творца. Воплями взывало все къ Виновнику своего бытія, и вопли эти слышнѣй слышались въ устахъ избранныхъ и пророковъ. Предчувствовали и знали, что Создатель, скрывающійся въ созданіяхъ, предстанетъ Самъ лицомъ къ человѣкамъ,—предстанетъ не иначе, какъ въ образѣ того созданія своего, созданнаго по Его образу и подобію. Вочеловѣченіе Бога на землѣ представлялось всѣмъ, по мѣрѣ того, какъ сколько-нибудь очищались понятія о божествѣ. Но нигдѣ такъ ясно не говорилось объ этомъ, какъ у пророковъ богоизбраннаго народа. И самое чистое воплощеніе Его отъ чистой Дѣвы было предслышиваемо даже и язычниками; но нигдѣ въ такой ощутительно видной ясности, какъ у пророковъ.

Вопли услышались: явился въ міръ, Имъ же міръ бысть; среди насъ явился въ образѣ человѣка, какъ предчувствовали, какъ предслышали и въ темной тьмѣ язычества, но не въ томъ только, въ какомъ представляли Его неочищенныя понятія—не въ гордомъ блескѣ и величіи, не какъ каратель преступленій, не как судія, приходящій истребить однихъ и наградить другихъ. Нѣтъ! послышалось кроткое лобзаніе брата. Совершилось его появленіе образомъ, только одному Богу свойственнымъ, какъ прообразовали его божественно пророки, получившіе повелѣніе отъ Бога......

ПРОСКОМИДІЯ.

Священникъ, которому предстоитъ совершать литургію, долженъ еще съ вечера трезвиться тѣломъ и духомъ, долженъ быть примиренъ со всѣми, долженъ опасаться питать какое-нибудь неудовольствіе на кого бы то ни было. Когда же наступитъ время, идетъ онъ въ церковь; вмѣстѣ съ діакономъ поклоняются они оба предъ царскими вратами, цѣлуютъ образъ Спасителя, цѣлуютъ образъ Богородицы, поклоняются ликамъ святыхъ всѣхъ, поклоняются всѣмъ предстоящимъ направо и налѣво, испрашивая симъ поклономъ себѣ прощенія у всѣхъ, и входятъ въ алтарь, произнося въ себѣ псаломъ: «Вниду въ домъ Твой, поклонюся храму Твоему во страсѣ Твоемъ». И, приступивъ къ престолу [лицомъ къ востоку], повергаютъ предъ нимъ три наземные поклона и цѣлуютъ на немъ пребывающее евангеліе, какъ бы Самого Господа, сидящаго на престолѣ; цѣлуютъ потомъ и самую трапезу и приступаютъ къ облаченію себя въ священныя одежды, чтобы отдѣлиться не только отъ другихъ людей,—и отъ самихъ себя, ничего не напомнить въ себѣ другимъ похожаго на человѣка, занимающагося ежедневными житейскими дѣлами. И произнося въ себѣ: «Боже! очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!» священникъ [и діаконъ] берутъ въ руки одежды. Сначала одѣвается діаконъ; испросивъ благословеніе у іерея, надѣваетъ стихарь, подризникъ блистающаго цвѣта, во знаменованіе свѣтоносной ангельской одежды и въ напоминанье непорочной чистоты сердца, какая должна быть неразлучна съ саномъ священства, почему и произноситъ при воздѣваніи его:

«Возрадуется душа моя о Господѣ, облече бо мя въ ризу спасенія и одеждою веселія одѣя мя; яко жениху, возложи ми вѣнецъ и, яко невѣсту, украси мя красотою».—Затѣмъ беретъ, поцѣловавъ, орарь, узкое длинное лентіе, принадлежность діаконскаго званія, которымъ подаетъ онъ знакъ къ начинанью всякаго дѣйствія церковнаго, воздвигая народъ къ моленію, пѣвцовъ къ пѣнію, священника къ священнодѣйствію, себя къ ангельской быстротѣ и готовности во служеніи. Ибо званье діакона, что̀ званье ангела на небесахъ, и самымъ симъ на него воздѣтымъ тонкимъ лентіемъ, развѣвающимся какъ бы въ подобіе воздушнаго крыла, и быстрымъ хожденіемъ своимъ по церкви изобразуетъ онъ, по слову Златоуста, ангельское летаніе. Лентіе это, поцѣловавъ, онъ набрасываетъ себѣ на плечо. Потомъ надѣваетъ онъ поручи или нарукавницы, которыя стягиваются у самой кисти его руки для сообщенья имъ бо̀льшей свободы и ловкости въ отправленіи предстоящихъ священнодѣйствій. Надѣвая ихъ, помышляетъ о всетворящей, содѣйствующей повсюду силѣ Божіей и, воздѣвая на правую, произноситъ онъ: «Десница Твоя, Господи, прославилася въ крѣпости; десная рука Твоя, Господи, сокрушила враговъ и множествомъ сла̀вы Своей Ты истребилъ супостатовъ». Воздѣвая на лѣвую руку, помышляетъ о самомъ себѣ, какъ о твореніи рукъ Божіихъ и молитъ у Него же, его же сотворившаго, да руководитъ его верховнымъ, свышнимъ Своимъ руководствомъ, говоря такъ: «Руки Твои сотворили и создали мя. Вразуми меня, и научуся Твоимъ заповѣдямъ».

Священникъ облачается такимъ же самымъ образомъ. Вначалѣ благословляетъ и надѣваетъ стихарь, сопровождая сіе тѣми же словами, какими сопровождалъ и діаконъ; но, вслѣдъ за стихаремъ, надѣваетъ уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрывъ оба плеча и обнявъ шею, соединяется обѣими концами на груди его вмѣстѣ и сходитъ въ соединенномъ видѣ до самаго низу его одежды, знаменуя симъ соединеніе въ его должности двухъ должностей—іерейской и діаконской. И называется

онъ уже не ораремъ, но эпитрахилью, и самимъ воздѣваньемъ своимъ знаменуетъ изліяніе благодати свыше на священниковъ, почему и сопровождается это величественными словами Писанія: «Благословенъ Богъ, изливающій благодать Свою на священники Своя, яко миро на главѣ, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его». Затѣмъ надѣваетъ поручи на обѣ руки свои, сопровождая тѣми же словами, какъ и діаконъ, и препоясуетъ себя поясомъ сверхъ подризника и эпитрахили, дабы не препятствовала ширина одежды въ отправленіи священнодѣйствій и дабы симъ препоясаніемъ выразить готовность свою, ибо препоясуется человѣкъ, готовясь въ дорогу, приступая къ дѣлу и подвигу: препоясуется и священникъ, собираясь въ дорогу небеснаго служенія, и взираетъ на поясъ свой, какъ на крѣпость силы Божіей, его укрѣпляющей, почему и произноситъ: «Благословенъ Богъ, препоясующій мя силою, содѣлавшій путь мой непорочнымъ, быстрѣйшими еленей мои ноги и поставляющій меня на высокихъ», то-есть, въ дому Господнемъ. Если же онъ облеченъ при этомъ званіемъ высшимъ іерейства, то привѣшиваетъ къ бедру своему четыреугольный набедренникъ однимъ изъ четырехъ концовъ его, который знаменуетъ духовный мечъ, всепобѣждающую силу слова Божія, въ возвѣщеніе вѣчнаго ратоборства, предстоящаго въ мірѣ человѣку, — ту побѣду надъ смертію, которую одержалъ въ виду всего міра Христосъ, да ратоборствуетъ бодро безсмертный духъ человѣка противъ тлѣнія своего. Потому и видъ имѣетъ сильнаго оружія брани сей набедренникъ; привѣшивается на поясѣ у чресла, гдѣ сила у человѣка, потому и сопровождается воззваніемъ къ Самому Господу: «Препояши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, Сильне, красотою Твоею и добротою Твоею, и наляцы, и успѣвай, и царствуй истины ради, и кротости, и правды, и наставитъ тя дивно десница Твоя». Наконецъ, надѣваетъ іерей фелонь, верхнюю всепокрывающую одежду, въ знаменованіе верховной всепокрывающей правды Божіей и сопровождаетъ сими словами:

«Священники Твои, Господи, облекутся въ правду и преподобніи Твои радостію возрадуются». И одѣтый такимъ образомъ въ орудія Божіи, священникъ предстоитъ уже инымъ человѣкомъ: каковъ онъ ни есть самъ по себѣ, какъ бы ни мало былъ достоинъ своего званія, но глядятъ на него всѣ стоящіе во храмѣ [какъ на] орудіе Божіе, которымъ наляцаетъ Духъ Святый. Какъ священникъ, такъ и діаконъ омываютъ оба руки, сопровождая чтеніемъ псалма: «Умыю въ неповинныхъ руки мои и обыду жертвенникъ Твой». Повергая по три поклона въ сопровожденіи словъ: «Боже! очисти мя грѣшнаго и помилуй», возстаютъ омытые, усвѣтленные, подобно сіяющей одеждѣ своей, ничего не напоминая въ себѣ подобнаго другимъ людямъ, но подобяся скорѣе сіяющимъ видѣніямъ, чѣмъ людямъ.

Діаконъ напоминаетъ о началѣ священнодѣйствія словами: «Благослови, владыко!» И священникъ начинаетъ словами: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ», и приступаетъ къ боковому жертвеннику. Вся эта часть служенія состоитъ въ приготовленіи нужнаго къ служенію, то-есть, въ отдѣленіи отъ приношеній или хлѣбовъ-просфоръ того хлѣба, который долженъ вначалѣ образовать тѣло Христово, а потомъ пресуществиться въ него.

Такъ какъ вся проскомидія есть не что̀ иное, какъ только приготовленіе къ самой литургіи, то и соединила съ нею Церковь воспоминаніе о первоначальной жизни Христа, бывшей приготовленьемъ къ его подвигамъ въ мірѣ. Она совершается вся въ алтарѣ при затворенныхъ дверяхъ, при задернутомъ занавѣсѣ, незримо отъ народа, какъ и вся первоначальная жизнь Христа протекла незримо отъ народа. Для молящихся же читаются въ это время часы—собранье псалмовъ и молитвъ, которые читались христіанами въ четыре важныя для христіанъ времена дня: часъ первый, когда начиналось для христіанъ [утро], часъ третій, когда было сошествіе Духа Святаго, часъ 6-й, когда

Спаситель міра пригвожденъ былъ къ кресту, часъ девятый, когда Онъ испустилъ духъ Свой. Такъ какъ нынѣшнему христіанину, по недостатку времени и безпрестаннымъ развлеченіямъ. не бываетъ возможно совершать эти моленія въ означенные часы, для того они соединены и читаются теперь.

Приступивъ къ боковому жертвеннику, или предложенію, находящемуся въ углубленіи стѣны, знаменующему древнюю боковую комору храма, іерей беретъ изъ нихъ одну изъ просфоръ съ тѣмъ, чтобы изъять ту часть, которая станетъ потомъ тѣломъ Христовымъ—средину съ печатью, ознаменованной именемъ Іисуса Христа. Такъ онъ симъ изъятіемъ хлѣба отъ хлѣба знаменуетъ изъятіе плоти Христа отъ плоти Дѣвы—рожденіе Безплотнаго во плоти. И, помышляя, что рождается Принесшій въ жертву Себя за весь міръ, соединяетъ неминуемо мысль о самой жертвѣ и принесеніи и глядитъ на хлѣбъ, какъ на агнца, приносимаго въ жертву, на ножъ, которымъ долженъ изъять, какъ на жертвенный, который имѣетъ видъ копья въ напоминаніе копья, которымъ было прободено на крестѣ тѣло Спасителя. Не сопровождаетъ онъ теперь своего дѣйствія ни словами Спасителя, ни словами свидѣтелей, современныхъ случившемуся, не переноситъ себя въ минувшее,—въ то время, когда совершилось сіе принесеніе въ жертву: то предстоитъ впереди, въ послѣдней части литургіи; и къ сему предстоящему онъ обращается издали прозрѣвающею мыслію, почему и сопровождаетъ все священнодѣйствіе словами пророка Исаіи, издали, изъ тьмы вѣковъ, прозрѣвавшаго будущее чудное рожденіе, жертвоприношеніе и смерть и возвѣстившаго о томъ съ ясностью непостижимою. Водружая копье въ правую сторону печати, произноситъ слова Исаіи: «какъ овечка ведется на заколеніе»; водрузивъ копье потомъ въ лѣвую сторону, произноситъ: «и какъ непорочный ягненокъ, безгласный передъ стригущими его, не отверзаетъ устъ своихъ»; водружая потомъ копье въ верхнюю сторону печати: «Былъ осужденъ за Свое смиренье [въ смиреньи Его судъ Его взятся]».

Водрузивъ потомъ въ нижнюю, произноситъ слова пророка, задумавшагося надъ дивнымъ происхожденіемъ осужденнаго Агнца,—слова: «Родъ же Его кто исповѣсть?» И приподъемлетъ потомъ копьемъ вырѣзанную средину хлѣба, произнося: «яко вземлется отъ земли животъ Его»; и начертываетъ крестовидно, во знаменіе крестной смерти Его, на немъ знакъ жертвоприношенья, по которому онъ потомъ раздробится во время предстоящаго священнодѣйствія, произнося: «Жертвоприносится Агнецъ Божій, вземлющій грѣхъ міра сего, за мірской животъ и спасеніе». И обративъ потомъ хлѣбъ печатью внизъ, а вынутой частью вверхъ, въ подобье агнца, приносимаго въ жертву, водружаетъ копье въ правый бокъ, напоминая, вмѣстѣ съ заколеньемъ жертвы, прободеніе ребра Спасителева, совершенное копьемъ стоявшаго у креста воина; и прозноситъ: «единъ отъ воинъ копіемъ ребра Его прободе, и абіе изыде кровь и вода: и видѣвый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его». И слова сіи служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ знакомъ діакону ко влитію въ святую чашу вина и воды. Діаконъ, доселѣ взиравшій благоговѣйно на все совершаемое іереемъ, то напоминая ему о начинаніи священнодѣйствія, то произнося внутри самого себя: «Господу помолимся!» при всякомъ его дѣйствіи, наконецъ вливаетъ вина и воды въ чашу, соединивъ ихъ вмѣстѣ и испросивъ благословенья у іерея. Такимъ образомъ приготовлены и вино, и хлѣбъ, да обратятся потомъ во время возвышеннаго священнодѣйствія предстоящаго.

И во исполненье обряда первенствующей церкви и святыхъ первыхъ христіанъ, воспоминавшихъ всегда, при помышленіи о Христѣ, о всѣхъ тѣхъ, которые были ближе къ Его сердцу исполненіемъ Его заповѣдей и святостью жизни своей, приступаетъ священникъ къ другимъ просфорамъ, дабы, изъявъ отъ нихъ части въ воспоминаніе ихъ, положить на томъ же дискосѣ возлѣ того же святаго хлѣба, образующаго Самого Господа, такъ какъ и сами они пламенѣли желаніемъ быть повсюду съ своимъ Господомъ. Взявши

въ руки вторую просфору, изъемлетъ онъ изъ нея частицу въ воспоминаніе Пресвятыя Богородицы и кладетъ ее по правую сторону святаго хлѣба, произнося изъ псалма Давида: «Предста Царица одесную Тебя, въ ризы позлащенны одѣяна, преукрашенна». Потомъ беретъ третью просфору, въ воспоминанье святыхъ, и тѣмъ же копьемъ изъемлетъ изъ нея девять частицъ въ три ряда, по три въ каждомъ. Изъемлетъ первую частицу во имя Іоанна Крестителя, вторую во имя пророковъ. третью во имя апостоловъ и симъ завершаетъ первый рядъ и чинъ святыхъ. Затѣмъ изъемлетъ четвертую частицу во имя святыхъ отцовъ, пятую во имя мучениковъ, шестую во имя преподобныхъ и богоносныхъ отцовъ и матерей и завершаетъ симъ второй рядъ и чинъ святыхъ. Потомъ изъемлетъ седьмую частицу во имя чудотворцевъ и безсребренниковъ, восьмую во имя Богоотецъ Іоакима и Анны и святого, егоже день; девятую во имя Іоанна Златоуста или Василія Великаго, смотря по тому, кого изъ нихъ правится въ тотъ день служба, и завершаетъ симъ третій рядъ и чинъ святыхъ, и полагаетъ всѣ девять изъятыхъ частицъ на святой дискосъ возлѣ святаго хлѣба по лѣвую его сторону. И Христосъ является среди своихъ ближайшихъ, во святыхъ Обитающій зрится видимо среди святыхъ своихъ—Богъ среди боговъ, человѣкъ посреди человѣковъ. И принимая въ руки священникъ четвертую просфору въ поминовенье всѣхъ живыхъ, изъемлетъ изъ нея частицы во имя императора, во имя синода и патріарховъ, во имя всѣхъ живущихъ повсюду православныхъ христіанъ и наконецъ во имя каждаго изъ нихъ поименно, кого захочетъ помянуть, о комъ просили его помянуть. Затѣмъ беретъ іерей послѣднюю просфору, изъемлетъ изъ нея частицы въ поминовеніе всѣхъ умершихъ, прося въ то же время объ отпущеніи имъ грѣховъ ихъ, начиная отъ патріарховъ, царей, создателей храма, архіерея, его рукоположившаго, если онъ уже находится въ числѣ усопшихъ, и до послѣдняго изъ христіанъ, изъемля отдѣльно во имя каждаго, о которомъ его просили или во имя котораго онъ самъ восхочетъ изъять.

Въ заключеніе же всего испрашиваетъ и себѣ отпущенія во всемъ и также изъемлетъ частицу за себя самого, и всѣ ихъ полагаетъ на дискосъ возлѣ того же святаго хлѣба внизу его. Такимъ образомъ, вокругъ сего хлѣба, сего агнца, изобразующаго Самого Христа, собрана вся Церковь Его, и торжествующая на небесахъ, и воинствующая здѣсь. Сынъ Человѣческій является среди человѣковъ, ради которыхъ Онъ воплотился и сталъ человѣкомъ. Взявъ губку, священникъ бережно собираетъ ею и самыя крупицы на дискосъ, дабы ничто не пропало изъ святаго хлѣба, и все бы пошло въ утвержденіе.

И отошедши отъ жертвенника, поклоняется іерей, какъ бы онъ поклонялся самому воплощенію Христову, и привѣтствуетъ въ семъ видѣ хлѣба, лежащаго на дискосѣ, появленіе Небеснаго Хлѣба на землѣ, и привѣтствуетъ его кажденіемъ ѳиміама, благословивъ прежде кадило и читая надъ нимъ молитву: «Кадило Тебѣ приносимъ, Христе Боже нашъ, въ воню благоуханія духовнаго, которое принявши во превышенебесный Твой жертвенникъ, возниспосли намъ благодать Пресвятаго Твоего Духа».

И весь переносится мыслію іерей во время, когда совершилось рождество Христово, возвращая прошедшее въ настоящее, и глядитъ на этотъ боковой жертвенникъ, какъ на таинственный вертепъ, въ который переносилось на то время небо на землю: небо стало вертепомъ, и вертепъ — небомъ. Обкадивъ звѣздицу [двѣ золотыя дуги со звѣздою наверху] и постановивъ ее на дискосѣ, глядитъ на нее, какъ на звѣзду, свѣтившую надъ Младенцемъ, сопровождая словами: «И, пришедши, звѣзда стала вверху, идѣ же бѣ Отроча»; на святой хлѣбъ, отдѣленный на жертвоприношеніе,—какъ на Новородившагося Младенца; на дискосъ—какъ на ясли, въ которыхъ лежалъ Младенецъ; на покровы—какъ на пелены, покрывавшія Младенца. И обкадивъ первый покровъ, покрываетъ имъ святый хлѣбъ съ дискосомъ, произнося псаломъ: «Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся...» и проч., — псаломъ, въ которомъ воспѣвается дивная вы-

сота Господня. И обкадивъ второй покровъ, покрываетъ имъ святую чашу, произнося: «Покрыла небеса, Христосъ, Твоя добродѣтель, и хвалы Твоей исполнилась земля». И взявъ потомъ большой покровъ, называемый святымъ воздухомъ, покрываетъ имъ и дискосъ, и чашу вмѣстѣ, взывая къ Богу, да покроетъ насъ кровомъ крыла Своего. И отошедъ отъ предложенія, поклоняются оба святому хлѣбу, какъ поклонялись пастыри-цари Новорожденному Младенцу, и кадитъ предъ вертепомъ, изобразуя въ семъ кажденіи то благоуханіе ладана и смирны, которые были принесены вмѣстѣ съ златомъ мудрецами.

Діаконъ же попрежнему соприсутствуетъ внимательно іерею, то произнося при всякомъ дѣйствіи: «Господу помолимся», то напоминая ему о начинаніи самаго дѣйствія. Наконецъ, принимаетъ изъ рукъ его кадильницу и напоминаетъ ему о молитвѣ, которую слѣдуетъ вознести ко Господу о сихъ для Него пріуготовленныхъ дарахъ, словами: «О предложенныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся!» И священникъ приступаетъ къ молитвѣ. Хотя дары эти не болѣе какъ пріуготовлены только къ самому приношенію, но такъ какъ отнынѣ ни на что̀ другое уже не могутъ [быть] употреблены, то и читаетъ священникъ для себя одного молитву, предваряющу[ю] о принятіи сихъ предложенныхъ къ предстоящему приношенію даровъ. И въ такихъ словахъ его молитва: «Боже, Боже нашъ, пославшій намъ небесный хлѣбъ, пищу всего міра, нашего Господа и Бога Іисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодѣтеля, благословляющаго и освящающаго насъ, Самъ благослови предложеніе сіе и пріими во свыше-небесный Твой жертвенникъ: помяни, какъ благой и человѣколюбецъ, тѣхъ, которые принесли, тѣхъ, ради которыхъ принесли, и насъ самихъ сохранивъ неосужденными во священнодѣйствіи божественныхъ таинъ Твоихъ». И творитъ, вслѣдъ за молитвой, отпускъ проскомидіи; а діаконъ кадитъ предложеніе и потомъ крестовидно святую трапезу. Помышляя о земномъ рожденіи Того, Кто родился прежде всѣхъ вѣковъ, присут-

ствуя всегда повсюду и повсемѣстно, произноситъ въ самомъ себѣ: «во гробѣ плотски, во адѣ же съ душою, яко Богъ, въ раю же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй Неописанный». И выходитъ изъ алтаря, съ кадильницей въ рукѣ, чтобы наполнить благоуханіемъ всю церковь и привѣтствовать всѣхъ, собравшихся на святую трапезу любви. Кажденіе это совершается всегда въ началѣ службы, какъ и въ жизни домашней всѣхъ древнихъ восточныхъ народовъ предлагались всякому гостю при входѣ омовенія и благовонія. Обычай этотъ перешелъ цѣликомъ на это пиршество небесное—на тайную вечерю, носящую имя литургіи, въ которой такъ чудно соединилось служеніе Богу вмѣстѣ съ дружескимъ угощеніемъ всѣхъ, которому примѣръ показалъ Самъ Спаситель, всѣмъ услужившій и умывшій ноги. Кадя и покланяясь всѣмъ равно, и богатому, и нищему, діаконъ, какъ слуга Божій, привѣтствуетъ ихъ всѣхъ, какъ наилюбезныхъ гостей Небесному Хозяину, кадитъ и поклоняется въ то же время и образамъ святыхъ, ибо и они суть гости, пришедшіе на тайную вечерю: во Христѣ всѣ живы и неразлучны. Приуготовивъ, наполнивъ благоуханіемъ храмъ и, возвратившись потомъ въ алтарь и вновь обкадивъ его, полагаетъ наконецъ кадильницу въ сторону, подходитъ къ іерею, и оба вмѣстѣ становятся передъ святымъ престоломъ.

Ставъ передъ святымъ престоломъ, священникъ и діаконъ три раза поклоняются долу и, готовясь начинать настоящее священнодѣйствіе литургіи, призываютъ Духа Святаго, ибо все служеніе ихъ должно быть духовно. Духъ—учитель и наставникъ молитвы: «о чесомъ бо помолимся, не вѣмы», говоритъ апостолъ Павелъ: «но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханьи неизглаголанными». Моля Святаго Духа, дабы вселился въ нихъ и вселившись очистилъ ихъ для служенія, и священникъ, и діаконъ дважды [произносятъ] пѣснь, которою привѣтствовали ангелы рождество Іисуса Христа: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». И вослѣдъ за сей

пѣснью отдергивается церковная занавѣсь, которая отдергивается только тогда, когда слѣдуетъ подъять мысль молящихся къ высшимъ горнимъ предметамъ. Здѣсь отъятье горнихъ дверей знаменуетъ, вослѣдъ за пѣсней ангеловъ, что не всѣмъ было открыто рождество Христово, что узнали о немъ только ангелы на небесахъ, Марія съ Іосифомъ, волхвы, пришедшіе поклониться, да издалека прозрѣвали о немъ пророки. Священникъ и діаконъ произносятъ въ себѣ: «Господи! отверзи уста мои—и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою». Священникъ цѣлуетъ евангеліе, діаконъ цѣлуетъ святую трапезу и, подклонивъ главу свою, напоминаетъ такъ о начинаніи литургіи: тремя перстами руки подъемлетъ орарь свой и произноситъ: «Время сотворить Господу: благослови, владыко!» И благословляетъ его священникъ словами: «Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И помышляя діаконъ о предстоящемъ ему служеніи, въ которомъ должно подобиться ангельскому летанью,—отъ престола къ народу и отъ народа къ престолу, собирая всѣхъ въ едину душу, и быть, такъ сказать, святой возбуждающею силою, и чувствуя недостоинство свое къ такому служенію,—молитъ смиренно іерея: «Помолись обо мнѣ, владыко!» — «Да исправитъ Господь стопы твоя!» ему отвѣтствуетъ на то іерей. «Помяни меня, владыко святый!» — «Да помянетъ тебя Господь во царствіи Своемъ, всегда, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Тихо и ободреннымъ гласомъ діаконъ произноситъ: «аминь», и выходитъ изъ алтаря сѣверной дверью къ народу. И, взошедъ на амвонъ, находящійся противъ царскихъ вратъ, повторяетъ еще разъ въ самомъ себѣ: «Господи, отверзи уста моя—и уста моя возвѣстятъ хвалу Тебѣ»; и, обратившись къ алтарю, взываетъ еще разъ къ іерею: «Благослови, владыко!» Изъ глубины святилища возглашаетъ на то іерей: «Благословенно царство...», и литургія начинается.

ЛИТУРГІЯ ОГЛАШЕННЫХЪ.

Вторая часть литургіи называется литургіей оглашенныхъ. Какъ первая часть, проскомидія, соотвѣтствовала первоначальной жизни Христа, Его рожденію, открытому только ангеламъ да немногимъ людямъ, Его младенчеству и пребыванію въ сокровенной неизвѣстности до времени появленія въ міръ,—такъ вторая соотвѣтствуетъ Его жизни въ мірѣ посреди людей, которыхъ огласилъ Онъ словомъ истины. Называется она литургіей оглашенныхъ еще потому, что въ первоначальныя времена христіанъ къ ней допускались и тѣ, которые только готовились быть христіанами, еще не приняли св. крещенія и находились въ числѣ оглашенныхъ. Притомъ самый образъ ея священнодѣйствій, состоя изъ чтеній пророковъ, апостола и св. евангелія, есть уже преимущественно огласительный

Іерей начинаетъ литургію возглашеніемъ изъ глубины алтаря: «Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа . . . . .» Такъ какъ чрезъ воплощеніе Сына стало міру очевидно ясно таинство Троицы, то по этому самому троичное возглашеніе предшествуетъ и предсіяетъ начинанію всякихъ дѣйствій, и молящійся, отрѣшившись отъ всего, долженъ съ перваго разу поставить себя въ царствѣ Троицы.

Стоя на амвонѣ, лицомъ къ царскимъ вратамъ, изобразуя въ себѣ ангела, побудителя людей къ моленіямъ, поднявъ тремя перстами десныя руки узкое лентіе, — подобіе ангельскаго крыла,—діаконъ призываетъ молиться весь собравшійся народъ тѣми же самыми молитвами, которыми неизмѣнно отъ апостольскихъ временъ молится Церковь, начиная съ моленія о мирѣ, безъ котораго нельзя молиться. Собраніе молящихся, знаменуясь крестомъ, стремясь обратить свои сердца въ согласно настроенныя струны органа, по которымъ должно ударять всякое воззваніе діакона, восклицаетъ мысленно вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: «Господи, помилуй!»

Стоя на амвонѣ, держа молитвенный орарь, изображающій поднятое крыло ангела, стремящаго людей къ молитвѣ, призываетъ діаконъ молиться: о свышнемъ мірѣ и спасеніи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ; о святомъ храмѣ и о входящихъ въ него съ вѣрой, благоговѣніемъ и страхомъ; о государѣ, синодѣ, начальствахъ духовныхъ и гражданскихъ, палатахъ, воинствѣ, о градѣ, объ обители, въ которой служится литургія, о благораствореніи воздуховъ, объ обиліи плодовъ земныхъ, о временахъ мирныхъ; о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣненныхъ и о спасеніи ихъ; о избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И собирая все сею всеобъемлющею цѣпью моленій, называемою великой эктеніей, на всякое ея отдѣльное призваніе собраніе молящихся восклицаетъ вмѣстѣ съ хоромъ поющихъ: «Господи, помилуй!».

Въ знаменованіе безсилія нашихъ моленій, которымъ недостаетъ душевной чистоты и небесной жизни, призываетъ діаконъ,—вспомня о тѣхъ, которые умѣли лучше нашего молиться, — предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь нашу Христу Богу. Въ желаніи искреннемъ предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь (нашу) Христу Богу, какъ умѣли это сдѣлать вмѣстѣ съ Богоматерью святые и лучшіе насъ, взываетъ вся церковь совокупно съ ликомъ: «Тебѣ, Господи!» Цѣпь моленій завершаетъ діаконъ троичнымъ славословіемъ, которое, какъ вседержащая нить, проходитъ сквозь всю литургію, начиная и оканчивая всякое ея дѣйствіе. Собраніе молящихся отвѣтствуетъ утвердительнымъ: «Аминь: Буди! да будетъ!» Діаконъ сходитъ съ амвона; начинается пѣніе антифоновъ.

Антифоны, — противугласники, пѣсни, выбранныя изъ псалмовъ, пророчески изображающія пришествіе въ міръ Сына Божія,—поются попеременно обоими ликами на обоихъ крылосахъ; они замѣнили сокращенно прежнія псаломскія, болѣе продолжительныя.

Пока продолжается пѣніе перваго антифона, священникъ

молится въ алтарѣ внутренней молитвой; а діаконъ стоитъ въ молитвенномъ положеніи предъ иконою Спасителя, поднявъ орарь тремя перстами руки. Когда же окончится пѣніе перваго антифона, восходитъ онъ снова на амвонъ призывать собраніе молящихся словами: «Вновь и вновь Господу помолимся!» Собраніе молящихся восклицаетъ: «Господи, помилуй!» Обративъ взоры къ ликамъ святыхъ, діаконъ напоминаетъ вспомнить вновь Богоматерь и всѣхъ святыхъ, предать самихъ себя, и другъ друга, и всю жизнь Христу Богу. Собраніе восклицаетъ: «Тебѣ, Господи!» Троичнымъ славословіемъ заключаетъ онъ. Утвердительный «аминь» изглашаетъ вся церковь. Слѣдуетъ пѣніе второго антифона.

Въ продолженіе второго антифона священникъ въ алтарѣ молится внутреннею молитвою. Діаконъ становится опять въ молитвенномъ положеніи предъ иконой Спасителя, держа молитвенный орарь тремя перстами руки; по окончаніи же пѣнья, восходитъ онъ снова на амвонъ и обращается къ ликамъ святыхъ, призывая, какъ прежде, словами: «Въ мирѣ Господу помолимся!» Собранье восклицаетъ: «Господи, [помилуй!» Діаконъ взываетъ]: «Заступи, помилуй, спаси и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію». Собранье восклицаетъ: «Господи, помилуй!» Возведя глаза къ ликамъ святыхъ, [діаконъ продолжаетъ]: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми святыми помянувше, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». Собранье восклицаетъ: «Тебѣ, Господи!» Троичнымъ славословіемъ оканчивается моленье; утвердительнымъ «аминь» отвѣтствуетъ вся церковь; діаконъ сходитъ съ амвона. А священникъ въ закрытомъ алтарѣ молится внутренней молитвой; она — въ сихъ словахъ: «Ты, даровавшій намъ сіи общія и согласныя молитвы! Ты, обѣщавшій двумъ и tремъ, собравшимся во имя Твое, подать прошенья! исполни же теперь къ полезному прошенья рабовъ Твоихъ: подай въ настоящемъ вѣкѣ познанье Твоей истины, а въ будущемъ даруй вѣчную жизнь!»

Съ крылоса громко возглашаются во всеуслышанье блаженства, возвѣстившія въ настоящемъ вѣкѣ познанье истины, а въ будущемъ вѣчную жизнь. Собранье молящихся, взывая воззваньемъ благоразумнаго разбойника, возопившаго къ Христу на крестѣ: «Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ», повторяетъ вослѣдъ за чтецомъ сіи слова Спасителя:

«*Блаженны нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*»—не гордящіеся, не возносящіеся умомъ.

«*Блаженны плачущіе, яко тіи утѣшатся*» — плачущіе еще больше о собственныхъ несовершенствахъ и прегрѣшеніяхъ, чѣмъ отъ оскорбленій и обидъ, имъ наносимыхъ.

«*Блаженны кроткіе, яко тіи наслѣдятъ землю*» — не питающіе гнѣва ни противу кого, всепрощающіе, любящіе, которыхъ оружіе—всепобѣждающая кротость.

«*Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся*»—алчущіе небесной правды, жаждущіе возстановить ее прежде въ самихъ себѣ.

«*Блаженны милостивые, яко тіи помилованы будутъ*»—сострадающіе о каждомъ братѣ, въ каждомъ просящемъ видящіе Самого Христа, за него просящаго.

«*Блаженны чистые сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*»—какъ въ чистомъ зеркалѣ успокоенныхъ водъ, не возмущаемыхъ ни пескомъ, ни тиной, отражается чисто небесный сводъ, такъ и въ зеркалѣ чистаго сердца, невозмущаемаго страстями, уже нѣтъ ничего человѣческаго, и образъ Божій въ немъ отражается одинъ.

«*Блаженны миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся*» — подобно Самому Сыну Божію, сходившему на землю затѣмъ, чтобы внести миръ въ наши души: такъ и вносящіе миръ и примиренье въ домы — истинные Божьи сыны.

«*Блаженны изгнанные правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное*» — изгнанные за возвѣщенье правды не одними устами, но благоуханьемъ всей своей жизни.

«*Блаженны есте, егда поносятъ васъ и изженутъ и ре-*

кутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесахъ»— *многа*, ибо заслуга ихъ троекратна: первая—что уже сами по себѣ они были невинны и чисты; вторая — что, бывъ чисты, были оклеветаны; третья — что, бывъ оклеветаны, радовались, что потерпѣли за Христа.

Собранье молящихся слезно повторяетъ вослѣдъ за чтецомъ сіи слова Спасителя, возвѣстившія, кому можно ждать и надѣяться на вѣчную жизнь въ будущемъ вѣкѣ, которые суть истинные цари міра, сонаслѣдники и соучастники небеснаго царства.

Здѣсь торжественно открываются царскія врата, какъ бы врата самого царствія небеснаго, и глазамъ всѣхъ собравшихся предстаетъ сіяющій престолъ, какъ селенье Божіей славы и верховное училище, отколѣ исходитъ къ намъ познанье истины и возвѣщается *вѣчная жизнь.* Приступивъ къ престолу, священникъ и діаконъ снимаютъ съ него евангеліе и несутъ его къ народу не царскими вратами, но позади алтаря боковой дверью, напоминающею дверь въ той боковой комнатѣ, изъ которой въ первыя времена выносились книги на середину храма для чтенія.

Собранье молящихся взираетъ на евангеліе, несомое въ рукахъ смиренныхъ служителей церкви, какъ бы на Самого Спасителя, исходящаго въ первый разъ на дѣло божественной проповѣди: исходитъ онъ тѣсной сѣверной дверью, какъ бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всѣмъ, возвратиться во святилище царскими вратами. Служители Божіи посреди храма останавливаются; оба преклоняютъ главы. Іерей молится внутреннею молитвой, чтобы Установившій на небесахъ воинства ангеловъ и чины небесные въ служеніе славы Своей повелѣлъ теперь симъ самымъ силамъ и ангеламъ небеснымъ, сослужащимъ намъ, совершить вмѣстѣ съ ними вшествіе во святилище. А діаконъ, указывая молитвеннымъ ораремъ на царскія двери, говоритъ ему: «Благослови, владыко, святый входъ!» — «Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ, всегда, нынѣ, и

присно, и во вѣки вѣковъ!» возглашаетъ на это іерей. Давъ поцѣловать ему святое евангеліе, діаконъ несетъ его въ алтарь; но въ царскихъ вратахъ останавливается и, возвысивъ его въ рукахъ своихъ, возглашаетъ: «Премудрость!» знаменуя симъ, что Слово Божіе, Его Сынъ, Его Вѣчная Премудрость благовѣстилась міру чрезъ евангеліе, которое онъ теперь возвысилъ въ своихъ рукахъ. И вслѣдъ за тѣмъ возглашаетъ: «Прости!» т. е. воспряньте, воздвигнитесь отъ лѣни, отъ небрежнаго стоянія. Собраніе молящихся, воздвигаясь духомъ, вмѣстѣ съ хоромъ взываетъ: «Придите, поклонимся и припадемъ ко Христу! Спаси насъ, Сыне Божій, Тебѣ поющихъ: Аллилуія!» Въ еврейскомъ словѣ *аллилуія* выражается: «Господь идетъ, хвалите Господа»; но такъ какъ, по существу священнаго языка, въ словѣ: *идетъ* сокрыто и настоящее и будущее, то-есть: идетъ пришедшій и вновь грядущій, то, знаменуя вѣчное хожденіе Божіе, это слово *аллилуія* сопутствуетъ всякій разъ тѣмъ священнодѣйствіямъ, когда Самъ Господь исходитъ къ народу въ образѣ евангелія или даровъ святыхъ.

Евангеліе, возвѣстившее слово жизни, поставляется на престолѣ. На крылосахъ раздаются или пѣсни въ честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны въ честь святому, котораго день празднуетъ Церковь за то, что онъ уподобился тѣмъ, которыхъ поименовалъ Христосъ въ прочитанныхъ блаженствахъ, и что живымъ примѣромъ Собственной жизни показалъ, какъ возлетать вослѣдъ за Нимъ въ жизнь вѣчную.

По окончаніи тропарей наступаетъ время трисвятаго пѣнія. Испросивъ на него у іерея благословенія, діаконъ показывается въ царскихъ дверяхъ и, поводя ораремъ, подаетъ знакъ пѣвцамъ. Торжественно-громогласно оглашаетъ всю церковь трисвятое пѣніе, состоящее въ семъ тройномъ воззваніи къ Богу: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Воззваніемъ: «Святый Боже» возвѣщаетъ трисвятая пѣснь Бога Отца; воззваніемъ: «Святый Крѣпкій» — Бога Сына: Его крѣпость, Его создающее

Слово; воззваніемъ: «Святый Безсмертный»—Его безсмертную мысль, вѣчно живущую волю Бога Духа Святаго. Троекратно пѣвцы подъемлютъ сіе пѣніе, чтобы звучало въ слухъ всѣмъ, что съ вѣчнымъ пребываніемъ Бога пребывало въ немъ вѣчное пребываніе Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слову Его оскудѣвалъ Духъ Святый. «Словомъ Божьимъ небеса создашася и духомъ устъ Его вся сила ихъ», говоритъ пророкъ Давидъ. Каждый изъ собранія, сознавая, что и въ немъ, какъ въ подобіи Божіемъ, есть та же троиственность, есть Онъ Самъ, Его Слово и Его Духъ, или мысль, движущая словомъ, но что человѣческое его слово безсильно, изливается праздно и не творитъ ничего, а духъ его принадлежитъ не ему, завися отъ всѣхъ постороннихъ впечатлѣній и только по возвышеніи его самого къ Богу то и другое приходитъ въ немъ въ силу: въ словѣ отражается Божіе Слово, въ духѣ — Духъ Божій, и образъ Троицы Создавшаго отпечатлѣвается въ созданіи, и созданіе становится подобнымъ Создателю,—сознавая все сіе, каждый, внемлющій трисвятому пѣнію, молится внутренно въ себѣ, чтобы Богъ Святый, Крѣпкій и Безсмертный, очистивъ его всего, избралъ его Своимъ храмомъ и пребываніемъ, и три раза повторяетъ въ себѣ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!» Священникъ въ алтарѣ молясь внутренней молитвой о принятіи сего трисвятаго пѣнія, три раза повергается передъ престоломъ и три раза повторяетъ въ себѣ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный!» И подобно ему повторивъ въ себѣ три раза ту же трисвятую пѣснь, діаконъ три раза повергается вмѣстѣ съ нимъ передъ святымъ престоломъ.

И сотворивъ поклоненіе, отходитъ іерей на горнее мѣсто, какъ бы во глубину Боговѣдѣнія, отколѣ истекла намъ тайна Всесвятыя Троицы, какъ бы въ то возвышеннѣйшее, всюду носящее мѣсто, гдѣ Сынъ пребываетъ въ лонѣ Отчемъ единствомъ Духа Святаго. И восхожденьемъ своимъ изобразуетъ іерей восхожденье Самого Христа вмѣстѣ съ

плотью въ лоно Отчее, призывающее человѣка вослѣдъ стремиться въ лоно Отчее,—возрожденье, прозрѣтое издали пророкомъ Даніиломъ, который видѣлъ въ высокомъ видѣньи своемъ, какъ Сынъ Человѣческій дошелъ даже до Ветхаго деньми. Іерей идетъ нетрепетной стопой, произнося: «Благословенъ грядый во имя Господне», и на призванье діакона: «Благослови, владыко, горній престолъ», благословляетъ его, произнося: «Благословенъ еси на престолѣ славы царствія Твоего, сѣдяй на херувимѣхъ всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И садится на горнемъ мѣстѣ возлѣ сѣдалища, назначеннаго для архіерея. Отселѣ, какъ Божій апостолъ и его намѣстникъ, обратясь лицомъ къ народу, приготовляетъ онъ вниманье къ слушанью наступающаго чтенія апостольскихъ посланій,—сидящій, изображуя самимъ сидѣньемъ своимъ свое равенство апостоламъ.

Чтецъ, съ апостоломъ въ рукѣ, выходитъ на середину храма. Воззваньемъ: «*вонмемъ!*» призываетъ діаконъ всѣхъ предстоящихъ ко вниманію. Священникъ посылаетъ изъ глубины алтаря и чтецу, и предстоящимъ желаніе мира; собранье молящихся отвѣтствуетъ священнику тѣмъ же. Но такъ какъ служеніе его должно быть духовно, подобно служенію апостоловъ, которые глаголали не свои слова, но Самъ Духъ Святый двигалъ ихъ устами, то не говорятъ: «миръ тебѣ», но: «духови твоему». Діаконъ возглашаетъ: «Премудрость!» Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всѣмъ, начинаетъ чтецъ; прилежно, сердцемъ пріемлющимъ, душою ищущею, разумомъ, испытующимъ внутренній смыслъ читаемаго, внемлетъ собраніе, ибо чтеніе апостола служитъ ступенью и лѣствицей къ лучшему уразумленью чтенія евангельскаго. Когда чтецъ окончитъ чтеніе, іерей возглашаетъ ему изъ алтаря: «миръ тебѣ». Ликъ отвѣтствуетъ: «и духови твоему». Діаконъ возглашаетъ: «Премудрость!» Ликъ гремитъ: «аллилуія», возвѣщающее приближеніе Господа, идущаго говорить народу устами евангелія.

Съ кадильницей въ рукѣ идетъ діаконъ исполнить благо-

уханьемъ храмъ, навстрѣчу идущаго Господа, напоминая кажденьемъ о духовномъ очищеніи душъ нашихъ, съ какимъ должны мы внимать благоуханнымъ словамъ евангелія. Священникъ въ алтарѣ молится внутренней молитвой, чтобы возсіялъ въ сердцахъ нашихъ свѣтъ божественнаго благоразумія и отверзлись бы наши мысленныя очи въ уразумѣніе евангельскихъ проповѣданій. О возсіяніи того же свѣта въ сердцахъ своихъ молится внутренно собраніе, приготовляясь къ слушанію. Испросивъ благословенія отъ іерея, получа отъ него въ напутствіе: «Богъ молитвами всесвятаго, всехвальнаго апостола и евангелиста [именуется его имя], да дастъ тебѣ глаголъ благовѣствующему силою многою, во исполненіе евангелія, возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа», діаконъ восходитъ на амвонъ, предшествуемый несомымъ свѣтильникомъ, знаменующимъ всепросвѣщающій свѣтъ Христовъ. Священникъ въ алтарѣ возглашаетъ къ собранію: «Премудрость! Прости, услышимъ святаго евангелія! Миръ всѣмъ!» Ликъ отвѣтствуетъ: «и духови твоему». Діаконъ начинаетъ чтеніе.

Благоговѣйно преклонивъ главы, какъ бы внимая Самому Христу, говорящему съ амвона, всѣ стараются принять сердцами сѣмя святого слова, которое устами служителя сѣетъ Самъ Сѣятель Небесный,—не тѣми сердцами, которыхъ уподобляетъ Спаситель землѣ при пути, на которую хоть и упадаютъ сѣмена, но тутъ же бываютъ расхищены птицами — налетающими злыми помышленіями; — не тѣми также сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ каменистой почвѣ, только сверху прикрытой землею, которыя хоть и охотно пріемлютъ слово, но слово не водружаетъ глубоко корня, ибо нѣтъ глубины сердечной; — и не тѣми также сердцами, которыя уподобляетъ Онъ неочищенной землѣ, глушимой терніемъ, на которой хоть и даетъ сѣмя всходы, но быстро вырастающіе тутъ же вмѣстѣ съ ними тернія,— тернія трудовъ и заботъ вѣка, тернія обольщеній, безчисленныя обаянія свѣтской умерщвляющей жизни съ ея обманчивыми удобствами, заглушаютъ едва поднявшіеся всхо-

ды — и сѣмя остается безъ плода; — но тѣми пріемлющими сердцами, которыхъ уподобляетъ Онъ доброй почвѣ, дающей плодъ — ово сто, ово шестьдесятъ, ово тридесятъ, — которыя все, принятое въ себя, по выходѣ изъ церкви, возращаютъ въ домахъ, въ семьѣ, въ службѣ, въ трудѣ, въ отдохновеньяхъ, въ увеселеньяхъ, съ людьми въ бесѣдахъ и наединѣ съ самимъ собою. Словомъ, всякъ вѣрный стремится быть тѣмъ, и слушающимъ и творящимъ вмѣстѣ, котораго обѣщаетъ Спаситель уподобить мужу мудру, строящему храмину не на пескѣ, но на камени, такъ что, если бы тутъ же, по выходѣ изъ церкви, набѣжали на него дожди, рѣки и вихри всѣхъ бѣдствій, его духовная храмина осталась бы неподвижная, какъ твердыня на камени. По окончаніи чтенія, священникъ въ алтарѣ возвѣщаетъ діакону: «Миръ тебѣ благовѣствующему». Приподымая главы, всѣ предстоящія въ чувствованіи благодарности восклицаютъ вмѣстѣ съ ликомъ: «Слава Тебѣ, Боже нашъ! Слава Тебѣ!» Стоящій въ царскихъ дверяхъ священникъ пріемлетъ отъ діакона евангеліе и поставляетъ его на престолъ какъ Слово, исшедшее отъ Бога и къ Нему же возвратившееся. Алтарь, изображающій высшія горнія селенья, скрывается отъ глазъ — врата царскія затворяются, горняя дверь задергивается, знаменуя, что нѣтъ другихъ дверей въ царство небесное, кромѣ отверстыхъ Христомъ, что съ Нимъ только можно войти въ нихъ: «Азъ есмь дверь».

Тутъ обыкновенно въ первоначальное время христіанъ было мѣсто проповѣди; слѣдовали изъясненіе и толкованіе прочитанныхъ евангелій. Но такъ какъ проповѣдь въ нынѣшнее время говорится бо̀льшею частію на другіе тексты и, стало-быть, не служитъ изъясненіемъ прочитаннаго евангелія, то, чтобы не разрушать стройнаго порядка и связи священной литургіи, она отнесена къ концу.

Изобразуя ангела, побудителя людей къ моленьямъ, діаконъ идетъ на амвонъ воздвигнуть собраніе къ моленьямъ еще сильнѣйшимъ и прилежнѣйшимъ. «Рцѣмъ вси отъ всея души, и отъ всего помышленія [нашего] рцѣмъ!» взываетъ

онъ, подъемля тремя перстами молитвенный орарь; и, стремя моленья отъ всѣхъ помышленій, всѣ восклицаютъ: «Господи, помилуй!» Усугубляя моленья троекратнымъ воззваніемъ о помилованіи, діаконъ призываетъ сызнова молиться о всѣхъ людяхъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ званій и должностей, начиная съ высшихъ, гдѣ труднѣй человѣку, гдѣ ему больше преткновеній и гдѣ ему нужнѣй помощь отъ Бога. Каждый изъ собранья, зная, какъ много благоденствіе многихъ зависитъ оттого, когда высшія власти исполняютъ честно свои обязанности, молится сильно о томъ, чтобы Богъ ихъ вразумилъ и наставилъ исполнять честно свое званье и всякому подалъ бы силы пройти честно свое земное поприще. О семъ молятся всѣ прилежно, произнеся уже не одинъ разъ: «Господи, помилуй!» но три раза. Вся цѣпь этихъ моленій называется сугубой эктеніей, или эктеніей прилежнаго моленья, и священникъ въ алтарѣ передъ престоломъ молится прилежно о принятіи всеобщихъ усугубленныхъ моленій, и самая молитва его называется молитвой прилежнаго моленья.

И если въ тотъ день случится какое-либо приношеніе объ усопшихъ, тогда вослѣдъ за сугубой эктеніей возглашается эктенія объ усопшихъ. Держа орарь тремя перстами руки, призываетъ діаконъ молиться объ успокоеніи душъ Божіихъ рабовъ, которыхъ всѣхъ называетъ по именамъ, чтобы Богъ простилъ имъ всякое прегрѣшеніе, вольное и невольное, чтобы водворилъ ихъ души тамъ, гдѣ праведные успокояются. Тутъ всякій изъ предстоящихъ припоминаетъ всѣхъ близкихъ своему сердцу усопшихъ и произноситъ въ себѣ три раза на всякое воззваніе діакона: «Господи, помилуй!» молясь прилежно и о своихъ, и [о] всѣхъ почившихъ христіанахъ. «Милости Божіей», восклицаетъ діаконъ: «небеснаго царствія и оставленія грѣховъ ихъ у Христа, Безсмертнаго Царя и Бога нашего, просимъ!» Собраніе взываетъ съ хоромъ поющихъ: «Подай, Господи!» А священникъ молится въ алтарѣ, чтобы Поправшій смерть и Даровавшій жизнь успокоилъ Самъ души усопшихъ рабовъ Сво-

ихъ въ мѣстѣ злачномъ, въ мѣстѣ покойномъ, откуда отбѣжали болѣзнь, печаль и воздыханіе, и, прося имъ въ сердцѣ своемъ отпущенія всѣхъ согрѣшеній, возглашаетъ громко: «Яко Ты еси воскресеніе, и жизнь, и покой усопшихъ рабовъ Твоихъ, Христе, Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ со Безначальнымъ Твоимъ Отцомъ, и Пресвятымъ, и Благимъ, и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Утвердительнымъ «аминь» отвѣтствуетъ ликъ. Діаконъ начинаетъ эктенію объ оглашенныхъ.

Хотя и рѣдко бываютъ теперь непринявшіе святого крещенія и находящіеся въ числѣ оглашенныхъ, но всякій присутствующій, помышляя, какъ далеко онъ отстоитъ и вѣрой, и дѣлами отъ вѣрныхъ, удостоивавшихся соприсутствовать трапезѣ любви въ первые вѣка христіанъ, видя, какъ онъ, можно сказать, только огласился Христомъ, но не внесъ Его въ самую жизнь, только-что слышитъ разумъ словъ Его, но не приводитъ ихъ въ исполненіе, и еще холодно его вѣрованье, и нѣтъ огня всепрощающей любви къ брату, поядающей душевную черствость, и что крещеный водой во имя Христа, онъ не достигнулъ того возрожденья въ духѣ, безъ котораго ничтожно его христіанство, по слову Самого Спасителя: «кто не родится свыше, не внидетъ въ царствіе небесное»,—соображая все сіе, всякій изъ присутствующихъ сокрушенно поставляетъ себя въ число оглашенныхъ и на призванье діакона: «Помолитеся, оглашенные, Господу!» отъ глубины сердца взываетъ: «Господи, помилуй!»

«Вѣрные!» взываетъ діаконъ: «помолимся объ оглашенныхъ, чтобы Господь ихъ помиловалъ, чтобы огласилъ ихъ словомъ истины, чтобы открылъ имъ евангеліе правды, чтобы соединилъ ихъ Своей святой соборной и апостольской Церкви, чтобы спасъ, помиловалъ, заступилъ и сохранилъ ихъ Своею благодатью!»

И вѣрные, чувствующіе, какъ мало они стоятъ названія вѣрныхъ, молясь объ оглашенныхъ, молятся о самихъ себѣ. и на всякое отдѣльное призванье діакона восклицаютъ вну-

тренно вослѣдъ за поющимъ ликомъ: «Господи, помилуй!» Діаконъ взываетъ: «Оглашенные, главы ваши Господу преклоните!» Всѣ преклоняютъ свои главы, восклицая внутренно въ сердцахъ: «Тебѣ, Господи!»

Священникъ втайнѣ молится объ оглашенныхъ и о тѣхъ, которыхъ смиренье души поставило себя въ ряды оглашенныхъ. Молитва его въ сихъ словахъ: «Господи Боже нашъ, живущій на высокихъ, взирающій на смиренныхъ, ниспославшій спасенье человѣческому роду—Своего Сына, Бога и Господа нашего, Іисуса Христа! воззри на оглашенныхъ рабовъ Твоихъ, подклонившихъ Тебѣ свои выи! Пріобщи ихъ Церкви Твоей и сопричисли Твоему избранному стаду, чтобы и они славили вмѣстѣ съ нами пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Ликъ гремитъ «аминь». А въ напоминанье, что наступила минута, въ которую древле выводились изъ церкви оглашенные, діаконъ возглашаетъ громко: «Оглашенные, изыдите!» И вслѣдъ за тѣмъ, возвысивъ голосъ, возглашаетъ въ другой разъ: «Оглашенные, изыдите!» И потомъ въ третій разъ: «Оглашенные, изыдите! да никто отъ оглашенныхъ, одни только вѣрные, вновь и вновь Господу помолимся!»

Отъ словъ этихъ содрогаются всѣ, чувствующіе свое недостоинство. Взывая мысленно къ Самому Христу, изгнавшему изъ храма Божія продавцовъ и безстыдныхъ торгашей, обратившихъ въ торжище Его святыню, каждый, предстоящій старается изгнать изъ храма души своей оглашеннаго, неготоваго присутствовать при святынѣ, и взываетъ къ Самому Христу, чтобы воздвигнулъ въ немъ вѣрнаго, причисленнаго къ избранному стаду, о которомъ сказалъ апостолъ: «Языкъ святъ, люди обновленія, каменіе, зиждущееся въ храмъ духовенъ»,—причисленнаго къ тѣмъ истинно вѣрнымъ, которые присутствовали при литургіи въ первые вѣка христіанъ, которыхъ лики глядятъ теперь на него съ иконостаса. И объемля ихъ всѣхъ взорами, призываетъ ихъ на помощь, какъ братьевъ, молящихся

теперь на небесахъ, ибо предстоятъ священнѣйшія дѣйствія—начинается *литургія вѣрныхъ.*

ЛИТУРГІЯ ВѢРНЫХЪ

Въ закрытомъ алтарѣ іерей распростираетъ на святомъ престолѣ антиминсъ, вмѣстопрестоліе,—платъ съ изображеніемъ тѣла Спасителя, на который должны быть постановлены пріуготовленные имъ на проскомидіи святой хлѣбъ и чаша, исполненная вина и воды, и которые съ бокового жертвенника перенесутся теперь торжественно въ виду всѣхъ вѣрныхъ. Распростерши антиминсъ,—напоминающій время гоненія христіанъ, когда церковь не имѣла постояннаго пребыванія и, не могши переносить съ собою престола, стала употреблять сей платъ съ частицами мощей, и который остался какъ бы въ возвѣщенье, что и нынѣ не прикрѣпляется она ни къ какому исключительному зданью, городу или мѣсту, но какъ корабль носится поверхъ волнъ сего міра, не водружая нигдѣ своего якоря: ея якорь на небесахъ,—распростерши сей антиминсъ, онъ приступаетъ къ престолу такъ, какъ бы приступалъ къ нему въ первый разъ и какъ бы только теперь готовился начинать настоящее служеніе: ибо въ первоначальное время [у] христіанъ только теперь открывался престолъ, доселѣ остававшійся закрытымъ и занавѣшеннымъ по причинѣ присутствія оглашенныхъ, и только теперь начинались настоящія моленья вѣрныхъ. Еще въ закрытомъ алтарѣ припадаетъ онъ къ престолу, и двумя молитвами вѣрныхъ молится онъ объ очищеніи своемъ, о неосужденномъ предстояньи святому жертвеннику, объ удостоеніи его приносить жертвы въ чистомъ свидѣтельствѣ [совѣсти]. А діаконъ, стоя на амвонѣ посреди церкви, изобразуя ангела, побудителя къ молитвамъ, держа орарь тремя перстами, призываетъ всѣхъ вѣрныхъ къ тѣмъ же моленіямъ, какими начиналась литургія оглашенныхъ.

И также стараясь о приведеньи своихъ сердецъ въ согласное настроеніе мира, теперь еще необходимѣйшаго, всѣ вѣрные взываютъ: «Господи, помилуй!» и еще сильнѣе молятся о свышнемъ мирѣ и о спасеньи душъ нашихъ, о мирѣ всего міра, благосостояньи Божіихъ церквей и соединеньи всѣхъ, о святомъ храмѣ семъ и о входящихъ въ него съ вѣрою, благоговѣньемъ и страхомъ Божіимъ, о томъ, чтобы избавиться отъ всякія скорби, гнѣва и нужды. И взываютъ еще сильнѣе въ сердцахъ своихъ: «Господи, помилуй!»

Іерей изъ глубины алтаря возглашаетъ: «Премудрость!» знаменуя симъ, что Та же Самая Премудрость, Тотъ же Вѣчный Сынъ, исходившій въ видѣ евангелія сѣять слово, учившее жить, перенесется теперь въ видѣ святаго хлѣба принестись въ жертву за весь міръ. Воздвигнутые симъ напоминаніемъ, всѣ предстоящіе устремляютъ мысли, приготовляются къ предстанущимъ священнѣйшимъ священнодѣйствіямъ и служеніямъ. Іерей литургисающій втайнѣ молится, припадая къ престолу, сею возвышенной молитвой: «Никто изъ связавшихся чувственными пожеланьями и наслажденьями недостоинъ приступать къ Тебѣ, или приближаться, или служить Тебѣ, Царю Славы: ибо служенье Тебѣ велико и страшно и самимъ силамъ небеснымъ. Но такъ какъ по безмѣрному Своему человѣколюбію, Ты непреложно и неизмѣнно былъ человѣкъ, Самъ былъ архіерей и Самъ передалъ намъ священнодѣйство сея служебныя и безкровныя жертвы, какъ Владыка всѣхъ, — ибо Ты одинъ, Боже, владычествуешь и небесными, и земными,—носимый херувимски на престолѣ, Господь серафимовъ и Царь Израилевъ, Единый Святъ и во святыхъ почивающій; то молю Тебя, Единаго Благого, воззри на меня, грѣшнаго и непотребнаго раба Твоего, очисти мою душу и сердце отъ совѣсти лукавыя и удовли меня, облеченнаго благодатью священства, удовли меня силою Твоего Святаго Духа предстать святой Твоей трапезѣ и священнодѣйствовать святое и пречистое Твое тѣло и честную кровь! Къ Тебѣ же прихожу, преклоняя мою выю, и молюсь Тебѣ: да не отвра-

тишь лица Твоего отъ меня, ниже отринешь меня отъ отроковъ Твоихъ; но сподоби принестись Тебѣ, посредствомъ меня недостойнаго, симъ дарамъ Твоимъ: ибо Ты еси и приносящій, и приносимый, и пріемлющій, и раздаваемый, Христе Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ, со безначальнымъ Твоимъ Отцомъ и Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Царскія врата разверзаются на срединѣ молитвы, такъ что іерей зрится еще молящійся съ распростертыми руками. Діаконъ съ кадильницею въ рукѣ исходитъ уготовить путь Царю всѣхъ, и, обильно распространяемымъ куреньемъ подъемля облака кадильныхъ благоуханій, посреди которыхъ перенесется Носимый херувимами, напоминаетъ всѣмъ о томъ, чтобы исправилась ихъ молитва, яко кадило предъ Господомъ,—напоминаетъ о томъ, чтобы всѣ, будучи благоуханьемъ Христовымъ, по слову апостола, они вспомнили о томъ, что нужно имъ быть чистыми херувимами для поднятія Господа. А лики на обоихъ клиросахъ подъемлютъ отъ лица всей церкви сію херувимскую пѣснь: «Мы, тайно изобразующіе херувимовъ и воспѣвающіе трисвятую пѣснь Животворящей Троицѣ, отложимъ нынѣ всякое попеченье, да Царя всѣхъ подымемъ, невидимо копьеносимаго ангельскими чиньми».

Былъ у древнихъ римлянъ обычай новоизбраннаго императора выносить къ народу въ сопровожденьи легіоновъ войскъ на щитѣ подъ осѣненьемъ множества наклоненныхъ надъ нимъ копій. Пѣсню эту сложилъ самъ императоръ, упавшій въ прахъ со всѣмъ своимъ земнымъ величіемъ предъ величіемъ Царя всѣхъ, копьеносимаго херувимами и легіонами небесныхъ силъ: въ первоначальныя времена сами императоры смиренно становились въ ряды служителей при выносѣ святаго хлѣба.

Пѣнье сей пѣсни устраивается ангельскимъ, подобное тому, какъ въ вышинѣ пѣли незримыя силы. Іерей и діаконъ, повторяя внутренно въ себѣ ту же херувимскую

пѣснь, приступаютъ къ боковому жертвеннику, гдѣ совершалась проскомидія. Приступивши къ дарамъ, накрытымъ воздухомъ, діаконъ говоритъ: «Возьми, владыко!» Іерей снимаетъ воздухъ и возлагаетъ ему на лѣвое плечо, и глаголетъ: «Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа». Потомъ беретъ дискосъ съ агнцемъ и возлагаетъ его на главу діакону; а самъ беретъ святую чашу и, предходящему свѣтильнику или лампадѣ, выходитъ боковой или сѣверной дверью къ народу. Если же служенье совершается соборомъ, при множествѣ іереевъ и діаконовъ, то одинъ несетъ дискосъ, другой—чашу, третій—святую ложку, которою пріобщаются, четвертый копье, прободшее св. тѣло. Всѣ принадлежности выносятся, даже самая губка, которою собирались крупицы святаго хлѣба на дискосъ и которая образуетъ ту губу, омоченную въ уксусъ и желчь, еюже напоили люди Творца своего. При пѣньи херувимской пѣсни, подобясь небеснымъ силамъ, выступаетъ сей торжественный ходъ, называемый великимъ выходомъ.

При видѣ Царя всѣхъ, несомаго въ смиренномъ видѣ агнца, лежащаго на дискосѣ, какъ бы на щитѣ, окруженнаго орудіями земныхъ страданій, какъ бы копьями несчетныхъ невидимыхъ воинствъ и чиноначалій, всѣ долу преклоняютъ свои главы и молятся словами разбойника, завопившаго къ Нему на крестѣ: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Своемъ». Посреди храма останавливается весь ходъ. Священникъ пользуется сей великой минутой, чтобы въ присутствіи несущихъ дары помянуть предъ Господомъ имена всѣхъ христіанъ, начиная съ тѣхъ, кому труднѣй и священнѣй достались обязанности, отъ исполненія которыхъ зависитъ счастье всѣхъ и собственное спасенье душъ ихъ, — заключая словами: «Васъ и всѣхъ [православныхъ] христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ [всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ»]. Пѣвцы оканчиваютъ херувимскую пѣснь троекратнымъ пѣньемъ: «Аллилуія», возвѣщающимъ вѣчное хожденіе Господне. Ходъ вступаетъ въ царскія врата. Впереди

всѣхъ вшедшій въ алтарь діаконъ, остановившись по правую сторону дверей, встрѣчаетъ священника словами: «Да помянетъ Господь Богъ священство твое во царствіи Своемъ». Священникъ отвѣтствуетъ ему: «Да помянетъ Господь Богъ священнодіаконство твое во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» И поставляетъ святую чашу и хлѣбъ, представляющій тѣло Христово, на престолъ, какъ бы на гробъ. Врата царскія затворяются, какъ бы двери гроба Господня; занавѣсь надъ ними задергивается, какъ кустодія, поставленная на стражѣ. Іерей снимаетъ съ главы діакона святый дискосъ, какъ бы онъ снималъ тѣло Спасителя со креста, поставляетъ его на разстланный антиминсъ, какъ бы на плащаницу, и сопровождаетъ сіе дѣйствіе словами: «Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробѣ новѣ закрывъ, положи». И вспоминая вездѣсущность Того, Кто теперь лежитъ предъ нимъ во гробѣ, говоритъ въ себѣ: «Во гробѣ Ты былъ плотски, во адѣ съ душою, какъ Богъ, въ раю съ разбойникомъ и въ то же время на престолѣ со Отцемъ и Духомъ, Христосъ, все Собой исполняяй, неописанный!» И вспоминая славу, въ которую облекся сей гробъ, говоритъ: «Какъ живоносецъ, какъ воистинну краснѣйшій рая и какъ свѣтлѣйшій всякаго царскаго чертога, явился намъ Твой гробъ, Христе, источникъ всякаго воскресенья». И снявши покровъ отъ дискоса и отъ чаши и воздухъ съ плеча діакона, изобразующій теперь уже не пелены, въ которыя повитъ былъ Іисусъ Младенецъ, но сударь и гробовые покровы, въ которые повито было Его мертвое тѣло, обкадивъ ихъ ѳиміамомъ, покрываетъ онъ ими снова дискосъ и чашу произнося: «Благообразный Іосифъ, снявъ со древа пречистое Твое тѣло, плащаницею чистою обвивъ и благоуханьми во гробѣ новѣ закрывъ, положи». Потомъ, взявши отъ діакона кадильницу, кадитъ святые дары, поклоняясь предъ ними три раза, и готовясь къ предстоящему жертвоприношенью, говоритъ въ себѣ словами пророка Давида: «Ублажи, Господи, благоволеніемъ

Твоимъ Сіона, и да созиждутся стѣны іерусалимскія: тогда благоволиши жертву правды, возношеніе и всесожигаемыя, тогда возложатъ на алтарь Твой тельцы»: ибо, пока Самъ Богъ не воздвигнетъ, не оградитъ душъ нашихъ іерусалимскими стѣнами отъ всякихъ плотскихъ вторженій, мы не въ силахъ вознести ему ни жертвъ, ни всесожженій, и не подымется кверху пламень духовнаго моленья, разносимый посторонними помышленіями, набѣгомъ страстей и вьюгой возмущенья душевнаго. Молясь объ очищеньи своемъ для предстоящаго жертвоприношенія, отдавая кадильницу діакону, опустивъ фелонь и преклонивъ главу, говоритъ онъ ему: «Помяни меня, братъ и сослужитель!»—«Да помянетъ Господь Богъ твое священство во царствіи Своемъ!» отвѣтствуетъ діаконъ и въ свою очередь, помышляя о недостоинствѣ своемъ, преклоняетъ главу и, держа орарь въ рукѣ, говоритъ ему: «Помолись о мнѣ, владыко святый!» Священникъ ему отвѣтствуетъ: «Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя». — «Той же Духъ содѣйствуетъ намъ вся дни живота нашего». И, полный сознанья своего недостоинства, [діаконъ] присовокупляетъ: «Помяни мя, владыко святый!» Священникъ ему: «Да помянетъ тебя Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Діаконъ, произнесши: «аминь» и поцѣловавъ ему руку, исходитъ боковой сѣверной дверью призвать всѣхъ предстоящихъ къ молитвамъ о перенесенныхъ и постановленныхъ на престолъ святыхъ дарахъ.

Взошедъ на амвонъ, лицомъ къ царскимъ дверямъ, поднявъ орарь тремя перстами руки въ подобье поднятаго крыла ангела, побудителя къ молитвѣ, возноситъ онъ цѣпь моленій, уже непохожихъ на прежнія. Начинаясь призваніемъ къ моленью о перенесенныхъ на престолъ дарахъ, они скоро переходятъ въ тѣ прошенья, какія только одни вѣрные, живущіе во Христѣ, возносятъ къ Господу.

«Дня всего совершенна, свята, мирна и безгрѣшна у Господа просимъ», взываетъ діаконъ.

Собранье молящихся, соединяясь съ хоромъ поющихъ, взываетъ отъ сердецъ: «Подай, Господи!»

«Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Прощенья и оставленья грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира мірови у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшнѣмъ судилищѣ Христовѣ просимъ».

Собранье: «Подай, Господи!»

«Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу со всѣми святыми помянувше, сами себе, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ».

И въ истинномъ желаньи подобно предать самихъ себя и другъ друга Христу Богу, всѣ восклицаютъ: «Тебѣ, Господи!»

Эктенія завершается возглашеньемъ: «Щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъже благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ».

Ликъ гремитъ: «Аминь».

Алтарь все еще закрытъ. Священникъ все еще не приступаетъ къ жертвоприношенію: еще много долженствующаго предшествовать тайной вечери. Изъ глубины алтаря посылаетъ онъ привѣтствіе Самого Спасителя: «Миръ всѣмъ!» Ему отвѣтъ: «И духу твоему». Стоя на амвонѣ, діаконъ, какъ было у первыхъ христіанъ, призываетъ всѣхъ ко

взаимной любви словами: «Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣдаемъ...» Окончанье призванья подхватываетъ ликъ поющихъ: «Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную», возвѣщая, что, не полюбивши другъ друга, нельзя полюбить Того, Кто весь одна любовь, полная, совершенная, содержащая въ своей Троицѣ и любящаго и любимаго, и самое дѣйствіе любви, которою любящій любитъ любимаго: любящій—Богъ Отецъ, любимый—Богъ Сынъ, и сама любовь, ихъ связущая—Богъ Духъ Святый. Три раза поклоняется священникъ въ алтарѣ, произнося въ себѣ тайно: «Возлюблю Тебя, Господи, крѣпость моя, Господь утвержденье мое и прибѣжище мое», и цѣлуетъ покрытые покровами святый дискосъ и святую чашу, цѣлуетъ край святыя трапезы и, сколько бы ни случилось священниковъ, съ нимъ сослужащихъ, каждый дѣлаетъ то же, и потомъ всѣ цѣлуютъ другъ друга. Главный говоритъ: «Христосъ посреди насъ». Ему отвѣтствуютъ: «И есть, и будетъ». Діаконы также, сколько бы ихъ ни случилось, цѣлуютъ каждый вначалѣ свой орарь въ томъ мѣстѣ, гдѣ на немъ изображенье креста, потомъ другъ друга, произнося тѣ же слова.

Прежде всѣ предстоящіе въ церкви лобызали также другъ друга, мужи—мужей, жены—женъ, произнося: «Христосъ посреди насъ», и тутъ же отвѣтствуя: «и есть, и будетъ»; а потому и теперь всякій предстоящій, собирая мысленно предъ собою всѣхъ христіанъ, не только присутствующихъ во храмѣ, но и отсутствующихъ, не только близкихъ къ сердцу, но и далекихъ отъ сердца, спѣша примириться съ тѣми, противъ которыхъ питалъ какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствіе,—всѣмъ имъ спѣшитъ дать мысленно лобзаніе, говоря внутренно: «Христосъ посреди насъ» и отвѣтствуя за нихъ: «И есть, и будетъ»: ибо безъ этого онъ будетъ мертвъ для всѣхъ слѣдующихъ священнодѣйствій, по слову Самого Христа: «Остави даръ свой и шедъ прежде примирись съ своимъ братомъ и тогда принеси жертву Богу»; и въ другомъ мѣстѣ: «Аще кто речетъ:

люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо нелюбяй брата своего, егоже видѣ, како можетъ любити Бога, егоже не видя?»

Стоя на амвонѣ лицомъ ко всѣмъ предстоящимъ, держа орарь тремя перстами, произноситъ діаконъ древнее возглашеніе: «Двери! Двери!» древле обращаемое къ привратникамъ, стоявшимъ у входа дверей, чтобы никто изъ язычниковъ, имѣвшихъ обыкновеніе нарушать христіанскія богослуженія, не ворвался бы нагло и святотатственно въ церковь, нынѣ же обращаемое къ самимъ предстоящимъ, чтобы берегли двери сердецъ своихъ, гдѣ уже поселилась любовь, и не ворвался бы туда врагъ любви, а двери устъ и ушесъ отверзли бы къ слышанію символа вѣры, во знаменованіе чего и отдергивается завѣса надъ царскими дверями, или горнія двери, отверзающіяся только тогда, когда слѣдуетъ устремить вниманіе ума къ таинствамъ высшимъ. А діаконъ призываетъ къ слушанію словами: «Премудростію вонмемъ». Пѣвцы твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, больше похожимъ на выговариваніе, читаютъ выразительно и громко: «Вѣрую во Единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ». И сохранивъ мигъ отдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ первое лицо Св. Троицы—Богъ Отецъ, продолжаютъ, возвышая голосъ: «И во Единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго, прежде всѣхъ вѣкъ. Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имъже вся быша. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчьшася. Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И восшедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Егоже царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и

Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки».
И сохранивъ мигъ отдохновенія, чтобы отдѣлилось въ мысляхъ у всѣхъ третіе лицо Св. Троицы—Богъ Духъ Святый, продолжаетъ: «Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь».

Твердымъ, мужественнымъ пѣніемъ, водружая въ сердце всякое слово исповѣданія, поютъ пѣвцы; твердо повторяетъ каждый вослѣдъ за ними слова символа. Мужествуя сердцемъ и духомъ, іерей передъ святымъ престоломъ, долженствующимъ изобразить святую трапезу, повторяетъ въ себѣ символъ вѣры, и всѣ ему сослужащіе повторяютъ его въ самихъ себѣ, колебля святый воздухъ надъ св. дарами.

И твердой стопой исходитъ діаконъ и возглашаетъ: «Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе въ мирѣ приносити», т. е. станемъ, какъ прилично человѣку предстать передъ Бога, съ трепетомъ, съ страхомъ и въ то же время съ мужественнымъ дерзновеніемъ духа, славословящаго Бога, съ возстановившимся согласіемъ мира въ сердцахъ, безъ котораго нельзя вознестись къ Богу. И въ отвѣтъ на призывъ вся церковь, принося въ жертву хваленіе устъ и умягченное состояніе сердецъ, повторяетъ вослѣдъ за хоромъ пѣвцовъ: «Милость мира, жертву хваленія». Въ первоначальной Церкви было въ обычаѣ приносить въ это время елей, знаменующій всякое умягченіе. Елей и милость въ греческомъ языкѣ тождественны.

Священникъ въ алтарѣ снимаетъ между тѣмъ воздухъ со святыхъ даровъ, цѣлуетъ его и кладетъ на сторону, произнося: «Благодать Господа...» А діаконъ, взошедши въ алтарь и взявши въ руки вѣяло, или рипиду, вѣетъ ею благоговѣйно надъ дарами.

Приступая къ совершенію тайной вечери, іерей посылаетъ изъ алтаря къ народу сіе благовѣствующее возглашеніе: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, буди со всѣми

вами!» И отвѣтствуютъ ему на то всѣ: «и со духомъ твоимъ!» И алтарь, изображавшій вертепъ, теперь уже горница, въ которой была уготована вечеря. Престолъ, представлявшій гробъ, теперь уже трапеза, а не гробъ. Напоминая о Спасителѣ, возведшемъ очи горѣ передъ тѣмъ, какъ преподать божественную пищу ученикамъ, священникъ возглашаетъ: «Горѣ имѣемъ сердца!» И каждый изъ стоящихъ во храмѣ помышляетъ о томъ, что̀ имѣетъ совершиться,—что въ эту минуту Божественный Агнецъ идетъ за него заклаться, Божественная кровь Самого Господа вливается въ чашу, въ его очищеніе, и всѣ небесныя силы, соединяясь съ іереемъ, о немъ молятся, — помышляя [о томъ], стремя свое сердце отъ земли къ небу, отъ тьмы къ свѣту, восклицаетъ вослѣдъ за всѣми: «Имамы ко Господу».

Напоминая о Спасителѣ благодарившемъ, по возведеніи очей горѣ возглашаетъ іерей: «Благодаримъ Господа». Ликъ отвѣтствуетъ: «Достойно и праведно есть покланятися Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной». А священникъ молится втайнѣ: «Достойно и праведно есть Тебя воспѣвать, Тебя благословить, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебѣ поклоняться на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего, ибо Ты еси Богъ неизреченъ, недовѣдомъ, невидимъ, непостижимъ, присно сый, такожде сый Ты, и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Ты отъ небытія въ бытіе насъ привелъ еси и отпадшія вновь возстановилъ насъ и не отступилъ еси вся творя, дондеже на небо насъ возвелъ еси, и даровалъ намъ Твое будущее царство. О сихъ всѣхъ благодаримъ Тебя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, о всѣхъ, которыя знаемъ и которыхъ не знаемъ, о явленныхъ и неявленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. Благодаримъ Тебя и о службѣ сей, которую изъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси, хотя и предстоятъ Тебѣ тысящи архангеловъ, и тмы ангеловъ, херувими, и серафими шестокрылатые, многоочитые возвышающіеся пернатые, побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: Святъ,

Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Твоея!»

Эту побѣдную серафимскую пѣснь, которую слышали въ святыхъ видѣніяхъ своихъ пророки, подхватываетъ весь ликъ пѣвцовъ, унося мысли молящихся къ незримымъ небесамъ и заставляя ихъ вмѣстѣ съ серафимами повторять: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ», и облетая вмѣстѣ съ серафимами престолъ божественной славы. И такъ какъ въ то же время вся церковь ожидаетъ въ эти минуты сошествія Самого Бога, грядущаго принестись въ жертву за всѣхъ, то къ серафимской пѣсни, раздающейся въ небесахъ, присоединяется пѣснь еврейскихъ отроковъ, которою они встрѣтили вшествіе Его во Іерусалимъ, подстилая вѣтви по пути: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ!» Ибо Господь взойти готовится во храмъ, какъ въ таинственный Іерусалимъ. Діаконъ продолжаетъ вѣять вѣяломъ надъ святыми дарами, чтобы не могло упасть туда какое насѣкомое, изобразуя вѣяніемъ движеніе благодати; а священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: «Съ сими блаженными силами, Владыко Человѣколюбче, и мы вопіемъ и глаголемъ: Святъ еси и Пресвятъ, Ты и Единородный Твой Сынъ, и Духъ Твой Святый. Святъ еси и Пресвятъ, и великолѣпна слава Твоя, иже міръ Твой тако возлюбилъ еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всякъ, вѣруяй въ Него, не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный, Который, пришедъ и все смотрѣніе о насъ исполнивъ, въ ночь, въ которую былъ преданъ, или, лучше, Самъ Себя предалъ за жизнь міра, взявши хлѣбъ въ святыя Свои, пречистыя, непорочныя руки, благодаривъ, благословивъ, освятивъ, преломивъ и давши святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, сказалъ...» и громко возглашаетъ іерей слова Спасителя: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ». И вся церковь вослѣдъ за ликомъ возглашаетъ: «аминь». А діаконъ, держа орарь, указываетъ священнику на святый дискосъ, на которомъ положенъ хлѣбъ. Священ-

никъ продолжаетъ втайнѣ: «Подобно и чашу по вечерѣ, глаголя...» и также, по указанію діакона на чашу, возглашаетъ громко: «Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ». И также громко возглашаетъ вся церковь: «аминь».

Священникъ продолжаетъ молиться втайнѣ: «И такъ воспоминая сію спасительную заповѣдь и все о насъ бывшее: крестъ, гробъ, тридневное воскресеніе, на небеса восхожденіе, одесную сидѣніе, второе и славное пришествіе вновь»—и, произнесши это въ себѣ, возглашаетъ громко: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Отложивъ рипиду, діаконъ приподымаетъ святый дискосъ и святый потиръ—алтарь уже не горница Тайныя Вечери, престолъ не трапеза: онъ уже теперь жертвенникъ, на которомъ приносится страшная жертва за весь міръ—Голгоѳа, на которой совершилось заколеніе Божественной Жертвы. Эта минута есть минута и жертвоприношенія, и напоминанія всякому о жертвѣ Творцу. Поклоненіе отдается нами и земнымъ властямъ; обожаніе, уваженіе, покорность мы воздаемъ и людямъ, но жертву—единому Творцу. Она не прекращалась отъ самаго созданія міра и въ какомъ бы видѣ ни приносилась, требовалась не самая жертва, но духъ сокрушенъ, съ которымъ она приносилась. Поэтому, всякій изъ предстоящихъ, вспомни, что въ эту минуту священникъ, презрѣвъ все дольнее, оставивши всѣ помыслы, всѣ мысли о земномъ, подобно какъ Авраамъ, который, когда восходилъ на горы принести жертву, оставивъ внизу и жену, и раба, и осла своего, взявши съ собой только дрова горькаго исповѣданія прегрѣшеній своихъ и сжегши ихъ огнемъ раскаянія душевнаго, огнемъ и мечомъ духа заколовши въ себѣ всякое желаніе земныхъ стяжаній и блага земного. Но что̀ предъ Богомъ всѣ наши жертвы, когда Онъ гласитъ устами пророка: «яко портъ нечистъ вся дѣла ваша?» Въ глубокомъ сознаніи, что нѣтъ Богу на землѣ ничего достойнаго жертвы, каждый изъ предстоя-

щихъ обращается мысленно къ той же чашѣ, которую въ алтарѣ подъемлетъ служитель алтаря, и восклицаетъ во глубинѣ сердца своего: «Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще, о всѣхъ и за вся». Ликъ поетъ: «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимтися, Боже нашъ!»

И наступаетъ верховнѣйшая минута всей литургіи: пресуществленіе. Въ алтарѣ происходитъ троекратное призваніе Святаго Духа на святые дары,—Того Самаго Святаго Духа, которымъ совершилось воплощеніе Христово отъ Дѣвы, Его смерть, Его воскресеніе и безъ Котораго не можетъ пресуществиться хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову.

Упавъ ницъ предъ св. престоломъ, священникъ и діаконъ творятъ троекратно земные поклоны, произнося въ себѣ: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися». И каждый вослѣдъ за симъ призваніемъ произноситъ въ себѣ стихъ: «Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей». И во второй разъ тоже призваніе: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися»; вслѣдъ за тѣмъ стихъ: «Не отвержи мене отъ лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми отъ мене». И въ третій разъ призваніе: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа въ третій часъ апостоломъ Твоимъ ниспославый, Того, Благій, не отыми отъ насъ, но обнови насъ молящихтися». Подклонивъ главу, діаконъ указываетъ ораремъ на святый хлѣбъ, произнося въ себѣ: «Благослови, владыко, святый хлѣбъ»; и знаменуетъ его трижды іерей, глаголя: «И сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего». Діаконъ произноситъ: «аминь». И хлѣбъ уже есть самое тѣло Христа. И, также безмолвно указываетъ діаконъ ораремъ на святую чашу, произнося въ себѣ: «Благослови, владыко, святую чашу». И,

благословляя, глаголетъ священникъ: «А еже въ чаши сей, честную кровь Христа Твоего». Діаконъ произноситъ: «аминь» и, указавъ на обоя святая, глаголетъ: «Благослови, владыко, обоя». Благословивъ, произноситъ священникъ: «Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ»; троекратно произноситъ діаконъ: «аминь»—и на престолѣ уже тѣло и кровь: пресуществленіе совершилось! Словомъ вызвано Вѣчно Слово. Іерей, имѣя глаголъ намѣсто меча, совершилъ закланье. Кто бы онъ ни былъ самъ,—Петръ или Иванъ,—но въ его лицѣ Самъ Вѣчный Архіерей совершилъ сіе закланіе и вѣчно совершаетъ Онъ его въ лицѣ своихъ іереевъ, какъ по слову: «да будетъ свѣтъ», свѣтъ сіяетъ вѣчно; какъ по слову: «да произраститъ земля быліе травное», произращаетъ его вѣчно земля. На престолѣ — не образъ, не видъ, но самое тѣло Господне,—то самое тѣло, которое страдало на землѣ, терпѣло заушенья, было оплевано, распято, погребено, воскресло, вознеслось вмѣстѣ съ Господомъ и сидитъ одесную Отца. Видъ хлѣба сохраняетъ оно только затѣмъ, чтобы быть снѣдью человѣку, и что Самъ Господь сказалъ: «Азъ есмь хлѣбъ».

Церковный звонъ подъемлется съ колокольней возвѣстить всѣмъ о великой минутѣ, чтобы человѣкъ, гдѣ бы онъ въ это время ни находился, — въ пути ли, въ дорогѣ, обрабатываетъ ли землю полей своихъ, сидитъ ли въ дому своемъ, или занятъ другимъ дѣломъ, или томится на одрѣ болѣзни, или въ тюремныхъ стѣнахъ, словомъ,—гдѣ бы онъ ни былъ, чтобы могъ отовсюду вознести моленье и отъ себя въ эту страшную минуту. Все повергается ницъ въ виду тѣла и крови Господней, взывая ко Господу словами разбойника: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ».

Подклонивъ главу священнику, діаконъ произноситъ: «Помяни мя, святый владыко!» Ему отвѣтствуетъ священникъ: «Помянетъ тебя Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». И приступаетъ священникъ къ поминанью всѣхъ предъ лицомъ Господа, собирая всю Церковь, и торжествующую, и воинствующую, въ томъ

видѣ и порядкѣ, какъ вспоминались всѣ на проскомидіи, начиная съ Богопресвятой, Пречистой Матери Господа, Которую тутъ же вся церковь ублажаетъ, вмѣстѣ съ ликомъ, хвалебною пѣснью, какъ Предстательницу за весь родъ человѣческій, какъ единственную удостоившуюся, за высокое смиреніе свое, понести въ себѣ Бога,—чтобы каждый въ эту минуту слышалъ, что высшая добродѣтель—смиреніе и въ сердцѣ смиреннаго воплощается Богъ. И вослѣдъ за Божіею Матерію вспоминаются пророки, апостолы, отцы Церкви въ томъ же порядкѣ, какъ изнимались за нихъ части на проскомидіи; потомъ—всѣ усопшіе, которыхъ помянникъ читаетъ діаконъ, потомъ живущіе, начиная съ тѣхъ, на которыхъ возложены важнѣйшія обязанности и высшія,—съ право правящихъ слово истины духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, отъ государя: [да пособитъ ему Господь на трудномъ его поприщѣ во всякомъ дѣлѣ общаго добра, и да въ союзномъ стремленіи ко благу отвѣтствуетъ ему весь государственный корабль управленья, палата власти, воинства, исполняя честно долгъ, «да и мы, въ тишинѣ ихъ, тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ». И о всѣхъ предстоящихъ христіанахъ до единаго молится въ это время іерей, чтобы Милостивый на всѣхъ излилъ Свои милости, сокровища ихъ исполнилъ блага, супружества ихъ соблюлъ бы въ единомысліи и мирѣ, младенцевъ воспиталъ бы, юность наставилъ, старость поддержалъ, малодушныхъ утѣшилъ, расточенныхъ собралъ, прельщенныхъ обратилъ и совокупилъ святой Своей соборной и апостольской Церкви. И обо всѣхъ до послѣдняго христіанина въ это время молится смиренно іерей, гдѣ бы такой христіанинъ ни находился]—въ пути ли онъ, въ дорогѣ, въ плаваніи, путешествіи, страдаетъ ли въ недугѣ, томится ли въ заточеньи, въ рудахъ и пропастяхъ земли. Обо всѣхъ до едина молится въ это время вся церковь и каждый изъ предстоящихъ, сверхъ этого общаго моленья обо всѣхъ, молится еще о всѣхъ своихъ, близкихъ своему сердцу, всѣхъ ихъ поименовывая предъ лицомъ тѣла и

крови Господней. И возглашаетъ громко священникъ изъ алтаря: «И даждь намъ едиными усты и единымъ сердцемъ славити и воспѣвати пречестное и великолѣпное имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ». Утвердительнымъ «аминь» отвѣтствуетъ церковь. Священникъ возглашаетъ: «И да будутъ милости Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами!» Ему отвѣтствуютъ: «и со духомъ твоимъ». И симъ оканчиваются моленія о всѣхъ, составляющихъ Церковь Христову, совершаемыя передъ лицомъ самаго тѣла и самой крови Христовой.

Діаконъ восходитъ на амвонъ воздвигнуть моленія о самыхъ дарахъ, уже принесенныхъ Богу и пресуществленныхъ, да не въ судъ и въ осужденье обратятся. Подъявъ орарь тремя перстами десныя руки своей, такъ восперяетъ онъ всѣхъ къ молитвѣ: «Вся святыя помянувше, вновь и вновь миромъ Господу помолимся!» И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!»—«О принесенныхъ и освященныхъ честныхъ дарахъ Господу помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!»—«Яко да Человѣколюбецъ Богъ нашъ», взываетъ діаконъ: «пріявъ ихъ во святый превышенебесный и мысленный свой жертвенникъ, въ воню благоуханія духовнаго, возниспослетъ намъ божественную благодать и даръ Духа Святаго, помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!»—«О избавленіи насъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды Господу помолимся». И воспѣваетъ ликъ: «Господи, помилуй!»—«Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!» И взываетъ ликъ: «Господи, помилуй!»—«Дня всего совершеннаго, всего святаго, мирнаго, безгрѣшнаго у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!»—«Ангела мирнаго, вѣрнаго наставника, хранителя душъ и тѣлесъ нашихъ, у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!»—«Прощенія и оставленія грѣховъ и прегрѣшеній нашихъ у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!»—«Добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ и мира міру у Господа просимъ». И воспѣваетъ

ликъ: «Подай, Господи!» — «Прочее время живота нашего въ мирѣ и покаяніи скончати у Господа просимъ». И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» — «Христіанскія кончины живота нашего безболѣзненной, непостыдной, мирной и добраго отвѣта на страшномъ судилищѣ Христовомъ просимъ!» И воспѣваетъ ликъ: «Подай, Господи!» И произноситъ діаконъ, уже не призывая въ помощь святыхъ, но обращая всѣхъ прямо ко Господу: «Соединеніе вѣры и причастіе Святаго Духа испросивши, сами себя, и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». И воспѣваютъ всѣ въ полной и совершенной преданности: «Тебѣ, Господи!»

Священникъ же намѣсто троичнаго славословія возглашаетъ: «И сподоби насъ, Владыко, со дерзновеніемъ, неосужденно смѣть призывать Тебя, небеснаго Бога Отца, и глаголати». И всѣ вѣрные въ эту минуту не какъ рабы, исполненные страха, но какъ дѣти, какъ чистые младенцы, доведенные самими моленьями и всею службою и постепеннымъ ходомъ ея святыхъ обрядовъ до того небесно-умиленнаго, ангельскаго состоянія души, въ которомъ можетъ прямо говорить человѣкъ съ Богомъ, какъ съ нѣжнѣйшимъ отцомъ, произносятъ сію молитву Господню. «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго».

Все обняла собою сія молитва, и въ ней все заключилось, что̀ намъ нужно. Прошеньемъ: «да святится имя Твое», просится первое, о чемъ прежде всего мы должны просить: гдѣ святится Божіе имя, тамъ всѣмъ хорошо, тамъ, значитъ, всѣ [въ] любви живутъ, ибо любовью только святится имя Божіе. Словами: «да пріидетъ царствіе Твое», вызывается царство правды на землю, ибо безъ прихода Божія не быть правдѣ: ибо Богъ есть правда. Къ словамъ: «да будетъ воля Твоя», приводитъ человѣка и вѣра, и разумъ: чья же воля можетъ быть прекраснѣй Божіей воли?

Кто же лучше Самого Творца знаетъ, что̀ нужно Его творенію? Кому же ввѣриться, какъ не Тому, Который весь есть благотворящее благо и совершенство? Словомъ: «даждь намъ хлѣбъ нашъ насущный», просимъ мы всего, что̀ нужно для дневного существованья нашего, хлѣбъ же нашъ есть Божія Премудрость, есть Самъ Христосъ. Онъ Самъ сказалъ: «Азъ есмь хлѣбъ, и ядый Меня не умретъ». Словомъ: «остави намъ долги наша», мы просимъ о снятіи съ насъ всѣхъ тяжкихъ грѣховъ нашихъ, на насъ тяготѣющихъ,—просимъ прощенія намъ всего того, чѣмъ задолжали мы Самому Творцу въ лицѣ братій нашихъ, Который ежедневно и ежеминутно въ образѣ ихъ протягиваетъ намъ руку Свою, надрывающимъ всю душу воплемъ умоляя о милости и милосердіи. Словомъ: «не введи насъ во искушеніе», мы просимъ о избавленіи насъ отъ всего смущающаго духъ нашъ и отъемлющаго у насъ душевное спокойствіе. Словомъ: «но избави насъ отъ лукаваго», мы просимъ о небесной радости: ибо какъ только отступаетъ отъ насъ лукавый, радость уже вдругъ входитъ въ нашу душу, и мы уже на землѣ, какъ на небесахъ.

Такъ все заключаетъ въ себѣ и все объемлетъ собою сія молитва, которою молиться научила насъ Сама Премудрость Божія, и кому же молиться? молиться Отцу Премудрости, породившему Премудрость Свою прежде вѣковъ. Такъ какъ всѣ предстоящіе должны повторять въ себѣ молитву сію не устами, но самой чистой невинностью младенческаго сердца, то и самое пѣнье ея на ликахъ должно быть младенческое: не мужественными и суровыми звуками, но звуками младенческими, какъ бы лобзающими самую душу, должна воспѣваться сія молитва, да весеннее дыханіе самихъ небесъ въ ней слышится, да лобзаніе самихъ ангеловъ въ ней носится, ибо въ молитвѣ этой уже не называемъ мы и Богомъ Того, Кто сотворилъ насъ, а говоримъ Ему просто: «Отче нашъ!»

Іерей привѣтствуетъ изъ глубины алтаря какъ бы привѣтствіемъ Спасителя: «Миръ всѣмъ!» Ему отвѣтствуютъ:

«И духови твоему!» Напоминая о сердечномъ внутреннемъ исповѣданіи, которое долженъ всякій совершить внутри самого себя въ сію минуту, діаконъ взываетъ: «Главы ваши Господеви преклоните!» И, преклонивъ главы свои, всѣ до единаго изъ предстоящихъ произносятъ въ себѣ почти такую молитву: «Тебѣ, Господи Боже мой, преклоняю главу и во исповѣданіи сердечномъ вопію: Грѣшенъ, Господи, и недостоинъ просить у Тебя прощенія, но Ты, какъ Человѣколюбецъ, такъ же ни за что, какъ блуднаго сына, меня помилуй, какъ мытаря меня оправдай и удостой меня, какъ разбойника, Твоего небеснаго царства». И когда всѣ такимъ образомъ, преклонивъ главы свои, пребываютъ въ внутреннемъ сокрушеніи сердечномъ, іерей молится у алтаря за всѣхъ такими, внутри самого себя произносимыми словами: «Благодаримъ Тебя, Царю невидимый, иже неисчетною Твоею силою вся содѣтельствовалъ еси, и множествомъ милости Твоея отъ небытія въ бытіе вся привелъ еси, Самъ, Владыко, съ небесъ призри на преклонившихъ Тебѣ главы своя, ибо подклонили они ихъ не плоти и крови, но Тебѣ, страшному Богу. Ты же, Владыко, все, что̀ предлежитъ намъ, изравняй во благо намъ, каждому по потребности его: плавающимъ сплавай, путешествующимъ спутешествуй, недугующія исцѣли, Врачу душъ и тѣлесъ!» И возглашаетъ вслѣдъ за тѣмъ великолѣпное троичное славословіе, обращенное къ небесной милости Божіей: «Благодатію, и щедротами, и человѣколюбіемъ Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъже благословенъ еси, со Пресвятымъ, Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!» Ликъ возглашаетъ: «аминь». А священникъ, пріуготовляя къ пріобщенію себя самого и всѣхъ потомъ тѣла и крови Христовой, молится такою тайною молитвою: «Вонми, Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ святаго жилища Твоего и отъ престола славы царствія Твоего! Пріиди освятить насъ, горѣ съ Отцомъ сидящій и здѣсь невидимо намъ спребывающій, и сподоби державной рукой Твоей преподать намъ [священникамъ] пречистое

тѣло Твое и честную кровь Твою, а нами всѣмъ Твоимъ людямъ».

Во время глаголанія сей молитвы діаконъ готовится къ причащенію: становится передъ царскими вратами, опоясуя себя ораремъ и складывая его крестовидно на себѣ въ подобіе ангеловъ, крестовидно складывающихъ на себѣ крылья и закрывающихъ ими лица свои передъ неприступнымъ свѣтомъ божества. Поклоняясь три раза, такъ же какъ и священникъ, произноситъ онъ три раза въ себѣ: «Боже, очисти меня грѣшнаго и помилуй меня!» Когда же священникъ простретъ руки свои къ святому дискосу, воздвигающимъ словомъ «вонмемъ» напоминаетъ онъ всѣмъ во храмѣ къ устремленію мысли на происходящее. Алтарь сокрывается отъ глазъ народа, завѣса задергивается, да совершится прежде пріобщеніе самихъ іереевъ. Одинъ только голосъ іерея, подъемлющаго святой дискосъ, «Святая святымъ» раздается изъ алтаря. Содрогаясь отъ сего возвѣщенія, говорящаго, что нужно быть святымъ для принятія святыни, весь молящійся храмъ отвѣтствуетъ ему: «Единъ Святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ, во славу Бога Отца», и воспѣвается вслѣдъ за тѣмъ хвалебный гимнъ святому, егоже день, въ возвѣщенье, что можно быть святу человѣку, такъ же какъ сталъ святъ святой, которому гимнъ поется: сталъ святъ онъ не своей святостью, но святостью Самого Христа. Пребываньемъ во Христѣ святится человѣкъ и въ такія минуты пребыванья святъ, какъ Самъ Христосъ, подобно какъ желѣзо, когда пребываетъ въ огнѣ, становится и само огонь и потухаетъ вмигъ, какъ только изъемлется изъ огня, и становится вновь темнымъ желѣзомъ.

Священникъ раздробляетъ теперь святый хлѣбъ, сначала по знаку, начертанному на проскомидіи, на четыре части, съ благоговѣніемъ произнося: «раздробляется и раздѣляется Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но освящаяй причащающіяся». И сохранивъ одну изъ сихъ частей для пріобщенія себя и діакона святаго тѣла въ видѣ, несоединенномъ еще

съ кровію, дробитъ потомъ части хлѣба по числу пріобщающихся, но не дробится въ семъ дробленіи самое тѣло Христово, котораго и кость не сокрушилась, и въ малѣйшей частицѣ сохраняется тотъ же всецѣлый Христосъ, какъ въ каждомъ членѣ нашего тѣла присутствуетъ та же человѣческая душа нераздѣльная и всецѣлая, какъ въ зеркалѣ, хотя бы оно и сокрушилось на сотни кусковъ, сохраняется отраженіе тѣхъ же предметовъ даже въ самомъ малѣйшемъ кускѣ. Какъ въ звукѣ насъ огласившемъ, сохраняется то же единство его, и остается онъ тотъ же самый единный всецѣлый звукъ, хотя и тысячи ушей его слышали. Но въ чашу не погружаются всѣ тѣ части, которыя были вынуты на проскомидіи во имя святыхъ, во имя усопшихъ и во имя нѣкоторыхъ живущихъ. Они остаются до времени еще на дискосѣ; только частями, составляющими тѣло и кровь Господню, пріобщается церковь. Въ первоначальныя времена Церкви причащались ими въ видѣ несоединенномъ, какъ нынѣ пріобщаются у насъ одни іереи, и каждый, пріемля въ руки тѣло Господа, испивалъ потомъ самъ изъ чаши. Но когда,—безчинствомъ невѣжественныхъ новообращенныхъ христіанъ, ставшихъ только по имени христіанами,—начали уносить святые дары въ дома свои, употребляя ихъ въ суевѣрія и колдовства, или же безчинно обращаться съ ними тутъ же во храмѣ, толкая другъ друга, производя шумъ и даже проливая святые дары, когда нашлись въ необходимости отцы многихъ Церквей отмѣнить вовсе пріобщеніе крови для всего народа, замѣнивъ его хлѣбнымъ знакомъ облатки, какъ сдѣлала то у себя католическая западная Церковь, — тогда святый Іоаннъ Златоустъ, чтобы не случилось и въ Церкви восточной того, установилъ преподавать народу кровь и тѣло не порознь, но въ соединенномъ видѣ, и не давать ему ни того, ни другого въ собственныя руки, но преподавать святой ложкой, имѣющей образъ тѣхъ клещей, которыми огненный серафимъ прикоснулся устамъ пророка Исаіи, дабы напомнить всѣмъ, какого рода то прикосновеніе, которое готово при-

коснуться устамъ, дабы увидѣлъ ясно всякъ, что сей святой ложкой держитъ іерей тотъ горящій угль, который схватилъ таинственными клещами серафимъ отъ самого жертвенника Божія, дабы единымъ только прикосновеніемъ его къ устамъ пророка отъять отъ него всѣ грѣхи его. Тотъ же самый Златоустъ, чтобы удалить съ тѣмъ вмѣстѣ всякую мысль о томъ, что сіе соединеніе тѣла и крови воедино и вмѣстѣ дѣлается произвольно іереемъ, ввелъ въ минуту самаго соединенія ихъ вмѣстѣ влитіе теплой воды въ сосудъ, знаменующее теплотворную благодать Духа Святаго, изливаемую въ разрѣшеніе такого соединенія, почему и произносится при этомъ діакономъ: «Теплота вѣры, исполнь Духа Святаго». А на самое влитіе теплоты призывается благословеніе Того же Духа Святаго, чтобы ничто не совершилось при этомъ безъ благословенія Самого Господа, чтобы въ то же время и теплота послужила подобіемъ теплотѣ крови, давая самимъ вкушеніемъ ея чувствовать всякому, что не отъ мертваго тѣла, изъ котораго не истекаетъ теплая кровь, но отъ живого, животворящаго и животворнаго тѣла Господня онъ ее пріемлетъ, чтобы и здѣсь онъ слышалъ возвѣщеніе того, что и отъ мертваго тѣла Господня не отступила божественная душа и было дѣйствъ Духа оно полно, и божество съ нимъ не разлучалось.

Пріобща вначалѣ себя, потомъ діакона, служитель Христовъ предстоитъ новымъ человѣкомъ, какъ очищенный святынею пріобщенія отъ всѣхъ своихъ прегрѣшеній, какъ святый истинно въ эту минуту и какъ достойный пріобщать другихъ.

Врата царскія разверзаются, діаконъ возноситъ торжественный гласъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!» И всѣмъ предстоитъ преображенный серафимъ съ святой чашей въ рукахъ — іерей, во святыхъ вратахъ стоящій.

Горя желаніемъ Бога, сгарая любовнымъ пламенемъ къ Нему, сложивъ руки крестомъ нагруди своей, одинъ за другимъ подступаютъ къ нему пріобщающіеся и, преклоня

главу, повторяетъ всякъ въ себѣ сіе исповѣданіе Распятаго:

«Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистинну Христосъ, Сынъ Бога Живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъже первый есмь азъ. Еще вѣрую, яко сіе самое есть пречистое тѣло Твое, и сія есть самая честная кровь Твоя, молюся убо Тебѣ: помилуй мя и прости ми прегрѣшенія моя вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистыхъ Твоихъ таинствъ во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную». И остановившись на одно мгновеніе, дабы объять мыслію значеніе того, къ чему приступаетъ, продолжаетъ глубиной сердца своего повторять послѣдующія слова:

«Вечери Твоея тайныя днесь, Сыне Божій, причастника меня пріими: не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іюда, но яко разбойникъ исповѣдую Тя: помяни меня, Господи, во царствіи Твоемъ». И совершивъ одинъ мигъ благоговѣйнаго молчанія въ себѣ, продолжаетъ: «Да не въ судъ или во осужденіе будетъ мнѣ причащеніе святыхъ Твоихъ таинъ, Господи, но во исцѣленіе души и тѣла».

И прочитавъ сіе исповѣданіе, уже не такъ, какъ къ іерею, но какъ къ самому огненному серафиму, приступаетъ каждый, готовясь раскрытыми устами принять съ святыя ложки тотъ огнепальный уголь святаго тѣла и крови Господа, который долженствуетъ въ немъ попалить, какъ тлѣнный хворостъ, весь черный дрязгъ его прегрѣшеній, изгнавъ вѣчную ночь изъ души его, превративъ его самого въ просвѣтленнаго серафима. И когда, подъявъ святую ложку надъ устами его и упомянувши его, произнесетъ іерей: «Причащается рабъ Божій честныя и святыя крови Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную», пріемлетъ онъ тѣло и кровь Господа, и въ нихъ пріемлетъ минуту свиданья съ Богомъ, становясь лицомъ къ лицу къ Нему Самому. Въ минутѣ этой нѣтъ времени, и ничѣмъ не отличается она отъ самой

вѣчности, ибо въ ней пребываетъ Тотъ, Кто есть начало вѣчности. Пріявъ въ тѣлѣ и крови сію великую минуту, исполненный святаго ужаса стоитъ пріобщившійся: святымъ воздухомъ осушаются уста его при повтореніи серафимскихъ словъ пророку Исаіѣ: «Се прикоснуся устнамъ твоимъ и отыметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ». Самъ святой, возвращается онъ отъ святыя чаши, поклоняясь святымъ, ихъ привѣтствуя, и поклоняясь всѣмъ предстоящимъ, какъ ближайшимъ въ нѣсколько разъ своему сердцу, чѣмъ дотолѣ, какъ связавшихся теперь съ нимъ узами святаго небеснаго родства, и становится потомъ на свое мѣсто, исполненный той мысли, что принялъ въ себя Самого Христа и что Христосъ въ немъ, [что] Христосъ сошелъ Своею плотью, какъ во гробъ, къ нему въ утробу, дабы, проникнувъ потомъ въ тайное хранилище сердца, воскреснуть въ духѣ его, совершая въ немъ самомъ и погребенье, и воскресенье Свое. Сіяетъ свѣтомъ сего духовнаго воскресенья вся церковь, и воспѣваютъ пѣвцы сіи ликующія пѣсни:

«Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу, Единому Безгрѣшному. Кресту Твоему покланяемся, Христе, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе иного не знаемъ, имя Твое именуемъ. Пріидите вси вѣрніи, поклонимся святому Христову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру. Всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши». И подобно ангеламъ, соединяющимся въ это время:

«Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія. Ликуй нынѣ и веселися, Сіоне; Ты же Чистая красуйся Богородице о возстаніи рождества Твоего. О пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте и слове Божій и сило! подавай намъ истѣе Тебе причащатися, въ невечернѣмъ дни царствія Твоего!»

Въ продолженіе же того, какъ воскресными пѣснями оглашается ликующая церковь, священникъ въ закрытомъ алтарѣ, постановивъ святую чашу на святую трапезу, кото-

рая, такъ же какъ и дискосъ, покрывается вновь покровами, произноситъ благодарственную молитву Самому благодѣтелю душъ Господу за удостоеніе пріобщиться небесныхъ и безсмертныхъ Его таинствъ и заключаетъ ее прошеніемъ, да исправитъ путь нашъ, утвердитъ насъ всѣхъ въ священномъ страхѣ къ нему, соблюдетъ житіе наше и содѣлаетъ твердыми стопы наши.

И разверзаются затѣмъ въ послѣдній разъ царскія врата, возвѣщая разверзаньемъ своимъ разверзанье самого царствія небеснаго, которое доставилъ Христосъ всѣмъ принесеньемъ Самого Себя въ духовную снѣдь всему міру. Въ видѣ святой чаши, износимой діакономъ въ сопровожденіи словъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите», и въ ея отнесеніи изобразуется исходъ Самого Господа къ народу, дабы возвести ихъ всѣхъ съ Собою въ домъ Отца Своего. Громомъ торжественнаго пѣснопѣнья гремитъ весь ликъ въ отвѣтъ: «Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явися намъ!» И громомъ пѣснопѣнья духовнаго, исходящаго изъ глубины возрастающаго духа, совоспѣваетъ ему вся церковь. Священникъ же, благословивъ предстоящихъ словами: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояніе Твое»,—ибо предполагаетъ, что всѣ по чистотѣ въ эту минуту обратились въ собственное достояніе Божіе,—устремляется мыслью къ вознесенію Господню, которымъ завершилось Его пребыванье на землѣ: становится вмѣстѣ съ діакономъ предъ святымъ престоломъ и, покловяясь, кадитъ онъ въ послѣдній разъ, и кадя произноситъ въ себѣ: «Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя», между тѣмъ какъ ликъ восторгающимъ пѣснопѣніемъ и звуками, сіяющими весельемъ духовнымъ, стремитъ просвѣтленныя души всѣхъ предстоящихъ къ произнесенію вослѣдъ за нимъ сихъ словъ самой радости духовной: «Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ духа небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, Нераздѣльной Троицѣ поклоняемся, Та бо насъ спасла есть».

Діаконъ показывается въ святыхъ дверяхъ съ святымъ

дискосомъ на главѣ, не произнося ни одного слова: безмолвнымъ воззрѣніемъ своимъ на все собраніе и уходомъ знаменуетъ удаленіе отъ насъ и вознесеніе Господне. Вослѣдъ за діакономъ показывается въ святыхъ дверяхъ іерей съ святою чашею и возвѣщаетъ пребываніе съ нами до скончанія вѣковъ вознесшагося Господа словами: «Всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ», послѣ чего и чаша, и дискосъ относятся вновь на боковой жертвенникъ, на которомъ совершалась проскомидія, который изобразуетъ теперь уже не вертепъ, видѣвшій рожденіе Христово, но то верховное мѣсто славы, гдѣ совершился возвратъ Сына въ лоно Отчее.

Здѣсь вся церковь, предводимая поющимъ ликомъ, соединяется въ одно торжественно-благодарное пѣніе душъ своихъ; и сіи суть слова ея восхваленія: «Да исполнятся уста наша хваленія Твоего, Господи, яко да поемъ славу Твою, яко сподобилъ еси насъ причаститися святымъ Твоимъ божественнымъ, безсмертнымъ и животворящимъ тайнамъ: соблюди насъ во Твоей святыни, весь день поучатися правдѣ Твоей!» И воспѣваетъ троекратно вослѣдъ за тѣмъ хоръ пѣвцовъ воздвигающее слово: «аллилуія», говорящее имъ непрестающее хожденіе и всюду пребываніе Божіе. Діаконъ же восходитъ на амвонъ воздвигнуть въ послѣдній разъ предстоящихъ къ моленіямъ благодарственнымъ. Подъявъ орарь тремя перстами руки своей, говоритъ онъ: «Прости, пріимше божественныхъ, святыхъ, пречистыхъ, безсмертныхъ, небесныхъ и животворящихъ, страшныхъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаримъ Господа». И благодаря сердцами, воспѣваютъ всѣ тихо: «Господи, помилуй!» — «Заступи, спаси, помилуй и сохрани насъ, Боже, Твоею благодатію!» взываетъ въ послѣдній разъ діаконъ. И воспѣваютъ всѣ: «Господи, помилуй!» — «День весь совершенъ святъ, миренъ и безгрѣшенъ испросивши, сами себя и другъ друга, и весь животъ нашъ Христу Богу предадимъ». И съ покорностію кроткой младенца, въ небесной довѣренности къ Богу, всѣ восклицаютъ: «Тебѣ, Господи!» А священникъ, складывая въ это время антиминсъ и съ еванге-

ліемъ въ рукахъ, ознаменовавъ . . . ., возглашаетъ троичное славословіе, которое, озарявъ доселѣ, подобно всеозаряющему маяку, весь путь богослуженія, и теперь вспыхиваетъ еще сильнѣйшимъ свѣтомъ въ просвѣтившихся душахъ; и такое на сей разъ обращеніе троичнаго славословія: «Яко Ты еси освященіе наше, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ».

Затѣмъ священникъ приступаетъ къ боковому жертвеннику, на которомъ постановлены чаша и дискосъ. Всѣ тѣ частицы, которыя оставались доселѣ на дискосѣ и были вынуты на проскомидіи въ воспоминаніе святыхъ, въ упокой усопшихъ и въ душевное здравіе живущихъ, теперь погружены во святую чашу и въ семъ дѣйствіи ихъ погруженія пріобщается тѣлу и крови Христовой вся Церковь Его—и та, которая еще странствуетъ и воинствуетъ на землѣ, и та, которая уже торжествуетъ на небесахъ: Богоматерь, пророки, апостолы, отцы церковные, святители, отшельники, мученики, всѣ грѣшные, за которыхъ были вынуты части, на землѣ живущіе и отшедшіе, пріобщаются въ эту минуту тѣлу и крови Христовой. И священникъ, предстоя въ такую минуту предъ Богомъ, какъ представитель всей его Церкви, испиваетъ изъ чаши сіе причащеніе всѣхъ и пріемля въ себя пріобщеніе всѣхъ, молится о всѣхъ, да омыются грѣхи ихъ, ибо за искупленіе всѣхъ принесена жертва Христомъ, какъ за тѣхъ, которые жили до Его пришествія, такъ и за тѣхъ, которые жили по пришествіи Его. И какъ бы ни была грѣшна молитва его, но священникъ возноситъ ее за всѣхъ, даже за самихъ святѣйшихъ, ибо, какъ сказалъ Златоустъ, общее предлежитъ очищеніе вселенныя.

Церковь повелѣваетъ о всѣхъ возносить всеобщую молитву; высокое значеніе такой молитвы и е строгая надобность узнались не мудрецами міра и не совопросниками вѣка, но тѣми верховными людьми, которые высокимъ духовнымъ совершенствомъ и небесно-ангельской жизнью дошли до познанія глубочайшихъ душевныхъ тайнъ и видѣли уже

ясно, что разлуки нѣтъ между живущими въ Богѣ, что минутной тлѣнностью нашего тѣла не прекращаются сношенія, и что любовь, завязанная на землѣ, приходитъ въ бо̀льшую мѣру на небесахъ, какъ на родинѣ своей, и братъ, отшедшій отъ насъ, становится еще ближе къ намъ отъ силы любви. И все, что̀ ни истекаетъ изъ Христа, то вѣчно какъ вѣченъ самъ источникъ, изъ котораго оно истекаетъ. Слышали также они высшими органами чувствъ своихъ, что и на небесахъ торжествующая Церковь долженствуетъ молиться и молится также о странствующихъ на землѣ братьяхъ своихъ; слышали они, что Богъ предоставилъ, какъ лучшее изъ наслажденій, наслажденье молиться, ибо ничего не совершаетъ Богъ и ничему не благодѣтельствуетъ, не дѣлая участникомъ въ самомъ совершеніи и въ самомъ благодѣяніи своемъ свое твореніе, да насладится оно высокимъ блаженствомъ благотворенія: несетъ ангелъ Его повелѣніе и утопаетъ въ блаженствѣ уже отъ того, что несетъ Его повелѣніе. Молится на небесахъ святой о братьяхъ своихъ на землѣ и утопаетъ въ блаженствѣ уже отъ того, что молится. И все соучаствуетъ съ Богомъ во всѣхъ высочайшихъ Его наслажденіяхъ и блаженствахъ: милліоны совершеннѣйшихъ твореній исходятъ изъ рукъ Божіихъ, дабы участвовать въ высшихъ и высшихъ блаженствахъ, и нѣтъ имъ конца, какъ нѣтъ конца Божьимъ блаженствамъ. Испивъ изъ чаши пріобщеніе всѣхъ съ Богомъ, іерей выноситъ народу тѣ просфоры, отъ которыхъ были отдѣлены и изъяты частицы, и симъ сохраняетъ высокій древній образъ трапезы любви, исполнявшійся христіанами первыхъ временъ. Хотя и не накрывается теперь для этого столъ, по причинѣ того, что невѣжественными христіанами, безумнымъ буйствомъ ихъ ликованій, словами раздора, а не любви, давно была опозорена святыня этого трогательнаго небеснаго пиршества въ самомъ дому Божіемъ, на которомъ всѣ пировавшіе были святы, какъ одна душа были души ихъ, и, чистые младенцы сердцемъ, вели они такую бесѣду, какъ бы у Самого Бога были на небесахъ; хотя сами церкви уви-

дѣли строгую надобность уничтожить это, и самое воспоминанье объ этой трапезѣ исчезнуло во многихъ церквахъ; но несмотря на то одна Восточная Церковь не могла рѣшиться на уничтоженіе вовсе такого обряда, и въ раздачѣ святаго хлѣба посреди церкви всему народу совершаетъ ту же святую трапезу любви. А потому всякъ пріемлющій просфору и пріемлетъ ее, какъ хлѣбъ отъ того пиршества, за которымъ Самъ Хозяинъ міра бесѣдовалъ съ людьми своими,—а потому вкушалъ бы благоговѣйно, представляя себя окруженнаго всѣми людьми, какъ нѣжнѣйшими братьями своими,—и такъ же, какъ было въ обычаѣ первоначальной церкви, вкушаетъ его прежде всякой другой пищи, или относитъ въ домъ свой домашнимъ, или же отправляетъ больнымъ, неимущимъ и тѣмъ, которые почему-нибудь не могли быть на то время въ церкви.

Раздавъ святый хлѣбъ, священникъ творитъ отпускъ литургіи и благословляетъ весь народъ словами: «Христосъ, Истинный Богъ нашъ, молитвами Пречистыя Своея Матери, молитвами отца нашего архіепископа Іоанна Златоуста (если литургія Златоуста идетъ день въ день), молитвами святаго [и называетъ по имени святаго, егоже день] и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ» Народъ, знаменуясь крестомъ и поклоняясь, расходится при громкомъ пѣніи лика, многолѣтствующаго императора.

Священникъ въ алтарѣ совлекается отъ одѣяній своихъ, произнося: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего», и сопровождая разоблаченіе хвалебными тропарями, гимнами отцу и святителю церковному, котораго служилась литургія, и той Пречистой Святой Дѣвѣ, въ которой совершилось вочеловѣченье Того, Кому служилась вся литургія. Діаконъ въ это время потребляетъ все оставшееся въ чашѣ и потомъ, наливъ въ нее вина и воды и всполоснувъ внутреннія стѣны ея испиваетъ, осушивъ тщательно губкой, дабы ничто не оставалось, слагаетъ святые сосуды вмѣстѣ, покрывъ и обвязавъ ихъ, и подобно священнику говоритъ: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего», повторяя тѣ же пѣсни и молитвы.

И оба выходятъ наконецъ изъ храма, неся сіяющую свѣжесть въ лицѣ, радость ликующую въ духѣ, благодареніе Господу на устахъ своихъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Дѣйствіе божественной литургіи надъ душою велико: зримо и въ очью совершается, въ виду всего свѣта, и скрыто. И если только молившійся благоговѣйно и прилежно слѣдитъ за всякимъ дѣйствіемъ, покорный призванью діакона,—душа пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ, какъ на братьевъ. Примется ли онъ за обыкновенное теченье своихъ дѣлъ въ службѣ ли, въ семьѣ, гдѣ бы ни было, въ какомъ бы ни было...., сохраняетъ невольно въ душѣ своей высокое начертанье любовнаго обращенья съ людьми, принесеннаго съ небесъ Богочеловѣкомъ. Онъ невольно становится милостивѣй и любовнѣй съ подчиненнымъ. Если самъ подъ властью другого, то охотнѣй и любовнѣй ему повинуется какъ Самому Спасителю. Если видитъ просящаго помощи, сердце его болѣе чѣмъ когда-либо располагается помогать, чувствуетъ онъ больше (наслажд), [съ] любовью даетъ онъ неимущему. Если онъ неимущій, онъ благодарно принимаетъ малѣйшее даяніе: растроганное сердце его теряется въ благодарности, и никогда съ такой признательностью не молится онъ о своемъ благодѣтелѣ. И всѣ, прилежно слушавшіе божественную литургію, выходятъ кротче, милѣе въ обхожденьи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ.

А потому для всякаго, кто только хочетъ итти впередъ и становиться лучше, необходимо частое, сколько можно посѣщенье божественной литургіи и внимательное слушанье: она нечувствительно строитъ и создаетъ человѣка. И если общество еще не совершенно распалось, если люди не ды-

шать полною, непримиримой ненавистью между собою, то сокровенная причина тому есть божественная литургія, напоминающая человѣку о святой небесной любви къ брату. А потому кто хочетъ укрѣпиться въ любви, долженъ, сколько можно чаще, присутствовать, со страхомъ, вѣрою и любовію, при священной трапезѣ любви. И если онъ чувствуетъ, что недостоинъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобъ незамѣтно, нечувствительно становиться совершеннѣе съ каждой недѣлей.

Велико и неисчислимо можетъ быть вліяніе божественной литургіи, если бы человѣкъ слушалъ ее съ тѣмъ, [чтобы] вносить въ жизнь слышанное.

Всѣхъ равно уча, равно дѣйствуя на всѣ звенья, отъ царя до послѣдняго нищаго, всѣмъ говоритъ одно, не однимъ и тѣмъ же языкомъ, всѣхъ научаетъ любви, которая есть связь общества, сокровенная пружина всего стройно движущагося, пища, жизнь всего.

Но если божественная литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при совершеніи ея, тѣмъ еще сильнѣе дѣйствуетъ на самого совершителя, или іерея. Если только онъ благоговѣйно совершалъ ее съ страхомъ, вѣрой и любовью, то ужъ весь онъ чистъ, подобно сосудамъ, которые уже ни на что̀ потомъ........; пребываетъ ли онъ весь тотъ день въ отправленьи своей многообразной пастырской обязанности, въ семьѣ ли посреди своихъ домашнихъ, или посреди своихъ прихожанъ, которые суть также семья его,— Самъ Спаситель въ немъ вообразится, и во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христосъ; и въ словахъ его будетъ говорить Христосъ. Будетъ ли склонять онъ на примиренье между собой враждующихъ, будетъ ли преклонять на милость сильнаго къ безсильному, или ожесточеннаго, или утѣшать скорбящаго, или къ терпѣнью угнетеннаго, или............,—слова его пріобрѣтутъ силу врачующаго елея и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви.

Выдержки изъ карманныхъ записныхъ книжекъ.

1.

(Изъ записной книжки 1841—1842 г.).

Восходитъ на небо, вѣдомый духомъ, и въ твердомъ дерзновеньи души своей зрѣньемъ чудныхъ тамо наслаждается вещей.

Умѣтливъ—говорящій кстати:

Будь въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
А въ своихъ проста да умѣтлива.

Кривошлыка:

У меня, младой, свекровушка лихая,
Кривошлыка, непривѣтливая.

Уширилъ еси стопы моя подо мною и не изнемогосте плеснѣ моя и враговъ моихъ далъ ми еси хребетъ.

Банчишки: *Семпель*—одинъ простой кушъ. *Пе*—карта ровно вдвое. *Пароле* или съ угломъ—выигрывается втрое. *Пароле пе*—вдвое противъ *пароле*. *Загнуть утку*—прибавляетъ...... на разъ, на два.

«Съ тобою играть—съ бритвы медъ лизать», употребляютъ съ тѣми, которые играютъ въ *дублетъ*. Играть въ дублетъ—не отдѣлять отъ выигрыша, а пускать вдвое.

Изба раздѣляется на двѣ части: на избу и чуланъ, который отгороженъ перегородкою отъ печи. Посуда помѣщается въ чуланѣ въ низенькомъ шкафчикѣ, который называется судною лавкою. Передъ избы—гдѣ образа,—почетный.—Изба соединяется сѣнями съ подклѣтомъ, строеніемъ холоднымъ, въ родѣ кладовой. Если намѣсто его

другая изба, то называется горница. *Кирчсная*—изба, вытесанная, когда бревна стесаны въ гладкую стѣну. Кирчатъ избу тесломъ,—топоромъ, иначе надѣтымъ на ручку. *Лбище* (фронтонъ) избы бываетъ или подшивное или самцовъ—т.-е. изъ такихъ же бревенъ, какъ изба. *Рѣши, рѣшети*— кладеныя вдоль крыши отъ одного лбища къ другому, сверхъ которыхъ кроютъ досками. *Внизу*, гдѣ оканчивается крыша, на края кладется *застрѣхъ*. *Бревно* на верху кровли отъ лбища до другого называется *конекъ*. Крыши кроются *драньемъ*, тесомъ и соломою; въ послѣднемъ случаѣ въ застрѣхъ утверждаются *тычки*. *Подвалка*—чердакъ въ избѣ подъ крышею, гдѣ бабы кладутъ пеньку и пр. *Прикладки*—жерди, накладываемыя сверхъ соломенной крыши. *Пластины*—двѣ половины дерева, распиленнаго на-двое.

Густопсовыя. Чистопсовыя. *Чистопсовыя*—гладкія, съ шерстью длинною на хвостѣ и на ляжкахъ, т. е. на черныхъ мясахъ. *Густопсовыя*—съ шерстью длинною по всей собакѣ. *Крымскія*—съ длинными ушами висячими. *Хортая*—гладкая, короткая шерсть. *Горскія*—безхвостыя и полухвостыя, куцыя и полукуцыя. *Брудастая*—съ усами и съ торчащей шерстью. *Выборзокъ*—смѣсь, ублюдокъ.

Цвѣтъ: Мазурка—красная собака съ чернымъ рыломъ. *Черная съ подпалиною*—съ красною мордою. *Муругая*—изкрасна-черная съ чернымъ рыломъ. *Половая*—желтая. *Полвопѣгая*—по бѣлому желтыя пятна. *Муругопѣгая*—по желтому черныя пятна. *Краснопѣгая. Черноухая. Сѣроухая.*

Статьи. Голова: *Щипецъ* чтобъ длиненъ и тонокъ. *Ребра:* достоинство ребръ—бочковатость, выпукловатость. Лишняя маленькая кость въ боку называется *сарная* кость,—примѣта рѣзвости; впрочемъ нынѣ опровергается. Толщина и крѣпость черныхъ мясовъ. Ширина собаки въ заду между ключицами и двухъ заднихъ ногъ по крайней мѣрѣ на ладонь. *Хвостъ* называется правиломъ; достоинство его въ тонкости: хорошее правило то, которое *въ серпъ. Правило*

въ серпъ— хвостъ, имѣющій форму серпа. Достоинство ногъ въ прямизнѣ, сухости и въ сжатости пальцевъ. Когти называются зацѣпами — чѣмъ болѣе она стоитъ на корточкахъ и менѣе захватывается земля. *Лапа въ комкъ* — сжатая лапа.

Недостатки: *Вислозадая*—когда задъ свисъ, нѣтъ постепенной (sic!). *Прилобистая*—когда лобъ широкъ. *Подъуздая*—когда рядъ зубовъ нижней челюсти входитъ подъ верхнюю.

Клички: Стрѣляй, Обругай, Скосырь, Терзай, Азарной, Наянъ, Буранъ, Нахоръ, Черкай, Мазуръ, Саргушъ, Ахидъ, Северга, Скосырка, Касатка, Награда, Вѣдьма, Крамфа *), Юла (во время травли охотникъ зоветъ Юлинькой), Пожаръ.

Охотники: Ловчій — распорядитель охоты. Надъ гончими—*доѣзжачій*. *Стремянные*—въ видѣ адъютантовъ при баринѣ. *Передній заѣздъ*—который заѣзжаетъ впередъ. *Задній заѣздъ.*

Имена гончихъ: Крушило, Водило, Громило, Гудило, Будушка, Кутишка, Заливка, Докучай, Помыкай.

Выраженія: Лѣсъ называется *островъ,* по окруженію его полемъ, — часть лѣса, отдѣленная для лова. *Бросать гончихъ*—значитъ напускать гончихъ. *Имать собакъ*—брать ихъ на смычкѣ. Первый голосъ гончей, нашедшей слѣдъ—*отозвалась*. Вслѣдствіе этого къ ней *подваливаются* гончія. *Сбить собакъ*—значитъ отогнать ихъ отъ слѣда. *Навзрячъ погнать,* погнала навзрячъ — завидѣвши глазомъ, а не чутьемъ. *Собака съ заливомъ*—звонкая на голосъ. *Назвать собакъ*—на горячій слѣдъ, если онѣ сбились. *Сколоться со слѣда*—потерять слѣдъ. Наводятъ охотники криками: а, ха, ха, ха; ту, ту, ту! *Заяцъ жируетъ*—когда, прежде нежели лечь, онъ жируетъ—дѣлаетъ петли кругомъ. *Потомъ заяцъ сдвоитъ* или *строитъ*: когда онъ сытъ послѣ жировъ, то идетъ на логово и потомъ сдвоитъ и строитъ — два раза пройдетъ изъ хитрости, чтобы затерять свой слѣдъ. *Скидывается*—значитъ сдѣлать прыжокъ большой съ двойки;

*) Слѣдуетъ «Крамза». *Ред.*

послѣ дѣлаетъ нѣсколько сметковъ и ложится. *Кричать по жирамъ. Гонять стайно* — вмѣстѣ гонять. *Перечетъ собака*—собака, которая забѣгаетъ впередъ. *Собака спѣетъ*—когда она слышитъ, что отзывается и подваливается (къ борзымъ). *Собака паратая*—называется такъ быстрота гончей собаки, рѣзвость ея.

О борзыхъ еще не говорено *).

Рыщетъ—идетъ одна за охотникомъ. *Присворить*—привязать къ себѣ собаку. *Высворить*—выучить собаку, чтобы она не бросалась подъ гончихъ. *Оттопать* — вогнать опять въ лѣсъ, чтобъ выгнать на барина. *Лазъ*—мѣсто, на которое предполагалъ охотникъ, что заяцъ выбѣжитъ *Звѣрь вылѣзъ*—показался изъ лѣсу. *Подозрить*—увидать зайца въ лежащемъ положеніи и атукать.

Слѣды: заячій—маликъ, волчій—тропа, лисій—нарыскъ. *Ѣздить по бѣлотропу. Ѣздить по чернотропу*—осенью, когда нѣтъ снѣгу. *Ѣздить по брызгамъ*—при началѣ весны. *Ѣздить по насту*—когда снѣгъ сверху промерзнетъ.

Садкой заяцъ—увертливый.

Раздѣленія зайца по возрастамъ: *матерой* — старый; *настовой*—родившійся во время насту; *прибылой*—молодой; *яровой*—родившійся во время ярового посѣва; *листопадъ*—родившійся осенью.

Сцена на печи.

Выглядываетъ изъ-за двери.

— Соцкій!

— Ге.

— То-то ге! Создатель пріѣхалъ.

— Изъ чего-жъ слышно?

— То-то изъ чего! Изъ подушевной.

— Ну, такъ що-жъ?

— То-то що! Курицу слопалъ да другу просыть.

---

*) Вѣроятно съ С. Т. Аксаковымъ. *Ред.*

Обозъ ѣдетъ, мужикъ остановился с...ь и кричитъ:
— Сенька!
— Що?
— Скажи моей кобылѣ: тпру!
— Нерзля.
— Да що-жъ нерзля?
— Кроха у ртю.
— Положи ее въ шапку.
— Не влизе.

Встрѣча мужиковъ.

— Сватъ, здорово!
— Здорово, сватъ!
— А что̀, табакъ-отъ есть?
— Есть.
— Ну, еще здорово! *(Нюхаетъ).*
— Да что̀-жъ ты, сватъ, къ намъ того?...
— Я было того, жена-то таё, такъ ужъ и ну!

Названія картъ: тузъ червей, пикъ червей, король самъбубенъ.

Чумазый—замарашка. Чортъ въ Симбирской—*шишига*. *Сгибень*—пирогъ съ фаршемъ, лепешка, загнутая на-двое. *Заварное тѣсто*—тѣсто, прежде замѣшанное круто, опущенное въ горячую воду и потомъ запекённое (sic!). *Софронъ*—простакъ. *Строка*—подлая муха желтаго цвѣта, кусающая коровъ подъ хвостомъ: муха строчитъ корову, а корова строчится. *Муха Третьяковскаго*—рыжая съ черными полосками, пребывающая неотлучно на г.... Тимоѳевна какъ рѣпа ядрена. *Назойливый*—надоѣдливый. *Валикъ*—цилиндрическая подушка. *Сивалдай*—неуклюжій, грубый мужикъ. Дворовыхъ мужики называютъ дармоѣдами.

Комедь «Мужикъ съ медвѣдемъ».

— А какъ маленькія ребятишки коровъ крадутъ? — А какъ бабы парятся?

Блюда.

Моня или *няня*—желудокъ, бараній или другой, начиняется кашей гречневой, мозгомъ и ножками.—*Сальникъ*—изъ рубленной печенки, иногда прибавляютъ каши и обкладываютъ здоромъ. — *Желудокъ* свиной начиняется рубленнымъ мясомъ свинымъ, кладется много перцу.—*Кулебяка*—изъ одного лука и хвоста сомоваго или плеска, который весь изъ жиру, котораго вбираетъ въ себя всего тѣсто.—*Просяныя булки*—изъ пшена, сваренаго на молокѣ и потомъ протертаго; къ нему прибавляютъ потомъ муки, пекутъ и ѣдятъ горячими съ икрою свѣжею.—Задняя часть зайца называется *тушка*. *Головизна* — пирогъ съ головизной, то-есть со всей головой осетра, съ хрящемъ и со щеками и съ потрохами; входитъ и тешка — нижняя часть. Кулебяка съ маленькой бѣлугой въ 5 пудъ.

Голуби бываютъ *гонные*. Гонные бываютъ *чистые* и *турманы*.

1) *Чистые*: *Бѣлый съ перомъ* значитъ—когда въ хвостѣ одно перо изъ крайнихъ черное; если же въ срединѣ, то—*синехвостый*; если-жъ между ними попадется бѣлое перо, то—*рѣдохвостый*. Ежели два пера съ краю черныхъ—*двуперый*; ежели болѣе, то—*вилунъ*; коли черное въ правильныхъ—*сѣвина*. Голубь, имѣющій одну сивинку, то—голубь съ сивинкой; если-жъ нѣсколько, то—сивастый.—*Чистые* бываютъ: *синіе*—съ темносивыми плечами; бываетъ онъ съ свѣтлымъ глазкомъ на каждомъ перушкѣ—*сѣрый*, темнѣе—*коноплястый*, еще темнѣе—*смурый*. Смурый бѣлопоясый—красивый. *Скобунчикъ*—весь бѣлый, на плечѣ отмѣтина въ видѣ скобки. *Наплёкой* *)—у котораго одно плечо только сѣрое. *Взлизастый*—у котораго у оконечности отмѣтина

*) Въ словарѣ Даля—«одноплекій». *Ред.*

бѣлая. *Вишнепокромой*—съ каймой на крыльяхъ вишневаго цвѣта. *Бѣлопоясъ*—свѣтлѣе цвѣта. *Чагравый*—голубь очень темный; сверхъ указныхъ отмѣтинъ имѣетъ отмѣтину на груди. *Пеструшка*—сверхъ пестроты имѣетъ черточки бѣлыя по перу. *Лысый*—у котораго черная полоска на лбу. Великій недостатокъ, коли чистый голов...*).

2) *Турманы всѣ голоноги; бываютъ красные и черные.* Черные съ бѣлыми хвостами называются *сороками, глинистые*—по цвѣту.

Ловля голубей. Зданіе, нарочно устроенное, называется *столбянка;* при столбянкѣ—приполки. Загоняетъ хозяинъ въ колпакѣ, халатѣ и туфляхъ шестомъ, крадясь по-за крышей. *Поднимать голубя*—пойманный голубь, злобный голубь, съ глазами налитыми кровью, всегда возвращается домой; садятъ въ вязки, подшивая крылья иголкой, новаго голубя, или въ рѣзки, подрѣзывая крылья. Увидѣвши чужака, *взгоняютъ*, потомъ кричитъ: «*перетряхни!*» подкидываютъ—онъ падаетъ и приглушается (?). *Скакунъ*—голубь бойкій и большой глазковоръ.

Жаровка—пустынь, былъ прежде монастырь. Торгуетъ кошками. Бываетъ ярмонка кошья лѣтомъ. Купцы изъ Жаровки разсылаютъ закупать кошекъ — комиссіонеровъ по деревнямъ. Торгъ идетъ мѣной: мѣняютъ ихъ у крестьянъ на боровки, пронизки стеклянныя и всякія ожерелья.— Нищіе-слѣпцы раздѣляются на 20 круговъ и поютъ во время ярмонки духовныя пѣсни. Жаровка — Корсунскаго уѣзда, Симбирской губерніи. Сѣрая кошка лучше; черная, бѣлая и сорока.—Кошечьи мѣха идутъ въ Китай, мѣняются на чай. У стародавнихъ помѣщиковъ налагается на крестьянъ кошечья подать въ пользу дѣвичьей, по кошкѣ съ дыму. Всякій мужикъ несетъ сѣрую кошку, изъ которыхъ потомъ шьютъ дѣвкамъ шубы.

---

*) Не дописано. *Ред.*

Мужикъ подстрекаетъ самолюбіе: «Вы люди ученые; вамъ все извѣстно.—Вашему здоровью все извѣстно».

Рубаха изъ ксандрейки—красной китайки.

Мартынъ—водяная птица, питающаяся рыбою, которую ловитъ не съ налету, какъ рыболовъ, а у береговъ; величиною съ утку; бѣлый съ черной головой, краснымъ носомъ и ногами. *Бакланъ*—больше мартына, пестрый; какъ и мартынъ, съ небольшимъ носомъ; ловитъ рыбу, плывя цѣлымъ флотомъ; гонитъ ее, крича и махая крыльями къ самому берегу: у берега окружаетъ ее полукругомъ и ныряя начинаетъ хватать ее.

Хлѣбная продажа

Около генваря мѣсяца.

Закупщики—всѣ иногородные купцы. Купцы, пріѣхавши на пристань, снимаютъ прежде мельницы, потомъ закупаютъ хлѣбъ, заставляя доставлять его къ себѣ на мельницы. Помѣщики запрашиваютъ огромную цѣну, а купцы, зная хорошо характеръ каждаго помѣщика и сколько у него хлѣба и какого достоинства хлѣбъ и когда ему сроки въ опекунскій совѣтъ,—соображая съ этимъ, даютъ ему цѣны. Въ разъѣздахъ купцовъ и въ запрашиваніяхъ со стороны помѣщиковъ проходитъ все время до генваря. Нанимая мельницу, купецъ нанимаетъ суда, и потому сими обстоятельствами бываетъ тоже принужденъ приступать къ сдѣлкѣ, ибо суда нанимаются на срокъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ утверждаются цѣны, и начинаются поставки на мельницы. Мельницы мукомольныя и большія по Свіягѣ, потомъ Барышу, по Сызранѣ, по Черемшану, по Майнѣ. Пристань важнѣйшая—*Промзино*: изъ нея хлѣбъ въ одинъ годъ доходитъ (до) Петербурга. По смолотіи, хлѣбъ кладется бунтами въ мѣшкахъ на подобіе ядеръ. Какъ весна, обкалываютъ ледъ около судовъ, и суда называются *суряками.*

Обколовши, начинаютъ грузить суда и стараются ихъ приготовить, чтобы они вмѣстѣ со льдомъ вышли въ Волгу. Грузка есть праздникъ бурлаковъ; задатки; начинаютъ разгуливать и праздничать; прощаются и разстаются съ женами, которыя приходятъ въ лентахъ, разряженныя подареньемъ любовниковъ и супруговъ. Тутъ же весеннія пѣсни и гульба на пристани между хлѣбами. Обыкновенно идутъ, несутся нарочно съ плывущими льдами до Нижняго. Въ маѣ уже бываютъ въ Нижнемъ, выѣхавъ отъ 15 апрѣля; скорое путешествіе зависитъ отъ бо̀льшаго разлива. Въ началѣ іюня уже бываютъ въ Рыбинскѣ. Невзгодья на пути: мели, карши. Мука въ мѣшкахъ, овесъ въ кулѣ кладется сверху, ибо боится подмочки; крупа тоже въ куляхъ; солодъ (зерно, пустившее ростокъ) также въ кулѣ: пшеница и горохъ ссыпаются прямо. Нагрузкой занимаются особые наемщики съ крюками на веревкѣ, которыми подымаютъ мѣшки и кули и взваливаютъ на спину; иногда подымаютъ до 9 пудовъ, при броняхъ, крикахъ и понуканьяхъ. Бурлаки же въ это время гуляютъ съ лентами за шляпой, бабы плетутъ хороводъ. Дѣвки всѣ высокорослы и стройны. [Горохъ идетъ на флотъ—морякамъ.]

Во время бала Наслѣднику втесался туда французъ Гибанъ. Государь Наслѣдникъ, желая пробраться впередъ изъ тѣсноты, взялъ слегка его подъ-бока, прося учтиво позволить пройти ему. Гибанъ присѣлъ и сдѣлалъ такую смѣшную фигуру, что Наслѣдникъ захохоталъ и спросилъ его: «Отчего вы присѣли? Вы, вѣрно, думали, что я хочу что-нибудь съ вами сдѣлать?»—«Я, Ваше Императорское Высочество, принялъ васъ за губернатора и оттого присѣлъ, потому что губернаторъ всегда имѣетъ привычку меня щекотать». Наслѣдникъ засмѣялся еще пуще; Гибанъ засмѣялся, и,—что любопытнѣе,—самъ губернаторъ Хомутовъ, который тутъ же присутствовалъ, засмѣялся.

Хлѣбопашество.

Начинаютъ съ 15-го апрѣля. Ожидаютъ, чтобы земля прочахла; т. е. чтобы просохла и не слипалась въ грязь. Начинаютъ пахать сохой въ одну лошадь. Прежде всего начинаютъ сѣять овесъ, горохъ и макъ, обождавъ дня два, чтобы земля провѣтрилась. Для гороха и маку еще прежде, т. е. съ осени, разъ вспахиваютъ. Первый разъ вспахать называется вспарить—врѣзываютъ глубже, чѣмъ во второй. Послѣ овса вспариваютъ землю для пшеницы и ячменя, если не успѣли осенью, и потомъ во второй разъ вспахиваютъ въ началѣ мая; называется — засѣять: «сѣмена засѣялъ». Бываютъ уже извѣстные сѣвцы, которые такъ умѣютъ засѣять, что рядовъ совсѣмъ незамѣтно. Хорошіе всходы— коль взошло все ровно; всходы *осѣклись*—остановились въ ростѣ; *затонѣли* — когда отъ бездождья, листочки становятся тонки; жохнуть, *пожохло*—когда еще болѣе отъ бездождья посохло. *Стебли хорошо разгроздились,* когда взошли гроздьями—въ нѣсколько стеблей; *въ однобылку*—когда отъ одного зерна однобылый стебль. *Всходы укрыли землю*— когда все позеленѣло и не видно земли. *Всходы завострились*—когда отъ бездождья верхушки потонѣли и подсохли. *На борозду пробило*—когда дождемъ смочило во всю глубину борозды. Рожь, ячмень, пшеница *колосятся,* когда изъ трубки показывается колосъ. Овесъ *мечется,* а не колосится. *Хлѣбъ пошелъ въ трубку*—когда является колосовая трубка. *Черезъ-зерница*—когда въ одномъ мѣстѣ есть зерно, а въ другомъ пусто; мелкоколосый и крупноколосый.—*Завязалась пяточка*—сначала образуется родъ молочка, когда снизу шелуха начинаетъ затвердѣвать. *Въ половину налила рожь*—когда образуется половина зерна. Просо не колосится, а *кистится.* Для проса пашутъ съ осени; сѣютъ его въ одно время съ пшеницею. *Хлѣбъ свернуло* — когда хлѣбъ поспѣлъ преждевременно отъ сильнаго жара. Озимой можетъ быть только рожь и пшеница, иногда ячмень. Озимый лучше ярового: тяжеле вѣсомъ и больше зерномъ. *Го-*

ловня въ овсѣ—исключительно, когда зерно все почернѣетъ и разсыпается въ пыль; бываетъ отъ дождей и слишкомъ тучной почвы. *Рожки* или *спорынья* во ржи—когда зерно превращается тоже въ черный наростъ. Въ просѣ, пшеницѣ — тоже головня. *Просо бруньетъ* — когда начинаетъ краснѣть.

Рожь, овесъ, пшеницу и ячмень жнутъ, гречиху косятъ, ленъ и конопель берутъ.

Жнутъ бабы и мужики, коли хлѣбъ взошелъ рано; коли же поздно, то однѣ бабы, ибо мужики заняты вспахиваньемъ подъ озимый. *Хлѣбы травны* — когда весной отъ дождя взойдетъ много травы и предстоитъ отъ того много полотья. *Козлецъ, полынь, песика задавила хлѣбъ*—когда эти травы разрастаются сильно въ дождливое лѣто. Зерно бываетъ *дуплястое*, когда отъ дождей его налило сильно и потомъ жаромъ свернуло такъ, что въ серединѣ его остается небольшая пустота; *тощее, толстокорое* — когда верхняя оболочка толста; бываетъ на черноземѣ; на песчаной землѣ бываетъ всегда *тонкокорое*. Хлѣбъ отъ тонкокораго и бѣлѣе, и лучше, и болѣе муки, меньше отрубей.

Сжавши, складываютъ снопы. Снопъ состоитъ изъ гузовья (отъ гузна) и пояса, которымъ связываютъ. Разные роды складки: *крестами* — въ 25 сноповъ копна; *боровками* — невысокая форма, снопъ къ снопу, гузовья закрываютъ колосьями; *стоянками*—гузовьями книзу стоймя: тотъ и другой родъ лучше въ хорошее время. Овесъ кладутъ, коли сухъ, тотъ же часъ въ скирды; въ скирдѣ сто сноповъ — сколько можно взять на возъ. Въ гумнахъ складываютъ кладями, въ двѣсти телѣгъ и болѣе. Хлѣбъ — складывать въ клади, а сѣно — метать стогъ. *Шишъ* — копны вмѣстѣ, конусомъ вверхъ. *Остожье*—шишъ съ жердями, на который мечется сѣно и составляется стогъ. *Валы валять*—соединять ряды скошенной травы—нѣсколько рядовъ въ одинъ валъ. *Копнить* сѣно—изъ валовъ составлять потомъ кучи. *Возилки*—родъ воза безъ колесъ: одна перекладина, соединяющая двѣ

хворостины неохмыстанныя, съ листьями, которыя служатъ оглоблями съ комлевой стороны: сѣно накладывается на нихъ и увязывается бечевкою. *Клади хлѣбныя и стоги*— сверху укрываются соломою, сверхъ которой кладутся *перемѣтины*—двѣ хворостины, связаныя верхушками и перекинутыя—одна на одну, другая на другую, противоположную, сторону клади. Сѣно бываетъ: лѣсное, степное и поёменное; оно бываетъ крупное и мелкое.

Выраженія.

Муха-громотуха—синяя муха большая, шумящая по стекламъ оконъ.

Въ Симбирскѣ назвали одного нѣмца тараканьими мощами.
Шастаный овесъ—лучшій; шастить, шастенье—очищеніе овса отъ шелухи при пересыпаніи.

На пристаняхъ по Сурѣ народъ побогаче и веселится по воскреснымъ днямъ щегольски; старики сидятъ на завалинкахъ у избъ.

Мужички: Маленкинъ, Ѳыровъ, Удаловъ, Милушкинъ, Шатинъ, Брюхановъ, Рыжовъ.

Кабаки: Зацѣпа, Кружало, Навозной, Агашка, Московскій.

Примѣты дурного управителя

Василій Сергѣевичъ строгъ при сборѣ холстовъ и яицъ; строго взыскиваетъ, чтобы баба принесла положенный кузовъ грибовъ и проч.

Всегда плохой управитель подозрѣваетъ, что покушаются на его жизнь, и боится, чтобъ его не убили.

Бываетъ покровительствуемъ барыней, потому что строгъ по ея части, то-есть—смотритъ за приносомъ ягодъ; знаетъ хорошо, во сколько пасемъ талька и сколько нужно пасемъ на поставъ (*поставъ*—мѣра аршинъ въ 25); накладывается

на бабу въ годъ два постава. Зимой баба прядетъ и спрядываетъ тальки, а лѣтомъ ткетъ полосушки. Зимой собираются бабы въ чью-нибудь [избу] вмѣстѣ прясть. Это называется *супрядки*, у дѣвокъ—посидѣлки. Дѣвки обкладываются сборомъ грибовъ, ягодъ.

Праздники.

Большой самый праздникъ—*Свѣтлое Воскресенье:* не работаютъ цѣлую недѣлю. *Троицынъ день и Семикъ*— не работаютъ 3 дня: заплетаютъ вѣнки, поютъ пѣсни; хороводный праздникъ оканчивается бросаньемъ вѣнковъ въ рѣку. *Хороводы* начинаются съ начала весны и всякое воскресеніе продолжаются; оканчиваются Петровымъ днемъ. Съ этихъ поръ время называется дѣловою порою или страдою, отъ слова *страдать* отъ трудовъ.

Выраженіе Ноздрева: «Сыгралъ какъ младой полубогъ» (на бильярдѣ).

Дѣла, предстоящія губернатору.

Главное дѣло — образовать Губернское Правленіе. Дѣла Губернскаго Правленія: полицейская [часть] всей губерніи: что въ городѣ полицмейстеръ, то въ губерніи губернаторъ. Всѣ случавшіяся происшествія: скоропостижныя смерти, пожары, самоуправства, ссоры, убійства, неподчиненія и неповиновенія, всѣ чрезвычайныя происшествія: голодъ, появленія засухъ, погодъ, саранчи, насѣкомыхъ; всѣ донесенія обо всемъ. Объ этомъ всемъ доносятъ по мѣстамъ находящіеся чиновники. Капитанъ-исправникъ то же въ Земскомъ Судѣ, что губернаторъ въ Правленіи, и забираетъ отъ засѣдателей всѣ донесенія.

Губернское Правленіе состоитъ изъ Присутствія и Канцеляріи. Присутствіе — изъ трехъ совѣтниковъ и губернатора. Всѣ совѣтники равны: въ иныхъ губерніяхъ—по уѣз-

дамъ: на каждаго ровное число уѣздовъ; въ другихъ — по матеріямъ: *одному* совѣтнику — герольдія, — все, что относится къ лицамъ служащимъ: назначеніе, опредѣленіе, увольненіе чиновниковъ, преданіе суду, выговоры, замѣчанія (все это не иначе, какъ съ вѣдома присутствія), награды, наказанія, повышенія, преданье суду съ отрѣшеніемъ и безъ отрѣшенія. Всѣ должны присылать послужные списки своихъ подчиненныхъ. *Второму*—происшествія, продовольствіе, магазины запасные, разсмотрѣніе спорныхъ дѣлъ, — куда ихъ относить: въ суды ли,—если судебныя,—или губернскія,—если распорядительныя; относительно квартированія войскъ и повинностей квартирныхъ, подводныхъ и дорожныхъ, собираніе податей и недоимокъ (которыя нынѣ, можетъ-быть, въ Министерствѣ Имуществъ), побудительны мѣры ко взысканію ихъ. Рекрутскіе наборы, назначеніе мѣстъ и лицъ для присутствія.—(Главная часть всѣхъ поползновеній на всѣ взятки, общая пожива; выигрывающіе: Предсѣдатель и Членъ Присутствія, Канцелярія, Медикъ, военный депутатъ, казенная палата). Губернское Правленіе больше всего беретъ съ откупщиковъ за назначеніе мѣста, гдѣ, въ какомъ уѣздѣ составить присутствіе, потому что выпивается въ это время вина множество. Иногда около 80 тысячъ срываетъ Губернское Правленіе взятки съ откупщика.—Остроги и пересылка преступниковъ.—Утвержденіе всѣхъ приговоровъ Уголовной Палаты.

Губернаторъ удерживаетъ власть въ Уголовномъ Судѣ. Уголовная Палата всѣ приговоры свои присылаетъ къ губернатору, который или соглашается, или отмѣчаетъ свое мнѣніе и съ нимъ отсылаетъ въ Сенатъ. Обыкновенно губернаторъ призываетъ предсѣдателя или секретаря и съ нимъ переговариваетъ и соглашается.

Повинности натурою и деньгами: на дороги, мосты,— устройство и содержаніе. Больше всѣ согласны натурой, а не деньгами:... копѣйка отъ души или побольше, что дворяне ужъ съ уѣзднымъ предводителемъ соглашаются между собою. Повинности падаютъ на тѣхъ, которые поближе къ

тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нужны мосты и проч. Квартермистръ для назначенія квартиръ ѣздитъ самъ, если новый человѣкъ; если-жъ давно живетъ, то знаетъ и мѣста. Онъ имѣетъ у себя карты подробныя—съ означеніемъ всѣхъ деревень, мѣстъ, ихъ удобствъ. Распоряженія эти дѣлаются съ опредѣленій губернатора, имѣющаго право согласиться или несогласиться, который, утвердивъ это, доводитъ дѣло къ предводителю дворянъ, а предводитель дворянства соглашается объ этомъ съ дворянами въ собраніи. Отъ губернатора [зависитъ]

Приказъ общественнаго призрѣнія.

Имѣетъ у себя больницы, рабочіе дома и богадѣльни, и всѣ богоугодныя заведенія. Всѣ заведенія эти образуются изъ вкладовъ добровольныхъ, дѣлаемыхъ умирающими, или дающими обѣтъ, или желающими получить крестикъ, и изъ доходовъ: процентовъ съ капитала, процента изъ штрафныхъ денегъ, и со всякихъ сдѣлокъ, крѣпостей. Губернаторъ можетъ дѣлать здѣсь все: уменьшать расходы, находить всѣ новые пути для извлеченія новыхъ доходовъ. Губернаторъ всѣмъ этимъ любитъ заниматься, потому что на богоугодныя заведенія обращено вниманіе Государя и за это даютъ награды. Правленіе Приказа: Непремѣнный членъ, Секретарь, Засѣдатель отъ дворянства и Засѣдатель отъ купечества.

Отъ Губернатора—города. *Полиція* и *хозяйство.*

Хозяйство: доходы и расходы. Доходы—земли, отдаваемыя городомъ жителямъ, сборъ съ домовъ, съ лавокъ, съ........*). Расходъ—на полицію. Правленіе состоитъ изъ Думы; Дума—изъ Головы съ двумя Засѣдателями, изъ купцовъ и мѣщанъ; предметъ—увеличеніе доходовъ и расходовъ (sic!).

Полицмейстеръ—въ совершенной зависимости отъ губернатора, хотя и назначается Комитетомъ раненыхъ. Пред-

---

*) Въ рукописи оставлено пустое мѣсто. *Ред.*

метъ—слѣдствіе всѣхъ дѣлъ и происшествій города; опредѣляетъ наказанія и препровождаетъ всѣ дѣла, выходящія изъ круга мелкихъ происшествій, по принадлежности въ другія мѣста.

Магистраты въ большихъ городахъ: часть судебная, разборъ тяжбъ.

Мѣста, не подвѣдомственныя губернатору, но на которыя онъ можетъ имѣть вліяніе.

Казенная Палата — завѣдываетъ всѣхъ Казначействъ всѣми доходами; хранитъ; казенные подряды, торги и все, что нынѣ составляетъ Палату государственныхъ имуществъ: правленіе казенными крестьянами, оброчныя статьи—въ отдачѣ на подрядъ луговъ, земель, мельницъ, рыболовствъ. Источники всѣхъ взятковъ—съ подрядчиками.

Правленіе крестьянъ — Голова съ писаремъ: относился письменно и лично, правилъ независимо, просто, безъ всякихъ ограниченій; выбирался міромъ. Случаи для взятковъ: выкупиться отъ постоя, избѣгнуть отъ разныхъ нарядовъ и повинностей. Самая главная часть, донынѣ оставшаяся — откупа.

Откупа.

Винный. Откупщикъ ѣдетъ въ Петербургъ съ залогомъ; беретъ свидѣтельство, утвержденное Гражданской Палатой, состоящее въ описаніи имѣнія и въ томъ, что оно не заложено. Откупщики платятъ помѣщикамъ 8 процентовъ на билеты изъ Банка сохранной казны, за которые тоже процентъ. Чѣмъ онъ беднѣе и менѣе къ нему довѣренности, тѣмъ больше даетъ. *Сдѣлки откупщика съ Казенной Палатой.* Откупщикъ долженъ взять извѣстное число вина въ Казенной Палатѣ непремѣнно; остальное или самъ покупаетъ у помѣщиковъ-винокуровъ, или самъ куритъ. Казенная Палата, сдирая чрезмѣрную сумму съ откупщика, ему мирволитъ во всемъ: дозволяетъ открывать кабаки не въ законныхъ мѣстахъ и не въ законные [часы]: во время обѣдни, въ праздники, и до обѣдни, продолжая ярманочные дни; дозволяя разводить водой вино, дозволяетъ употреб-

лять возбуждающее, не закрываетъ вечеромъ ѣзды и проч. Сила откупщика такъ велика, что его нельзя ограничить, потому что онъ лопнетъ, если скрутить его; и потому всѣ даже честные берутъ отъ него взятки. Откупщикъ всѣмъ даетъ; всѣ съ нимъ въ дружбѣ и всѣ имъ довольны. Губернатору, смотря по губерніямъ,—отъ 10 до шестидесяти; въ Казенной Палатѣ вице-губернатору и совѣтнику винныхъ дѣлъ— не меньше самого губернатора, и нисходя до мелкихъ чиновниковъ. Кромѣ того всякій служащій имѣетъ право послать за штофомъ сладкой водки къ откупщику, въ какомъ бы мѣстѣ ни служилъ. Всей полиціи даетъ—и городской, и земской; вся полиція у него на жалованьи.

Правленіе: Вице-губернаторъ и три Совѣтника, одинъ— Губернскій Казначей, Совѣтникъ винныхъ и соляныхъ дѣлъ (ибо продажа соли есть также предметъ Казенной Палаты) и Совѣтникъ казенныхъ крестьянъ.

Губернаторъ можетъ имѣть вліяніе на Палату при подрядахъ и торгахъ, ибо долженъ присутствовать въ качествѣ предсѣдателя — при всѣхъ торгахъ, при закупкѣ вина въ казенное вѣдомство, при подрядахъ на станціяхъ, при всѣхъ оброчныхъ статьяхъ. Кромѣ того, онъ долженъ участвовать при всѣхъ подрядахъ въ губерніи по всѣмъ вѣдомствамъ, которые всѣ производятся или въ Казенной Палатѣ, или въ Губернскомъ Правленіи. Совершенно независимое лицо отъ губернатора — Прокуроръ: не долженъ даже водиться съ губернаторомъ и подчиняться какому-нибудь его вліянію. Есть блюститель выгодъ казны и законовъ. Его обязанность — давать протесты на все то, что̀ дѣлается незаконно. Всѣ дѣла ему посылаются на просмотръ. Онъ смотритъ на двѣ вещи: на законность формъ и на медленность въ производствѣ. Имѣетъ стряпчаго казенныхъ и стряпчаго уголовныхъ [дѣлъ]; никакое слѣдствіе въ губерніи не производится безъ присутствія при немъ губернскаго стряпчаго. Онъ осматриваетъ остроги — чтобы ихъ кормили, не мучили, чтобы дѣла острожниковъ производились, какъ можно, безъ замедленія. Словомъ, онъ—око закона. Никакое про-

изводство дѣла не имѣетъ исполненія безъ его помѣтки: «читалъ». Имѣетъ право понуждать о скорѣйшемъ производствѣ. Прямо на имя Государя, черезъ министра юстиціи, посылаетъ еженедѣльно донесеніе о содержимыхъ въ острогѣ. Всѣ протесты посылаетъ на имя министра юстиціи; къ нему посылаются отъ министерства бумаги рѣдко.

Взятки прокурора: 1) *общія*—отъ всѣхъ мѣстъ правительственныхъ беретъ взятки; 2) *отъ случайныхъ дѣлъ;* 3) *отъ уѣздныхъ стряпчихъ,* получающихъ много при слѣдствіяхъ; 4) *отъ откупщика.*

Совѣстный судья по выборамъ не зависитъ отъ губернатора — благодѣтельнѣйшее установленіе. Судитъ всѣ дѣла, гдѣ должны быть смягчены законы, по совѣсти (христіанской) *): малолѣтнихъ, умалишенныхъ. Судъ его окончателенъ, поэтому стараются охотно препроводить дѣла въ Совѣстный судъ. Жалованія ему нѣтъ; канцелярія содержится отъ дворянъ, — такъ, какъ и сиротское отдѣленіе, находящееся подъ предсѣдательствомъ Предводителя.

Взятки губернатора.

Самыя нестыдныя, неопасныя взятки — съ откупщиковъ, которыя берутъ и честные, потому что отъ этого никому [нѣтъ] утѣсненія, и дѣла шли бы такъ же, какъ и безъ бранья. Они берутся явно.

Взятки съ мерзавцевъ, замѣшанныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, и во всѣхъ слѣдственныхъ дѣлахъ надъ богатыми помѣщиками — губернаторъ и самъ непосредственно, и чрезъ секретаря. — Съ старообрядцевъ во время ревизіи и объѣзда всей губерніи, которую онъ долженъ дѣлать разъ въ годъ: тутъ, въ видѣ хлѣба-соли, пукъ ассигнацій запекаютъ въ хлѣбъ; и во всѣхъ экстренныхъ происшествіяхъ и дѣлахъ: тутъ посредствомъ секретаря. Слѣдствія рождаются — о скрытіи священниковъ бѣглыхъ, объ обращеніи въ расколъ православныхъ. Они виновны въ скрытіи бѣглыхъ людей, которыхъ принимаютъ съ желаніемъ обратить ихъ; о постройкѣ новыхъ церквей или поновленіи, которыя

*) Скобки въ подлинникѣ. *Ред.*

раскольникамъ запрещены, часовенъ и молитвенныхъ домовъ—пожива всей полиціи, Губернскаго Правленія, Земскаго суда, прокурора.

Взятки съ чиновниковъ за продажу мѣстъ: губернаторъ беретъ съ капитанъ-исправниковъ, при торгахъ и подрядахъ и при постройкахъ зданій, чтобы утвердить цѣны.

Соблазны губернатору и подъѣзды разныхъ чиновниковъ, изъ которыхъ, подъ видомъ услугъ и разныхъ заботъ о его хозяйствѣ, всякій хочетъ ему дать взятку.

На что слѣдуетъ обратить вниманіе Губернатору: чтобы свести всѣхъ въ то, что Губернское Правленіе не беретъ и неподкупно. Къ этому достигнуть—строгимъ смотрѣніемъ и наблюденіемъ за всѣмъ ходомъ дѣлъ,—чтобы Губернское Правленіе не брало взятковъ съ капитанъ-исправниковъ за мирвольства съ его стороны, за ненужные выговоры и проч. При ревизіяхъ губерніи обращать вниманіе на Земскій судъ и на Уѣздный судъ, гдѣ должно вдругъ спросить дѣла нерѣшенныя, которыхъ до 50 и больше — проглядѣть ихъ.

Маски, надѣваемыя губернаторами.

Маска благороднаго и воспитаннаго губернатора: говоритъ о благородствѣ, братается съ благородными; говоритъ о своихъ связяхъ съ благородными, даже употребляетъ слово *мы:* «Мы съ такимъ-то, съ Блудовымъ, съ Дашковымъ». Любитъ литературу; любитъ облагородить все; радъ пріѣзжему литератору. Ихъ *мысли:* взятки вывести можно только воспитаніемъ, просвѣщеніемъ; чиновниковъ нужно необходимо вводить въ общество. Стараются заводить библіотеки; хлопочутъ о губернскихъ вѣдомостяхъ. Весьма рады, когда кто, пріѣдущій изъ столицы, найдетъ, что у нихъ точно такъ же, какъ въ Петербургѣ; ввернетъ французское слово.

Военный генералъ — прямой человѣкъ. Жалуется на то, что всѣ воры и мошенники, что честнаго человѣка нигдѣ нельзя найти, что секретарь его мерзавецъ, но онъ держитъ только такъ, ради того, что другого найти нельзя, и потому совѣтуетъ къ нему обращаться. Хорошъ съ дворянами;

играетъ болѣе въ вистъ; обѣды задаетъ, и бываетъ либералъ; въ дрязги и мелочи не входитъ, но называетъ даже это чернильными дѣлами,—и не можетъ заниматься [ими], какъ неблагородными. Но самъ беретъ взятки черезъ секретаря.

Губернаторъ — дѣлецъ. Терпѣть не можетъ дворянъ (который прежде былъ самъ секретаремъ), дѣлаетъ все самъ и беретъ самъ, потому что знаетъ, какъ брать. Любитъ разсказывать свою прежнюю жизнь; видитъ Промыслъ и волю Провидѣнія во всякомъ случаѣ своей жизни и разсказываетъ подвиги правды своей, но скрываетъ всѣ подлости и взятки и даже говоритъ: «Что жъ дѣлать, когда у меня такая прямая душа, что я не могу?» и тому подобное. Имѣютъ двѣ — три собственныя мысли, которыя любятъ повторять, и особенно хлопочутъ, [чтобъ] не было Губернскаго Правленія, но только канцелярія, и любятъ разказать (sic!), какъ они сдѣлали когда-то страшныя выгоды казнѣ при постройкахъ. Увѣрены вообще въ томъ, что все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы доставить казнѣ денежныя выгоды, увеличить какой-нибудь доходъ, сберечь деньги. Бываютъ безжалостны. Всѣ имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе: о своемъ умѣ, о своей дѣльности и дѣятельности и потому...... *)

Губернскій предводитель мало имѣетъ законной власти, но много можетъ имѣть хорошаго вліянія, если хорошъ съ губернаторомъ. Настоящая полезность велитъ знать всѣхъ дворянъ; для этого долженъ быть хлѣбосолъ. Пріобрѣтя познаніе, онъ можетъ имѣть [вліяніе] на хорошихъ и честныхъ, заставляя ихъ служить, приводя ихъ въ уваженіе какъ у дворянства, такъ и у губернатора;—на плохихъ и слабыхъ, уговаривая ихъ, прося другихъ дворянъ;—на чиновниковъ по выборамъ, капитанъ-исправника, усовѣщевая его и напоминая, что его выбрали не съ тѣмъ, чтобы дѣлать пакости. Всюду можетъ онъ грозить именемъ губернатора. Надобно знать, что въ губерніи двѣ партіи: половина дворянъ, скверная, хочетъ выбрать капитанъ-исправниковъ—плутовъ и которые бы потворствовали имъ; другая

*) Не дописано.

половина—хотя и честныхъ, но махнувшихъ рукой въ увѣренности, что честнаго ничего нельзя завести и что плуты заведутся. И потому губернскому предводителю, даже и по соглашеніи съ губернаторомъ, бываетъ трудно дѣйствовать. Кромѣ того губернскій предводитель,—и это даже его обязанность,—долженъ обращать вниманіе на обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, увѣщевать жестокихъ и, въ случаѣ, когда все будетъ недостаточно, доноситъ губернатору, который съ своей стороны дѣлаетъ то же и, когда все будетъ недостаточно, прибѣгаетъ къ мѣрамъ—къ установленію опеки. Губернскій предводитель непремѣнно долженъ войти въ тѣсныя сношенія съ губернаторомъ, если губернаторъ истинно честный человѣкъ. Губернаторъ долженъ также помнить, что его выгода быть въ согласіи съ предводителемъ, и онъ долженъ показывать къ нему уваженіе, давать въ иныхъ случаяхъ ему мѣсто впереди: это все нравится дворянамъ, которые въ лицѣ предводителя видятъ уваженіе къ себѣ.

Чѣмъ губернаторъ стѣсненъ при Генералъ-[губернаторъ]?—Тѣмъ, что это необходимая инстанція между имъ и министромъ: ничто не доходитъ до министра съ мысли губернатора, но съ генералъ-губернаторской. Тѣмъ — можетъ вмѣшаться во все, спрашивать, узнавать и путать, распоряжая чиновниками.

— Дворомъ, образующимъ вокругъ генералъ-[губернатора] око, которое должно быть всюду: его любовницами, женою, женскимъ поломъ и канцеляріею генералъ-губернатора.

По поводу генералъ-губернатора нельзя наказать никого, ни наградить.

(«Нужно было вамъ впутываться», сказалъ генералъ-губернаторъ Муразову) *).

Генералъ-губернаторъ можетъ много имѣть вліянія нравственнаго, какъ лицо, совершенно первенствующее и стоя-

*) Окончанія двухъ послѣднихъ словъ неясны; можно читать и такъ: «Генералъ-губернатору Муразовъ». Скобки въ рукописи. *Ред.*

щее выше личностей, — именно тѣмъ самымъ, чѣмъ они покуда дѣлаютъ вредъ.

2.

(Изъ записной книжки 1842 г.).

Будетъ прокъ, коли докторъ Брокъ.

Виноватъ канифасъ передъ бархатомъ.

Изъ воды сухъ выдетъ.

Бирюкъ тебя нанюхайся!

(То-есть, чтобы медвѣдь нюхалъ вдоволь прикинувшагося мертвымъ).

Въ Перми пьютъ Сибирскую облѣпиху именинниковъ. Тотъ, за котораго пьютъ тостъ, отвѣчаетъ: «Врешь! мое здоровье двадцать пятое. Пей за другихъ!»

Въ Перми откалываютъ мазурку.

Шохтить — пить.

Бардадымъ — трефовый король.

Что мужъ-то мой горькій пьяница:
Онъ вина не пьетъ, съ воды пьянъ живетъ,
Съ воды пьянъ живетъ, съ квасу бѣсится —
Надо мной, младой, все ломается.

Обычай: по окончаніи ярмарки судья, городничій, исправникъ и всѣ чины дѣлаютъ обходъ съ слугами позади — принимать приношенія отъ купцовъ и проч.

Разговоръ рыбаковъ, тянувшихъ неводъ.

Одинъ. Слышь, давича щуку въ три пуда вытащили.

Другой съ другого конца. Сгоните его съ того мѣста: оно хвастливо.

Первый. Да что, вѣдь развѣ въ 3 пуда щукъ не бываетъ? Вѣдь сюда большихъ пускали.

Второй. Какое пускали! Попы чорты пускали.

Объ умершей женѣ: «Добрый былъ конь: ни въ тынъ, ни въ ворота» — никуда не годится.

Въ лапоть звонить.

Или тебя куры опѣли? *(Оглупѣлъ).*

Мальчишка сказалъ кондуктору Д*: «Молчи ты, подколесная пыль!»

«А вѣдь онъ у меня догадка».

Настойка, называемая *ударомъ.*

Съ глазъ-то воровата, а съ разума проста.

На чорта лапоть плететъ.

«Ты пьянъ». — А развѣ ты напоилъ?

Чортъ по ночамъ горохъ молотилъ на рожѣ.

Его вороны исклевали.

Рожна ему хочется.

Непоужинавши, ночью жиды снятся.

Мараль —запачканность.

Мошинальный человѣкъ — мошенникъ.

Трусъ-луковникъ — дрянной трусъ. «Охъ, ты, трусъ-луковникъ!»

Я те шерстяной нагубникъ оборву — усы оборву.

Онъ съ нимъ какъ слѣдуетъ, по порядку: сперва волосяную тяжбу.

Во время склизкой дороги: «Плохая ходьба: какъ разъ лобъ найдешь».

Вѣтры: Западный — съ полуночи; *Сиверкой* — сѣверный; вѣтеръ съ восхода — восточный; *Полденный* — южный. Сѣверо-западный называютъ *гнилой* уголъ. Если оттуда напесетъ, говорятъ: «Плохое время — идетъ съ гнилого угла». *Марить* называется—когда вдругъ пригрѣетъ солнце.

Крики.

Владимірская клюква!
Владимірская крупна!

Эти бабашки! *)
Брали дѣвушки Наташки.

Нашъ Ѳома пьетъ до дна: выпьетъ, поворотитъ, да въ донышко поколотитъ.

А нашъ Филатъ тому дѣлу и радъ.

Уланы имѣли обычай складываться въ числѣ 20: каждый поочередно покупалъ боченокъ вина, другіе приходили къ нему пить; это называлось *«давить букашку»*.

Отвѣтъ купца, катавшагося на лихомъ рысакѣ, на вопросъ: «зачѣмъ у него дурны хомуты?» — мы не изъ благодарности, чтобы касательно хомутовъ.

Не штука дѣло, штука разумъ.
Надулся, какъ воробей на пышу **).
Повезли кисель продавать. (Тихо ѣхать, изъ опасенія не разболтать).

Выраженіе квартальнаго: «Люблю деспотировать съ народомъ совсѣмъ дезабилье».

Выраженіе Кольчугина ***). Журналъ долго не выходитъ.— «Эти журналисты съ своими книгами, какъ дѣвушка съ платоническою любовью: «люблю, люблю»; а все ничего нѣтъ».

— Я просила Катихизисъ за 1842-й, а вы дали за 1830-й. — «Да вѣдь это все равно, сударыня: катихизисъ такого рода вещь, что тутъ воображеніемъ не разыграешь, хоть самъ Филаретъ...»

---

*) Бабашки—оладьи.

**) *Пышъ*—мякина, лузга конопляная.

***) Иванъ Григорьевичъ Кольчугинъ — извѣстный московскій книгопродавецъ; торговалъ на Никольской возлѣ Казанскаго собора.

Поговорки Михаила Николаевича *).

Не обвостря, въ землю тебя вколочу.—Я тебя узломъ завяжу, въ бараній рогъ сверну.

Завалился за маковое зерно, да и въ усъ никому не дуетъ. (О человѣкѣ............ **), кажущемъ изъ себя богатыря).

Сказалъ о Шевыревѣ: «Много ли тебя подъ землею? а на землѣ немного».

3.

(Изъ записной книжки 1846 г.).

Грусть отъ того, что не видишь добра въ добрѣ.

Мужикъ выразился о чухонцахъ: «Ихъ чортъ въ кошелѣ таскалъ; гдѣ уронилъ, тамъ и поселилъ».

Кабацкій завсегдатель.

Іорникъ маленькій—чиновникъ, который денегъ не заплотитъ. Маленькій подлецъ не заплотитъ, потому что и денегъ нѣтъ, а іора не заплотитъ, потому что не хочетъ. Іора—Герой.

Ѣдоки—налегающіе особенно на одни какія-нибудь блюда: кто съѣдаетъ по 300 раковъ, по десятку блиновъ, стерлядей, грибовъ.

Анекдоты.

Начальникомъ надъ артельщиками выбрали мастера, и на вопросъ: «Хорошъ поведеньемъ что-ли?»—Нѣтъ, не хорошъ.—«Не пьетъ что-ли?»—Нѣтъ, пьяница.—«Уменъ?»—Нѣтъ, не уменъ.—«Такъ что-жъ онъ?»—Повелѣвать умѣетъ.

Спросилъ у мужика возлѣ купанья одинъ молодой человѣкъ: «можно посмотрѣть въ щелку на бабъ, какъ купаются?»—Что-жъ, смотри: вѣдь они отъ того не полиняютъ.

---

*) Загоскина. *Ред.*

**) Не разобрано одно слово. *Ред.*

Благодарность за оплеуху: «Давно бы, батюшка такъ. Благодарю васъ».

Богатые, прежде всего помните, что вы владѣете страшнымъ даромъ. Вспомните евангельское правило о томъ, какъ опасны богатства и какъ трудно спасеніе для богатаго. Но вамъ даны, вы не имѣете права отъ нихъ отказаться. Вы должны помнить, что вы управители у Бога. Горе вамъ, если будете плутовать и красть!

Почему совѣтуетъ Христосъ раздать богатство? Потому что знаетъ, какъ трудно человѣку быть управителемъ, и лучше заранѣ отказаться отъ него, чѣмъ быть приведену потомъ въ искушеніе.

Въ Ярославлѣ хороши и характерны церкви.

Известковыя горы показываются отъ *Сызрани,* идутъ въ Саратовскую губернію. При солнечныхъ лучахъ прекрасны.

Отъ Саратова до Астрахани — степь; деревцо—какъ сирота. Встрѣчаютъ и провожаютъ орлы, плавая по воздуху десятками; отдѣльно отъ нихъ летаютъ ястребы. Степь и степь. Иногда выказывается Волга. Казацкія станицы.

4.

(Изъ записной книжки, подаренной Гоголю Жуковскимъ во Франкфуртѣ на Майнѣ 8/20 октября 1846 года).

Чіи имена вспомнить у Гр[оба] Св[ятаго]: Матвѣя Александровича, Надежду Николаевну Ш[ереметеву], всю родную семью мою, Александру Осиповну С[мирнову], Степана Петровича Ш[евырева], Михаила Петров[ича] П[огодина], Александра Петровича Толстаго, Петра Александровича Плетнева, Василія Андреевича Жуковскаго, Вьельгорскихъ, Аксаковыхъ и всѣхъ близкихъ сердцу друзей и благодѣтелей. Батинковъ.

Въ Іерусалимѣ: молебенъ о благополучномъ прибытіи. Перечесть все, о чемъ хотѣлось просить. *Купить крестики* изъ перламутра, четки и проч.; и образки всѣхъ сортовъ, освятить ихъ на гробѣ Господнемъ. *Писать* письма: домой, Матвѣю Александровичу, Надеждѣ Николаевнѣ и Жуковскому, Толстому; вторыя: Шевыреву,—и въ немъ Малиновскому,—къ Плетневу.

Въ Назаретѣ дождь задержалъ насъ двое сутокъ.

Статистика обозовъ. Зимніе—съ какими именно припасами приходятъ первые обозы, вторые и третіе? И что вообще предметомъ обозовъ и куда, кромѣ столицъ, они стремятся? Также и объ обозахъ лѣтнихъ.

Вопросы Хомякову: о крестьянахъ: вольныхъ, господскихъ, казенныхъ и удѣльныхъ — ихъ внутреннемъ бытѣ, правленіи, правахъ и преимуществахъ, состояніи нравственности и духѣ, какъ результатѣ (всего) *) быта.

Зачѣмъ я оказался учителемъ? Я самъ не помню. Мнѣ показалось, что гибнетъ лучшее, что перо писателя обязано служить исти[нѣ] и безпощадное жало сатиры коснулось, вмѣстѣ съ искорененіемъ злоупотребленій, и того, что должно составлять святыню; что слишкомъ уже много увлеклись теченіемъ времени и не останавливаются оглянуться вокругъ себя.

........Мнѣ такъ стало совѣстно (за мою недѣятельность) **), мнѣ такъ стали тяжелы упреки, что я остаюсь такъ долго въ бездѣйственности. Я думалъ, что если обнаружу мое состояніе душевное и чѣмъ я занятъ.....

Изъ настольной книги.

Гляди и любуйся красотой души своей, лжесвидѣтель, клятвопреступникъ, первый нарушитель закона и святыни, думающій быть христіаниномъ и не умѣющій ***) пожертво-

---

*) Слово *всего* зачеркнуто Гоголемъ. **) Поставленное въ скобки зачеркнуто Гоголемъ. ***) Въ рукописи: «не имѣющій». *Ред.*

вать пылью земной небесному, дорожащій презрѣннымъ достояніемъ . . . . . *)

Милосердія! Господи! Ты Милосердъ. Прости все мнѣ, грѣшному!

Сотвори, да помню,

что я одинъ и живу въ Тебѣ, Господи: да не возложу ни на кого, кромѣ на одного Тебя, мою надежду; да удалюсь отъ міра въ святой уголъ уединенія!

Онъ вспоминалъ.

какъ гренадеръ Коренной, когда уже стихнули со всѣхъ сторонъ французы и офицеры были переранены, закричавши: «Ребята, не сдаваться!» отстрѣливался и потомъ отбивался штыкомъ, когда прижали ихъ тѣснѣе и когда всѣхъ ихъ перебили, одинъ остался и не сдавался; и въ отвѣтъ на предложеніе, схвативши ружье за дуло, отбивался прикладомъ . . . . **), такъ что не хотѣли погубить, ранили только легкой раной. Взявши въ плѣнъ. Наполеонъ приказалъ выпустить ***).

Чепышенко въ Турецкую войну 1828 года. будучи раненъ пулей близъ груди, вытащилъ окровавленную пулю и, зарядивъ ее въ ружье, выстрѣлилъ по непріятелю, сказавши: «лети туда, откуда пришла». Самъ перевязалъ рану наскоро и не оставлялъ сраженія до окончанія дѣла.

Рядовой 5-й егерской роты Гавриловъ, находясь конвойнымъ при начальникѣ стрѣлковой цѣпи 2 баталіона, стрѣлялъ рѣдко, говоря: «Берегу патроны вашего благородія: стрѣляю только по тѣхъ, кто на васъ прицѣлится». И. сказавши эти слова, выстрѣлилъ въ ту же минуту и положилъ француза на мѣстѣ, прибавя: «Онъ на васъ цѣлилъ».

---

*) Одно слово не разобрано. *Ред.*

**) Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. *Ред.*

***) Вѣроятно, этотъ набросокъ назначался для второго тома «Мертвыхъ Душъ» и составлялъ часть воспоминаній генерала Бетрищева о 12-мъ годѣ. *Ред.*

Фразеологія.

Бѣлы руки со подносомъ,
Языкъ съ приговоромъ.

«Ты прощай, моя укатъ-гора высокая!» говоритъ невѣста, прощаясь съ катальными горами.

Гулянка, которой ждали цѣлый годъ поселяне, была въ полномъ своемъ разгарѣ *).

Зима. И однимъ цвѣтомъ бѣлымъ рисуетъ зима. Бѣдный цвѣтъ, но какъ много . . . . . . изобрѣтательность . . . . **) Эти роскошныя завѣсы, снѣговыя глыбы, покрывающія отъ корней до верха большія и малыя дерева; это множество жемчугу и брильянтовъ, сверкающихъ при свѣтѣ солнца и луны; этотъ недвижный, величественный видъ растеній, какъ будто выточенныхъ изъ слоновой кости; это многозначительное безмолвіе и тишина; этотъ полумракъ днемъ и полусвѣтъ ночью.

И вдругъ яръ среди ровной дороги—обрывъ во глубину и внизъ; и въ глубинѣ лѣса, и за лѣсами—лѣса, за близкими, зелеными—отдаленные, синіе, за ними легкая полоса песковъ серебряно-соломеннаго цвѣта, и потомъ еще отдаленные лѣса, легкіе какъ дымъ, самого воздуха легчайшіе. Надъ стремниной и кручей махала крыльями скрипучая вѣтряная мельница.

Круто выпуклилась степовая равнина, чтобы лучше показаться, и полосато пестрѣла гладкая покатость. По зелено-пепельному грунту рѣзко пробивалась темно-красная орань, только-что взрытая плугомъ. За ней лентой яркаго золота—

---

*) Эта фраза, повидимому, должна была замѣнить въ новой редакціи второй части «Мертвыхъ Душъ» слѣдующую строку: «Въ деревнѣ пошли хороводы. Гулянью былъ просторъ». Сочиненія Гоголя, изд. 11-е, IV т., стр. 496. *Ред.*

**) Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. *Ред.*

нива сурѣпицы, и вновь блѣдно-зеленый грунтъ и какъ снѣгъ бѣлые кусты.

Ива, плетень и куры. Сорока сѣла на брюхо свиньѣ, но....... скотина не шевелилась, лежа въ лужѣ, лѣнивымъ хрюканьемъ изъявляя неудовольствіе отъ посторонняго прикосновенія.

Рубецъ во всю дорогу зеленый съ растущими по немъ бодяками и ничего за нимъ, кромѣ безграничной равнины зелено-сѣдоватой: чуть-чуть, какъ точки, какія-то копешки, и вотъ деревцо, и вотъ оживилась равнина: брызнуло по ней золото цвѣтовъ; засинѣла на мигъ, и станетъ поле вишневаго цвѣта отъ множества столпившихся васильковъ, и потомъ зарябитъ всѣми цвѣтами вдругъ, и опять станетъ одноцвѣтно-зеленое.

Вишневые низенькіе садики, и подсолнечники надъ плетнями и рвами, и соломенный навѣсъ чисто вымазанной хаты, и миловидное, краснымъ обводомъ окруженное окошко. Ты древній корень Руси, гдѣ сердечнѣй чувство и нѣжнѣй славянская природа....

Темныя кудри, черныя брови—и безъ бороды хорошъ славянинъ: закрученные усы, высокая шапка съ червоннымъ верхомъ; весь станъ обтянувшійся ловко, или обойденный въ три раза, и при шароварахъ, богато расположившихся надъ чоботами, при...... съ нахлобучкой.

Бѣлый и желтый рогатый скотъ разсыпался по полю, и, завидя издали на дорогѣ экипажъ, летѣли двѣ собаки, поднявши хвосты, полаять на экипажъ — за тѣмъ, [чтобы] остаться потомъ довольными, какъ всякій, сдѣлавшій доброе дѣло.

Степная чайка съ хохломъ, въ видѣ скобки, поднимается съ дороги.

И вдругъ лѣсная стѣна стала передъ глазами. Свѣтъ и тѣни лежа и на деревьяхъ, то выступавшихъ округленья-

ми......., то уходившихъ....... *) Дорога врѣзалась въ лѣсъ; пролетѣвъ сквозь клены и дубы, вышла на лугъ, гдѣ подымались тростники, и вновь врѣзалась въ лѣсъ еще высшій. По лѣвую — дубы, по правую — березы, какъ безпредѣльно-высокій частоколъ. Густой лѣсъ возлетаетъ выше и выше.

Атрибуты комнаты: Маленькое въ четверть аршина зеркало въ рамкахъ изъ зеркалышекъ, выложенныхъ мозаикой. Наугольники въ углахъ комнаты и грязный утиральникъ на гвоздикѣ съ узорами, по краямъ вышитый красными нитками.

Бѣжитъ обтянутая синей запаскою у пояса и трясутся подъ полотномъ трепещущія груди, а лишенныя обуви ноги, обнаженныя до колѣнъ, кровью и здоровьемъ играютъ.

—

Все поле червонѣло золотомъ отъ ярко-желтѣвшей сурѣпицы, а конецъ его у дороги червонѣлъ (и краснѣлъ) отъ васильковъ и буляковъ съ пушистыми розовыми цвѣтами.

Черты городовъ.

Старые домишки, полусогнившія крыши, поросшія мхомъ, травой и даже кустарникомъ.

Мелочные лавчонки, гдѣ продавался чай, деготь, сахаръ и хомуты.

Становилось душнѣе по мѣрѣ приближенія къ городу. Воздухъ началъ сгущаться отъ пыльныхъ облаковъ, воздымаемыхъ скрипучими колесами телѣгъ, тяжело нагруженныхъ мѣшками.

Городъ на оврагахъ предсталъ предъ глаза; овраги блистали, какъ бы изъ-поднизу освѣщали[сь] гдѣ-[то] скрывшимся солнцемъ изъ-[за] деревъ. Дерева же темнаго цвѣта— громовой тучи.

---

*) Точками обозначены здѣсь пустыя мѣста, оставленныя Гоголемъ для позднѣйшаго восполненія наброска. *Ред.*

Открывшійся городъ какъ бы изъ двухъ состоялъ половинъ: одна выдвигалась длинной цѣпью домовъ и колокольней впередъ, другая позади освѣщалась блестящимъ солнцемъ.

Не твоему носу рябину клевать: это ягода нѣжная.—Не твоей харѣ клюкву ѣсть: морщиться не умѣешь.

Во Владимірской растутъ дрова, да клюква, да можжевельникъ. Владимірецъ съѣздитъ разъ пять-шесть въ зиму съ матеріаломъ, но продаетъ клюкву, ленъ, можжевельникъ; въ обмѣнъ получаетъ орѣхи, соль. Торговля мелочная огромная. Она вся въ рукахъ продавцовъ - крестьянъ; идетъ на милліоны.

Боже, дай полюбить еще больше людей! Дай собрать въ памяти своей все лучшее въ нихъ, припомнить ближе всѣхъ ближнихъ и, вдохновившись силой любви, быть въ силахъ изобразить! О, пусть же сама любовь будетъ мнѣ вдохновеньемъ!

Пословицы малороссійскія.

Брехнею свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься.

До булавы треба головы.

Було да загуло.

А вы думаете легко воровъ выгнать? Царь, который только и думаетъ о томъ, какъ ихъ выгнать, да и тотъ не можетъ, — царь, у котораго и войско, и всякая сила есть! Какъ же вы хотите, безъ всякой силы и власти, это сдѣлать? Что съ-пьяна передушите всѣхъ, думаете поправить? Думаете, лучше будетъ погибнуть? Тѣ, которыхъ шеи потолще, останутся. Что̀ тѣ, святые что-ль? Еще больше станутъ допекать другъ друга.

На горномъ наклонѣ повиснула живая картина: купа деревъ вмѣстѣ съ избами, прятавшимися подъ ихъ тѣнью, прудъ, плетень и гать, по которой стучалъ ѣхавшій возъ.

Запасаться нужно въ хорошее время на дурное и неурожайное: умѣрять духъ нужно въ веселыя минуты мыслями о главномъ въ жизни—о смерти, о будущей жизни. затѣмъ, чтобы легче и свѣтлѣе было въ минуты тяжелыя.

«А чѣмъ же, скажи, хороша религія?»

«А тѣмъ именно, что подчиняетъ всѣхъ одному закону, что всѣхъ соединяетъ хотя въ одномъ. Безъ нея общество не можетъ существовать, потому что всякій человѣкъ имѣетъ свои идеи, и что̀ ни человѣкъ, то и думаетъ инако и хочетъ строить по своему плану все общество».

«Почему христіанская религія именно лучше всѣхъ другихъ собственно для общества?»

«Она даетъ свои внутренніе законы всякому человѣку, съ которыми онъ можетъ ужиться во всякомъ обществѣ».

«Какъ такъ? Какіе же законы?»

«Любить всѣхъ, какъ братьевъ, прощать обиды.»

Съ Далемъ—о сословіяхъ нынѣшнихъ обществъ и пролетаріяхъ въ нашихъ городахъ.

Съ Бенардаки—какъ велики средства Россіи и возможность продовольствовать нынѣшнихъ поядателей всѣхъ сортовъ.

Съ Ко.......мъ—о томъ, что вопросы еще раздаются глухо и нѣтъ возможности посредствомъ литературы; о томъ, что̀ слѣдуетъ многосторонне изучать не въ мемуарахъ, но во всеобщихъ сжатыхъ исторіяхъ. Не отдаляться отъ буквально-яснаго значенія.

---

1) Прежде всего обязанности мужа и жены вообще. Обязанности ихъ житейскія: мужъ—хозяинъ своего отдѣленія, жена—хозяйка своего отдѣленія. Тотъ и другая идутъ своею дорогою, соединяются въ семьѣ. Здѣсь еще одна только половина брака.

2) Мужъ, избравши себѣ поприще и путь, избираетъ жену, какъ помощницу, которая, кромѣ того, что, оградивши

его отъ всѣхъ развлекающихъ занятій, доставивъ ему свободное время возложеньемъ на себя всѣхъ заботъ домоводства и мелочей жизни, служитъ ему возбуждающею, стремящею силою, небеснымъ звонкомъ, зовущимъ его ежеминутно къ его дѣлу. Она—часть его мысли, живетъ въ его дѣлѣ.

3) Союзъ освящается Христомъ, стало-быть свыше всѣхъ цѣлей есть итти къ Тому, Кто освятилъ этотъ союзъ. Человѣкъ слабъ и немощенъ, и одному ему безъ помощи........*): и ободриться онъ можетъ, ободряя другого, и спастись спасая другого. И потому въ основаніи христіанскаго союза должно лежать спасенье души. Въ него вступать какъ въ монастырь, почему не даромъ уподобляетъ апостолъ союзъ супруговъ союзу Христа съ Церковью.

Годъ приготовленья къ супружеству, чтобы осмотрѣть все и вступать какъ въ знакомый домъ, гдѣ извѣстно всякое мѣсто, чтобы быть въ состояніи съ того же дня пойти какъ по знакомой дорогѣ, олицетворивъ въ себѣ порядокъ и стройность. Все распредѣлено впередъ, часъ минута въ минуту, и, осѣнясь крестомъ, приниматься за дѣло, какъ въ строгомъ монастырѣ, какъ въ строгой школѣ. Кто повелѣваетъ......**). Но все утверждено еще прежде: оба они невольники установленнаго ими закона.

Филаретъ о русскомъ народѣ: «Въ немъ свѣта мало, но теплоты много».

Разсмотрѣніе хода просвѣщенія въ Россіи.

Петръ открылъ ходъ русскимъ въ Европу просвѣщенную, развитую, получившую гражданственность. Онъ сдѣлалъ пользу. «Бери и забирай все лучшее, что̀ тамъ ни есть готовое; пополняй, чего недостаетъ». Но русскій народъ невоздерженъ: онъ перешелъ границы всего и впалъ въ крайность. Жадно онъ схватился за все, что̀ нужно и

*) Не дописано.

**) Не дописано. *Ред.*

не нужно. Втянувшись въ развѣтвленія роскоши и безчисленную мелочь, позабылъ совершенно то, что̀ есть въ своей землѣ: восхитившись оригинальностью и стройностью европейскаго быта, задумалъ перенесть его къ себѣ. Точно, какъ будто возможно! Позабылъ, что Европа развилась отъ того такъ, что развилась изъ своихъ началъ. Россія должна была развиться изъ своихъ началъ. На Европу нужно было глядѣть, не породнивши (?) ее на обезьянничество. Если домъ уже состроенъ по одному плану, нельзя ломать его; можно украсить, убрать отлично, отдѣлать всякій уголокъ, но ломать капитальныя стѣны строенья — это нелѣпость, почти то же, что поправлять дѣло рукъ Божіихъ. Отъ этого произошло, что собственно русское въ Россіи мало подвинулось, несмотря на 100 лѣтъ безпрерывныхъ поправокъ, передѣлокъ, хлопотъ и возни.

Въ наукахъ, искусствахъ, въ образѣ жизни, а пуще всего въ головѣ русскаго человѣка произошло хаотическое смѣшеніе. Всѣ пробы заведеній, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становились неудачны. Отъ того русскій, чѣмъ болѣе входилъ въ европейскую жизнь, тѣмъ болѣе позабывалъ свою землю и тѣмъ менѣе могъ знать, что̀ ей болѣе прилично. Отъ этого всѣ прививки были неудачны и не принимались.

Хозяйство не ушло впередъ. Множество переводныхъ книгъ о землѣдѣліи и о всѣхъ отрасляхъ домоводства спутали хозяевъ. Каждый переломалъ, перековеркалъ все у себя и ничего не установилъ новаго. Тѣ, которые поумнѣе, перепробовавши все, возвратились къ прежнему простому порядку, близкому къ природѣ той земли, въ которой онъ родился.

Земли стали еще безплоднѣе......, потому что никогда въ Россіи не было вырублено столько лѣса, какъ въ это время ломокъ, перестроекъ, вѣчныхъ переправокъ и передѣлокъ. Отъ того засухи стали сильнѣе; высохнувшія рѣчки перестали разливаться и....... орошать поля.

Стремленье къ обезьянству стало такъ велико, что мы готовы завести желѣзныя дороги прежде, чѣмъ подумали, откуда взять топливо.

Науки не сдѣлали своего дѣла уже потому, что множествомъ своимъ отвлекли отъ жизни; набили головы множествомъ терминовъ; увлекли ихъ въ философство....; стали рѣшать на бумагѣ то, что̀ совершенно иначе разрѣшалось въ жизни; пріучили къ строенію воздушныхъ за̀мковъ и сдѣлали людей неспособными къ практическому дѣлу и нынѣшнимъ громоздомъ своимъ умертвили умъ и способности.

Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины.

(1852 г.).

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ?

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями. Изданіе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» задумано было Гоголемъ въ началѣ 1845 года, но къ осуществленію этой мысли онъ приступилъ не ранѣе апрѣля слѣдующаго года. Передъ отсылкою къ Плетневу для напечатанія всѣ статьи, назначенныя для помѣщенія въ этой книгѣ, передѣлывались и исправлялись, т. е. *получали окончательную редакцію.* Прежде всѣхъ другихъ переработана была статья седьмая—«*Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ*», отправленная 4 іюля 1846 года Плетневу для напечатанія въ его журналѣ. 30 іюля того же года Плетневу высланы изъ Швальбаха «Предисловіе» къ «Выбраннымъ мѣстамъ» и первыя шесть статей (№ 1—6); *13—25 августа* изъ Остенде отправлены семь статей (№ 8—14); *12 сентября нов. стиля* оттуда же послано вновь семь статей (№ 15—21); *26 сентября* изъ Остенде отправлена четвертая тетрадь, заключавшая въ себѣ девять статей (№ 22—30); *3 октября* новаго стиля изъ Франкфурта сообщены Плетневу двѣ поправки къ 28 статьѣ: «Занимающему важное мѣсто». Наконецъ, 16 октября поэтъ выслалъ изъ Франкфурта послѣднія двѣ статьи и поправку къ статьѣ десятой—«О лиризмѣ нашихъ поэтовъ». «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» вышли въ свѣтъ въ декабрѣ 1846 года. Дата цензурнаго разрѣшенія книги: «августа 18-го дня, 1846» относится, несомнѣнно, *только къ первой тетради* оригинала; въ началѣ *октября* при печатаніи книги встрѣтились затрудненія: цензура не пропускала нѣкоторыхъ мѣстъ и цѣлыхъ писемъ. Изъ книги поэтому исключено было пять писемъ: №№ 19, 20, 21, 26 и 28. Эти статьи и непропущенныя тогдашнею цензурою мѣста появились въ «Полномъ собраніи сочиненій Гоголя», вышедшемъ въ 1867 г. подъ редакціею Чижова. Мѣста, исключенныя цензурою при первомъ изданіи «Выбранныхъ мѣстъ», поставлены, при перепечаткѣ въ этомъ томѣ, въ прямыя скобки. Кромѣ того самъ

Гоголь, письмомъ отъ 16 октября 1846 года, просилъ Плетнева «выбросить все то мѣсто, гдѣ говорится о значеніи власти монарха, въ какомъ она должна явиться въ мірѣ и намѣсто ея вставить то, что написано на послѣдней страницѣ тетради». Новый текстъ измѣненнаго мѣста начинается словами: «Значеніе государя въ Европѣ» и оканчивается фразою: «оттого и звуки ихъ становятся библейскими» (стр. 50—51). Представляемъ измѣненный отрывокъ, напечатанный по рукописи Чижовымъ, въ его изданіи «Сочиненій Гоголя» (III, 374—376).

«Полномощная власть монарха не только не упадетъ, но возрастетъ выше, по мѣрѣ того, какъ возрастетъ выше образованіе всего человѣчества. Чѣмъ болѣе всякое званіе и должность станутъ входить въ свои законные предѣлы, и отношенія между собою всѣхъ станутъ опредѣляться точнѣе, тѣмъ болѣе окажется потребность верховодящей силы, которая, собравши въ себѣ всю силу отдѣльныхъ единицъ, показала бы въ себѣ доблести высшія, приближающія человѣка прямо къ Богу,—тѣ верховныя собирательныя качества и свойства, которыхъ не могутъ имѣть отдѣльныя единицы. Полюбить весь милліонъ, какъ одного человѣка, труднѣй, чѣмъ полюбить немногихъ изъ этого милліона; возскорбѣть болѣзнями всѣхъ людей въ такой силѣ, какъ болѣзнію наиближайшаго друга, и мыслить о спасеніи всѣхъ до единаго, какъ бы о спасеніи своей собственной семьи, можетъ вполнѣ только тотъ, которому это постановлено въ непремѣнный законъ, и который слышитъ, что за неисполненіе его онъ подвергнется такому же страшному отвѣту предъ Богомъ, какъ и всякая отдѣльная единица за неисполненіе своего долга на своемъ отдѣльномъ поприщѣ. Не будь этой верховодящей силы,—обнищаетъ духъ человѣчества. Полномощная власть государя потому теперь оспаривается въ Европѣ, что ни государямъ, ни подданнымъ не объяснилось ея полное значеніе. Власть государя—явленіе безсмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божіимъ на землѣ. При всемъ желаніи блага онъ спутается въ своихъ дѣйствіяхъ, особливо при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Европѣ; но, какъ только почувствуетъ онъ, что долженъ показать въ себѣ людямъ образъ Бога, все станетъ ему ясно, и его отношенья къ подданнымъ вдругъ объяснятся. Въ образцы себѣ онъ уже не изберетъ ни Наполеона, ни Фридриха, ни Петра, ни Екатерину, ни Людовиковъ, и ни одного изъ тѣхъ государей, которымъ придаетъ міръ названье великаго и которымъ опредѣлено было вслѣдствіе обстоятельствъ и времени, сверхъ должности государя, сыграть роль полководца, преобразователя, нововводителя, словомъ, показать съ блескомъ одну какую-нибудь въ себѣ сторону, вводящую въ такія заблужденія подражателей и такъ соблазняющую многихъ государей. Но возьметъ въ образецъ своихъ дѣйствій Самого Бога, которыя такъ слышны въ исторіи всего человѣчества и которыя

еще виднѣй въ исторіи того народа, который отдѣлилъ Богъ затѣмъ именно, чтобы царствовать въ немъ Самому и показать царямъ, какъ царствовать. И какъ Онъ небесно царствовалъ! Какъ умѣлъ возлюбить Свой народъ пуще всѣхъ другихъ народовъ! Съ какою любовью отца училъ его и съ какимъ долготерпѣніемъ небеснымъ ждалъ его исправленія! Какъ неохотно подымалъ карающій бичъ Свой! Какъ даже и тогда, когда вопли нечестія и грѣховъ достигали самыхъ небесъ, не спѣшилъ наказаніемъ, но умѣлъ сказать: «Дай сойду Самъ на землю и разсмотрю, точно ли такъ велика неправда!» И Кто же это говоритъ? Всезнающій и Всепровидящій, напоминающій объ осмотрительности земнымъ царямъ! Какъ и самыя казни насылалъ Онъ не затѣмъ, чтобъ уничтожить человѣка, котораго не трудно уничтожить, но затѣмъ, чтобы спасти его, потому что трудно спасти человѣка, чтобы средствомъ потрясающимъ разбудить его безчувственную природу, и, показавши ему весь ужасъ того, къ чему онъ въ невѣдѣніи стремится, напомнить, что есть еще время спастись ему! Какъ, зная неподкупность ничѣмъ неодолимой правды Своей, употреблялъ Онъ все для того, чтобы не подпалъ подъ нее безсильный и немощный человѣкъ: засылалъ отъ Себя пророковъ, которые, исполнившись любви къ своимъ братьямъ и нашедши языкъ имъ доступный, образумили бы ихъ: и наконецъ, видя, что все уже тщетно и ничто не въ силахъ образумить ихъ, и нѣтъ средствъ укрыть людей отъ Его неотразимой правды, Самъ рѣшается Самаго Себя принести въ жертву за всѣхъ, чтобы цѣной такой жертвы побѣдить и самую правду Свою, показавъ людямъ, что такая любовь есть уже выше всего, что̀ ни есть, и сама по себѣ есть уже верховнѣйшее правосудіе небесное! Все сказалъ Богъ, какъ нужно дѣйствовать въ отношеніи къ людямъ тому, кто захочетъ показать имъ Его образъ въ себѣ. А чтобы показать въ то же время царю, какъ онъ долженъ дѣйствовать относительно Его Самого, Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ, Онъ оставилъ имъ образцы въ помазанныхъ имъ же царяхъ Давидѣ и Соломонѣ, которые пребывали всѣмъ существомъ своимъ въ Богѣ, какъ бы въ собственномъ дому своемъ, и которые въ царской власти своей показали мудрое соприкосновеніе двухъ властей—и духовной, и свѣтской, въ такомъ видѣ, что не только ни одна изъ нихъ не мѣшаетъ другой, но еще взаимно одна другую утверждаетъ и возвышаетъ. Такъ въ книгѣ Божіей содержится полное и совершенное опредѣленіе монарха, этого отдѣленнаго отъ насъ существа, которому достался такой трудный жребій на землѣ: исполнивъ прежде все, что̀ долженъ исполнить всякій человѣкъ, уподобясь Христу въ малѣйшихъ дѣйствіяхъ своей частной жизни, уподобиться сверхъ того еще Богу Отцу въ верховныхъ дѣйствіяхъ, относительно всѣхъ людей. Въ этой книгѣ полное опредѣленіе монарха, а не гдѣ-либо въ иномъ

мѣстѣ. Оно еще не приходило въ умъ европейскимъ правовѣдцамъ, но у насъ его слышали поэты, отъ того и звуки ихъ становились библейскими».

Первоначальные тексты статей и частныхъ писемъ Гоголя къ друзьямъ, которые только послѣ значительной «перечистки и передѣлки» посылались Плетневу для напечатанія, относятся къ разнымъ годамъ (съ 1843 по 1846 г.). Чѣмъ ближе къ первой половинѣ 1843 года, тѣмъ менѣе писемъ и статей, которыя Гоголь призналъ достойными внести въ «Выбранныя мѣста». Къ 1843 году относятся первоначальные тексты слѣдующихъ статей:

1) «Чтенія русскихъ поэтовъ передъ публикою» (№ 5) и 2) Первыя три письма (изъ четырехъ) по поводу «Мертвыхъ Душъ» (№ 18[1], № 18[2], № 18[3]).

Въ 1844 году написаны слѣдующія статьи и письма:

1) «Споры» (№ 11); 2) «Нужно любить Россію», послѣ іюня этого года (№ 19); 3) «О томъ, что такое слово» (№ 4) написана въ 1844 г. (октябрь?); 4) «О помощи бѣднымъ» (№ 6) въ концѣ года; 5) Два письма подъ заглавіемъ: «Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время» (№ 15): первое—2 декабря, второе—26 декабря; 6) «Близорукому пріятелю» (№ 27).

Къ 1845 году относятся первоначальные тексты слѣдующихъ статей: 1) «Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ» (№ 7)—письмо Языкову, написанное въ началѣ года; 2) «Занимающему важное мѣсто» (№ 28)—задумано въ концѣ 1844 года, написано въ февралѣ-мартѣ 1845 г.; 3) «О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности» (№ 14)—въ мартѣ-апрѣлѣ; 4) «Нужно проѣздиться по Россіи» (№ 20)—въ то же время (или въ концѣ 1845 г.?); 5) «Завѣщаніе» (№ 1)—іюль (?); 6) «Сельскій судъ и расправа» (№ 25) и 7) «Чей удѣлъ на землѣ выше» (№ 29).

Болѣе половины писемъ, внесенныхъ въ «Выбранныя мѣста», относятся къ 1846 году. Въ одномъ изъ писемъ этого года Гоголь увѣдомляетъ Шевырева: «Посреди моего болѣзненнаго и труднаго времени, къ которому присоединились еще и страданія душевныя, я долженъ былъ вести *такую дѣятельную переписку, какой никогда у меня не было дотолѣ.* Какъ нарочно почти со всѣми близкими моей душѣ случились въ это время внутреннія событія и потрясенія. Все какимъ-то инстинктомъ обращалось ко мнѣ, *требуя помощи и совѣта»* (см. выше, стр. 81). «Въ послѣднее время (продолжаетъ Гоголь) мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать прежде». Наиболѣе болѣзненны и тяжелы были для Гоголя первые два мѣсяца 1846 года. Составляя «Выбранныя мѣста» «среди лѣченій, среди разъѣздовъ, среди хлопотъ, дѣлъ, которыхъ

затруднительности и не предполагали его друзья». Гоголь въ то же время долженъ былъ отвѣчать «на множество самыхъ разнородныхъ писемъ, требовавшихъ не пустыхъ, но обдуманныхъ отвѣтовъ». Нѣтъ сомнѣнія, что отвѣты на нѣкоторыя изъ этихъ писемъ даны были поэтомъ печатно—въ «Выбранныхъ мѣстахъ», и было бы напрасно разыскивать ихъ первоначальные тексты, непосредственно обращенные къ вопрошавшимъ. «На ваше длинное письмо» (сообщаетъ Гоголь въ 1846 г. графинѣ ....ой).... «я отвѣчаю не только не по секрету, но, какъ вы видите, *въ печатной книгѣ*, которую, можетъ-быть, прочтетъ половина грамотной Россіи» (см. выше, стр. 154—155). Письма къ Шевыреву, отнесенныя къ 1846 году въ «Выбранныхъ мѣстахъ», не нашлись въ бумагахъ адресата: вѣроятно, онъ прочелъ ихъ также въ печатномъ текстѣ этой книги... Поэтому установить, даже приблизительно, хронологическую послѣдовательность бо̀льшей части писемъ 1846 года, вошедшихъ въ эту книгу, пока не возможно; точно такъ же нѣтъ данныхъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: «существовали-ли *письменные* отвѣты Гоголя на обращенные къ нему запросы?» *)

Къ 1846 году относятся слѣдующія статьи и письма: 1) «О лиризмѣ нашихъ поэтовъ» (№ 10)—составлена въ 1845 году, вновь написана въ 1846 г.; 2) «Чѣмъ можетъ быть жена для мужа въ простомъ домашнемъ быту, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Россіи» (№ 24)—статья написана, повидимому, прямо для печати, въ сентябрѣ; 3) «Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ» и 4) «О томъ же» (№ 8 и № 9)—въ началѣ 1846 г.; 5) «Значеніе болѣзней» (№ 3)—въ февралѣ; 6) «Историческій живописецъ Ивановъ» (№ 23) — это письмо послано Віельгорскому въ февралѣ или мартѣ, передѣлано для печати въ августѣ или въ сентябрѣ; 7) «Карамзинъ» (№ 13)—первоначальный текстъ этого письма къ Языкову написанъ 5-го мая; 8) «Просвѣщеніе» (№ 17)—въ іюнѣ-іюлѣ; 9) «Что̀ такое губернаторша» (№ 21)—первый набросокъ этого письма относится ко второй половинѣ іюля 1845 г.; въ отдѣланномъ видѣ письмо послано А. О. Смирновой 4-го іюля 1846 года; исправлено для печати въ сентябрѣ 1846 г. и въ 1847 г.; 10) «Страхи и ужасы Россіи» (№ 26)—въ началѣ августа; 11) «Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность» (№ 31)—статью эту Гоголь «писалъ въ три свои эпохи» (начиная съ 1836 или съ 1843 года?); кончилъ для печати въ сентябрѣ 1846 г.; 12) «Женщина въ свѣтѣ» (№ 2); 13) «Христіанинъ идетъ впередъ» (№ 12); 14) «Совѣты» (№ 16); 15) Четвертое письмо по поводу «Мертвыхъ душъ» (№ 18); 16) «Русскій помѣщикъ» (№ 22) — первоначальные тексты этихъ пяти писемъ неиз-

*) Въ коллекціи бумагъ Шевырева не нашлось ни одного письма Гоголя 1846 года, которое относилось бы къ „Выбраннымъ мѣстамъ" („Русская Старина", 1875 г., кн. 10-я и 12-я).

вѣстны; ихъ, вѣроятно, и не было. Первое изъ этихъ писемъ отправлено для напечатанія 30-го іюля; второе 13 (25) августа; третье и четвертое—12 сентября н. ст.; пятое—26 сентября. «Предисловіе» къ «Выбраннымъ мѣстамъ» написано въ августѣ 1846 года. Статья «Свѣтлое воскресеніе» даты не имѣетъ.

Письмо къ Аркадію Осиповичу Россети—послано изъ Неаполя 15-го апрѣля 1847 г.

О «Современникѣ» — письмо къ П. А. Плетневу отъ 4-го декабря 1846 года.

Авторская исповѣдь — начата въ маѣ 1847 года и кончена въ томъ же году.

Письмо къ В. А. Жуковскому — послано изъ Неаполя 1848 г. генваря 10 (1847 г. декабря 29).

Размышленія о божественной литургіи — задуманы въ Парижѣ въ январѣ-февралѣ 1845 г.; окончены въ первоначальной редакціи до отъѣзда въ Іерусалимъ (т. е. ранѣе января 1848 г.); исправлялась и перерабатывалась до самаго 1852 года.

Выдержки изъ карманныхъ записныхъ книжекъ. Дата первой записной книжки опредѣлена на основаніи содержанія оной.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

